

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

В. А. Мау

Реформы и догмы

Государство и экономика
в эпоху реформ и революций
(1861–1929)

Издание третье, переработанное

Издательский дом «Дело»
Москва · 2013

УДК 338
ББК 65.9(2)30-1
М12

- М12 **May, В. А.** Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929). Издание третье, переработанное / В. А. Мау. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 512 с.

ISBN 978-5-7749-0773-1

В работе рассматривается история экономики и экономической политики России и СССР в конце XIX — первой четверти XX века. Показывается целостность этого периода, в том числе преемственность экономических решений последовательно сменявших друг друга правительств (царского, Временного, большевистского). Анализируется поиск разными правительствами мер по выводу страны из социально-экономического кризиса или ускорению экономического роста. Для изучающих экономическую историю, а также широкого круга читателей.

УДК 338
ББК 65.9(2)30-1

ISBN 978-5-7749-0773-1

© May В. А., 2013

Оглавление

ОБ АВТОРЕ	9
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.	15
ВВЕДЕНИЕ. РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ПРЕРЫВНОСТЬ И ПОСТЕПЕННОСТЬ	21
1. Вызовы российской модернизации	21
2. Модернизация как индустриализация: единство трансформационного процесса	28
3. Отсталость и модернизация	32
4. Модернизация и догоняющее развитие.	37
Часть I. РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ.	43
Глава 1. Реформы второй половины XIX века: логика и этапы комплексной модернизации	45
1.1. Формирование модернизационной парадигмы	45
1.2. Великие реформы Александра II	50
1.3. Политический консерватизм и экономические реформы: формирование этатистской модели индустриализации	58
1.4. Идеология государственного регулирования и ее критики	70
Глава 2. Частные монополии и государство	81
2.1. Апология частномонополистического регулирования	81
2.2. Критика частномонополистического регулирования: справа и слева	92
2.3. Государственное регулирование и монополизм	98
Глава 3. Первая мировая война и вопросы государственного регулирования экономики.	107
3.1. Формирование институтов и механизмов централизованного регулирования.	107
3.2. Органы централизованного государственного регулирования	117
3.3. Внедрение плановых начал: теоретические постановки и практические рекомендации	133
3.4. Нарастание кризиса	147

Часть II. РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ 151

Глава 4. Экономическая политика великих революций: вызовы и закономерности 154

4.1. Революция и государственная власть 154

4.2. Революционный экономический кризис 160

Глава 5. Начало великой революции в России. Борьба Временного правительства за урегулирование хозяйственной жизни. 181

5.1. Экономическая политика 1917 года:
доминирующие идеи и концепции 181

5.2. Введение государственных монополий
и государственного регулирования цен 195

5.3. Прообраз органов народнохозяйственного
регулирования 204

5.4. Позиции левых социалистов и большевиков 212

5.5. Критика тенденций к усилению административно-
принудительных начал в экономике 222

Глава 6. Теория, идеология и практика военного коммунизма 228

6.1. Первый опыт организации народного хозяйства
большевиками: идеи, дискуссии, практика 228

6.2. Оценка военно-коммунистического опыта
организации народного хозяйства.
Дискуссии о едином хозяйственном плане 245

Часть III. ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО В УСЛОВИЯХ РЫНКА: ОПЫТ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ 267

Глава 7. План и рынок: заклятые друзья? Идеология планового хозяйствования. 269

7.1. Поворот к новой экономической политике 269

7.2. Идеологические проблемы: нэп и военный
коммунизм 273

7.3. Оценки экономической ситуации
и перспективы внесения в нее планового начала 290

7.4. Методологическая дискуссия:
из прошлого в будущее или из будущего
в настоящее? 303

Глава 8. Институциональный разрыв: Госплан и Наркомфин в 1922–1925 годах 320

8.1. Дискуссия ведомств как дискуссия
политическая 320

8.2. Торжество планового администрирования 333

Глава 9. Место и роль государственного плана. Первые контрольные цифры развития народного хозяйства СССР	337
9.1. Роль централизованного плана	338
9.2. Плановые расчеты и хозяйственные реалии	352
9.3. «Контрольные цифры» Госплана	361

Часть IV. Пятилетний план и формирование советской модели хозяйствования 371

Глава 10. Перспективный план: появление официальной модели	373
10.1. Почему пятилетка?	373
10.2. Выбор пути, или Концепция перспективного плана.	380
10.3. Пятилетние проектировки Госплана: концепция и методология	386
Глава 11. Плановая методология: альтернативные концепции	400
11.1. Критика госплановского проекта	400
11.2. Индустриальная линия	407
11.3. Аграрно-индустриальная линия.	415
Глава 12. Советское планирование: окончательный выбор модели.	424
12.1. Определение критерия развития	424
12.2. Первая пятилетка: плановое ускорение	428

Заключение 443

1. Торжество административного плана	443
2. Догоняющее развитие и постиндустриальные вызовы	446
3. Важность макроэкономической и политической стабильности.	449
4. Планирование в прошлом и настоящем.	451

Указатель имен с краткими биографиями . . . 458

Список литературы 480

Contents

ABOUT THE AUTHOR	9
FOREWORD	15
INTRODUCTION: RUSSIAN MODERNIZATION: DISCONTINUITY AND GRADUALNESS	21
1. The challenges posed by modernization in Russia	21
2. Modernization through industrialization – unity of the transformation process	28
3. Modernization and relative economic backwardness	32
4. Modernization and the need to «catch up»	37
PART I: STATE ECONOMIC REGULATION AT THE TIME OF POLITICAL STABILITY	43
Chapter 1: Reforms of the first half of the nineteenth century: the logic and stages of comprehensive modernization	45
1.1 Origins of the modernization paradigm.	45
1.2 The reforms of Alexander II	50
1.3 Political conservatism and economic reform. The “statist” model of industrialization.	58
1.4 The ideology of state regulation and its critics.	70
Chapter 2: Private monopolies and the state.	81
2.1 The regulation of private monopolies.	81
2.2 Right-wing and left-wing critiques of the regulation of private monopolies	92
2.3 State regulation and state monopolies	98
Chapter 3: State economic regulation during the First World War	107
3.1 Creating the instruments and mechanisms of centralized regulation	107
3.2. Government regulatory institutions	117
3.3. Introducing the planning principle: theoretical postulates and practical guidelines	133
3.4 The crisis acquires momentum	147

PART II: ECONOMIC REGULATION AT A TIME OF REVOLUTION 151

Chapter 4: Economic policy during revolutions of the past: challenges and common responses	154
4.1 Revolution and state power	154
4.2 Revolution as economic crisis	160
Chapter 5: First stages of the Russian revolution. Attempts of the Provisional Government at economic regulation. . .	181
5.1 Economic policy during 1917: dominant ideas and concepts.	181
5.2 The introduction of state monopolies and of price regulation	195
5.3 Institutional prototypes for the regulation of the national economy	204
5.4 Ideas of the Left Socialist Revolutionaries and of the Bolsheviks	212
5.5 Critique of the administrative-command principle of economic management	222
Chapter 6: The theory, ideology and practice of War Communism.	228
6.1 First steps in the organization of the national economy by the Bolsheviks. Ideas, controversies and implementation. . .	228
6.2 Evaluating the experience of «WarCommunism». The debate over the «Unified Economic Plan»	245

PART III: THE PLANNED ECONOMY UNDER MARKET CONDITIONS. LESSONS OF THE «NEW ECONOMIC POLICY». 267

Chapter 7: Market and Plan: Sworn Friends or Sworn Enemies?	269
7.1 Adoption of the New Economic Policy.	269
7.2 Ideological issues: NEP and War Communism	273
7.3 Analyses of the economic conjuncture: prospects for the introduction of planning.	290
7.4 A methodological debate: from past to future or from future to present?	303
Chapter 8: Institutions collide: Gosplan and Narkomfin 1922–1925.	320
8.1. The «political» debate between government departments	320
8.2. The triumph of «planning by administration».	333
Chapter 9: Structure and function of the state plan. The first control figures for the development of the national economy of the USSR	337
9.1 Function of the central plan	338

9.2 Planning projects and economic realities.	352
9.3 The «control figures» of Gosplan	361

PART IV: THE FIVE YEAR PLAN AND THE FORMATION OF THE SOVIET ECONOMIC MODEL	371
--	-----

Chapter 10: The «perspective plan».	
Adoption of the «official» variant	373
10.1 Why a «Five Year» Plan	373
10.2 Deciding on priorities: the rationale of the «perspective plan»	380
10.3 «Five Year» economic forecasting by Gosplan: rationale and methodology	386
Chapter 11: Planning methodology. Alternative models . .	400
11.1 Critique of the Gosplan strategy	400
11.2 The industrialization strategy	407
11.3 The agrarian-industrial strategy	415
Chapter 12: Soviet Planning: Model is Chosen.	424
12.1 Criteria of economic performance	424
12.2 The First Five Year Plan: Fight for accelerated growth	428

CONCLUSION.	443
---------------------	-----

1. Triumph of the administrative plan	443
2. Overcoming economic backwardness and the challenges of post-industrial society	446
3. The need for macro-economic and political stability. . .	449
4. Economic Planning: past and present	451

NAME INDEX AND CONCISE BIOGRAPHIES	458
--	-----

BIBLIOGRAPHY	479
------------------------	-----

Об авторе

Владимир Александрович Мау родился 29 декабря 1959 года в г. Москве.

В 1981 году окончил Московский институт народного хозяйства имени Г.В.Плеханова.

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации.

В.А. Мау вел научные исследования в Институте экономики АН СССР, Институте экономической политики Академии народного хозяйства, Институте экономических проблем переходного периода. С 1991 года участвовал в разработке и практической реализации курса экономических реформ в России, в том числе, работая в 1992–1993 годах советником Председателя Правительства Российской Федерации. В 1997–2002 годах — руководитель Рабочего центра экономических реформ при Правительстве Российской Федерации. С 2002 года — ректор Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, с 2009 года — ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

В.А. Мау — специалист в области экономической теории, истории экономической мысли и народного хозяйства. Сфера его научно-исследовательских работ — экономическая история и история экономической мысли в России и СССР, теория и практика экономических реформ. Особое внимание он уделяет анализу современных

проблем российской экономики и долгосрочным тенденциям ее развития, политической экономии реформ.

В. А. Мау одним из первых начал исследовать проблемы конституционной экономики. Результаты этих исследований обобщены в монографиях «В поисках планомерности» (М.: Наука, 1990), «Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России, 1985–1994 гг.» (М.: Дело, 1995), «Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики» (М.: Ad Marginem, 1999), «The Challenge of Revolution: Contemporary Russia in Historical Perspective» (Oxford: Oxford University Press, 2001), «Великие революции. От Кромвеля до Путина» (М.: Вагриус, 2001), «From Crisis to Growth» (L.: CRCE, 2005),.

В. А. Мау — автор 25 монографий, книг и учебных пособий, изданных в России и Великобритании, и более 600 брошюр и статей. Главный редактор журнала «Экономическая политика», член редколлегии журналов «Вопросы экономики», «Journal of Economic Transition» (США), «Вестник Европы», «Российское предпринимательство» и др.

*Посвящается
моей маме – Мау Анне Павловне*

Артикул 1-й. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключает в себе реформа? Реформа заключает в себе два действия: 1) отмену старого и 2) поставление на место одного чего-либо нового. Какое из сих действий вредно? И то и другое одинаково: 1-е) отменяя старое, мы даем простор опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отменяется, и составлять таковые умозаключения: отменяется нечто непригодное; такое-то учреждение отменяется, значит, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо сим возбуждается свободо-мыслие и делается как бы вызов обсуждать то, что обсуждению не подлежит... 2-е) поставляя новое, мы делаем как бы уступку так называемому духу времени, который есть не что иное, как измышление праздных умов». Из трактата «О вреде реформ вообще».

А. Н. Островский. На всякого мудреца довольно простоты (1868 г.)

Люди благомыслящие начали снова вопить о надзоре и контроле со стороны государства и даже о замене государственною деятельностью частной. В этом направлении мы продолжаем преуспевать и теперь, когда хотят, чтобы государство занялось в обширных размерах торговлей хлебом и снабжением им многомиллионного населения... Кажется, невозможно идти далее, если не допустить, что государству следует пахать, сеять и жать, а затем издавать все газеты и журналы, писать повести и романы и подвизаться на поприще искусств и науки.

Н. Х. Бунге (1880-е гг.)

Мы идем к невиданно-объективной демонстрации вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного или личного.

А. К. Гастев (1919 г.)

Предварительные замечания

В период глубоких социально-экономических сдвигов большой интерес представляет обращение к опыту прошлого. Точнее, к тем переломным моментам отечественной истории, которые, объясняя внутреннюю логику событий, произошедших ранее, помогают лучше понять корни, особенности и тенденции развития современной ситуации в России. Таким периодом для нас является, безусловно, первая треть XX века, ставшая временем напряженного интеллектуального и практического поиска, острой борьбы и радикальных преобразований в экономике, политике и идеологии.

Экономическая идеология и экономическая политика страны, оказавшейся перед лицом масштабных политических решений, на крутом историческом вираже — так можно определить предмет предлагаемого читателю исследования. Что доминирует при принятии решений государственной властью? Идеологические доктрины, объективные тенденции хозяйственного развития, социально-политическая борьба, политическое давление извне, или что-то иное? Разумеется, все названные факторы играют свою роль, однако интересно проследить соотношение их влияния на отдельных этапах развития страны.

Речь будет идти об экономической политике как комплексе теоретических положений, идеологических доминант и практических действий, нацеленных на обеспечение эффективного, ди-

намичного и поступательного развития народного хозяйства страны. Вопрос о факторах, оказывающих воздействие на формирование и реализацию экономической политики, всегда был одним из наиболее животрепещущих.

Мы намерены проанализировать вызовы и тенденции российской модернизации на том этапе развития страны, когда осуществлялся переход от аграрного общества к индустриальному. Это был фундаментальный процесс, охвативший примерно столетие между серединой XIX и XX веков. В его рамках вырабатывалась идеология и теория индустриальной экономической системы, отрабатывались разные методы экономической политики.

Для раскрытия этого предмета мы должны будем решить три группы задач.

Первая предполагает анализ логики модернизации, осуществлявшейся в форме индустриализации. А с учетом специфики России середины XIX века, речь должна идти о логике *догоняющей индустриализации*, или индустриализации в отсталой стране. Соответственно, необходимо осмысление самого понятия «экономическая отсталость» и связанного с ним «догоняющего развития».

Вторая состоит в анализе централистской (или административно-командной) хозяйственной системы в качестве стержневой проблемы рассматриваемого периода. В силу ряда экономико-политических и идеологических обстоятельств, о которых речь будет идти ниже, догоняющая индустриализация проходила на фоне существенного возрастания экономической росли государственной власти, и это было отличительной чертой всего рассматриваемого исторического периода, который охватывает данная книга. Мы должны будем рассмотреть ее идеологические предпосылки и этапы становления.

В упрощенной интерпретации административно-командная система однозначно связывается с системой советской, коммунистической, и возникает в результате захвата власти большевиками. Между тем ни в работах основоположников марксизма, ни в дооктябрьских работах лидеров большевиков никоим образом не идет речь о централизованно управляемой огосударствленной системе — и тем не менее именно эта система становится главенствующей в России к середине

XX столетия. Но сформировалась она не на пустом месте, а в результате сложного интеллектуального и практического поиска, который велся в стране на протяжении нескольких десятилетий. Поиска, целью которого была выработка модели ускоренной (или догоняющей) индустриализации.

Отсюда следует и *третья* задача нашего исследования — восстановление представления о российской истории как о непрерывном процессе, в ходе которого происходит постепенная выработка, реализация и трансформация отдельных хозяйственных и политических форм, институтов. Традиционно в истории России принято видеть переломную точку — 1917 год, противопоставляя при этом события, происходившие «до» и «после». В советской историографии было принято негативно оценивать дореволюционное развитие и превозносить послереволюционное. Затем маятник оценок качнулся в противоположную сторону. С точки зрения политической истории такое противопоставление отчасти может быть оправдано, хотя и здесь было бы методологически неправильно игнорировать преемственность политических форм. Но еще более важно понимание преемственности хозяйственных форм и инструментов экономической политики. Набор последних отнюдь не бесконечен, и схожие задачи правительства решают обычно схожими методами — хотя и с различным числом допустимых жертв. Игнорирование преемственности экономического развития и экономической политики закрывает возможности для адекватного понимания как прошлых проблем, так и, нередко, современных задач.

Принципиальной методологической посылкой нашего исследования является выявление и обоснование ключевой экономико-политической идеи, которая оказывает постоянное и разнообразное воздействие на хозяйственный процесс и во круг которой ведется теоретическая, идеологическая, а нередко и политическая борьба. Подобную ключевую идею можно выделить для каждого самостоятельного этапа экономического развития общества (его теории и практики). Собственно, эти идеи являются не чем иным, как конституирующими признаками соответствующих этапов. Однако особенно важным и интересным представляется анализ подобных концептуаль-

ных доминант в периоды переломные, когда социально-экономические системы претерпевают качественные изменения.

Особый интерес представляет исследование вопросов индустриальной модернизации в эпоху реформ и революций с позиций опыта, накопленного Россией за последние два десятилетия. События рубежа XX–XXI веков, ознаменовавшиеся кризисом и крахом той системы, зарождение которой рассматривается в нашей книге, в значительной мере напоминают события столетней давности. Мы опять наблюдали попытки эволюционного реформирования существующей системы, за которыми последовал революционный взрыв и радикальная, неподконтрольная элите, общественно-экономическая трансформация. Анализ событий прошлого сквозь призму новейшей трансформационной практики углубляет понимание того, что происходило в описываемую нами эпоху.

Таким образом, целью предлагаемой читателю работы является анализ того, как вырабатывались идеология и политика индустриальной модернизации, и как они воплощались в реальной хозяйственной жизни. Нам вряд ли удастся рассмотреть одинаково полно все самые разные аспекты политики модернизации и дискуссий, на этой почве возникавших. Преимущественно речь будет идти о выработке экономической политики и сопутствующих ей политических сюжетах, которые так или иначе вели к сложившейся у нас системе централизованного экономического регулирования – феномена, являвшегося своеобразной «визитной карточкой» российской хозяйственно-политической системы последнего столетия, которая продолжает существенным образом определять логику экономико-политических решений вплоть до настоящего времени, когда, казалось бы, задачи индустриализации ушли в далекое прошлое.

* * *

Настоящее исследование в значительной своей части основывается на книге, подготовленной автором двадцать лет назад и опубликованной под названием «Реформы и догмы. 1914–1929» (М.: Дело, 1993). В то время это было исследование прошлого, хотя уже тогда было понятно, что уроки формирования тотально огосударственной (административно-командной, коммунистической, центрально-управляемой) хо-

зяйственной системы представляют немалый интерес с точки зрения понимания вызовов и тенденций преодоления этой системы, формирования в России рыночной экономики.

Прошедшие годы и накопленный опыт позволяют понять, что изучение экономической политики конца XIX — начала XX веков представляет не только теоретический и идеологический, но и чисто практический интерес. Это связано с несколькими особенностями обоих наших трансформаций.

Во-первых, в обоих случаях трансформации происходили в форме полномасштабных революций, сопровождаясь крахом государственных институтов и радикальным обновлением всех сторон жизнедеятельности общества. Стихийность революционной трансформации порождает некоторые важные общие закономерности, впервые описанные К. Бринтоном в книге «*The Anatomy of Revolutions*» (1936), а применительно к современной российской ситуации — в исследовании И. В. Стародубровской и В. А. Мау «*Великие революции. От Кромвеля до Путина*»¹. Сравнительный анализ революций, учет их закономерностей и тенденций развития дает новый важный методологический ключ к пониманию как прошлого, так и настоящего.

Во-вторых, нами накоплен исключительно интересный опыт макроэкономического кризиса и стабилизации, глубокого, связанного с политическим кризисом, а не с конъюнктурой, опыт спада производства, а затем восстановления экономического роста. Финансовый и производственный кризис и его преодоление сопровождались острыми дискуссиями по вопросам экономической политики, причем дискуссии прошлого и настоящего очевидным образом дополняли друг друга. Оценивая аргументы, высказывавшиеся примерно сто лет назад, мы можем соотносить их теперь с аргументами экономистов, споривших о путях консолидации роста в условиях посткоммунистического кризиса и стабилизации. Дискуссии о природе и причинах инфляции, о закономерностях восстановительного процесса, о пределах бюджетной экспансии в условиях начавшегося восстановления, о влия-

¹ *Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N. Y.: Vintage Books, 1965. Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. Изд. 2-е, доп. М.: Вагриус, 2004.*

нии трансформации собственности на возможности экономического роста — все это надо теперь анализировать с учетом нашего современного знания. И, конечно, мы с гораздо большим основанием можем обсуждать теперь роль возрождаемого и укрепляющегося государства (неважно, «диктатуры пролетариата» или «вертикали власти») с точки зрения возможности решения амбициозных задач, которые любит ставить перед собой страна, выходящая из кризиса.

Наконец, в-третьих, мы теперь более отчетливо можем увидеть те экономические или политические ловушки, которые грозят стране, столкнувшейся с задачами масштабных преобразований. Знание этих рисков, конечно, не гарантирует от их повторения — каждое поколение должно пройти через испытание исторической безграмотностью и потому полностью испить чашу своего опыта. Но все-таки исследователя не оставляет надежда на то, что каждая новая книга об опыте прошлого хоть немного сможет облегчить участь тех, кто хочет вновь и вновь повторять одни и те же ошибки.

Введение.

Российская модернизация: прерывность и постепенность

1. Вызовы российской модернизации

Смысл экономической политики российского государства на протяжении последних трех с половиной столетий точнее всего можно определить как догоняющую модернизацию. Примерно со второй половины XVII века российские власти достаточно четко формулируют задачу преодоления отставания от наиболее развитых стран Европы и с большей или меньшей последовательностью стремятся к реализации этой задачи. Этот курс достаточно отчетливо проявляется уже в непродолжительный период правления царевны Софьи Алексеевны и затем приобретает наиболее яркие черты в годы царствования Петра I. В дальнейшем практически все российские правительства — самодержавные и коммунистические — отчетливо видели перед собой комплекс модернизационных задач и предпринимали более или менее адекватные шаги в направлении модернизации. Российские власти и российская элита всегда хорошо осознавали необходимость преодоления отставания своей страны от наиболее развитых стран мира (поначалу — Европы), и уж по крайней мере недопущения того, чтобы

отставание это достигало опасных масштабов с военно-политической точки зрения.

Разумеется, характер модернизационной политики существенно варьировался на разных этапах развития страны, отражая как объективные вызовы времени, так и личные пристрастия и уровень понимания данным правителем стоящих перед страной задач. Модернизация приобретала подчас причудливые формы — от копирования нравов и мод одежды до попыток воспроизводства форм военной организации стран, принимавшихся в качестве образцов. Чаще всего в качестве источника модернизационного обновления воспринималась Германия (Пруссия). Реплика, максимально точное воспроизводство форм, представляющихся передовыми, нередко воспринимается как один из самых простых и доступных путей достижения социально-экономического рывка — и в некоторых случаях это действительно удавалось (наиболее яркий пример последнего представляет собой Япония после революции Мэйдзи).

Иногда стремление к модернизации приводило на практике к результату прямо противоположному — к застою. Это происходило в тех случаях, когда власти России воспринимали происходящие на Западе тенденции как опасные, ведущие в тупик или способные завести в тупик Россию. Тогда в стране возобладали охранительные тенденции, нацеленные на недопущение проникновения «западной заразы», будь то в форме социальной революции, демократии или либерализма. Два наиболее ярких периода застоя — николаевский (1825–1855) и брежневский (1964–1985) — проходили под лозунгами обеспечения устойчивого поступательного развития страны в противовес вредным для России иностранным влияниям.

Сутью модернизации является формирование сильной в экономическом, политическом, военном, научном и иных отношениях страны при росте благосостояния ее населения. Модернизация предполагает комплексное обновление общества, когда трансформация различных его секторов осуществляется во взаимосвязи.

Если отбросить политкорректные условности, то модернизация представляет собой достижение уровня технологий и институтов, характерных для современных западных демо-

кратий. Можно сколько угодно говорить о ценности различных цивилизаций и уважении к ним, о важности сохранения национальной идентичности, но непреложным фактом является то, что лидерами современного экономического роста являются западные страны. Более того, страны иных регионов мира, успешно решающие задачи модернизации, в процессе своей трансформации становятся все более похожими на западных «пионеров современного экономического роста» — как по структуре своей экономики, так и по существенным характеристикам политических институтов. Первой это продемонстрировала Япония, теперь в этом направлении идут и другие, менее развитые европейские и неевропейские страны. Тем самым понятие «запад» в современном политическом языке имеет не столько географический, сколько институциональный контекст¹.

Пока мы не знаем модели более эффективной, чем современная западная экономико-политическая система. Разумеется, путь к ней может быть весьма специфичен, должен опираться на собственные традиции и особенности национальных институтов. Однако по мере продвижения вперед, по мере приближения к уровню наиболее развитых стран мира та страна, которой удастся совершить этот прорыв (а таких успешных случаев существует немного), становится *в институциональном отношении* все более западной. Иными словами, «Восток», которому удастся совершить модернизационный рывок, становится «Западом»².

¹ В этом смысле интересен феномен фундаментального, выходящего на протяжении нескольких десятилетий труда «Cambridge Economic History of Europe». По мере продвижения к новому времени география стран, охватываемых данным исследованием, неуклонно расширяется. В нее включаются те азиатские государства, которые в домодернизационную эпоху никакого отношения к Европе не имели и иметь не могли. В частности, в VII томе исследования, охватывающем период рубежа XIX–XX веков, появляются главы о России и Японии. Тем самым признается, что по мере осуществления политики модернизации эти страны становятся европейскими.

² Вывод о синонимичности понятий «прогресс» («модернизация») и «запад» применительно к современному экономическому росту не отменяется теми кризисами, через которые периодически проходят развитые страны. На протяжении XX века несколько раз возникало ощущение крушения западной цивилизации и, соответственно, западной модер-

Российская элита Петровской эпохи очень точно почувствовала тот исторический момент, когда задача модернизации стала критически важной — и обратилась на Запад. Именно на рубеже XVII–XVIII веков намечается появление нового, доселе невиданного в мировой истории феномена — современного экономического роста. Начатый в Англии, он постепенно втягивал в свою орбиту другие западноевропейские страны. На протяжении предыдущей мировой истории экономический рост происходил темпом, невидимым невооруженным глазом, то есть не приводил к сколько-нибудь заметным изменениям в производстве и быте в течение столетий. Различия существовали в пространственном отношении (быт менялся от страны к стране и тем более в разных регионах мира), но не во временном измерении — многие поколения людей данной страны жили примерно одинаково. Теперь же все радикально поменялось: сдвиги в экономике, быте и, главное, в военном деле заметно ускорились и стали очевидны всем. И российское правительство ответило на этот вызов почти мгновенно, поставив перед страной задачу европеизации, то есть овладения самой передовой на тот момент техникой и технологией¹.

низационной модели — в начале столетия, в 1930-е и в 1970-е годы. И левые интеллектуалы, и пропаганда (советская и нацистская) периодически делали вывод о закате или общем кризисе капитализма. Однако до настоящего времени эти прогнозы не оправдывались. Современная западная цивилизация всегда демонстрировала гибкость (если угодно, упругость) и всегда оказывалась способна найти ответ на вызовы времени.

¹ Своевременное осознание важности модернизационного проекта и постановка его в повестку дня является несомненной заслугой российской элиты. Этим она существенно отличалась, например, от китайской, которая проигнорировала начало современного экономического роста. В результате Китай, уровень экономического развития которого в XVIII веке примерно соответствовал западноевропейскому, в течение следующих двух столетий резко увеличил свое отставание, что привело к колонизации этой страны. И только во второй половине XX века Китай повернулся к решению модернизационных задач. Возможно, такое развитие событий связано с географическим фактором. Россия территориально была гораздо ближе к странам—пионерам современного экономического роста и не могла не увидеть начинавшиеся там перемены.

Наличие существенного отставания от наиболее развитых на тот момент государств изначально поставило Россию в положение страны *догоняющей модернизации*. Как было показано позднее в историко-экономической литературе, догоняющее развитие создает для страны сложности, но и дает ряд преимуществ. Преимущества же отсталости состоят в возможности использования технологических и институциональных находок наиболее развитых стран для более быстрого решения модернизационных задач отсталой страной. Последнее означает, что термин «догоняющая модернизация» не совсем точен — на самом деле для преодоления разрыва отсталая страна должна найти возможность совершить рывок, то есть не повторять этапы роста «передовиков», а перескочить через некоторые из этих этапов.

Мировой опыт успешного решения задач догоняющей модернизации свидетельствует, что задача эта очень сложна. Только единицы стран смогли успешно решить ее — Франция, Япония и Германия в XIX — начале XX веков, Италия, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Финляндия в XX веке. Ряд стран Европы и Юго-Восточной Азии в настоящее время более или менее успешно движутся по этому пути (Ирландия, Испания, Португалия, Южная Корея и др.). Однако гораздо более богатым является опыт провальных модернизационных экспериментов и даже отката назад. Примером последнего является Аргентина, которая в начале XX века входила в десятку наиболее развитых стран мира.

У российского опыта модернизации есть одна особенность, отличающая его от многих других стран. Как показывают историко-экономические исследования, Россия на протяжении последних примерно 200 лет сохраняет стабильный отрыв от таких более развитых в экономическом отношении стран, как Франция и Германия (см. таблицы 1 и 2). Этот интервал составляет примерно 50 лет, и хотя он то несколько увеличивается, то сокращается, но в общем глубина отставания колеблется в указанных пределах. На него обратили внимание еще в XIX столетии — один известный писатель и один видный экономист. «Русские сознательно копируют французские нравы, только с опозданием лет на пятьдесят», — заметил когда-то в начале XIX века А. Стендаль. А в конце столетия министр финансов России повторил ту же мысль. «Россия

отстала от всей Западной Европы ... на полстолетия», — писал в 1880 году Н. Х. Бунге Александру II¹.

Здесь надо обратить внимание на три обстоятельства участия России в модернизационной гонке.

Во-первых, неравномерность развития отдельных секторов жизни. По некоторым параметрам и на отдельных этапах истории происходит гораздо более сильное сближение (например, военный потенциал), а по другим — сохраняется гораздо более сильное отставание (производительность труда).

Во-вторых, неустойчивость модернизационных достижений. Никогда не удавалось закрепиться на достигнутых рубежах — после прорыва в той или иной сфере начинался откат назад. Причем откат этот происходил не только из-за кризиса в самой России, то есть прямого ухудшения положения в данном секторе. Гораздо чаще отрыв начинал увеличиваться из-за ускорения развития передовых стран на новом технологическом витке и отсутствия у России заранее подготовленных ресурсов для очередного рывка.

В-третьих, интервал этот оказывается почти индифферентным к политическому строю и характеру правительств.

Таблица 1. Структура занятости в основных отраслях экономики России в сравнении с Францией и Германией, %

Год	США	Фран- ция	Герма- ния	Голлан- дия	Великобри- тания	Япо- ния	Россия
Сельское, лесное и рыбное хозяйство							
1820	70,0	—	—	—	37,6	—	—
1870	50,0	49,2	49,5	37,0	22,7	70,1	—
1913	27,5	41,1	34,6	26,5	11,7	60,1	70,0
1950	12,9	28,3	22,2	13,9	5,1	48,3	46,0
1992	2,8	5,1	3,1	3,9	2,2	6,4	17,0

¹ См.: Травин Д., Марганя О. Европейская модернизация. М. — СПб.: АСТ, 2004. Кн. 1. С. 18; Программная записка Н. Х. Бунге Александру II «О финансовом положении в России» // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX вв. СПб.: Спас — Лики России, 2007. С. 208.

Обрабатывающая и горная промышленность, строительство
и обслуживание коммунального хозяйства

1820	15,0	—	—	—	32,9	—	—
1870	24,4	27,8	28,7	29,0	42,3	—	—
1913	29,7	32,3	41,1	33,8	44,1	17,5	—
1950	33,6	34,9	43,0	40,2	44,9	22,6	29,0
1992	23,3	28,1	37,3	24,3	26,2	34,6	36

Сфера услуг

1820	15,0	—	—	—	29,5	—	—
1870	25,6	23,0	21,8	34,0	35,0	—	—
1913	42,8	26,6	24,3	39,7	44,2	22,4	—
1950	53,5	36,8	34,8	45,9	50,0	29,1	25,0
1992	74,0	66,8	59,1	71,8	71,6	59	47,0

Источник: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992.* OECD, 1995. Р. 39.

Таблица 2. Отставание России по уровню среднедушевого ВВП от Германии и Франции*, %

Страны	Годы			
	1870	1913	1950	2001
Франция	≈60	63	46	50
Германия	≈60	63	55	48

---

* Среднедушевой ВВП: до 1913 года включительно — Российская империя в границах СССР, 1870 год — 1023 доллара, 1913 год — 1488 долл.; для 1950 года — СССР, 2834 долл.; для 2001 года — Российская Федерация, 3650 долл.

Источники: Данные о среднедушевом ВВП за 1870–1950 годы см.: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992.* Development Center Studies. OECD, 1995. Данные о душевом ВВП за 2001 год см.: *World Development Report 2003.* The World Bank. Данные приведены к долларам Geary-Khamis 1990 года.

Причиной такой ситуации являлась *некомплексность модернизационных усилий российского государства*. Власти всегда сосредоточивались на отдельных аспектах модернизационной задачи, игнорируя остальные или даже принося их в жертву. Можно даже выделить некоторую закономерность, прослеживаемую в трехсотлетней истории российской модернизации. В первую очередь страна ставила и решала задачи модернизации в военной сфере и в отраслях, с ней сопряженных (будь то металлургия в XVIII веке, железнодорожный транспорт в конце XIX–XX веках или космические исследования во второй половине XX века). На втором месте стояла экономическая модернизация, которая, естественно, должна была создать базу для решения военных задач. Меньше уделялось внимания культурной модернизации, которой начинали всерьез заниматься тогда, когда общее отставание оказывалось критически опасным. И, наконец, в наибольшей мере игнорировалась модернизация политических институтов, которые, напротив, пытались консервировать на максимально продолжительные периоды времени. Только тяжелейшие системные кризисы (в середине XIX века, в начале и в конце XX) приводили к политическим реформам, причем в двух из трех случаев политические трансформации имели форму полномасштабной революции, то есть через полный слом государства с присущими революции колоссальными издержками.

Таким образом, опыт российской модернизации позволяет сделать *важный вывод: устойчивые и долгосрочные результаты могут быть достигнуты только при осуществлении комплексной модернизации данного общества, включая его технологическую базу и институты*. Модернизация не может решить вопрос сокращения разрыва, если она протекает в одних секторах при игнорировании или за счет других. Иными словами, логика «поэтапной модернизации» — сперва экономика и армия, потом, может быть, политика и социальные отношения — не дает устойчивого результата.

2. Модернизация как индустриализация: единство трансформационного процесса

Временные рамки исследуемого нами периода охватывают примерно столетие российской истории — с середины XIX

до середины XX века. Это было бурное время, когда в России происходила смена политического режима. Самодержавие шло по пути модернизации, частью которой была постепенная демократизация. Далее этот процесс был оборван политическими потрясениями (войнами и революциями), за которыми вновь возобладал курс на модернизацию.

Это были очень разные этапы российской экономической политики. Времена Александра II не очень сильно напоминают времена Николая II, а императорская Россия далека от военного коммунизма или сталинских пятилеток. И тем не менее существует некоторая единая сквозная линия, объединяющая названные этапы воедино: *это был период индустриализации*, хотя и осуществлявшейся по-разному, в разных политических условиях и при разных внешних обстоятельствах. Однако *идеология ускоренной индустриализации, модернизации, опирающейся на принципы этатизма и дикризма, оставалась доминирующей* на протяжении всех этих десятилетий.

Иными словами, в центре внимания экономических дискуссий и практической политики находился тогда комплекс проблем, связанных с перспективами централизации и огосударствления технико-экономических, а затем и социально-экономических процессов, казавшееся неминуемым разрушение механизма рыночной конкуренции и следующее за этим утверждение плановых, регулирующих начал в хозяйственной жизни. Конечно, разные экономисты и политики по-разному оценивали названные тенденции, давали им неодинаковое толкование, но факт остается фактом — в своей научно-исследовательской, хозяйственной или политической деятельности никому не удавалось остаться в стороне от связанной с осуществлением этой тенденции общественной борьбы в тех или иных формах. Причем сказанное справедливо не только по отношению к нашей стране, но и ко всему цивилизованному миру.

Конец XIX столетия — время резкого возрастания экономической роли государства, проявившейся как в усилении протекционистских тенденций во внешнеэкономической политики, так и в активизации вмешательства власти в инвестиционные процессы (непосредственно через бюджет или через систему государственных банков). В это время идея регулируемого, со-

знательно организуемого народного хозяйства становится все более популярной в экономических и политических кругах. Все более широкое распространение начинало получать представление о том, что мощные и быстро растущие производительные силы в совокупности с прогрессом научных знаний дают людям практически безграничные возможности досконального познания потребностей каждого отдельного человека, на основе чего можно выработать единый план действий, план производства. План, экономящий общественные силы и время, которые неоправданно транжируются из-за рыночных неувязок и бессмысленной конкурентной борьбы.

Идею регулируемого, сознательно организуемого хозяйства без преувеличения стала центральной, определяющей основные направления в развитии экономической мысли практически всех индустриальных стран. Тогда многим казалось, что мощные производительные силы в совокупности с быстрым прогрессом научных знаний дадут людям практически безграничные возможности досконального познания потребностей и действий как отдельных индивидов, так и всего общества. А на этой основе будет выработана четкая программа, экономящая силы и время, которые неоправданно транжируются из-за рыночных неувязок и конкуренции.

Тезис о жизненной важности планирования и прямого государственного регулирования стал символом веры среди значительной части политиков, бизнесменов и интеллектуалов. Рассуждать иначе казалось несовременным, почти неприличным. Централизованное регулирование приобретало характер чуть ли не религиозного догмата — того краеугольного камня, на котором должно было быть воздвигнуто здание экономической политики, освобожденной от оков «железных законов» рынка. Собственно, признание этого тезиса лежало в основе быстрого роста популярности марксистского вероучения в его вульгаризованной для массового потребления интерпретации.

У идеи планирования появились свои романтики и певцы, причем далеко не только на левом фланге политического спектра. О них еще пойдет речь в нашей книге. Однако сейчас было бы уместно привести высказывание лишь одного деятеля, которого менее всего можно заподозрить в склонности к социализму. «Нынешняя система не дает высшей меры про-

изводительности, ибо способствует расточительству во всех его видах; у множества людей она отнимает продукт их труда. Она лишена плана. Все зависит от степени планомерности и целесообразности», — писал в начале XX века Г. Форд¹.

А смотревший на те же процессы с другой стороны Ф. Хайек грустно подводил итоги идейно-теоретическим исканиям как раз того почти столетнего периода, о котором мы будем говорить в этой книге: «В соответствии с доминирующими сегодня представлениями вопрос о том, как лучше использовать потенциал спонтанных сил, заключенных в свободном обществе, вообще снимается с повестки дня. Мы фактически отказываемся опираться на эти силы, результаты деятельности которых непредсказуемы, и стремимся заменить анонимный, безличный механизм рынка коллективным и “сознательным” руководством, направляющим движение всех социальных сил к заранее заданным целям»².

В традициях советской исторической науки было видеть коренной водораздел в развитии событий до и после октябрьского переворота 1917 года — в логике конца предыстории человечества и начала «подлинной истории» (если воспользоваться известным выражением К. Маркса) такая трактовка событий выглядела вполне естественно. Однако идеологически непредвзятый анализ хода отечественной истории позволяет посмотреть на историю второй половины XIX — первой половины XX веков как на целостный процесс перехода от аграрного общества к индустриальному. Преемственности здесь никак не меньше, чем прерывистости³.

Между тем, история непрерывна. Это верно не только для периодов мирного, эволюционного развития страны, но и для острых, кризисных моментов. Общество вообще и его экономическая политика в частности не могут вырваться за рамки сформировавшихся к данному времени идеологических доктрин и теоретических концепций. А последние складывают-

¹ Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1989. С. 13.

² Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. С. 46–47.

³ Вопрос о прерывистости и преемственности отечественной истории стал довольно популярной темой в обсуждениях российских обществоведов последнего десятилетия. (См.: Пути России: Преемственность и прерывность общественного развития. М.: МВШСЭН, 2007.)

ся вовсе не в годы революционных потрясений. В революцию страна входит с уже готовой, сформировавшейся и получившей довольно широкое признание доктриной нового общественного устройства.

Правда, надо принимать во внимание, что повороты революционной поры столь драматичны и остры, что современники нередко склонны каждой новой власти приписывать чудодейственные возможности осуществления решительных перемен в политике, порывающих с опытом прошлых лет. Хотя экономическая политика, рассматриваемая уже с известного расстояния, позволяет увидеть некоторую общую линию в развитии событий, включая и «самые эпохальные» из них.

Не может быть экономической политики, абсолютно порывающей с прошлым, полностью игнорирующей сложившиеся ранее тенденции или композицию социальных сил. Централизацию производства вплоть до ее полной национализации можно провести только тогда, когда в обществе уже сложились силы, готовые поддержать этот курс, а также наметились соответствующие тенденции в производственно-хозяйственной организации. То же можно сказать и о диаметрально противоположном процессе — о приватизации. В XX столетии мы совершили увлекательную (и разрушительную) поездку в обоих направлениях.

Преодоление «октябрьцентристской» интерпретации истории отнюдь не повлекло за собой преодоления догмы о «разрывах» отечественного исторического процесса. Только вместо тезиса о случившемся в 1917 году начале новой эры теперь стало принято говорить о трагической и насильственной остановке поступательного исторического процесса, обвиняя в этом кучку большевистских заговорщиков. Да и в событиях 1991–1992 годов многие склонны видеть разрыв с коммунистическим прошлым, а не естественное эволюционирование советской системы. Представление о прерывистости исторического процесса остается популярным применительно к любой фазе нашего исторического развития.

3. Отсталость и модернизация

Догоняющее развитие имеет смысл, естественно, лишь в контексте социально-экономической отсталости. Тем самым необходима хотя бы краткая характеристика этого феномена.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что понимание отсталости существует только в историческом контексте, только в сравнении со странами, считающимися более развитыми. «Отсталость — понятие относительное», — совершенно справедливо заметил А. Гершенкрон¹. Причем историзм этого понятия существует, по крайней мере, в трех отношениях.

Во-первых, отставание имеет смысл обсуждать лишь применительно к эпохе современного экономического роста, то есть начиная примерно с XVIII века. В условиях, когда условия жизни людей меняются в рамках практически каждого поколения, догоняющая страна должна не просто развиваться, но развиваться быстрее передовой. Здесь недостаточно просто адаптировать достижения последней, поскольку такой путь в лучшем случае позволит не увеличивать разрыв, но искать и находить способы (институты, механизмы), неизвестные более развитой стране. В этом состоит первое правило догоняющего развития — нельзя просто следовать путем наиболее развитой страны.

Во-вторых, проблема отставания возникла лишь на определенном этапе роста, когда произошла дифференциация отраслей и стало ясно, что разные сектора экономики вносят неодинаковый вклад в укрепление экономической (следовательно, и политической, и военной) мощи данной страны. Это не было ясно практически вплоть до XIX века. Во всяком случае, для А. Смита, писавшего «Богатство народов» во второй половине XVIII столетия, проблема отставания выступает лишь как количественная, но никак не структурная. Как известно, А. Смит не видел особой, приоритетной роли промышленности; для него наиболее уважаемой отраслью была сельское хозяйство. И это неудивительно, так как в его эпоху именно аграрные монархии являли образцы наиболее сильных и процветающих государств. Именно поэтому ученый считал необходимым проводить такую экономическую политику, которая бы обеспечивала развитие в каждой стране тех секторов, для которых здесь имеются сравнительные преимущества в международном разделении труда. Именно

¹ *Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962. P. 42.*

максимально эффективное раскрытие внутренних ресурсов страны представлялось здесь главным условием для благополучного развития. Эти рекомендации были, таким образом, практически полностью лишены структурного компонента, выделения тех или иных отраслевых приоритетов¹. Лишь XIX век продемонстрировал, что проблема отставания является в значительной мере структурной, то есть предполагает наличие отраслей и секторов, которые на данной фазе экономического развития относятся к передовым. Отсюда следует второй урок: *догоняющее развитие всегда предполагает проведение глубоких структурных реформ*.

В-третьих, отставание существенно отличается на разных этапах технологического развития цивилизации. Понятие передовой и отсталой отраслей меняется по мере развития общества. Одна и та же отрасль может из важнейшей предпосылки роста становиться его тормозом (классическим примером является история угольной промышленности). Но в самом общем виде здесь имеет смысл говорить о различии между пониманием отсталости в индустриальном обществе (в сравнении и традиционным) и в постиндустриальном обществе (в сравнении и индустриальным). Именно поэтому здесь возможно и вполне естественно не только превращение отсталой страны в передовую, но и передовой страны в отсталую.

Отставание страны может характеризоваться как количественными, так и качественными индикаторами, причем здесь исключительно важна их взаимосвязь. Наиболее общими количественными характеристиками уровня социально-экономического развития являются, естественно, показатель среднедушевого ВВП — его абсолютный уровень и темпы роста.

¹ Это принципиально важный момент с точки зрения понимания существа либеральной доктрины догоняющего развития. В дальнейшем, с высоты XIX–XX веков, такой подход обвиняли в стремлении навязать отсталость, не допустить индустриализации в аграрных странах, для чего, как утверждалось, необходимо активное государственное вмешательство в экономику. Что совершенно не соответствовало логике XVIII столетия, когда доминирование промышленности в национальной экономике еще не делало страну самой мощной в политическом и военном отношениях.

Впрочем, среднедушевой ВВП — это не только количественный, но прежде всего синтетический, качественный показатель. Разные его уровни характеризуют определенные этапы в развитии данной страны и ее хозяйства, поскольку однотипные страны характеризуются сопоставимым уровнем среднедушевого ВВП. Можно выделить несколько интервалов этого показателя, каждому из которых соответствует определенный уровень социально-экономического развития — аграрная монархия, индустриальное общество с доминированием промышленности и авторитарными тенденциями в политической жизни, или современная рыночная демократия с преобладанием в ней постиндустриальных тенденций. Бывают и исключения¹, но анализ данных исторической статистики вполне убедительно показывает, что при прочих равных условиях нахождение стран на сопоставимом уровне среднедушевого ВВП (разумеется, с учетом паритетов покупательной способности) свидетельствует о принципиальной схожести их социально-экономических и политических структур².

Таким образом, отставание может характеризоваться нахождением страны в интервале более низком по сравнению с наиболее развитыми (передовыми) странами. Принадлежность к этому интервалу свидетельствует, что по уровню экономического, социального и политического развития страна существенно отстает по передового уровня данной эпохи. В то же время существует разброс в рамках каждого из этих интервалов (особенно верхнего). Однако количественные расхождения стран, находящихся в одном и том же верх-

¹ Связь между среднедушевым ВВП и уровнем политического развития анализируется в: *Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991; *Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.: РОССПЭН, 2003. Здесь же, содержится и объяснение того исключения, какой являются собой в этом контексте страны Персидского залива.

² Например, это с наглядностью вытекает из анализа исторической статистики, приводимой А. Мэддисоном (*Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995). Нетрудно заметить, что здесь отчетливо выделяются три группы стран: с уровнем среднедушевого ВВП ниже 1500 долл., 2–6 тыс. и выше 10 тыс. Причем в странах с уровнем 1,3–1,5 и 5–6 тыс. долл. на душу населения как правило наблюдаются интенсивные трансформационные процессы.

нем интервале, не свидетельствуют однозначно в пользу превосходства одной страны над другой: здесь если и имеет смысл говорить о задачах догоняющего развития, то преимущественно с точки зрения преодоления количественного и в меньшей степени качественного (структурного) разрыва. В рамках одного интервала могут происходить различные подвижки и перегруппировки, однако они не обязательно отражают существенные, качественные сдвиги. Важно лишь, чтобы темпы роста этих стран оставались сопоставимыми друг с другом в среднесрочном периоде.

Чисто количественные изменения в показателях уровня экономического развития (включая ВВП) нельзя абсолютизировать еще и потому, что серьезные структурные сдвиги могут сопровождаться падением производства. Напротив, рост объемов производства, даже некоторое ускорение темпов роста, может происходить и в условиях начинающегося экономического кризиса. Пример последних двух случаев дает опыт позднего СССР: в 1970-е годы количественные показатели его динамики были хотя и невысокими, но выглядели вполне прилично на фоне стагфляции в западном мире, а после провозглашения политики ускорения тем роста в 1987–1988 годах даже несколько возрос¹. Однако, несмотря на все эти статистические данные, налицо было углубляющееся качественное отставание от Запада и нарастание системного кризиса советского коммунизма.

Наконец, для характеристики происходящих в стране процессов (преодоления или сокращения разрыва) могут также использоваться индикаторы, специфические именно для данной фазы социально-экономического развития. Скажем, для периода ранней индустриализации показательными являются численность промышленных предприятий и количество занятых на них рабочих, применение машин. В эпоху зрелого индустриализма, когда важнейшим фактором эффективности производства была экономия на масштабах, основными индикаторами прогресса являлись концентрация капитала и труда, насыщение производства машинами и механизмами, уровень производства угля, чугуна, стали, цемента (в абсолютном выраже-

¹ См.: *Hanson P. From Stagnation to Catastroika: Commentaries on the Soviet Economy, 1983–1991.* N. Y.: Praeger, 1992.

нии и на душу населения). Напротив, в современном раннем постиндустриальном обществе высокая концентрация отраслей, являвшихся предметом гордости индустриальной эпохи, оказывается уже тяжелым бременем (как экономическим, так и социальным), а на передний план выходят показатели, характеризующие развитие высоких технологий, темпы обновления производства, уровень развития социальной сферы (особенно образования и здравоохранения) и вообще сферы услуг.

4. Модернизация и догоняющее развитие

Разумеется, можно выделить и некоторые общие принципы, применимые к решению задач догоняющего развития в различные эпохи и в разных странах. Хотя соответствующий набор задач будет достаточно неконкретным, его осознание и формулирование представляет интерес, поскольку позволяет задать некоторую стартовую позицию для дальнейшего анализа. Одна из наиболее четких и корректных формулировок задач догоняющего развития содержится у Дж. С. Милля. Его подход особенно интересен тем, что среди стран, которым адресуются его рекомендации, прямо названа Россия. Милль называет следующие три принципа догоняющего развития:

«Во-первых, улучшение форм управления, более совершенная защита собственности; умеренные налоги и уничтожение произвольных вымогательств, осуществляемых под видом сбора налогов... Во-вторых, желаемого результата можно достичь посредством повышения уровня умственного развития народа, искоренения обычаев и предрассудков, препятствующих эффективному использованию труда, и развития умственной активности, пробуждающей в людях новые устремления. В-третьих, ... привлечение иностранного капитала... В большей или меньшей мере эти соображения относятся к населению всех стран Азии, а также к наименее цивилизованным и неразвитым в промышленном отношении районам Европы, например России, Турции, Испании и Ирландии»¹. Однако принципиальная проблема состоит

¹ Mill J. S. The Principles of Political Economy. Vol. 1. Ch. 13. §1; Милль Дж. С. Принципы политической экономии. М.: Прогресс, 1980. Т. 1. С. 322–323.

в том, чтобы адаптировать эти общие принципы к конкретным обстоятельствам места и времени.

Особенность модернизационного процесса второй половины XIX — первой половины XX веков с точки зрения социально-экономического развития России определяется прежде всего тем, что в этот период формировалась и реализовывалась модель *ускоренной индустриализации* в условиях страны с крайне отсталой (во всяком случае, по европейским меркам) экономической системой. Механизмом, призванным компенсировать эту отсталость, был этатизм, то есть активнейшая вовлеченность государства в организацию хозяйственной жизни. Впрочем, это не следует рассматривать как специфически российскую черту, а являлось общей характеристикой догоняющей индустриализации.

В работах ряда исследователей достаточно подробно проанализированы принципы и механизмы преодоления отсталости и решения задач ускоренной индустриализации¹. В них рассматриваются как конкретные ситуации догоняющего развития отдельных стран (прежде всего по отношению к Германии, России и Японии), а также предпринимаются попытки построения общих, универсальных моделей этого процесса².

Решение задач ускоренного развития предполагает активное участие в этом процессе государства. Именно государство может способствовать ускорению социально-экономического прогресса данной страны или существенно затормозить его. Однако что именно должно делать государство для стимулирования роста? Для ответа на этот вопрос необходимо принимать во внимание особенности развития данной страны в данных исторических обстоятельствах. В конечном сче-

¹ См.: *Gerschenkron A.* Op. cit.; *Perez C., Soete L.* Catching-up in technology // *Dosi G. et al.* (eds.). *Technical Change and Economic Theory*. L. and N. Y.: Pinter, 1988; *Abramovitz M.* *Thinking about Growth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; *Cooper C. and Kaplinsky R.* (eds.). *Technology and Development in the Third Industrial Revolution*. L.: Frank Cass, 1989; *Shin J.-S.* *The Economics of the Latecomers: Catching-up, Technology Transfer and Institutions in Germany, Japan and South Korea*. L. and N. Y.: Routledge, 1996 и др.

² Обзор подходов к решению проблемы ускоренной индустриализации см.: *Shin J.-S.* *The Economics of the Latecomers: Catching-up, Technology Transfer and Institutions in Germany, Japan and South Korea*. L. and N. Y.: Routledge, 1996.

те, успех догоняющего развития — это всегда результат искусства экономической политики, а не успехов экономической науки. Хотя накопленный за последние двести лет опыт позволяет сделать некоторые обобщения.

А. Гершенкрон выделяет два аспекта деятельности государства в догоняющем обществе — «негативный» и «позитивный»¹. Если первая группа факторов создает общую основу для структурной трансформации и ускоренного экономического роста, то вторая представляет собой набор социально-экономических обстоятельств, трансформирующих рост из принципиально возможного, потенциального в реальный.

Негативная роль государства, по Гершенкрону, состоит в создании благоприятной среды, в снятии институциональных ограничений экономического роста, включая обретение страной политической стабильности. Конкретный набор действий зависит здесь от обстоятельств исторического развития страны, от наличия или отсутствия факторов, сковывающих экономическое развитие на данном уровне развития производительных сил. Причем очень часто речь идет об обстоятельствах, ранее созданных самим же государством².

К позитивным предпосылкам относится комплекс специальных мер для обеспечения ускоренного развития. Они не менее разнообразны и по сути выступают как определенные институты, обеспечивающие экономический рост. В разных странах и в разные эпохи важнейшими для роста институтами могли быть инвестиционные банки (в Германии) или прямое государственное участие в экономической жизни (в России конца XIX — начала XX веков).

Разграничение позитивных и негативных факторов является принципиально важным для понимания особенностей выполнения государством своей роли в различных экономико-политических обстоятельствах. Набор мер, которые можно охарактеризовать как «негативную роль» государства, вполне сопоставим — как в странах — пионерах экономического ро-

¹ См.: *Gerschenkron A. Op. cit.* P. 19.

² *Ibid.*: «преодолеть препятствия, ранее самим же государством и созданные». Например, к негативным предпосылкам роста относится обретение страной политической стабильности, проведение аграрной реформы в Германии или великие реформы Александра II, дополненные финансовыми реформами Александра III.

ста, так и в странах догоняющего развития (разумеется, речь идет о сопоставимости применительно к одному и тому же этапу развития общества и научно-технического прогресса). Государство должно обеспечивать базовые предпосылки для роста, отменяя и гарантируя невозврат тех путей, которые стоят на пути экономического прогресса на данном этапе развития науки и техники.

Другое дело — позитивная роль, которая стала одной из наиболее остро дискутировавшихся тем в области экономической теории и практики экономической политики. Общие рамки для анализа позитивной роли государства изложены в приведенной выше цитаты из Дж. С. Милля. В XX веке эти вопросы вообще находились в центре внимания. Государство играло совершенно различную позитивную роль в разных странах при решении ими схожего круга задач (скажем, индустриализации). Так, государство не играло значительной позитивной роли в обеспечении роста пионеров индустриализации; эта роль была достаточно ограниченной в догоняющей индустриализации Германии и Японии; и, наконец, она была исключительно важной в России конца XIX — первой половины XX веков, как впоследствии и для новых индустриальных стран Азии.

С чем же связана значительная позитивная роль государства в решении задач догоняющего развития? Возможны два варианта ответа на этот вопрос.

Один вариант, основанный исключительно на опыте индустриализации, объяснял активную позитивную роль государства уровнем отсталости страны: чем сильнее отсталость, тем активнее должно вмешиваться государство непосредственно в хозяйственный процесс. Из этого А. Гершенкроном делался вывод, что по мере преодоления отсталости значение прямого государственного вмешательства в управление экономическим развитием может ослабевать, а на его место в деле централизованного регулирования (или координации) хозяйственной жизни могут приходить крупные банки, как это имело место в более развитой Германии¹.

¹ См.: *Gershenkron A. Europe in the Russian Mirror: Four Lectures in Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 123.*

Другой вариант ответа на вопрос о потребных масштабах государственного вмешательства связан с опытом последних десятилетий XX столетия. Он позволяет предположить, что роль государства в немалой степени зависит и от этапа общественно-экономического развития, существенно различаясь в индустриальном и постиндустриальном мире, что значительно изменяет допустимые и эффективные механизмы госрегулирования.

Отличие позитивной роли государства в индустриальном и постиндустриальном мире связано в первую очередь с характером производительных сил той или иной эпохи. Их качественное различие предопределяет расхождение (точнее, противоположность) принципов поведения государственной власти для решения задач технологического прорыва. В индустриальном обществе центральным вопросом государственной политики является концентрация ресурсов на прорывных направлениях технического прогресса, мобилизация всех сил и средств, доступных данному обществу. Принципиально иной уровень технологической неопределенности делает такого рода политику в постиндустриальном обществе невозможной и неэффективной. Вместо концентрации ресурсов главной задачей становится обеспечение максимальной адаптивности общества и каждого экономического агента, создание такой политической и правовой среды, в которой все они ориентированы на активное выявление и максимально полное удовлетворение интересов и потребностей своих контрагентов (друг друга)¹. Ключевой проблемой заимствования из развитых стран становятся не только технологии, но и институты — наличие правил игры, адекватных для решения стоящих перед страной проблем.

Таким образом, значительное возрастание роли государства в экономической жизни России в условиях осуществления модернизационной политики рубежа XIX–XX веков было связано с тремя группами факторов. Во-первых, с традициями российского этатизма, поскольку государство в силу многих (культурно-политических, экономических и иных причин)

¹ Об особенностях ускоренной модернизации в постиндустриальном мире см.: Мау В. А. Постиндустриальная Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. 2002. № 7.

всегда играло серьезную роль в хозяйственной жизни страны. Во-вторых, с особенностями индустриальной фазы, в которую вступал мир во второй половине XIX века. В-третьих, с вызовами догоняющего развития, которое требовало концентрации усилий на решении в короткие сроки задач, на которые у стран-пионеров индустриализации ушли десятилетия. По нашему мнению, именно отсталость и потребности догоняющей индустриализации были главными причинами государственного экспансионизма, что было гораздо важнее, чем уходящие в прошлое традиции.

Нам теперь предстоит обсудить опыт и логику догоняющей индустриализации, результатом чего стало формирование в России (СССР) экономики с невиданным до того времени уровнем огосударствления и централизации. Это тем более важно, что в первой трети XX века были опробованы различные формы и методы государственного регулирования — госрегулирование в условиях рыночной экономики, модель «рыночного социализма», централизованное регулирование тотально огосударственного хозяйства, а также модель «военного коммунизма». Причем три из этих четырех моделей были беспрецедентны в мировой экономической истории, и России предстояло опробовать эти модели на себе — опробовать, чтобы продемонстрировать их низкую эффективность¹.

¹ Здесь закономерно процитировать известные слова П. Я. Чаадаева: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обречем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?»

ЧАСТЬ I

Регулирование экономики в условиях политической стабильности

ГЛАВА 1

Реформы второй половины XIX века: логика и этапы комплексной модернизации

1.1. Формирование модернизационной парадигмы

К середине XIX столетия масштабность предстоящей задачи модернизации российского общества еще только предстояло осмыслить. В первой половине столетия модернизация еще не воспринималась однозначно как феномен догоняющего развития, то есть как необходимость заимствования экономических или политических институтов у наиболее развитых стран. Хотя частичные заимствования, разумеется, имели место на протяжении всей российской истории, и особенно с петровских времен.

Принципиально важным является то обстоятельство, что в первой половине XIX века сам феномен *догоняющей* модернизации не был еще вполне осмыслен политической элитой страны. Потребовалось довольно продолжительное время для его комплексного осмысления. Действительно, что должно становиться объектом модернизации? С точки зрения практической прежде всего речь должна была идти о модернизации армии и связанной с ней военной промышленности. На протяжении длительного времени (примерно

до середины XIX столетия) именно к этому и сводилось понимание «преодоления отставания». На повестке дня *не стоял вопрос о модернизации экономической структуры, не говоря уже о модернизации политических институтов.*

И это вполне объяснимо с исторической точки зрения. Ведь вплоть до середины XIX века существующий опыт не позволял еще сделать однозначный вывод о том, что модернизация страны требует изменений в ее экономической структуре, что разные сектора экономики вносят неодинаковый вклад в укрепление экономической (следовательно, и политической, и военной) мощи данной страны. Иными словами, еще не стоял вопрос о необходимости формирования новых секторов экономики, являющихся более передовыми по сравнению с традиционными. Эта особенность с трудом воспринимается современным человеком, привыкшим отождествлять модернизацию и «прогрессивные структурные сдвиги», приводящие к ускоренному развитию «передовых отраслей». Но для современника Адама Смита преимущества отдельных отраслей не были очевидны. Напротив, очевидным было то, что наиболее мощными в политическом и военном отношении являются аграрные монархии, а отнюдь не маленькие промышленно-торговые республики. Именно поэтому для экономистов и политиков вплоть до первой половины XIX века, когда произошла дифференциация отраслей, отставание воспринималось преимущественно как проблема количественная, а не структурная.

В непонимании комплексного, структурного характера отставания и, соответственно, способов его преодоления, состоит трагическая ошибка царствования Николая I, пытавшегося обеспечить доминирование в Европе консервативной аграрной монархии. Это тоже была попытка модернизации, но основанная на ложных предпосылках относительно тенденций общественного прогресса. Действительно, если в основание социально-экономической модели положить тезис о нейтральности экономической структуры по отношению к модернизации, то дальнейшие решения выглядят вполне логично и последовательно. По сути, «охранительная модернизация» сводится к следующим опорным точкам.

Во-первых, консервация экономической структуры. Отказ от стимулирования развития промышленности и крайне на-

стороженное отношение к элементам новой хозяйственной структуры. Особенно отчетливо это заметно по осторожному отношению к развитию железных дорог, которые стали строиться в России значительно позднее, чем в других европейских странах. С подозрением власти относились к частным банкам и акционерным обществам, видя в последних исключительно инструменты махинаций и спекуляций. Своеобразная роль в этой конструкции отводилась и протекционизму: в отличие от традиционных представлений о протекционизме (от Ф. Листа до С. Ю. Витте и Д. И. Менделеева) как инструменте поддержки молодой национальной промышленности, здесь в нем видели способ обеспечить автаркическое развитие, защищающее от экономических кризисов.

Во-вторых, наличие политических ограничений, консерватизм социально-политической структуры, включая сохранение и упрочение существующих форм социальной стратификации. Это находило проявление и в системе государственного управления, и в логике существующих общественных структур, и во вмешательстве государства в хозяйственные процессы. Наиболее жестко это выразил многолетний министр финансов Николая I и активнейший борец с новыми веяниями Е. Ф. Канкрин, который писал: «Иногда говорят, что собственник лучше всех знает, как использовать свое имущество. Разумеется, в своих интересах, но не интересах целого, которому, однако, должна быть подчинена всякая собственность, поскольку лишь при этом основном условии может вообще состояться собственность»¹. Эта фраза является отражением этатизма как мировоззрения применительно к экономической политике, став одним из оснований противостояния между этатистским и либеральным (идушим от приоритета частного интереса) подходами, в полной мере сохраняющиеся вплоть до настоящего времени.

В-третьих, формировался определенный тип образования, чуждый поиску и творчеству, что было необходимо в условиях ускорившегося темпа общественных (в том числе эконо-

¹ Цит. по: Цвайнерт И. История экономической мысли в России. 1805–1905. М.: ГУ – ВШЭ, 2007. С. 165–166. Впрочем, консервативные взгляды не помешали Канкрину обеспечить стабильность денежной системы. В следующий раз это удастся только полвека спустя С. Ю. Витте.

мических) изменений. Суть образовательной доктрины наиболее четко выразил тогда министр народного просвещения К.А.Ливен: «Для государства и человечества было бы лучше, если бы люди менее стремились учить и управлять, чем повиноваться и точно исполнять установленные правила».

Наконец, в-четвертых, власть всячески стремилась ограничить контакты с Западом. Паспорта для выезда за рубеж выдавались с большими бюрократическими проволочками и стоили очень дорого.

Эта политика должна была обеспечивать стабильность и порядок. И она обеспечивала стабильность и порядок на протяжении довольно длительного времени, не допуская развертывания модернизационных процессов. Тем более, что охранительно-консервативная модель модернизации воспринималась как способ недопущения революционных эксцессов. Однако на практике это привело к катастрофическим последствиям — как с точки зрения внутренних вызовов, так и в международном позиционировании России. Результатом торможения модернизации стало «ужасное зрелище страны... где... нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей»¹. Тот же комплекс причин привел и к поражению в Крымской войне. Впрочем, это не стало уроком для российской власти. Новые попытки торможения модернизации (начала XX века и 1970-х годов) привели к еще более тяжелым последствиям, обернувшись системным кризисом и последующим распадом страны.

Но вернемся к реформам середины XIX столетия.

Исходным пунктом реформ 1860-х годов являлось понимание взаимосвязи экономических и политических преобразований, что фактически означало признание необходимости комплексного подхода к модернизации. Пожалуй, наиболее четко это выразил И.К.Бабст, который писал в 1856 году: «Трудно себе представить, до какой степени дурная администрация, отсутствие безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурные учреждения действуют губительно

¹ Белинский В.Г. Письмо к Н.В.Гоголю // Русская литературная критика XIX века. М.: ЭКСМО, 2007. С. 104–105.

на бережливость, накопление, а вместе с тем и на умножение народного капитала. Междоусобные войны, борьба политических партий, нашествия, мор, голод не могут иметь того губительного влияния, на народное богатство, как деспотическое и произвольное управление»¹. Вторая фраза является, несомненно, преувеличением, однако цель ее вполне понятна — выделить особую опасность дурного управления, которая, вроде бы, в большей мере зависит от эффективности властей, нежели мора и войны. Важным является в этом тезисе вытекающая из него приоритетность политико-правовых преобразований по отношению к экономическим.

Это не была принципиально новая для экономической мысли идея. На необходимость обеспечения политических предпосылок для экономического роста ясно указал А. Смит в своей известной формуле о хорошем государстве, низких налогах и отсутствии войн как условиях роста благосостояния нации. О том же фактически писал и Дж. С. Милль в приведенной нами во Введении цитате. Ответственная экономическая политика не может не иметь в своем основании просто ответственную политику, обеспечивающую стабильность и предсказуемость правил игры. Впрочем, модернизаторский курс второй половины XIX века, требуя существенной политической либерализации, вовсе не предполагал торжества экономического либерализма.

Исключительно важную роль в индустриальной модернизации России должно было сыграть государство. Это было предопределено отнюдь не традициями отечественного этатизма как таковыми, о чем немало было написано в отечественной экономической и политологической литературе. При всей важности этатистской традиции, причины особой роли государства в российской модернизации прежде всего отражали те реальные вызовы, с которыми столкнулась страна в результате поражения в Крымской войне.

Можно выделить несколько причин усиленной роли государства в решении осуществлении модернизации. Это предопределялось, во-первых, необходимостью осуществления ряда крупных институциональных реформ, без которых движение

¹ Бабст И. К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. Казань, 1856. С. 26.

вперед было уже невозможно — а это было прямой функцией власти. Во-вторых, детерминированностью политики военнополитическими задачами, что было вполне естественно для страны с огромной территорией и беспрецедентной протяженностью сухопутных границ. В-третьих, отсутствием сколько-нибудь значимых капитальных накоплений, которые могли бы быть инвестированы в развитие промышленности, основываясь исключительно на коммерческом расчете и интересе. В-четвертых, крайне низким уровнем доверия в обществе, и особенно в хозяйственной (предпринимательской) элите, что негативным образом сказывалось на всей системе экономических отношений, сдерживая и ограничивая роль финансовых институтов (банков) в индустриализации. Наконец, в-пятых, самой спецификой нарождавшейся индустриальной эпохи, которая, как это станет очевидно на рубеже XIX–XX веков, приведет к концентрации производства и созданию крупных хозяйственных форм, монополизировавших производство и распределения и требовавших централизованного регулирования.

Институциональная отсталость России требовала принятия решительных мер как негативного, так и позитивного характера. С одной стороны, надо было провести освобождение крестьянства от крепостной зависимости, без чего никакая модернизация в принципе не могла бы осуществиться. С другой стороны, надо было реализовать определенную позитивную программу мер, направленных на стимулирование экономического роста.

1.2. Великие реформы Александра II

Освобождение крестьян знаменовало собой отказ от консервативного антииндустриалистского курса и одновременно стало первым шагом на пути к индустриализации. Однако самого по себе этого шага было недостаточно для динамизации экономической жизни. Во-первых, освобождение было проведено так, что крестьянство оставалось опутано долговыми и административными путами — растянувшимися на десятилетие выкупными платежами и общиной — что сдерживало рост спроса на продукцию промышленности, а также рост предложения свободного труда для ее развития. Во-вторых,

необходимо было создание сложной системы новых институтов, адекватных для капиталистической рыночной экономики в том виде, в котором она складывалась во второй половине XIX века.

На два десятилетия растянулся период институциональных преобразований, получивший в истории название «великих реформ», чтобы только в 1880-е–1990-е годы привести к заметному ускорению развития страны и началу масштабных социально-экономических преобразований. Причем бросается в глаза парадоксальность политики второй половины XIX столетия: начало ускоренного экономического роста произошло тогда, когда реформаторский пыл в обществе иссяк, и на смену политике реформ пришло возвратное движение в направлении консерватизма и доминирование анти-западного идеологического дискурса¹. Впрочем, подобная ситуация не является беспрецедентной — нередко экономические реформы оказываются проще осуществлять консервативным правительствам.

Еще до освобождения крестьян российская политическая элита понимала необходимость комплексного подхода к реформированию системы государственного управления как предпосылки модернизации общества. В различных записках второй половины 1850-х годов, непосредственно предшествующих освобождению, обращалось внимание на необходимость параллельно предпринять ряд мер политического и экономического характера. В частности, предлагалось провести децентрализацию государственного управления, сокращение госадминистрации и армии, начать реформу суда и полиции, перейти к веротерпимости, обеспечить гласность (открытость) государственного бюджета и начать сокращение

¹ Очень точно, хотя и в специфической советской терминологии, эта ситуация была описана П. А. Зайончковским: «Если внутривнутриполитический курс был рассчитан на сохранение пережитков феодальных отношений, усиление роли дворянства, сохранение патриархальных отношений в деревне, то экономическая политика правительства в основном была направлена на развитие капитализма. Это в первую очередь характеризовалось таможенной политикой, системой запретительных тарифов, способствовавших развитию промышленности, привлечению в Россию иностранных капиталов» (Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. С. 10, 138–139).

его расходов, отказаться от откупов и ввести подоходный налог, начать преобразование банковской системы и др.¹

Условия освобождения крестьян стали результатом компромисса между различными группами политической элиты. Сохранение общины ограничивало возможности перемещения сельских жителей в города и тем самым влияло на темп индустриализации. Выкупные платежи (и вообще высокие налоги) ограничивали платежеспособный спрос крестьянства — основной массы населения, что, в свою очередь, тормозило развитие промышленности и объективно усиливало роль государства (государственного спроса) в индустриализации страны. Сохраняющиеся обязательства крестьян (и, следовательно, властей) перед помещиками дестимулировали последних от рационализации своих хозяйств путем повышения производительности труда — помещики оказались более заинтересованными в получении арендной платы, нежели в повышении производительности труда.

Таковы были стандартные упреки в адрес крестьянской реформы. Однако, повторяем, это был компромисс, и остается только гадать, привели ли бы более решительные преобразования к ускорению экономического развития страны или же, напротив, лишь до предела обострили бы социальные конфликты (из-за быстрой пауперизации крестьянства и столь же быстрого разорения дворянства). Главное же состоит в том, что путь к системным преобразованиям в 1861 году был открыт — и государство должно было начать активную работу, чтобы эти преобразования повлекли за собой социальный и экономический прогресс.

Итак, освобождение крестьян стало первым шагом на пути системной трансформации Российской империи. Ключевая роль именно этого шага состоит в том, что здесь концентрировались и переплетались важнейшие политические, социальные и экономические проблемы, из которых вытекали другие модернизационные реформы, в конечном счете подтолкнув-

¹ См., например: *Шевырев А. П.* Либеральная бюрократия Морского министерства в 1850–1860-е гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1986. № 3. С. 58; *Погребинский А. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 268; *Дневник графа Петра Александровича Валуева. 1847–1860* // Русская старина. 1891. Август. С. 276–277.

шие экономический рост. Это отчетливо сознавало руководство страны. Вот как писал Александру II министр внутренних дел П. А. Валуев в сентябре 1861 года: «При совершении великих реформ первое слово может быть решительным словом законодателя, но не может быть его последним словом». И далее: «Вашему Величеству благоугодно было признать, что, двинув крестьянский вопрос, надлежало вместе с ним, или вслед за ним, двинуть и все другие»¹.

За крестьянской реформой последовали и другие. Одни из них были более успешные, иные — менее, но все они готовили предпосылки для экономической модернизации. Это были судебная реформа, земская реформа (реформа местного самоуправления), военная, университетская, цензурная реформы. Все они по сути своей предполагали либерализацию общественно-политической жизни, привлечение общественности к делам управления (хотя и на локальном уровне), фактическое усиление общественного контроля за деятельностью государственных органов.

Параллельно власть попыталась подойти и к осуществлению экономических преобразований, способствующих развитию капиталистических (рыночных) отношений. Как это происходит во всех странах на протяжении последних двух сотен лет, при определении концепции экономических реформ дискуссия разворачивается между двумя принципиальными позициями — либеральной и дирижистской (если говорить современным языком). Было бы неточно отождествлять эти полюса с западничеством и славянофильством, как это может показаться при поверхностном взгляде. Представители обеих групп ставили во главу угла задачу капиталистической модернизации, однако предлагали разные пути решения этой проблемы. Ключевым вопросом, вокруг которого велась полемика, была, естественно, роль государства в проведении экономической модернизации. Причем вторая половина XIX века вобрала в себя смену парадигмы экономического

¹ См.: Записка П. А. Валуева Александру II «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 г.» (15 сентября 1861 г.) // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX вв. СПб.: Спас — Лики России, 2007. С. 126, 129. Характерно, что император делал на тексте одобрительные пометки.

реформаторства, означавшей переход от доминирования либеральной идеологии (хотя и не либеральной практики¹) развития к дирижистской.

Либерализационные реформы Александра II сопровождались, естественно, подъемом либеральной экономической идеологии. Соответствующие идеи проводились в работах Н. К. Бабста, И. В. Вернадского, А. И. Чупрова, Н. Х. Бунге, а наиболее последовательным проводником их в жизнь стал М. Х. Рейтерн, возглавлявший министерство финансов в 1862–1877 годах. В самом общем виде их представления состояли в необходимости России пойти по пути Западной Европы, реформируя в соответствующем направлении свои политические и экономические институты². Активные сторонники альтернативной (этатистской) модернизационной модели выявились позднее — в конце XIX века. Ее наиболее яркими и последовательными сторонниками были Д. И. Менделеев, И. А. Остроградский и, конечно, С. Ю. Витте.

Говоря о наличии двух моделей модернизации России, было бы неверным их абсолютное противопоставление. Расхождения касались степени вмешательства государства в экономику, и в первую очередь вопросов о торговом тари-

¹ Как небезосновательно писал один из наиболее интересных исследователей рассматриваемого периода И. Ф. Гиндин, «законченные фритридерско-либеральные концепции оставались в значительной мере лишь литературным явлением, были достоянием узких интеллигентских групп, которые в какой-то мере выражали интересы развития страны по капиталистическому пути и в еще большей мере реакцию на всю предшествующую экономическую политику, тормозившую капиталистическое развитие страны» (Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1992 годы). М.: Госфиниздат, 1960. С. 47).

² Понятно, что будучи министром, М. Х. Рейтерн не мог быть последовательным либералом — человек, занимающийся практической политикой, не может последовательно реализовывать определенную идеологическую доктрину, даже будучи искренне привержен ей. «Экономические взгляды Рейтерна, первоначально пронизанные идеями экономического либерализма, после трудностей, в пореформенный период, сильно изменились. Экономическая реформа — эксперимент Рейтерна, начавшаяся вполне успешно, постепенно привела к финансовым нарушениям, и тогда Рейтерн развернул свою программу в стороны государственного регулирования» (Семенкова Т. Г. Экономическая платформа либерализма: исторический опыт России середины XIX века // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проспект, 2004. С. 250).

фе и роли государства в крупных инвестиционных проектах (особенно в строительстве и эксплуатации железных дорог)¹. Опрокидывая наш современный опыт (рубежа XX–XXI веков) на ситуацию второй половины XIX века, было бы ошибочно дополнять картину расхождений отношением к финансово-денежной политике, непосредственно увязывая дирижизм с ослаблением финансовой дисциплины и инфляционизмом. Подобная концептуальная связка является уже обретением XX века. В веке же XIX представители обоих интеллектуальных течений сходились в необходимости прежде всего оздоровления финансовой системы. Другое дело, что им это далеко не всегда удавалось. Причем, как показала практика, задачу макроэкономической стабилизации в тех условиях удалось решить как раз дирижистам, а не либералам.

Таким образом, параллельно с великими политическими и административными реформами Александра II была предпринята попытка осуществления экономических реформ — прежде всего бюджетно-финансовой, денежной и налоговой. Уже в начале 1860-х годов М. Х. Рейтерн сформулировал основные элементы своей программы модернизации. Она включала: 1) обеспечение бюджетной сбалансированности при сокращении бюджетных расходов; 2) урегулирование процедуры формирования бюджета (включая запрет министров обращаться к императору за деньгами, минуя министра финансов); 3) устранение неразменных на металл бумажных денег как важнейшего фактора стимулирования накопления капитала и инвестиций; 4) улучшение торгового баланса путем сокращения импорта и наращивания экспорта; 5) развитие транспортной инфраструктуры (особенно строительство железных дорог) как важного фактора стимулирования экспорта; 6) привлечение иностранного капитала, особенно в железнодорожное строительство. Нетрудно заметить, что эта программа отражала реальные потребности модерниза-

¹ Важность крупных инвестиционных проектов, разумеется, никем не отвергалась. М. Х. Рейтерн одним из первых обратил внимание на то, что экономическая модернизация России с учетом ее территориальной специфики немыслима без крупных вложений в инфраструктуру, и прежде всего в строительство железных дорог. Однако в его представлении строительство железных дорог должно было быть отдано в руки частного бизнеса, поскольку это позволило бы разгрузить государственный бюджет.

ции, и потому именно ее реализация составляла повестку дня всех министров финансов вплоть до Первой мировой войны.

В 1862 году было принято решение о ежегодной публикации государственного бюджета — росписи государственных доходов и расходов. И тогда же впервые в отечественной истории этот документ был опубликован¹. Разумеется, еще очень далеко было до участия граждан в принятии бюджета, но по крайней мере они могли уже вполне легально начать обсуждать его. Особенно важным шагом стало введение государственного контроля, который получил право внезапных ревизий кассовых и фактических расходов бюджетных средств, а также эффективности этих расходов. Ведомства потеряли право на собственные источники доходов и на испрашивание у императора непосредственно (минуя министерство финансов) сметы на дополнительные («чрезвычайные») расходы.

В дальнейшем были предприняты шаги по оздоровлению бюджетной политики в направлении сокращения бюджетного дефицита и его эмиссионного покрытия. Среди предпринятых действий было создание в 1860 году Государственного банка (вместо нескольких казенных банков), обеспечение единства кассы, упорядочение доходной базы бюджета путем осуществления налоговой реформы. Денежная реформа была нацелена на стабилизацию денежного обращения и стимулирование тем самым экономического роста. Предполагалось создание крупного разменного металлического фонда и введение свободного размена бумажных денег на металлические (золото и серебро). В налоговой области предполагалось перейти от сословных податей к всесословной системе подоходного налога.

Денежно-финансовые реформы были наименее успешными среди преобразований царствования Александра II. Сложное внутри- и внешнеполитическое положение не позволило последовательно осуществить политику финансового и денежного оздоровления. Деньги были нужны то на покупку по-

¹ Впрочем, как водится, современники были недовольны этим шагом правительства, считая его совершенно недостаточным. Ведь опубликованный краткий (на одной странице) перечень доходов и расходов был и так знаком интересующимся подданным империи — естественно, из немецких, французских или английских источников. (См.: Из записок сенатора К.Н. Лебедева. 1862 г. // Русский архив. 1911. Март. С. 381–382.)

литической лояльности высших классов, то на умиротворение недовольства крестьян, то на подавление восстания в Польше, то на военные действия на Балканах. В общем, не удалось ни накопить необходимые для устойчивости денежной системы металлические резервы, ни сбалансировать бюджет. Однако попытки оздоровления финансово-экономической сферы были важны уже потому, что позволили наметить программу дальнейших шагов в этой области. Кроме того, политические и правовые реформы продвигались вперед, и это создавало основу для ускорения экономического роста в будущем.

Наконец, несмотря на широкое распространение либеральной риторики, государство стремилось активно вмешиваться в процесс становления капиталистического (промышленного) производства. С одной стороны, оно жестко контролировало процесс создания акционерных обществ, введя разрешительный (а не заявительный) порядок их создания, требовавший прохождения сложных бюрократических процедур¹. С другой стороны, правительство было всегда готово придти на помощь предприятиям в случае возникновения угрозы их банкротства, что уже тогда создавало ситуацию, ставшую хорошо известной уже из этатистского опыта XX века как «приватизация прибылей и национализация убытков», как проблема недобросовестного поведения, или *moral hazard problem*. Прежде всего это касалось железнодорожных компаний².

К концу правления Александра II *противоречие между политическими и экономическими реформами становилось все более заметным*. Политические реформы без экономического оздоровления, без значимого экономического роста, обеспечивающего общий подъем благосостояния оказывались неу-

¹ В 1859 году Комитет министров предложил министрам «из поступающих к ним ходатайств о дозволении учреждать акционерные компании, давать ход только тем, от которых можно положительно ожидать государственной или общественной пользы, обращая вместе с тем внимание на благонадежность учредителей». (Цит. по: Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 37.)

² Интересно отметить, что тенденция эта применительно к молодому российскому капитализму была подмечена Ф. Энгельсом. Он писал: «Первой победой русской буржуазии были железнодорожные концессии, по которым акционерам доставались все будущие прибыли, на государство же возлагались все будущие убытки» (Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 451).

стойчивыми, подверженными колебаниям внутривнутриполитической конъюнктуры. Всякие реформы (в том числе и реформы политические) связаны с издержками, которые могут быть компенсированы только в случае параллельного улучшения экономической ситуации. Это улучшение может быть, разумеется, отложенным, поскольку прогрессивные политические сдвиги на время могут улучшать общественные настроения и готовность поддерживать правительство без заметных сдвигов в благосостоянии. Однако в такой ситуации власть просто получает кредит доверия под будущие экономические дивиденды, и этот кредит не может быть безвозвратным — рано или поздно за него придется платить. Эйфория от прогрессивных изменений (эйфория от «оттепели») не может длиться вечно, а устойчивый характер реформам придают все-таки экономические достижения. Иными словами, необходимы средства для компенсации издержек любых реформ.

Именно в эту ловушку и попало правительство во второй половине 1870-х годов. «Нужны же были либо немедленно выдвигание программы дальнейшего продолжения реформ, способной увлечь российское общество, либо немедленный переход к жесткому режиму, который следовало использовать для передышки и хотя бы экономических преобразований. Стареющий император оказался не способен ни на то, ни на другое»¹. Этот выбор должны были сделать уже преемники царя-освободителя.

1.3. Политический консерватизм и экономические реформы: формирование этатистской модели индустриализации

Гибель 1 марта 1881 года Александра II привела к смене политического курса. На смену либеральным политическим реформам пришли контрреформы. Однако политические изменения касались больше формы правления, а не существа политической системы². Но еще более важно то, что на сме-

¹ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М.: ОЛМА-Пресс — Экслибрис, 2006. С. 323.

² «Реформы Александра II решительно поставили Россию на обычный европейский путь культурного развития, превращения в буржуазное правовое государство. Царствование Александра III в самом существенном не свело,

ну экономической неопределенности пришел экономический рост. Последние два десятилетия XIX века знаменуют собой переход от доминирования в экономической идеологии либеральных идей к этатизму (дирижизму) с его верой в почти неограниченные возможности государства по регулированию экономического развития. Это не была специфически российская проблема — такой переход совершили тогда практически все ведущие страны мира. Одновременно проявилась и важная специфика России, в которой экономический этатизм практически всегда отождествляется с философией антизападничества.

Действительно, политическая философия правления Александра III была по сути своей *антизападнической и антилиберальной*. Власть не отрицала важности определенных политических преобразований, усиления внимания к голосу, идущему от народа. Однако возможные новые институты виделись как полная противоположность западной представительной демократии, к которой фактически вел курс Александр II, а формы народного участия смутно прорисовывались в виде каких-то соборных учреждений. На этой основе шел поиск *«русской самобытной конституции, которой позавидовали бы в Европе и которая заставила бы умолкнуть наших псевдолибералов и нигилистов»*¹. Хотя и эти идеи вскоре были отправлены в небытие². Правительство фактически отказалось от политических реформ — они были буквально вырваны у него либеральной буржуазией и бюрократией в условиях революционного взрыва 1905 года.

да и не могло свести, страны с этого пути. Но, продолжая строить железные дороги, развивать промышленность, перестраивать натуральное народное хозяйство на меновое, правящие слои этого царствования все свои интеллектуальные силы отдали на создание фикции, будто на самом деле Россия продолжает оставаться старинной национальной монархией чуть ли не допетровского времени. Уже буржуазное по существу государство хотело казаться славянофильским по форме». (Изгоев А. П. А. Столыпин: Очерк жизни и деятельности. М.: Кн-во К. Ф. Некрасова, 1912. С. 11.)

¹ Цит. по: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 459–460. (Курсив мой. — В. М.)

² Идеолог нового режима М. Н. Катков категорически отрицал необходимость какой бы то ни было конституции, даже «специфически российской» (Катков М. Н. Наша конституция // Московские ведомости. 1882. 11 мая).

Отказ от политических реформ был тем более возможен, что экономическое развитие России получило заметное ускорение в последние два десятилетия XIX века. Свою роль сыграл комплекс факторов, соединившихся к этому времени и сформировавших оригинальную модель роста. Назовем некоторые из них.

Во-первых, политические реформы Александра II способствовали формированию слоя экономически активного населения, способного накапливать деньги и инвестировать. Какой бы половинчатой ни была крестьянская реформа, как бы ни ограничила она возможности для накопления и перераспределения ресурсов — она обеспечила заметное расширение круга предпринимателей, так и численности наемных работников. А это было главное для начала широкомасштабной индустриализации.

Во-вторых, правовые реформы (прежде всего судебная) сыграли роль, в чем-то схожую с установлениями английской «славной революции» (введения Habeas Corpus Act), подкрепив гарантии прав собственности возможностью защиты своих прав в состязательном судебном процессе. В этом же направлении действовала и существенно расширившаяся свобода слова (именно в 1860-е годы в России впервые появился термин «гласность» в его современном значении). Эти базовые права значат для экономического роста гораздо больше, чем политические права (избирать и быть избранным), поскольку именно они обеспечивают защиту жизни и частной собственности¹.

В-третьих, изменение экономической политики государства, которое перешло к прямым и активным мерам регулирования хозяйственной жизни в направлении ускоренной индустриализации. Это выразилось в введении покровительственного таможенного тарифа, в выкупе железных дорог в казну и переходе к их строительству за счет средств государственного бюджета, в существенном усилении контроля за деятельностью бирж и частными предприятиями, в использовании государственных монополий.

¹ О важности «базовых прав» (на неприкосновенность жизни и собственности) подробнее см.: Импортированные институты в странах с переходной экономикой. М.: ИЭПП, 2003. С. 85–86.

Потребности индустриализации уже в 1880-е годы являлись доминантой при формировании концепции экономической политики. А ситуация была весьма противоречивой. Индустриализация, причем осуществляемая достаточно быстро, давала России шанс быть равноправным членом в группе великих держав. Этот путь был важен и для стабилизации внутреннего положения империи, для повышения благосостояния населения, для укрепления политического режима. Но при осуществлении курса на индустриализацию надо было преодолеть немало серьезных препятствий, чреватых социальными потрясениями.

Главными проблемами индустриализации России были относительная слабость частного предпринимательства, отсутствие значительных капитальных ресурсов, отсутствие действенной системы аккумулирования и межотраслевого перелива капитала (через банки и фондовые биржи). Нужда же в капиталах была огромная: рост национальной экономики требовал безотлагательного развертывания железнодорожного строительства и связанных с ним отраслей тяжелой промышленности. Последнее как раз и предопределяло исключительную роль государства в решении задач индустриализации.

Ключевой функцией, которую должно было взять на себя государство, являлось формирование капитала, необходимо для модернизации, в том числе и частных фирм. Страна с исключительно низким по европейским масштабам уровнем среднедушевого ВВП не могла не сталкиваться с тремя проблемами в этой сфере. Во-первых, с физической нехваткой средств, остающихся на накопление — в связи с низким уровнем потребления основной массы населения. Во-вторых, с отсутствием надежных институтов перераспределения капитала в приоритетные отрасли промышленности. В-третьих, с отсутствием необходимых макроэкономических условий для обеспечения притока иностранного капитала. Государство взяло на себя ответственность по преодолению этих трех ограничителей на пути экономического роста.

Решая эти задачи, государство должно было обеспечивать мобилизацию денежного капитала через налоговую систему и перераспределять формируемые таким способом средства в пользу крупной промышленности, покровительствовать оте-

чественной индустрии при помощи соответствующей внешнеэкономической политики, изыскивать валютные ресурсы для импорта машин и оборудования, создавать благоприятные условия для притока иностранного капитала, обеспечивать обслуживание внешних займов, к которым прибегало правительство в целях расширения финансовой базы индустриализации.

Каковы были основные компоненты экономической политики, которые должно было задействовать государство для решения стоящих перед ним задач индустриализации? Перечислим наиболее важные из них.

Первое — перераспределение капитала в пользу промышленности, прежде всего тяжелой. Для этого активно использовалась налоговая система, позволявшая при помощи прямых и косвенных налогов извлекать доходы, генерируемые в сельском хозяйстве. Ради осуществления индустриализации «правительство проводило строжайшую фискальную политику, основанную на косвенных налогах... которая позволяет перевести средства, израсходованные населением, т.е. прежде всего населением деревень, которое и без того вынуждено платить за фабричную продукцию запределные цены, — в индустриальные инвестиции»¹. В условиях повышения экономической динамики правительство не могло более полагаться на налоги, не связанные с хозяйственной активностью. Была отменена подушевая подать и стали вводиться налоги на различные доходы (например, на доходы с процентных бумаг, на имущество, получаемое безвозмездным путем и др.), а также существенно увеличены косвенные налоги, ключевым элементом которых стало, разумеется, введение казенной монополии на водку.

Важную роль играли и прямые налоги. Именно с точки зрения фискальных интересов следует рассматривать и длительное сохранение общинного землепользования. Круговая порука, облегчавшая налоговое администрирование, была тем главным аргументом, который препятствовал отказу от общины и переходу к полноценной частной собственности на землю. Разумеется, было более или менее ясно, что разрушение общины должно будет привести к ускорению разви-

¹ Феретти М. Безмолвие памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 7.

тия производительных сил и, в конечном счете, к росту собираемости налогов. Но это лишь в конечном счете. А в текущем периоде отказ от механизма круговой поруки представлялся опасным с точки зрения и без того весьма напряженного государственного бюджета. Высокие налоги, которые должны были платить крестьяне, перераспределялись, таким образом, в пользу индустриализации.

Второе — создание институциональных условий для мобилизации и перераспределения капитала. Фундаментальной проблемой России было отсутствие у экономических агентов кредитных историй (или их аналогов) и, соответственно, низкий уровень доверия экономических агентов друг другу. Банки, сыгравшие ключевую роль в финансовом обеспечении ускоренной модернизации Франции и Германии, были в России слабы и ненадежны — причем сказанное касалось не только немногочисленных частных, но и государственных банков. Эти функции на первоначальном этапе также должно было взять на себя государство¹. На это прямо указывали С. Ю. Витте и его ближайшие сотрудники, обосновывая появление новых функций Государственного банка тем, что «снабжение населения кредитом не может быть достигнуто не только в полной мере, но даже и в сколько-нибудь значительной степени через посредство частных кредитных учреждений»².

Действительно, ведущую роль по предоставлению финансовых ресурсов для роста должен был играть созданный еще в 1860 году Государственный банк. Этот институт сочетал в себе функции сразу трех банковских учреждений, известных современной экономике: центрального банка, коммер-

¹ «Скудность капитала в России была такова, что никакая банковская система, очевидно, не могла привлечь достаточных ресурсов для финансирования крупномасштабной индустриализации; стандарты деловой этики были гибельно низки; общее недоверие было так велико, что ни один банк не мог надеяться на привлечение даже имеющегося небольшого объема капитальных ресурсов, или выдавать долгосрочные кредиты в условиях, когда мошенническое банкротство было возведено в ранг почти общей деловой практики». (Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. P. 19–20.)

² Цит. по: Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. С. 204.

ческого банка и банка развития¹ — феномен, нетипичный для развитых капиталистических экономик того времени. Естественно, такое положение Госбанка делало его объектом политического и коммерческого давления для получения дешевых («благотворительных» или «филантропических») денег, причем не только на производственные, но и на потребительские нужды². Но главная задача этого института состояла все-таки не в «благотворительности», а в предоставлении средств для реализации целей экономической политики правительства и конкретно министерства финансов³. Причем

¹ Сочетание в одном институте функций центрального банка, коммерческого банка и банка развития было уникальным для конца XIX века, равно как немисливо и с позиций рубежа XX–XXI веков. «Центральные банки основных капиталистических стран... являлись исключительно организациями денежно-кредитной политики... Использование Государственного банка России... в целях общеэкономической политики и его непосредственное подчинение министру финансов являлись резким отклонением от статуса и основ деятельности современных ему центральных банков других стран» (Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 74).

В целях нашего исследования необходимо подчеркнуть, что подобная роль Госбанка станет определяющей характеристикой для советской экономической модели и вообще получит некоторое распространение в XX веке, когда многие страны будут решать задачи индустриальной модернизации в условиях централизации ресурсов и управления. В СССР наличие единого Государственного банка будет рассматриваться как неотъемлемая черта социалистической экономики. Хотя на самом деле, как и ряд других институтов ускоренной модернизации, универсальный Госбанк будет уходить корнями в экономическую модель второй половины XIX столетия. И только в последние годы существования СССР (с 1986 года) будут предприняты шаги по формальному разделению функций банков на два уровня.

² Как писал современник, с самого начала существования Государственного банка «коммерческий мир ожидает от банка кредита, раздаваемого правительством торгующим лицам, сообразно с видами не коммерческими, а государственными и филантропическими. Соответственно, промотавшийся купец считает себя в праве на кредит в большей степени, чем состоятельный» (Безобразов В. П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. М., 1864. С. 56–57).

³ «Для банка, независимого от финансового ведомства, не существует отраслей промышленности, а только торговые и промышленные фирмы: он открывает кредит тем фирмам, которые нуждаются в кредите и представляют достаточно гарантий для целости выдаваемой ссуды» и ему нет дела до того, что «к нему явится лицо, желающее заняться известной отраслью промышленности, которая находится почему-то в фаворе у финансового ведомства» (Залишупин А. С. Наша банковская политика. СПб., 1896. С. 78).

происходило это как в легальной форме, так и в форме «неуставных ссуд» — операций, которые производились по специальному докладу министра финансов и не соответствовали (или прямо противоречили) уставу банка¹.

Естественно, государственное участие не могло быть столь же эффективным, каким было обычное частное предпринимательство в странах-пионерах индустриализации. Но без этого решение задачи ускоренного экономического роста оказалось бы в тупике.

Третье — обеспечение валютных поступлений. Высокие налоги давали в руки правительства основной экспортный ресурс России — зерно, вывоз которого был особенно важен в целях привлечения иностранного капитала. Хорошо известен лозунг «Не доедим, а вывезем», сформулированный министром финансов И. А. Вышнеградским. Для решения этой задачи была организована и соответствующая инфраструктура: например, государственные элеваторы, на которых концентрировался экспортируемый хлеб, были непосредственно подчинены системе Государственного банка. Ведь зерно было основным источником поступлений валюты (драгоценного металла), столь необходимой для обеспечения макроэкономической стабильности — укрепления денежной системы и как фактора притока иностранного капитала.

Четвертое — отказ от принципов свободной торговли и переход к активной протекционистской политике. Это было время, когда соответствующий переход осуществили практически одновременно все ведущие мировые державы, так что Россия не стала в этом смысле исключением. Тем самым впервые в новейшей экономической истории было на практике зафиксировано то, что Ф. Лист предвосхищал в своей экономической теории — решение задач индустриализации на определенном этапе должно отрицать принципы свободной торговли². Ограничение конкуренции стало важнейшей

¹ См.: Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. СПб., 1907. С. 283–305.

² Об этом же писал и Д. И. Менделеев: «Фритредерский образ действий подходит к странам, уже укрепившим свою фабрично-заводскую промышленность. Протекционизм, как абсолютное учение, есть такой же рационалистический вздор, как и абсолютное фритредерство» (Менделеев Д. И. Толковый

характеристикой нарождающейся индустриальной системы. Переход к покровительственной политике всегда предполагает усиление участия государства в экономике, поскольку здесь государство берет на себя ответственность за эффективность дальнейшего развития производства, за готовность экономических агентов ответить на защитные меры не всплеском цен и монополистическим шантажом, а развитием производства и повышением производительности труда.

Пятое — достижение и поддержание макроэкономической стабильности, что требовало оздоровления бюджета и денежной системы. Здоровый бюджет и здоровые деньги — таковы были две важнейших задачи, которые должно было решить правительство (точнее, министерство финансов) для обеспечения структурной модернизации и устойчивого экономического роста.

Покровительственная политика в совокупности со здоровой макроэкономикой обуславливали *шестой элемент* экономической политики государства — стимулирование притока прямых частных иностранных инвестиций. Они поступали в Россию в форме акционерного капитала и способствовали развитию новых отраслей промышленности, осваиванию новых промышленных регионов (например, южной угольно-металлургической базы) и несли с собой, разумеется, новые технологии и связанное с ними повышение производительности труда. Важным фактором притока иностранного капитала была также длительная история политической стабильности страны, благодаря чему инвестиции в нее не казались рискованными.

Седьмое — железнодорожное строительство. Оно стало локомотивом развития экономики, предъявляя спрос на продукцию многих других отраслей. Для удовлетворения потребностей в железнодорожном строительстве и с учетом покровительственного таможенного тарифа в стране создавались новые предприятия.

Восьмое — предпринимались разнообразные меры прямого государственного воздействия на экономику. Среди них:

тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г.// *Менделеев Д. И. Сочинения*. Т. 19. М. –Л., 1950. С. 34–35).

прямое участие государства в учреждении частных предприятий, выдача преференциальных заказов отечественным производителям (особенно военной продукции и железнодорожных материалов), поддержание высоких цен на покупаемые казной промышленные товары, избирательное кредитование отдельных предприятий (практика неуставных ссуд), имеющих «государственное значение», гарантирование прибыли новым промышленным предприятиям и даже нормирование производства сахара¹. Консервативные сторонники «русской самобытности» требовали преодоления «финансового космополитизма», олицетворявшегося министерством финансов, включая выкуп в казну частных железных дорог, ужесточения государственного контроля над банками и промышленными предприятиями, видя в поддержке частнопредпринимательской сферы далеко идущие политические последствия — утверждение чуждого для России конституционного строя².

Более того, государство поддерживало появление первых синдикатов как инструментов обеспечения устойчивости хозяйственной деятельности и противодействия колебаниям спроса. Государство нередко выполняло функции собственника, инвестора, менеджера и контролера³. Естественно, это приводило к переплетению интересов государства и бизнеса, что отнюдь не способствовало развитию

¹ Яркая характеристика государственного регулирования частнопредпринимательской деятельности в целях индустриализации содержится в книге: *Воронцов В.* Судьба капитализма в России. СПб., 1882. С. 32–68.

² Весьма показательной в этом отношении была брошюра товарища обер-прокурора Синода Н. П. Смирнова — естественно, близкого по взглядам К. П. Победоносцеву и М. Н. Каткову. (См.: *Смирнов Н. П.* Современное состояние наших финансов, причины упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства. СПб., 1885. С. 5.)

³ См.: *Shanin T.* Russia as a «Developing Society». Basingstoke: Macmillan, 1985. Vol. 1. P. 184, 202; *Henderson W. O.* The Industrial Revolution on the Continent: Germany, France, Russia. 1800–1914. L.: Frank Cass, 1961. P. 202–204; *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. P. 19; *Беспалов С.* Политика экономической модернизации России в дискуссиях конца XIX — начале XX веков. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2004. С. 31.

самостоятельного и ответственного предпринимательского класса¹.

Вся тяжесть подобной политики ложилась, естественно, на крестьянство — оно было основным налогоплательщиком империи (80% населения) и давало основные экспортные ресурсы. Высокие налоги существенно ограничивали покупательский спрос крестьянства на рынке промтоваров, а перераспределительная активность государства делала промышленность относительно независимой от спроса основной массы населения². Экономические взаимоотношения между городом и деревней тем самым оказывались в значительной мере опосредованными государственной властью, что существенно влияло на сам механизм функционирования народного хозяйства. В стране быстро развивался единый всероссийский рынок, причем государство активно вмешивалось в его процессы, воздействуя на этот рынок и модифицируя его.

Таким образом, ключевыми элементами политики ускоренной модернизации последних двух десятилетий XIX века были активное *государственное вмешательство* в экономическую жизнь страны и последовательное *оздоровление макроэкономической ситуации*. Это были два фундаментальных усло-

¹ «В России государственное вмешательство и финансирование... было направлено на создание железных дорог и пароходств, крупных промышленных предприятий и банков, на их укрепление и развитие. Обратной стороной создания и укрепления капиталистических предприятий и банков являлось их спасение в случаях банкротства и в особенности их сохранение любыми средствами во время экономических кризисов». В частности, крупные машиностроительные предприятия в условиях спада спроса на их продукцию могли позволить себе работать на склад, понимая, что рано или поздно правительство все равно должно будет купить у них эту продукцию. (Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 20, 208). Через 100 лет, в конце XX века, такая ситуация будет рассматриваться как фактор, стимулирующий принятие бизнесом безответственных (или недобросовестных) решений.

² «Проблема крестьянского спроса потеряла свое первоначальное значение, и ее соотношение с индустриализацией было полностью пересмотрено... Сокращение крестьянского потребления означало расширение доли национального продукта, используемого для инвестирования. Это позволяло и расширять импорт». (Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. P. 125; см. также: Nove A. An Economic History of the USSR: 1917–1991. L.: Penguin, 1992. P. 9–10.)

вия, вокруг которых формировалась экономическая политика правительств Александра III и в значительной мере Николая II. Однако если государственный интервенционизм был достаточно характерен для истории экономической политики, то здоровая финансово-денежная система была для страны если и не абсолютно новым, то, во всяком случае, весьма редким, феноменом. «Только люди, перешедшие 50-летний возраст, еще могут помнить то время, когда система денежного обращения была у нас в порядке; все же прочее население имеет об этом весьма смутное представление», — говорил С. Ю. Витте, представляя Государственному Совету в 1895 году концепцию денежной реформы¹.

На необходимость обеспечения бюджетной сбалансированности решительно указывал еще И. А. Вышнеградский. «Деятельность нашей финансовой администрации в ближайшем будущем должна быть направлена главнейшим образом к устранению из нашего бюджета тяготеющего над ним дефицита», — писал он императору². На особую важность «неуклонного соблюдения равновесия между государственными доходами и расходами», на необходимость «устранения из нашего бюджета дефицитов, иногда являющихся поводом к заключению самых опасных государственных займов», неоднократно указывал С. Ю. Витте³.

¹ См.: *Vitte С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 3. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 107. По-видимому, это заявление произвело на современников весьма сильное впечатление. Во всяком случае, Л. Н. Юровский более тридцати лет спустя, после эпохи войн и революций, начинает именно с этой цитаты свой главный экономический труд — «Денежная политика Советской власти (1917–1927)». М.: Начала-пресс, 1996. С. 32.

² Цит. по.: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 142.

³ См.: *Vitte С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 2. Кн. 2. М.: Наука, 2003. С. 105, 115. В данном случае уместно привести обширную цитату из доклада министра финансов о государственном бюджете («государственной росписи доходов и расходов») на 1898 год: «Центральные ведомства, местные учреждения, общественные деятели — все, желая возможно больше облегчить бремя налогов, стремятся в то же время к самому полному удовлетворению постоянно расширяющихся прежних нужд и постоянно возникающих новых потребностей; все склонны считать Государственное Казначейство неиссякаемым источником или же убежденно доказывать, что те или иные расходы производительны и не должны быть сокращаемы, так как от них надо ожидать выгод в будущем... Но если по-

На волне ускорившегося экономического роста правительство смогло накопить значительные золотовалютные резервы (прежде всего благодаря экспортным поступлениям) и осуществить, наконец, фундаментальную реформу — ввести в 1897 году в России твердую, размениваемую на золото валюту, а также обеспечить неэмиссионное покрытие дефицита государственного бюджета. Денежная реформа имела несомненный успех — к этому времени в России уже выросло поколение людей, не знавших на практике феномена устойчивой национальной валюты. А вот ситуация с бюджетом оставалась достаточно напряженной. Он постоянно оставался дефицитным, но разница между расходами и доходами покрывалась теперь за счет внутренних и особенно внешних заимствований. Заимствования можно было себе позволить, так как экономика росла и имела хорошие перспективы. Однако рост этот оказывался уязвимым в связи с возрастающей зависимостью не только от состояния европейского рынка капитала, но и от колебаний внешнеполитической конъюнктуры — усиливалась зависимость страны от политики основных ее кредиторов (особенно от Франции)¹.

1.4. Идеология государственного регулирования и ее критики

Итак, принципиальной особенностью России является то, что с самого начала ускоренной индустриализации государство стало активным игроком для решения встающих здесь задач. Не могло быть и речи о том, что государство ограничит свою роль макроэкономическим регулированием (даже термина такого тогда еще не было) и обеспечением институциональных условий хозяйствования. Централизованная координация экономической жизни никак не была чужда российской

требности не имеют границ, то средства для их удовлетворения ограничены». Там же. С. 115. (Курсив мой — В. М.)

¹ Помимо того что значительная часть новых русских займов осуществлялась во Франции (как правило через банкирский дом парижских Ротшильдов), правительство проводило также конверсионные операции для перехода к долгу более длительному и под более низкие проценты. В результате конверсионных операций 1889–1891 годов значительная часть российского долга перешла с немецкого на французский денежный рынок. За этим вскоре последовало и оформление военно-политического союза с Францией.

власти, что будет неоднократно давать о себе знать в дальнейшем.

Потребности опирающейся на государство ускоренной индустриализации совпали с идеологическими установками Александра III и его окружения на усиление государственного регулирования экономики. Власти стремились обеспечить избирательную поддержку отраслей промышленности, которые представлялись им приоритетными, контролировать частно-предпринимательскую деятельность и биржевые операции, выкупить за казну железные дороги, использовать государственные монополии (например, на вино и табак) как источник пополнения казны.

С приходом на пост министра финансов И. А. Вышнеградского, а затем С. Ю. Витте, государственное вмешательство в экономику неуклонно расширялось. Государство стало активно заниматься регулированием экономической жизни, используя для этого методы как прямого, так и косвенного воздействия, включая налоги, протекционистский тариф, государственные инвестиции.

С. Ю. Витте был глубоко, на идеологическом уровне, убежден, что дальнейшее устойчивое развитие промышленности высокими темпами может происходить только при развитии государственного хозяйства или же при прямой и активной поддержке государством приоритетных отраслей и предприятий. Усиление государственного регулирования Витте мотивировал рядом исторических и политических факторов. «В России по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность... В Англии класс чиновников должен только направлять частную деятельность. В России же кроме направления частной деятельности он должен принимать непосредственное участие во многих отраслях общественно-хозяйственной деятельности»¹. Впрочем, эта

¹ Цит. по: Дубенцов Б. Б. Попытки преобразования организации государственной службы в конце XIX в. (Из практики Министерства финансов)//Проблемы отечественной истории. Ч. 1. М. –Л.: Институт истории СССР АН СССР, 1976. С. 216–217. Еще более решительно выглядит передовая статья в «Тор-

позиция соответствовала и общей тенденции развития индустриальных производительных сил, и специфическим проблемам догоняющей индустриализации в условиях отсталой страны.

Индустриализация в этот период поддерживалась всеми доступными правительству ресурсами, включая налоговые льготы, прямые бюджетные субсидии, государственные заказы (особенно в военной промышленности), протекционистской таможенной политикой¹. Причем важнейшей особенностью ситуации рубежа веков стало то, что правительство перешло от политики точечной поддержки отраслей к поощрению развития промышленности вообще, что было более типично для капиталистических стран рассматриваемого периода². Сказанное, разумеется, не означает отказа от выделения приоритетных секторов, что является важнейшей характеристикой экономической политики индустриализации.

Впрочем, понимание того, что именно должно государство делать в экономической сфере, не составляло предмет элитного консенсуса. Ряд деятелей времен этого царствования активно лоббировали ослабление денежной политики и возврат к практике дешевых кредитов дворянам, что было затруднено банковской реформой 1860-х годов³. Другие высказывали

гово-промышленной газете», издававшейся министерством финансов: «...[В] России, в области содействия развитию национальной промышленности и торговли, правительство... не только должно заботиться о внешних условиях материального развития страны... но по своеобразным условиям русского быта оно должно деятельно войти в самую глубь интересов разнообразных отраслей нашего народного хозяйства и положительным воздействием возбуждать и поддерживать частную предприимчивость в желательном направлении». (Цит. по: *Золотарева В. П.* Об особенностях экономической модернизации России в пореформенный период // *Историко-экономический альманах*. Вып. 1. М.: Академический проспект, 2004. С. 299.)

¹ См.: *Henderson W. O.* Op. cit. P. 202–203.

² См., например: *Бовыкин В. И.* Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1988. С. 66.

³ В частности, идею дешевых кредитов для дворян и сохранения бумажно-денежного (не размениваемого на металл) обращения активно продвигала группа М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева, с которыми были связаны также И. Ф. Цион (впоследствии один из самых грубых критиков С. Ю. Витте),

серьезную озабоченность из-за отказа от создания нормальной рыночной экономики западного типа.

Усиление вмешательства государства в экономическую и политическую жизнь не прошло, естественно, незамеченным и стало предметом общественной дискуссии. Критические высказывания раздавались и из либерального лагеря, и со стороны последовательных консерваторов. Выделяется несколько направлений критики интервенционистского курса.

Во-первых, его отраслевая несбалансированность, когда промышленность развивается за счет стагнации сельского хозяйства. На это обращали внимание и либеральные критики, и народники, и представители помещичьего класса, которые тоже страдали от перекачки средств из деревни в город.

Во-вторых, ряд авторов видел опасность в усилении тенденций к бюрократической централизации. Это противоречило духу свободы капиталистических отношений и лишь усиливало позиции коррумпированной российской бюрократии.

В-третьих, наиболее дальновидные авторы видели в политике государственной модернизации предтечу государственного бюрократического социализма. В результате чего правые обвиняли Витте в попытках установления социализма, а левые — в стремлении псевдосоциалистическими реформами остановить торжество подлинного социализма¹.

Пожалуй, наиболее ярко складывающуюся систему государственного управления охарактеризовал Н. Х. Бунге, первый министр финансов Александра III. По его словам, сложности прошлых реформ привели к тому, «что люди благомыслящие начали снова вопить о надзоре и контроле со стороны государства и даже о замене государственною деятельностью частной. В этом направлении мы продолжаем преуспевать и теперь, когда хотят, чтобы государство занялось в обширных размерах торговлей хлебом и снабжением им многомиллионного насе-

Н. П. Смирнов, А. Антонович, Н. Мец и некоторые другие. (См., например: Смирнов Н. П. Объяснения тайного советника Смирнова на замечания господина министра финансов, сделанные по поводу записки «Современное состояние наших финансов, причины упадка в них и средства к улучшению нашего государственного хозяйства». СПб., 1896.)

¹ См., например: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 457; Т. 6. С. 257–259.

ления... Кажется, невозможно идти далее, если не допустить, что государству следует пахать, сеять и жать, а затем издавать все газеты и журналы, писать повести и романы и подвизаться на поприще искусств и науки»¹. Разумеется, это было преувеличение, хотя и исключительно дальновидное: в XX столетии ироническое пророчество Бунге исполнится практически буквально. Размышления либерального экономиста, естественно, вызывали острое неприятие сторонников политического консерватизма² и экономического дирижизма.

Сам Н. Х. Бунге высказывался за преимущественно органическое развитие капиталистических отношений, предполагающее сбалансированное развитие промышленности и сельского хозяйства — двух столпов современной ему экономики. Фактически он формулировал программу развития в России «народного капитализма» и видел опасность в замене свободного частного хозяйства «принудительным хозяйством государственным или общественным»³. По мнению некоторых российских исследователей, модель, предложенная Бунге,

¹ Погребинский А. П. Финансовая политика царизма в 70–80-х годах XIX в. // Исторический архив. 1960. № 2. С. 135–136. Любопытно обратить внимание, что в данном обсуждении для автора участие государства в литературном творчестве, в издании газет и журналов представляется более абсурдным, чем «пахать и сеять». Между тем, как показала отечественная история XX столетия, регулирование духовной жизни действительно стало приоритетом государственной власти — более важным, чем собственно хозяйственная деятельность.

² Н. Х. Бунге, которого высоко ценил Александр III и который стал первым министром финансов его царствования, действительно плохо вписывался в консервативный истеблишмент — хотя и пытался вписаться. Однако идеологи нового режима рассматривали не иначе, как «представителя проигравшей партии» и обвинялся в «непонимании условий русской жизни, доктринерстве, увлечении тлетворными западноевропейскими теориями» (См.: Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1886 год. М., 1889. С. 117; Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1907. С. 416). И уж совсем политическим доносом являются следующие слова Каткова о министре финансов: «Сложилось странное положение — оппозиция правительству не вне его, а в нем самом, чего не бывает, по крайней мере не должно быть, ни в каком государстве, ни при каком образе правления» (Московские ведомости. 1886. 26 февраля).

³ См.: Записка Н. Х. Бунге «Социализм и борьба с ним» (1890–1894) // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX вв. СПб.: Спас — Лики России, 2007. С. 288.

представляла собой альтернативный вариант модернизации по отношению к политике Витте¹. С таким выводом можно согласиться лишь отчасти. Макроэкономическая модель Витте (здоровый бюджет и золотой стандарт) была полностью заимствована им у своего предшественника. Другое дело, что курс на модернизацию был однозначно ориентирован на развитие промышленности за счет аграрного сектора (что, кстати, тоже было заимствовано, но уже у другого предшественника — Остроградского). С точки зрения практической политики этот курс был совершенно естественен. Правительство хотело ускоренной индустриализации — и оно должно было за нее платить. А вот вопрос о том, можно ли было позволить себе проводить модернизацию более низким темпом, выходит за рамки экономического анализа. Собственно, здесь впервые проявилась та проблема, которая еще острее даст о себе знать во второй половине 1920-х годов: на какие жертвы может идти правительство для решения задач догоняющей модернизации?

В литературе 1890-х годов можно найти и жесткую критику централистско-бюрократической модели модернизации с позиций экономического либерализма. Наиболее ярким и наиболее резким представителем либеральной точки зрения был И. Ф. Цион², который, впрочем, относился к Витте с сильным элементом личной неприязни. Он, в частности, писал: «Широкий простор личной инициативе, законная гарантия против административного вмешательства и произвола, чуткое прислушивание к нуждам, вызываемые ком-

¹ См.: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. С. 386.

² См.: Цион И. Ф. Куда временщик Витте ведет Россию? Р., 1896. Любопытно, что по своим политическим взглядам этот автор был близок М. Н. Каткову и К. П. Победоносцеву и критиковал Витте за отступничество. Тем не менее, с экономической точки зрения критика Циона была жестко либеральной. На это обратил внимание С. Беспалов: «Он умудрился совместить критику реформ Витте и с ультраконсервативных, и с либеральных позиций, причем многие аргументы против проводившегося курса, взятые в дальнейшем на вооружение либеральной оппозицией, были сформулированы впервые именно Ционом». (См.: Беспалов С. В. Политика экономической модернизации России в дискуссиях конца XIX — начале XX веков. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2004. С. 59). Резкость этого автора привела к тому, что он был лишен российского подданства и продолжал критику программы Витте уже из Парижа.

петентными и заинтересованными лицами, а, пуще всего, воздержание от всякого фаворитизма между свободными конкурентами, — кто не знает, что без этих основных элементов невозможно не только процветание, но и существование какой бы то ни было торговли и промышленности?». Опирающаяся на растущий государственный интервенционизм индустриализация представлялась неэффективной и очень опасной, поскольку сопровождалась нарастанием бюрократического произвола и коррупции¹.

На эти же проблемы позднее указывали и видные представители бизнеса, объединившиеся в Совет съездов представителей промышленности и торговли. В частности, они писали: «Искусственность экономического развития в 90-е годы заключалась прежде всего в необычайном посприии народной самодеятельности. Все нити народного хозяйства сходились в кабинете министра финансов, без его соизволения и даже указания ничего нельзя было предпринять Власть и вмешательство чиновника становились в экономической жизни стран все более невыносимыми»².

По отношению лично к С.Ю.Витте подобная критика не вполне справедлива. Однако она очень важна, поскольку в значительной мере предвосхищает будущие проблемы и парадоксы централизованной экономики, которую тот же Цион открыто называет социалистической (обвиняя в склонности к социализму и самого министра финансов). Витте ставится в упрек стремление подчинить решению чиновника все, вплоть до количества сахара, который тот или иной завод может производить и продавать, не говоря уже о заказах на оборудование и материалы для железных дорог. *Чрезмерная централизация*, складывающаяся в России, ведет к «рутинной, самой злоторной канцелярщине, своим формализмом, свои произволом ... убивающей всякую живую инициативу, всякое благое начинание, всякое проявление человеческой воли

¹ Цион И. Ф. Указ. соч. С. 69. «Взяточничеству, казнокрадству и повальному грабежу несчастной публики открылись горизонты, о которых не мечталось нашим бюджетоедам даже в самые отдаленные эпохи нашей истории». (Там же.)

² Цит. по: Петров Ю. А. Российская экономика в начале XX века // Россия в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2002. С. 177.

и мысли». Витте не просто заталкивает страну на путь социализма, но он подобрал для России самую опасную модель — «именно тот государственный социализм, который стремится превратить страну в обширную казарму, где армия чиновников заправляет деспотически всеми проявлениями общественной жизни, — где нет места ни личной свободе, ни оригинальной мысли, где все и все будут беспрекословно повиноваться палке капрала с зеленым околышком»¹.

М. И. Боголепов, со своей стороны, обращал внимание на финансовые и микроэкономические риски подобной политики. По его мнению, она ведет к созданию предприятий, которые не умеют работать на открытом рынке, а ориентируются исключительно на государственный спрос. А перекачка средств из деревни в город будет сужать идущий из деревни спрос с негативными последствиями для промышленности². Обращалось также внимание на то, что, находясь под таможенной защитой, отечественные предприниматели никак не используют это время (время отсутствия серьезной конкуренции) для повышения конкурентоспособности проводимых товаров и услуг. Таким образом, никак не стимулируются прогрессивные структурные сдвиги. Особенно отчетливо видно это на состоянии топливного баланса, в котором к началу XX века преобладали низкоэффективные виды топлива³.

Анализируя политику расширения централизованного государственного регулирования вообще и покровительственной для промышленности тарифной политики в частности, необходимо избегать однозначных, прямолинейных оценок. Политика Витте действительно способствовала ускорению промышленного роста в России и тем самым решала стратегическую задачу модернизации страны. Тем более, что этатизм, как и связанный с ним протекционизм, соответствовали технологическим тенденциям того времени, связанным с укрупнением и концентрацией производства. Однако эта политика, естественно, имела и свои побочные негативные последствия.

¹ Цион И. Ф. Указ. соч. С. 60, 69.

² См.: Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., 1907. С. 101, 107.

³ См.: Радциг А. О роли нашей промышленности // Народное хозяйство. 1900. № 2. С. 70–71, 87.

Причем последствия эти не являются результатом ошибок властей, а имманентно присущи системе, основанной на централизованном государственном регулировании.

Во-первых, существенное влияние групп интересов при принятии крупных народнохозяйственных решений. Поскольку государство непосредственно вмешивается в хозяйственный процесс, устанавливает отраслевые приоритеты и обеспечивает их бюджетным финансированием, для бизнеса оказывается более привлекательным (и более дешевым) обеспечить принятие необходимого решения, чем работать над модернизацией производства и ростом производительности труда¹. Именно в этом состояла опасность точечной поддержки отдельных секторов промышленности (или даже отдельных групп предприятий), которая была характерна для российской практики². В связи с этим было даже введено понятие *рациональный протекционизм*, который «стремится к эксплуатации естественных сил природы при помощи усовершенствованной техники и повышения производительности труда» в отличие от охранительной системы, которая «усиливает эксплуатацию кармана потребителей, то есть, в конце концов, человеческого труда, при помощи высоких цен»³.

Во-вторых, сама по себе задача выбора долгосрочных отраслевых приоритетов являлась исключительно сложной, а цена ошибки была здесь исключительно высокой. В нормальной рыночной экономике национальный приоритет вырастает из суммы локальных (микроэкономических) приоритетов, что снижает вероятность глобальной ошибки. Но если приоритеты устанавливает государство и реализует их, опираясь на всю мощь своей финансовой политики, риски неизменно возрастают. Иногда приоритеты удается определить

¹ Сто лет спустя, в посткоммунистической России, эта практика будет отражена следующими словами: среди ценных бумаг самой ценной является постановление правительства.

² В частности, видный либеральный экономист И. Х. Озеров предостерегал от чрезмерного влияния на правительство лоббистских группировок, которые предпочитают «слишком полагаться на субсидии и таможенные ставки» (Озеров И. Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX веков. М., 1905. С. VII–VIII).

³ Пажитнов К. А. Развитие каменноугольной и металлургической промышленности на юге России // Народное хозяйство. 1905. № 3. С. 32.

правильно и тогда это становится основой для ускоренного роста. Однако вероятность ошибки очень высока, поскольку государство в своих расчетах может опираться только на известные тенденции прошлого и экстраполировать их, что далеко не всегда дает адекватное понимание будущего.

Применительно к России рассматриваемого периода примером такого рода стратегической ошибки стало перенесение центра тяжести в энергетической политике с нефти на уголь. К концу XIX века на Россию приходилось более половины мировой добычи нефти и порядка 2% угля, что делало ее топливный баланс уникальным и весьма перспективным. Однако опыт развитых стран свидетельствовал о доминировании угля, и именно поэтому правительство, решая вопрос о долгосрочных задачах развития ТЭК, отдало предпочтение углю. В значительной мере это стало результатом мощного давления со стороны угольного лобби. Основываясь на простых международных сопоставлениях (потребление угля в России было в 20 раз ниже, чем в Германии, и в 34 раза ниже, чем в Великобритании), правительство сочло необходимым стимулировать добычу угля вместо того, чтобы рассмотреть возможность развития экономики преимущественно на базе нефти. В результате были введены запретительные пошлины на импорт угля и очень низкие тарифы на перевозку его внутри страны¹. Это привело к быстрому вытеснению нефти

¹ Поворот в пользу угольной промышленности имел и важный внешнеполитический аспект, который, возможно, сыграл решающую роль. Вот как писал об этом А. А. Иголкин: «Убыточные для казны тарифы вводились под сильнейшим давлением донецких углепромышленников. Большая часть добычи угля в Донбассе контролировалась франко-бельгийским капиталом, с 1906 года его интересы представлял “Продуголь”, за которым стояли крупнейшие французские банки. Именно эти банки размещали большую часть зарубежных займов царского правительства... В отличие от угольной, за нефтяной промышленностью стоял в первую очередь, английский капитал. В отрасли было три монополистических объединения, но возможностей лоббировать свои интересы в правительстве у нефтяников было гораздо меньше, чем у “Продугля”. В отличие от французских углепромышленников, бакинские предприниматели часто не могли добиться от правительства удовлетворения самых неотложных нужд». (См. подробнее: Иголкин А. А. Отечественная нефтяная политика в первой трети XX века // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проспект, 2004. С. 260–261.)

углем, что предопределило топливно-энергетический баланс на несколько десятилетий.

* * *

Параллельно росту государственной активности развивались процессы централизации и концентрации частного капитала. На авансцену экономического развития России выходили крупнейшие предприятия — монополии. Если по параметрам экономического развития Россия существенно отставала от стран Западной Европы, то по концентрации капитала находилась среди них в первых рядах. Это очень важная тенденция — активизация экономической роли государства происходила параллельно появлению и развитию тенденции к частнопредпринимательской централизации. Ниже мы должны будем рассмотреть этот вопрос более подробно. Пока же заметим только, что процессы эти отражали серьезные изменения, происходившие в самом характере производительных сил — налицо был переход к доминированию крупных хозяйственных форм, а это значило, что на место конкуренции во многих случаях уже приходит монополия. На повестку дня встал вопрос: какая монополия окажется доминирующей — государственная или частная.

ГЛАВА 2

Частные монополии и государство

2.1. Апология частномонополистического регулирования

Благодаря проведенным в последней трети XIX века политическим и экономическим реформам, а также ответственной макроэкономической политике 1890-х годов, к началу XX столетия Россия демонстрировала не только высокие темпы экономического роста. Налицо были и важные структурные сдвиги в организации производства, выразившиеся в быстром росте концентрации капитала и производства, в усилении монополистических тенденций функционирования народного хозяйства. Эти процессы отражали серьезные изменения, происходившие в самом характере производительных сил — налицо был переход к доминированию крупных хозяйственных форм, а это значило, что на место конкуренции во многих случаях уже приходит монополия. Можно было проследить две тенденции монополизации и связанной с ней централизации регулирования экономики: одна шла со стороны крупных частных производственных объединений (монополий), другая — со стороны государства.

В этот период в России, как и в других развитых странах мира, шло формирование крупных и крупнейших промышленных предприятий, мо-

нополистических объединений. Их участники уже могли координировать свои действия в национальном масштабе, имея целью преодоление стихии неорганизованного рынка, усиление роли сознательного, регулирующего начала в хозяйственном процессе. Оформляются знаменитые синдикатские объединения, такие, как машиностроительный картель «Продпаровоз» (образован в 1901 году), синдикаты «Продамет» (1902) и «Продвагон» (1904), «Продуголь» (1906), Объединение дрожжево-винокуренных заводов (которое выпускало на рынок более 80% этой продукции), Общество хлопчатобумажных комбинатов, Особая распределительная контора заказов спичечной промышленности (95% всех спичек) и другие. С промышленными монополиями были тесно связаны крупнейшие банки, такие, как Русско-Азиатский, Международный коммерческий, Азово-Донецкий. Взаимосвязь производственных монополий и банков не просто усиливала позиции частного сектора в его взаимоотношениях с государственной властью. Этот союз создавал мощную основу для индустриализации страны, повторяя путь германской индустриализации второй половины XIX века¹.

Немалый вес имели и представительные организации российских предпринимателей — союзы, общества, комитеты и съезды, строившиеся по отраслевому или территориальному признакам.

Несмотря на успехи частного бизнеса, государство в России продолжало играть чрезвычайно важную экономическую роль. Это проявлялось в двух основных направлениях. Во-первых, государство оставалось одним из крупнейших отечественных собственников и производителей, участвуя в хозяйственном процессе непосредственно, как агент предпринимательской деятельности. Особенно важным было в этом отношении военное производство, большая часть которого была сконцентрирована в руках государства. Во-вторых, власть активно вмешивалась в организацию хозяйственных процессов в качестве мощнейшей силы, регулирующей и направляющей деятельность частных хозяйственных агентов.

¹ Роль банков в германской индустриализации проанализирована А. Гершенкроном. См. *Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*.

Государство было крупнейшим собственником средств производства. Ему принадлежали земельные угодья, недра, большая часть лесов, 70% железнодорожной сети, значительная часть горных заводов и оборонных предприятий. Казна держала в своих руках почту и телеграф, почти полностью контролировала кредитную сферу. И, наконец, государство стало монополистом по покупке спирта и продаже водки, что давало существенную часть денежных поступлений в бюджет.

Более того, государство само содействовало формированию ряда монополистических объединений как инструментов централизованного регулирования ключевых отраслей промышленности. Ярким примером такого рода действий является Общество по продаже продукции русских металлургических предприятий — синдикат «Продамет», чье создание было одобрено правительством в июле 1902 года. С одной стороны, его появление стало реакцией на кризисное сокращение спроса. С другой стороны, сама идея синдиката несла в себе далеко идущие намерения урегулирования деятельности частных производителей продукции, важной для решения экономических и военных задач империи. Причем, как замечали позднейшие исследователи, деятельность синдиката не только подталкивала цены вверх (за счет монополистического положения на рынке), но и способствовала их снижению (благодаря упорядочению издержек)¹. Были и противоположные случаи: правительство отказалось поддерживать создание «Общества по продаже продукции локомотивных заводов» («Продпаровоз»), равно как и «Продвагон», увидев в них опасные прецеденты монополистической практике *вопреки* государственному регулированию². Правда, произошло это уже в 1908 году, когда отношение к монополистическим объединениям очевидно ухудшалось и вла-

¹ См.: Цукерник А. Л. Синдикат «Продамет» 1902–1914 гг.: историко-экономический очерк. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 12–18; Монополии в металлургической промышленности России. 1900–1917 гг. Документы и материалы. М. –Л., Издательство АН СССР, 1963. С. 579; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М. –Л.: Госполитиздат, 1952. С. 308–312.

² Gatrell P. Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900–1914: The Last Argument of Tsarism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 60–61.

сти не надеялись более поставить эти объединения под свой контроль.

Частные монополии росли вместе и параллельно с ростом государственной активности. Можно даже сказать, что в промышленности складывалась система противостояния частных монополий и государства как крупнейшего предпринимателя. Какая монополия окажется доминирующей — государственная или частная? Этот вопрос становился центром внимания политиков и экономистов, вокруг него и разворачивались политическая и интеллектуальная борьба.

Частные монополии, их перспективы и соотношение с государством становились одной из серьезных тем экономико-политических дискуссий. В этом виделся важный стратегический выбор с точки зрения экономического и политического устройства страны. С одной стороны, концентрация капитала и рост крупного производства были необходимым условием ускоренной индустриализации России. С другой стороны, высказывались серьезные опасения, что страна может оказаться в тисках диктата частных монополий, действующих бесконтрольно в собственных узкогрупповых интересах и в ущерб интересам национальным. Встающие проблемы были не уникальны, а вполне сопоставимы с ситуацией в большинстве индустриально развитых стран мира. Однако с той важной спецификой, что Россия имела богатый опыт активного участия государства в хозяйственной жизни, но не имела достаточно опыта функционирования народного хозяйства в условиях свободного капиталистического рынка, неотягощенного глубокими социальными или политическими модификациями.

Быстрый рост частнокапиталистических монополий сопровождался формированием соответствующей экономической теории и идеологии, а, точнее, идеологизированной экономической доктрины.

Она находила свое наиболее четкое и последовательное отражение на страницах издававшегося с 1908 года журнала «Промышленность и торговля» — органа Совета съездов представителей промышленности и торговли. Названный Совет был образован двумя годами ранее (в начале 1906 года) представителями различных отраслевых предпринимательских организаций с подчеркнутым устранени-

ем «политического элемента»¹. На самом же деле политический мотив при образовании и функционировании Совета съездов был доминирующим. Но выражалась политическая позиция здесь через постоянную и последовательную борьбу за интересы крупных частных предпринимателей, против хозяйственной экспансии государства (казны) в форме высоких налоговых ставок или же непосредственного участия российских властей в производственно-предпринимательской деятельности.

Акцент делался на проблемы, обеспечивающие, по мнению крупных промышленников, повышение эффективности производства, на создание таких экономических и организационных условий, которые были бы наиболее благоприятны для развития производительных сил страны. Естественно, концентрация производства (в полной мере в согласии с марксистской традицией) рассматривалась здесь как важнейшая предпосылка укрепления российской экономики. А крупные промышленные образования — как наиболее последовательные выразители стратегических интересов народного хозяйства.

Прежде всего исследовались проблемы функционирования отечественных синдикатов — именно они, а не тресты, преобладали среди монополистических объединений России. Последние были наиболее распространенной формой монополистических объединений в России начала XX века. Соответственно, в литературе анализируются вопросы деятельности российских синдикатов, особенности и тенденции их формирования, а также эволюции. Специальное внимание уделяется опыту функционирования западных монополистических объединений (американских, германских). Особый интерес вызывает ситуация с антитрестовским законодательством США — его характер и практика применения.

Концентрация промышленного производства, образование частных монополистических объединений рассматривалось в соответствующих экономических исследованиях не просто как способ, облегчающий предпринимателям ре-

¹ Возникновение и деятельность нашей организации // Промышленность и торговля. 1908. № 1. С. 26.

шение их собственных задач, но в первую очередь как инструмент преодоления (или хотя бы ослабления) капиталистических процессов. Правда, идеологи монополистических объединений подчеркивали, что наиболее действенной формой, позволяющей в перспективе прорвать цепь периодических кризисов, стали бы тресты, контролирующие не только рынок, но и производство. Обращаясь к опыту США, Ип. Гливиц с удовлетворением отмечал, что принцип «свободной конкуренции» уступает место лозунгу «делового сотрудничества» во всех отраслях промышленности¹.

Синдикаты, отмечали авторы, могут в известной мере контролировать движение цен, не допуская резких колебаний, депрессии, спада и тому подобного. Признавая в принципе, что сами синдикаты становятся фактором повышения цен, их сторонники находили следующие аргументы в их защиту. Во-первых, доказывалась обоснованность повышательной динамики цен материальными и социальными процессами. Во-вторых, подчеркивалось, что синдикаты никогда не допустят искусственных спекуляций на рынках товаров и ценных бумаг (хотя, доказательств справедливости этих заверений обычно не приводилось). В-третьих, соглашались на организацию мягких форм контроля со стороны органов государственной власти за деятельностью синдикатов и иных объединений в промышленности².

Параллельно обсуждался вопрос о перспективах создания на российской почве промышленных объединений трестовского типа. В условиях кризиса, рассуждали приверженцы госмонополистической практики, когда возникает проблема спроса и желательно снижение (или хотя бы замораживание) цен при растущих издержках и огромных накладных расходах крупных предприятий, возникает настоятельная потребность объединения последних для координирования своей

¹ См.: Гливиц Ип. Деловое сотрудничество или свободная конкуренция // Промышленность и торговля. 1909. № 24. С. 644.

² См.: Фармаковский С. Вопросы синдикатской практики // Промышленность и торговля. 1908. № 1. С. 32. № 2. С. 93; Трест и финансы русских железных предприятий // Промышленность и торговля. 1908. № 8. С. 477–478; Гливиц Ип. Промышленные кризисы и борьба с ними // Промышленность и торговля. 1909. № 1. С. 83–84.

деятельности (не только продаж, но и производства), для работы, в конечном счете, по общему хозяйственному плану¹.

Весьма показательным с точки зрения оценки представлений о роли и возможностях треста является идея формирования его из металлургических предприятий Урала, где располагалось самое старое металлургическое производство в России, позиции которого неуклонно ослаблялись в течение нескольких последних десятилетий. До начала XX века сюда был практически закрыт доступ частному капиталу и господствовало казенное и посессионное хозяйство. О необходимости осуществления каких-то решительных мер по отношению к Уральской промышленности писали представители различных направлений российской экономической мысли. Представители частного капитала настаивали на приватизации уральской промышленности и создании здесь металлургического треста. Последний, утверждали они, мог бы взять на себя решение всего комплекса вопросов — как внутрипроизводственных, так и внешних, обеспечивающих социально-политическую стабильность предполагаемого объединения. Трест как частная организация должен был бы находить общий язык и с правительством, и с земствами, координировал бы производство на соответствующих предприятиях, а также определял бы политику продаж. Ожидая сопротивления этому проекту со стороны отдельных хозяйственных единиц — непосредственных производителей, идеологи Уральского треста склонны были видеть в такой позиции «саботаж» или консерватизм мышления ряда частных предпринимателей, предпочитающих «фиктивное хозяйствование» (точнее, фиктивную самостоятельность) и «мнимую свободу» организационной и производственной целесообразности².

Аналогичные соображения высказывались относительно железнодорожного транспорта, принадлежавшего в значительной своей части государству³.

¹ См.: Трест и финансы русских железных предприятий. С. 477.

² См.: *Фармаковский С.* Возрождение Урала // Промышленность и торговля. 1908. № 7. С. 406; *Авдаков Н. С.* Речь в Государственном Совете о казенном горном хозяйстве на Урале // Промышленность и торговля. 1909. № 11. С. 645.

³ См.: *Майдель Г. Х.* Казенное или частное железнодорожное хозяйство // Промышленность и торговля. 1909. № 18. С. 274.

Одним из наиболее ярких и последовательных сторонников крупных частнохозяйственных организаций в российской промышленности был П. П. Рябушинский. Издававшаяся им газета «Утро России», в финансировании которой также принимали участие видные представители предпринимательства страны — А. И. Коновалов, Н. Д. Морозов, С. Н. Третьяков и др., стала фактически органом частномонополистических кругов отечественного бизнеса.

В данном случае мы хотели бы обратить внимание только на один документ — набросок П. П. Рябушинского, содержащий основные программные положения создаваемой им газеты¹. Акцент здесь делался на «защиту интересов производительных классов общества: промышленников и землевладельцев». Причем первостепенное значение отводилось «допустимости (внутренней) организации промышленности в торговые тресты и пр.», с одной стороны, и «нежелательности казенных хозяйственных предприятий», с другой стороны. То есть суть политики видится в создании условий, благоприятных для укрепления частных монополий при недопущении вмешательства в этот процесс государства, чья хозяйственная деятельность признавалась неэффективной «по определению». Основной задачей деятельности государственных органов управления по отношению к промышленности в данном случае считался протекционизм, то есть способность властей оградить отечественных производителей от конкуренции иностранных товаров. В этом последнем требовании не было, впрочем, ничего оригинального — на протяжении многих лет в России велась классическая дискуссия по вопросу влияния таможенных пошлин на перспективы развития российского народного хозяйства вообще и промышленности в частности².

¹ ГАРФ. Ф. 4047. Оп 1. Д. 12. Л. 1.

² В качестве яркого примера здесь можно привести острую полемику, имевшую место в рамках Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 года, состоявшегося в Нижнем Новгороде. В ней приняли участие предприниматели, инженеры, экономисты. Общее название обсуждения: «В какой мере может понижение таможенных пошлин на сельскохозяйственные орудия и машины служить восполнением интересам земледелия?» (См. материалы выступлений Э. Лингарта, Дж. Гривза, И. Плисецкого, П. Смирнова: Всероссийский Торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород, 1896. Секция IX. № 2, 3, 4, 5.)

Как видно уже из приведенной записки П. П. Рябушинского, в промышленных кругах крайне отрицательно относились к выполнению государством предпринимательских функций, к непосредственному участию казны в производственно-хозяйственной деятельности. Здесь воспроизводился традиционный набор аргументов о неэффективности государственного хозяйствования, о волоките, несовместимой с «разумной хозяйственной деятельностью», о неповоротливости госаппарата и необходимости быстрого принятия хозяйственных решений, о технических сложностях и опасных социальных последствиях раздувания государственного сектора в экономике страны. В приводимом ниже рассуждении на эту тему видного российского нефтепромышленника П. О. Гукасова логика предпринимателей получила, пожалуй, наиболее четкое и последовательное выражение: «У нас в России упорно держится взгляд, что казна может поступать в хозяйственной области так же, как и частный предприниматель... Исходя из таких заключений, очень легко придти к государственному социализму». Гукасов утверждал, что все подобные теоретические умозаключения основаны на логической ошибке, когда защитники госмонополий «смешивают совокупность частных лиц, которые представляют собой государство, с отдельным частным лицом, и вполне понятно, что то, что разрешается и допускается делать последнему, не может быть распространено на первое, и обратно»¹.

Промышленники требовали от государства не вмешиваться в хозяйственный процесс в роли предпринимателя, а сосредоточить свои усилия на создании благоприятных или хотя бы нормальных условий экономической жизни страны — мягкой налоговой политики, политической стабильности, снятии ограничений на движение труда и капитала, при-

¹ Гукасов П. О. Речь на заседании Совещании Совета Съездов по нефтяному вопросу // Промышленность и торговля. 1908. № 6. С. 351. Оценивая приведенное высказывание, не будем забывать, что Гукасов являлся одним из лидеров бакинской нефтепромышленности, в то время, как правительство делало упор на поддержку угольной промышленности, о чем у нас шла речь в главе 1. См. также: Кризис топлива // Промышленность и торговля. 1913. № 6. С. 249–251; Поощрять или стеснять // Промышленность и торговля. 1913. № 7. С. 297–299; Борьба с синдикатами и таможенное покровительство // Промышленность и торговля. 1913. № 9. С. 394–396.

нятии современного хозяйственного законодательства и т. д. Естественно, они отвергали обвинения в попытках создания подпольных синдикатов, иных монополистических сговоров с целью искусственного завышения цен, объясняя подобные экономические явления факторами политического (влияние революции 1905 года) или естественного характера (например, ухудшением условий нефтедобычи, если речь шла о нефтяной промышленности)¹.

Предприниматели открыто ставили вопрос о необходимости усиления контроля за хозяйственной деятельностью Казны, видя в ней потенциальный источник неэффективности и, естественно, злоупотреблений. Например, выступая в начале 1908 года в Государственном Совете, А. В. Васильев предложил изменить систему отечественного госконтроля, выведя Главного государственного контролера из правительства, то есть сделав его независимым от исполнительной власти².

Сказанное не должно быть интерпретировано в том смысле, что промышленники отвергали всякое существенное участие государственной власти в экономической жизни. Они ждали от правительства не только политических действий, но и принятия эффективных решений, способных снизить неопределенность, объективно присущую хозяйственным процессам. В соответствии со своим пониманием роли государства, промышленники требовали от него не более и не менее как перспективного плана развития народного хозяйства и экономической политики России. Имелся в виду документ, определяющий стратегические и среднесрочные ориентиры экономического курса государства и деятельности отдельных его ведомств, содержащий обоснования выбора того или иного варианта действий власти из набора возможных.

«Нам поскорее нужен деловой план нашей финансовой и экономической жизни», — подчеркивалось в передовой статье журнала «Промышленность и торговля», открывавшей

¹ См.: Минувший год // Промышленность и торговля. 1909. № 1. С. 1–3.; Экономический день в Государственном Совете // Промышленность и торговля. 1909. № 12. С. 739–741; Развитие промышленности за последние годы и очевидные факты // Промышленность и торговля. 1913. № 2. С. 49–53.

² См.: Казенное и частное железнодорожное хозяйство // Промышленность и торговля. 1908. № 22. С. 521.

1909 год. По мнению российских промышленников, основной задачей, которую этот план должен был решить, является определение оптимального пути экономического роста, поскольку «у нас делаются огромные затраты на ненужные и подчас вредные предприятия, но весьма нередко нет средств на неизбежные и высокополезные затраты»¹.

Здесь же выдвигалось и понимание существа этого плана. Точнее, один из вариантов толкования сути государственной плановой деятельности, которых (вариантов) будет немало в наступившем XX столетии. Речь идет о формировании индикативного планирования, опирающегося на тенденции хозяйственного развития и определяющего его перспективы в русле тех или иных действий органов управления. Этот подход может быть оценен не только как исторически первый (или один из первых), но и в своем роде классический. «План вовсе не требует какого-то, еще никому не известного, вещаго слова и отнюдь не нуждается в каком-то новом государственном регулировании. Экономические явления в наше время столь изучены, и экономико-финансовая картина России столь ясна, что для перестройки России из невежественной, голодной и холодной в просвещенную, сытую и бодрую требуется очень немного: слияния разрозненных ведомственных программ в один общий... план экономически-финансового подъема России».

Обращают на себя внимание два аспекта интерпретации идеи планирования. Во-первых, план четко ориентируется на решение некоторых глобальных задач, а не на прогноз развития народного хозяйства сам по себе (хотя прогнозная функция, или предпосылка, плана вовсе не исключается). Во-вторых, явно проступают элементы планово-организационного подхода, когда плановая деятельность в значительной мере сводится к ведомственным (правительственным) разработкам и их объединению. Впрочем, на той стадии развития экономической теории с минимальным практическим опытом, который тогда имелся, подобное понимание плана является вполне естественным².

¹ Минувший год // Промышленность и торговля. 1909. № 1. С. 3.

² Современные исследователи также не склонны переоценивать негативное влияние российских монополий на экономический рост. Это опроверга-

2.2. Критика частномонополистического регулирования: справа и слева

Параллельно с ростом монополистических объединений, естественно, активизируется и критика частнохозяйственных монополий в экономической печати. Антимонаполистические настроения стали быстро крепнуть не только среди части экономистов и политиков России, но также и в предпринимательской среде¹. Однако критики частномонополистического регулирования не представляли собой идеологического единства. Они были разделены на два лагеря: *сторонников поддержания режима свободной торговли и сторонников вытеснения частных монополий экономической монополией государства*. При этом последние были гораздо более активны, и эта точка зрения среди критиков частных монополий явно доминировала.

На основе апелляции к различным экономическим расчетам утверждалось, что рост цен в высокомонополизированных базовых отраслях отечественной промышленности (нефтяной, угольной, металлургической) является чрезмерным сравнительно с темпами их роста. В этом видели важнейшее

ется как статистическими данными развития страны, так и отраслевыми особенностями крупнейших корпораций. «Россия принадлежала к группе к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, таких, как США, Япония и Швеция», причем доля России в мировом промышленном производстве выросла с 3,4% в начале 1880-х годов до 5,3% к 1913 году» (*Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 192*). Надо также принимать во внимание, что монополистические (олигополистические) соглашения начала XX века распространялись преимущественно на область сбыта и касались в основном секторов с концентрированным спросом (монополией) и при наличии внешнеэкономической конкуренции, что не должно было приводить к техническому и производственному застою. Напротив, монополии «оказывались малопригодными в отраслях, которые обслуживали массовый спрос и выпускали недостаточно унифицированные изделия, как, например, в текстильной промышленности» (*Петров Ю. А. Российская экономика в начале XX века // Россия в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2002. С. 171–172*).

¹ Так, состоявшийся в 1905 году Всероссийский съезд торговли и промышленности встал в решительную оппозицию к практике создания промышленных синдикатов и высказался за сохранение свободной торговли. (См.: *Gatrell P. Op. cit. P. 112.*)

препятствие для дальнейшего поступательного и устойчивого развития страны по пути индустриализации. Экономисты и политики, выступавшие тогда под антимонополистическими лозунгами, решительно отвергали аргументы идеологов частных монополий, и особенно ссылки последних на позитивный опыт передовых капиталистических стран, где экономический рост сопровождается концентрацией капитала. Аргументы здесь были по преимуществу политического характера: за рубежом тресты не только благополучно развиваются, но и встречают резкое противодействие со стороны как общественных организаций, так и демократического государства, то есть тех институтов, которых в России не существует или почти не существует.

В качестве яркого примера растущего могущества частных монополистических союзов приводился быстрый рост цен в нефтяной промышленности. В этой связи активно обсуждались вопросы тайного сговора промышленников — владельцев нефтяных предприятий, включая «тайный нефтяной синдикат», наличие которого официально не признавалось, но на который списывали многие беды отечественного хозяйства.

В феврале 1913 года запрос о нефтяных синдикатах был даже принят к рассмотрению IV Государственной Думой, депутаты которой признали его спешным. На это же неоднократно жаловались земства, а подчас даже выступали с требованиями проведения прокурорского расследования в порядке надзора, ссылаясь на соответствующие статьи Уголовного уложения Российской Империи. Любопытно отметить, что руководители *Казанского* земства сравнивали диктат нефтяной промышленности с *татарским* игом, утверждая, что Россия поделена между нефтепромышленниками на зоны влияния¹.

¹ Поиск заговоров не является чем-то новым при объяснении трудностей экономической жизни. Возможно, нефтепромышленники на самом деле координировали свои действия. Однако, оценивая ситуацию в этой отрасли, надо помнить о той мощной поддержке, которую государство оказывало угледобыче, и особенно Донбассу, в отличие от нефтяной отрасли. Более того, государство, являвшееся собственником нефтеносных земель на Апшероне, перестало с 1900 года предоставлять их для бурения скважин, ожидая принятия соответствующего законодательства. В результате торги на новые нефтеносные земли не проводились в течение 12 лет. Такая поли-

Кроме этого, шло обсуждение возможных сговоров по углю, чугуну, железу.

При обсуждении конкретных механизмов антимонопольной политики выявились два принципиально разных подхода. Несмотря на их идеологическую противоположность, в то время они еще не воспринимались как альтернативы, а рассматривались, скорее, как взаимно дополняющие. Оба они предполагали, разумеется, заметную активизацию государственного вмешательства в хозяйственный процесс, хотя и с использованием совершенно различных механизмов.

Один подход был предложен Государственной Думой при обсуждении проблемы монополизации нефтяной промышленности. Здесь акцент был сделан на меры экономического регулирования производства и рынка жидкого топлива в России. Для этого правительству было предложено: активизировать разведку и включение в экономический оборот новых нефтеносных земель; развивать казенное производство нефти, реализуя ее по более низким ценам; решить вопрос о беспошлинном ввозе в страну иностранной нефти и керосина для стимулирования тем самым конкуренции на внутреннем рынке; прекратить стимулирование вывоза нефти и керосина, отменив льготный железнодорожный тариф на их перевозку по Закавказской железной дороге; и, наконец, провести расследование деятельности «нефтяного синдиката», а также лиц и учреждений, причастных к его образованию.

Примерно в то же время сформировалась иная концепция борьбы с частномонополистической практикой крупнейших российских предпринимателей. Наиболее яркое и последовательное выражение она нашла на страницах журналов «Экономист России» и «Новый экономист» (последний издавался под редакцией весьма популярного в то время «экономиста-государственника» П. П. Мигулина). Развивавшиеся и пропагандировавшиеся на страницах этих изданий взгляды можно определить как «буржуазно-государственнические», или го-

тика искусственно сдерживала предложение нефти, что естественным образом сказывалось на ценах. (См.: *Иголкин А. А.* Отечественная нефтяная политика в первой трети XX века // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проспект, 2004. С. 261–262.) Иными словами, нефтяная отрасль фактически подталкивалась к монополистическому поведению самими действиями государственной власти.

сударственно-монополистические. Именно эти позиции мы рассмотрим теперь более подробно, поскольку они являются очень показательными и важными с точки зрения их влияния на идеологию экономической политики России уже недалекого будущего.

В основе концепции П.П. Мигулина и его коллег лежал тезис о быстром исчезновении практически всех атрибутов свободного рынка как в России, так и в других европейских государствах. «Как будто издеваясь над самыми именитыми экономистами, наш век с успехом доказал, что “железный закон” спроса и предложения сделан из какого-то легкоплавкого металла, не имеющего ничего общего с железом... Но теперь времена изменились: осталась только одна стихия, а именно, “спрос”... что же касается “предложения”, то здесь коммерческая мысль извернулась и дала миру новое понятие: “синдикат”, который регулирует количество поступающих на рынок продуктов согласно своим интересам, низводя таким путем былую стихию до простой бухгалтерии»¹. То есть в исходном пункте отрицаются все основополагающие постулаты традиционной экономической теории и, следовательно, ставится вопрос: какие механизмы экономической политики должны придти на смену традиционным?

Элиминирование закона спроса и предложения позволяло построить новую логическую цепочку. Не стремление производителей к прибыли в ходе конкурентной борьбы обуславливает теперь экономический рост, а, напротив, задаче быстрого развития производительных сил следует подчинить деятельность производителей. Во всяком случае, тех из них, кто уже перерос рамки свободного рынка. «Давно пора оста-

¹ Б.Н.Д. Народное бедствие // Новый экономист. 1913. № 24. С. 1. Впрочем, рассматриваемые экономисты не отвергали безоговорочно рецепты, предлагавшиеся Государственной Думой. Но они полагали, что расширение круга производителей, рост производства и тому подобное может сказаться на ценах лишь в некоторой, в лучшем случае среднесрочной, перспективе. С ростом же цен следовало бороться немедленно, чтобы избавить страну от «ига монополий». Кроме того, сторонники рассматриваемой точки зрения видели в монополизации тенденцию поистине мирового масштаба, а потому предостерегали против переоценки значения стимулирования экспорта как средства поощрения конкуренции — ведь всем известно, утверждали они, что существует тайное международное синдикатское соглашение нефтепромышленников.

вить нелепую с государственной точки зрения формулировку “laissez faire, laissez passer” в вопросах обеспечения производительных сил страны», — замечал П. П. Мигулин. Подчеркивая принципиальные особенности современной экономической ситуации, он писал весной 1913 года: «Для всех ясно, что “цены не Бог строит”, а нормирует их соглашения производителей. Старый закон спроса и предложения формулировался экономической наукой, когда о картелях, трестах и синдикатах никто еще не имел никакого представления. Хаос старого рынка начинает исчезать, в Америке давно уже все цены регулируются синдикатами, то же явление переносится в Западную Европу, не новость оно и у нас. А мы все еще беспомощно разводим руками перед “неотвратимыми” якобы экономическими “законами”»¹.

Наиболее эффективным средством борьбы с частномонополистической эксплуатацией национальной экономики авторы «Экономиста России» и «Нового экономиста» считали установление прямого и жесткого государственного контроля за функционированием основных ресурсных отраслей страны — угле- и нефтедобычи, лесным хозяйством, водной энергией («водной силой»), а также, при необходимости, и за распределением важнейших продовольственных товаров (хлеба, сахара). Идеальный вариант виделся в установлении государственной монополии на названные ресурсы и продукты или, по крайней мере, в таком положении дел, когда бы, например, лесное хозяйство, водные силы, каменноугольные копи, нефтяные площадки находились бы в руках государства, которое обеспечивало бы и регулирование производства в соответствующих частных предприятиях.

Впрочем, подобные требования нередко раздавались и из лагеря консервативных политиков. Приведем только одно, весьма характерное и яркое высказывание. «Громадные казенные богатства: лесные, угольные, нефтяные и т. п. или совсем не разрабатываются, или отдаются в аренду хищным акулам промышленности. Вот в этом мы видим основную ошибку нашего финансового управления. Надо поскорее браться за благое дело казенного хозяйства. Необходим

¹ Мигулин П. Нефтяной вопрос в Государственной Думе // Новый экономист. 1913. № 15. С. 2.

целый ряд казенных монополий. Эти монополии нужно как можно скорее учредить дабы скорее получить необходимые средства», — подчеркивал тогда известный своими консервативными взглядами депутат Государственной Думы Н. Е. Марков 2-й.

Разумеется, реализация идеи государственных монополий — дело весьма сложное. А потому в качестве промежуточной меры на путях борьбы с самоуправством частных корпораций сторонники рассматриваемой экономической доктрины выдвигали идеи нормирования производства и цен, причем при установлении последних государством предполагалось ориентироваться «на уровень затрат». Ведь, строго говоря, главное — это даже не преодоление диктата частнохозяйственных монополий, а ослабление и преодоление стихийности экономического развития страны, к чему и должно стремиться Правительство¹. Ведь, развивая эту аргументацию дальше, «если государство не берет на себя регулирование цен таких предметов широкого народного потребления, производство и торговля которыми может быть синдикатизирована, то это регулирование берет на себя частный капитал, роль государства играют частные лица и организации»².

Итак, в качестве основных пунктов становления новой неконкурентной системы хозяйствования здесь предлагалось: нормирование производства базовых отраслей промышленности; государственное установление цен на выпускаемую ими продукцию; введение монополии на оптовую торговлю основными товарами данного производства; и, наконец, введение монополии на производство данной продукции.

Рассмотренная концепция с идеологической точки зрения имеет достаточно законченный вид. Она базируется на определенном представлении о характере и тенденциях развития производительных сил и производственных отношений, включает в себя преобразование как организационной системы управления народным хозяйством, так и самих отношений собственности. Достаточно подробно проработаны практические шаги реализации этой этатистской модели хозяйствования.

¹ См.: Мигулин П. Хлебный кризис // Экономист России. 1910. № 22. С. 3.

² Мигулин П. Нефтяная промышленность // Новый экономист. 1913. № 10. С. 2–3.

Правда, здесь еще отсутствует какое бы то ни было представление о политических предпосылках и последствиях превращения в жизнь этой заманчивой и масштабной программы. Создается впечатление, что перейти к государственному монополизму в столь значительном масштабе можно, оставаясь в старой полудемократической системе координат или даже внедряя на российской почве ценности западноевропейской демократии¹.

Вся эта доктрина в основе своей имеет, как нам представляется, философию общественного договора или, можно сказать, «нейтрального государства». Государства, которое обладает знанием общественной пользы и стремится в процессе своей деятельности к реализации этой всеобщей пользы. Недаром здесь мы сталкиваемся со своеобразной и в общем-то довольно редкой доктриной чистого этатизма, когда государственный монополизм напрямую обосновывается требованиями экономической целесообразности, не будучи сопряженными с теми или иными аргументами идеологического или социально-политического характера (достижения социального равенства, самоуправленческой негосударственной системы, построения бесклассового общества и тому подобного). Именно поэтому тенденция экономического поиска, пришедшаяся на большую часть XX столетия, получила в рассмотренных журналах наиболее концентрированное для начального этапа воплощение.

2.3. Государственное регулирование и монополизм

Теперь рассмотрим несколько более подробно реакцию на активность частнокапиталистических монополий со стороны институтов государственной власти — как в органах царской

¹ Впоследствии исследователи этой эпохи отмечали сомнительную возможность успешной экономической модернизации без адекватных политических преобразований, без изменения модели государственной организации и функционирования общества. Так, по мнению Т.Лауэ, если форсированная индустриализация и требовала определенных форм авторитаризма, то в условиях автаркического режима, каким выступало правление Николая II, успешное осуществление этой политики не представлялось возможным. См.: *Laue von T.H. Problems of Industrialization//Russia under the Last Tsar. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1969. P. 141.*

администрации, так и представительном учреждении, каким являлась тогда Государственная Дума.

Настороженное отношение Думы к предпринимателям-промышленникам и к их объединениям вполне может быть объяснено сословным характером народного представительства, что обеспечивало доминирование в нем аграрного (дворянского и крестьянского) большинства. Уже сам этот факт делал, по мнению промышленников, обсуждение здесь экономических вопросов по меньшей мере ущербным.

Думские фракции активно обсуждали вопросы функционирования частнокапиталистических предприятий, настойчиво требуя от правительства принятия решительных мер для недопущения доминирования «частных интересов» над «государственными». Думу чрезвычайно беспокоили перспективы формирования промышленных синдикатов и вообще тенденции промышленников к объединению. (Н. Е. Марков 2-й даже заявил, что подпольным синдикатом нефтепромышленников, поиски которого, как было отмечено выше, настойчиво велись в 1911–1913 годах, является не более и не менее, как сам Совет Съездов промышленности¹.)

В 1910 году была создана специальная комиссия для изучения вопросов о синдикатах². Дума стала предпринимать попытки выработать законодательные меры для регулирования деятельности предпринимательских организаций, а также законодательства о синдикатах³.

Естественно, что особое внимание депутаты уделяли организации аграрного производства. И здесь характерно, что на протяжении 1909–1913 годов предпринимались неоднократные попытки внести в Думу законодательные предположения о монополизации государством хлебной торговли (предложение М. Д. Чельшева в III Думе, епископа Никона в IV Думе и др.). В апреле 1912 года 82 депутата внесли законодательное предположение «О мерах по упорядочению

¹ См.: Государственная Дума и экономические вопросы // Промышленность и торговля. 1913. № 8. С. 350, 351.

² См.: Лурье Е. К. Совещание о синдикатах // Экономист России. 1910. № 3. С. 13.

³ См.: Гофштетер И. Синдикаты и интересы потребителей // Экономист России. 1910. № 8. С. 6; Лурье Е. С. К синдикатскому вопросу // Новый экономист. 1914. № 43. С. 11

хлебной торговли» аналогичной направленности. Проводились совещания по соответствующей тематике относительно возможности усиления государственного регулирования внешней торговли зерном¹.

Позиции же правительства по этому комплексу вопросов были неоднозначны и в конечном счете определялись борьбой различных группировок, отражавших те или иные интересы правящих классов российского общества. В 1905 году на волне революции было создано Министерство торговли и промышленности, которое возглавил В. И. Тимирязев, известный своими симпатиями по отношению к бизнесу. Однако пост этот он занимал недолго (хотя и дважды — в 1905–1906 и 1909 годах) и особого влияния на правительственные решения не имел. Он высказал ряд радикальных для своего положения идей (например, о создании коллегии при своем министерстве из представителей бизнеса), которые, естественно, не были реализованы. Его преемники И. П. Шипов и С. И. Тимашев гордились своей удаленностью от бизнеса и признавались в слабом знании торговли и промышленности².

Общая позиция властей по поводу тенденций и характера организации российской индустрии была, пожалуй, наиболее четко изложена в бюджетном документе Совета Министров на 1913 год — «Объяснительной записке Министра финансов к проекту Государственной росписи на 1913 г.», представленной в Думу. Исходный пункт здесь — констатация быстрого роста производительных сил вместе с расширением ем-

¹ «Нельзя сомневаться, что бюрократическое начало приведет хлебную торговлю к упадку..., — писала тогда же газета П. П. Рябушинского “Утро России”. — Нетрудно предугадать, в какое тяжелое положение будет поставлен хлеботор, когда на рынке будет представлен только один покупатель — монополист-чиновник. От государственной заботливой опеки, пожалуй, мужику не поздоровится». (Утро России. 1914. 15 апреля.)

² «У нового министерства было гораздо меньше авторитета и власти, чем у других правительственных ведомств, и это серьезно ослабляло возможности предпринимателей влиять на промышленную политику правительства... В Совете Министров министерство торговли и промышленности не играло большой роли. Именно поэтому российские промышленники существовали в неблагоприятно ситуации». См. *Gatrell P.* Op. cit. P. 111. См. на эту тему: *Горфейн Г. М.* Из истории образования Министерства торговли и промышленности // Очерки по истории экономики и классовых отношений в России конца XIX — начала XX века. М. — Л.: Наука, 1964. С. 161–179.

кости внутреннего рынка. Причем рост этот так велик, что в народном хозяйстве образуются «узкие места» — в дефиците оказываются чугун, железо, топливо, ряд других важнейших производственных ресурсов. Однако из этой посылки делается весьма характерный вывод: «Очевидные факты доказывают, что успешному удовлетворению внутреннего спроса мешают не только недостаток у промышленных предприятий нужных средств, но и те течения, которые зародились в самой промышленной среде. Такие организации, как синдикаты, не останавливаются нередко перед искусственным понижением предложения товаров, на которые имеется растущий спрос, — поднимают цены и приводят к необходимости открытия границы для иностранного ввоза. Нет сомнения, что подобное положение дел побуждает к принятию решительных мер для борьбы с вредными для всего государства явлениями»¹.

Словом, при попытках выработки более четких политических установок, более определенного политического курса Правительству приходилось сталкиваться с противоборством различных подходов уже внутри себя, подходов, отражавших интересы различных хозяйственно-политических группировок российского общества.

Так, связанный с предпринимательскими кругами Министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев, отмечая в Государственной Думе (выступление 13 марта 1909 года) роль «разнообразных торгово-предпринимательских организаций в виде периодических съездов с постоянным советом и комитетом», рассчитывал, что они должны и будут заниматься «реальным удовлетворением коллективных потребностей объединяемых ими видов производства и труда на основах самодеятельности и самопомощи». Хотя, разумеется, он и критиковал такие соглашения между производством и торговлей, «в основе которых лежит устройство собственного благополучия за счет потребителей или предприятий, не примкнувшим к соглашениям. Насколько разумные и объединенные усилия, клонящиеся к урегулированию и усовершенствованию производства и сбыта, к по-

¹ Объяснительная записка Министра финансов к проекту Государственной росписи на 1913 г. СПб., 1912. С. 245.

знанию условий рынка и размеров спроса, к повышению технической оборудованности дела и сокращению административных расходов, заслуживают поддержки, настолько же стремление к устранению естественной конкуренции, к искусственному повышению цен, к монополизации производства и к созданию других стеснений для получения предметов потребления должно быть, по-моему, рассмотрено и трактуемо как пагубное для народного благосостояния явление»¹. Здесь сформулировано довольно типичное пожелание, основанное на недооценке реального противоречия хозяйственного развития: министр ставит задачу сохранения достоинств крупного, концентрированного производства, не допуская, однако, естественных для такого производства монополистических тенденций и проявлений. Одной из дальнейших тенденций развития экономической теории и экономической политики станет поиск компромисса между этими двумя тенденциями. Этот поиск будет вестись, хотя и совершенно по-разному, и в западных демократиях, и в России, и в Германии.

Параллельно в правительстве заявляли о себе сторонники принятия жестких мер к частномонополистической практике. Например, в конце апреля 1913 года в газеты просочилось сообщение о наличии некоего секретного законопроекта, представленного в Совет Министров и посвященного вопросам урегулирования деятельности синдикатов, трестов и тому подобных предпринимательских структур². В этом документе, приписывали министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву, содержались весьма решительные заявления: «В опасной или вредной для государственных интересов деятельности предпринимательских объединений, выражающейся в значительном, не оправданном условиями производства и сбыта, повышении или понижении цен на массовые продукты, в коих производство или торговля составляет предмет деятельности объединений, могут быть

¹ Тимирязев В. И. Программная речь Министра торговли и промышленности// Промышленность и торговля. 1909. № 6. С. 361–362.

² См.: Борьба с синдикатами и таможенное покровительство// Промышленность и торговля. 1913. № 9. С. 395–396.

принимаемы и утверждаемы Советом Министров нижеследующие меры:

- а) повышение или понижение железнодорожных тарифов,
- б) понижение, повышение или отмена таможенных пошлин и
- в) введение ввозных пошлин».

С. И. Тимашев был выходцем из Министерства финансов, и доминирование фискального подхода в приведенной цитате не может вызывать удивления. Здесь четко прослеживаются элементы жесткого государственного вмешательства, причем при крайней неопределенности формулировок, что позднее будет характерно для правительственных документов, регулирующих экономику тоталитарного государства. Так, например, остается неясным, как определять «значительное» повышение цен, вызывающее соответствующие последствия. Интересна и показательна готовность преследовать производителя со стороны государственных органов за любое изменение цен (за понижение, а не только за их повышение). В годы Первой мировой войны царское правительство попытается ввести за такие нарушения уголовное наказание¹, а для советской системы такие наказания будут естественными и необходимыми.

В результате подобных противоречий позиций различных правительственных деятелей практические шаги Правительства были достаточно осторожными. И вместе с тем характерными с точки зрения формирования основ для будущего построения советского государственного хозяйства.

С одной стороны, Правительство стремилось динамизировать казенную промышленность и железнодорожный транспорт, выдвинув тезис о переводе их на коммерческие основания. Последнее предполагало снабжение казенных (государственных) предприятий оборотным капиталом при предоставлении им «возможно более полной хозяйственной автономии». Словом, за несколько лет до Первой мировой войны в России была выдвинута концепция коммерциализации государственной промышленности. Тем самым закладыва-

¹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг.: 1916 год. М.: РОССПЭН, 2008. С. 377–379.

лись идеологические и теоретические основы столь популярного, начиная с 1920-х годов, «хозяйственного расчета государственных предприятий», функционирующих, правда, уже в условиях огосударствленной советской экономики.

С другой стороны, государство стремилось использовать свои предприятия для борьбы на рынке с частником, и особенно с частными монополиями. Так, Правительство приняло решение получать рентные платежи от нефтяных компаний не в денежной форме, а в натуральной, чтобы использовать эти ресурсы для продажи по заниженным ценам. Или, например, в хозяйственное ведение казенных железных дорог передавались угольные копи, чтобы ослабить зависимость транспорта от угледобывающих предприятий и через снижение транспортных издержек воздействовать на уровень цен в других отраслях народного хозяйства¹.

В принципе, российские власти имели некоторый опыт прямого государственного вмешательства в хозяйственную деятельность частного бизнеса, относящегося не к давним годам отечественного абсолютизма, а к сравнительно недавнему прошлому. Подобные действия мотивировались необходимостью недопущения частномонополистического контроля за целыми отраслями отечественной промышленности. Так, в 1895 году Правительство взяло в свои руки нормирование сахарного производства и цен на сахар, упразднив уже образованный с аналогичными целями частный синдикат. Опасения по поводу возможности возникновения частного синдиката в винокуренной промышленности стало одной из причин введения казенной продажи питий.

¹ С этой точки зрения показателен пример борьбы казны с синдикатом «Кровля», стремившимся монополизировать производство дефицитного кровельного железа на Урале. По требованию Государственного контролера Министерство торговли и промышленности сориентировало производство уральских казенных заводов на выпуск аналогичной продукции, что позволило сбить цены на внутреннем рынке. Естественно, такие действия вызвали резкий протест со стороны частных предпринимателей, которые квалифицировали действия властей как «государственный социализм» и даже уподобили казенные предприятия «цепным псам», которых правительство натравливает на синдикаты. (См.: *Карницкий Д.* Казенные горные заводы // Промышленность и торговля. 1909. № 19. С. 332–334; *Надеждин К.* О синдикате «Кровля» // Промышленность и торговля. 1909. № 22. С. 3–4.)

Не могли власти не реагировать и на постоянные требования общественности об урегулировании хлебной торговли, и особенно экспорта хлеба. Аграрные идеологи настойчиво подчеркивали, что распыленность сельскохозяйственного производства по миллионам крестьянских хозяйств вкупе со множественностью заготовителей, кредиторов и экспортеров хлеба ведет к тенденции снижения хлебных цен. Они требовали от государства организовывать, координировать и контролировать эти процессы путем регулирования условий закупки, хранения и транспортировки зерна. А «надежнейшим средством для достижения этого является учреждение по хлебобродной России целой сети зернохранилищ — элеваторов с передачей управления их в руки особого учреждения, стоящего своим характером между государственными учреждениями и частными коммерческими обществами»¹.

На протяжении ряда лет после первой русской революции обсуждались механизмы организационного решения этой проблемы. Предлагалось задействовать земства, центральные правительственные институты, а также Госбанк или создаваемый под его эгидой Хлебный банк. В конечном счете, в 1912 году было принято решение о строительстве Госбанком сети собственных элеваторов, для которых был утвержден специальный «Наказ» Министерства финансов. Согласно этому документу, данные элеваторы рассматривались не только как способ «обеспечения производства ссудой под хлебные операции», но им также вменялось в качестве главной цели «правильная постановка означенной операции и улучшение общих условий внутренней и внешней торговли хлебом»².

Наконец, отражая распространенные в обществе настроения относительно введения экономической жизни в русло организованности и упорядоченности, в различных политических и хозяйственных кругах России (и в Государственной Думе, и в экономической печати) в 1911–1913 годах все шире раздавались призывы к Правительству разработать перспективный план своей деятельности и поставить его на обсужде-

¹ См.: Вурцингер Э. О., Венекинк А. Э. О регулировании хлеба в России // Всероссийский Торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде. Секция IX. № 9. С. 2.

² См.: Современные проблемы // Новый экономист. 1913. № 1–2. С. 3–6.

ние общественности. Поэтому вскоре после созыва IV Государственной Думы подобный план (или программа) основных направлений деятельности Правительства в декабре 1912 года была представлена депутатам Председателем Совета Министров и Министром финансов В. Н. Коковцовым.

План был среднесрочный и охватывал примерно пятилетие. То есть фактически уже был задан ставший позднее классическим период перспективного (среднесрочного) государственного планирования экономической и социальной жизни страны (хотя, разумеется, «плану Коковцова» было далеко еще до советских пятилеток). Поставив в качестве общей задачи деятельности российских властей обеспечение «хозяйственного преуспевания населения», этот план особо выделял задачи аграрной политики, торговли хлебом, дорожного строительства, орошения и ряд других.

Однако многие из этих начинаний были остановлены Первой мировой войной.

ГЛАВА 3

Первая мировая война и вопросы государственного регулирувания экономики

3.1. Формирование институтов и механизмов регулирувания

Мировая война резко усилила потребность в координации деятельности всех участников хозяйственной жизни. Централизованное регулирование экономики стало активно внедряться в практику воюющих держав. Меры по координации производственно-хозяйственной деятельности и по ее планомерному регулированию государство стало реализовывать с первых дней мировой войны. Процесс становления системы централизованного руководства экономикой продолжался на протяжении всех военных лет и эстафетой был передан Временному правительству, а от него — правительству народных комиссаров. Но это будет позднее.

В России формирование системы централизованного регулирования шло с двух сторон.

Во-первых, «снизу», путем создания или укрепления уже существующих органов частного капитала. Прежде всего это были военно-промышленные комитеты, призванные упорядочить деятельность крупных и средних частных предприятий, а также Союз земств и городов (Зем-

гор), объединявший преимущественно мелкую и среднюю промышленность. Военно-промышленные комитеты стремились сосредоточить в своих руках все дело распределения военных заказов, устранив от этого по возможности правительственные учреждения. Земгор объединял преимущественно предприятия, обеспечивавшие армию одеждой и другими предметами потребления. А Совет съездов представителей промышленности и торговли (январь 1915 года) предложил создать наделенный большими полномочиями регулирующий орган, который не только руководил бы распределением военных заказов, но и обеспечивал бы первоочередное снабжение промышленности металлом, топливом, транспортом.

Во-вторых, «сверху», когда правительство создавало специальные органы для урегулирования основных проблем военной экономики. Таковыми стали особые совещания — по обороне, по продовольствию, по топливу и по транспорту, во главе которых стояли министры. Именно этот путь и стал доминирующим. Правительство с подозрением относилось к настойчивым предложениям крупных промышленников о регулировании хозяйственной деятельности через организации предпринимателей, увидев, похоже, в таком развитии событий угрозу традиционной модели управления (и собственной власти).

Разница между обоими подходами состояла в понимании механизма, обеспечивающего единство действий хозяйствующих субъектов. Сильная российская бюрократия связывала решение задачи регулирования экономической жизни прежде всего, или даже исключительно, с собственной деятельностью, с укреплением административно-распорядительных прав власти по отношению к предприятиям. Промышленники же желали взять решение этих задач в свои руки, поскольку их участие в политической жизни, несмотря на демократические реформы прошлого десятилетия, оставалось ограниченным, а отношения с царским правительством — прохладно-настороженными.

Помимо правительства и крупных промышленников, существовала в стране еще одна сила, уделявшая повышенное внимание вопросам урегулирования хозяйственной жизни. Набирали силу левые партии и мыслители, социальные организации, влияние которых на общественное сознание за-

метно возросло. Представители этих течений, резко критикуя власти и предпринимателей, постоянно подчеркивали необходимость принятия самых решительных мер для усиления централизации руководства экономикой. Осуществление таких мер связывалось непосредственно с повышением роли государства, хотя и значительно продвинутого в направлении демократии и политического либерализма.

Российские предприниматели стремились усилить свое влияние на процессы организации и централизации регулирования народного хозяйства. Государственная власть, как и следовало ожидать, относилась к этому настороженно, видя в общественной организации буржуазии опасные тенденции политического объединения чуждых самодержавному режиму сил. Старое, еще довоенное опасение власти получить оппонента в лице объединенных в экономическом и политическом отношениях частных предпринимателей в совокупности с верой в неисчерпаемые возможности государственного аппарата являлись доминирующими настроениями в правительственных кругах, и особенно в течение первого года мировой войны.

Формирование военно-промышленных комитетов пришлось на 1915 год, когда после IX съезда представителей торговли и промышленности (май 1915 года), после не очень успешных попыток наладить регулирование производства силами одного только государственного аппарата, власти согласились признать целесообразными и необходимыми усилия промышленников по созданию ряда общественных организаций, призванных координировать работу предпринимателей.

Делегаты съезда единогласно одобрили резолюцию, в которой содержались два важнейших момента. Во-первых, признавалось целесообразным создать в Петрограде Центральный военно-промышленный комитет из представителей торгово-промышленных организаций, железных дорог и пароходств, земств и городов, а также научно-технической интеллигенции. Во-вторых, предлагалось создать на местах аналогичные районные комитеты, объединяющие местную промышленность и торговлю. Целью этих комитетов провозглашалось приспособление предпринимателей к изготовлению всего необходимого для армии и согласование общей деятельности заводов и фабрик. Всем торгово-промышленным организациям

поручалась выработка планов исполнения заказов, включая установление очередности, а также определение потребностей предприятий в сырье, топливе, транспортных средствах и рабочей силе. Стояла также задача выработки четкого плана работы промышленности и его реализации. Согласно Положению о военно-промышленных комитетах (от 27 августа 1915 года), они должны были содействовать снабжению армии предметами вооружения и потребления, восстановлению всех видов отраслей промышленности, снабжению населения предметами первой необходимости. Со временем предполагалась трансформация системы ВПК в организацию по координации работы всей промышленности, элиминирующей централизованное государственное регулирование.

Принципиально важно подчеркнуть, что с самого начала инициаторы этой системы экономического регулирования фактически противопоставляли ее регулированию государственному, бюрократическому. Принимая решение о создании системы ВПК, участники IX съезда представителей промышленности и торговли прямо указывали: «Частная инициатива и предприимчивость должны находить себе широкую поддержку и поощрение. Всякие ограничения, сковывающие предприимчивость, должны быть уничтожены и навсегда преданы забвению»¹.

Наиболее сильными и влиятельными (в том числе и политически влиятельными) организациями стали Центральный (Петроградский) и Московский военно-промышленные комитеты во главе с А. И. Гучковым и П. П. Рябушинским соответственно. Они имели собственные печатные издания, были представлены в высших государственных органах по регулированию военной экономики. У них установились тесные связи с Земским и Городским союзами, из представителей которых в начале июля 1915 года было создано специальное «бюро для распределения заказов».

«Военно-промышленные комитеты в первые же дни своей деятельности выполняли огромную работу по объединению не только промышленных сил, но и тех трудовых элементов и представителей свободных профессий, которые

¹ Труды Девятого съезда представителей промышленности и торговли. СПб., 1916. С. 16.

связаны с промышленностью. Благодаря военно-промышленным комитетам было поставлено на правильную почву дело реквизиции и эвакуации предприятий...». По мнению идеологов военно-промышленной организации предпринимателей, благодаря деятельности этих комитетов уже вскоре после их создания «стала усиливать производительность казенных заводов и упорядочилось в некоторой мере дело распределения таких необходимых для правильной работы промышленности продуктов, как металлы, топливо и т. д.»¹.

Видные российские промышленники и общественные деятели, стоявшие у истоков этой негосударственной системы мобилизации народного хозяйства, весьма широко трактовали стоявшие перед ними цели и задачи. Фактически через этот механизм за счет казны стала возникать неконтролируемая государством параллельная система управления экономикой.

Во-первых, речь шла о внесении планового начала в работу значительной части народного хозяйства на основе добровольного (в известной мере) объединения деятельности производственных звеньев. «Необходимо установить общий контроль и создать такой орган, который бы мог приспособить эти заводы для более целесообразной работы... Нужен общий план работы, нужно, чтобы все фабрики и заводы в настоящий момент представляли огромную фабрику, которая работала бы только на армию», — подчеркивал П. П. Рябушинский, выступая на II съезде представителей военно-промышленных комитетов Московского района в августе 1915 года². Характерно, что в этой речи одного из лидеров и идеологов крупного капитала, мы слышим столь характерный для марксистского видения социально-экономических процессов тезис о превращении народного хозяйства в «единую фабрику». Пусть даже этот пока вывод связывается преимущественно с необходимостью удовлетворения военных нужд.

Во-вторых, ставился вопрос о характере взаимоотношений с государственной властью как доминирующим субъек-

¹ Военно-промышленные комитеты и наши задачи // Известия Московского военно-промышленного комитета. 1915. № 1. С. 1–2.

² Съезды военно-промышленных комитетов Московского района // Известия Московского военно-промышленного комитета. 1915. № 1. С. 12.

том регулирования хозяйственных процессов. Однако, признавая ведущую роль государства при определении общих направлений организации и развития народного хозяйства, тот же П. П. Рябушинский при одобрении своих коллег и единомышленников требовал сосредоточения конкретной, повседневной организационной работы по координации и регулированию деятельности предприятий в руках новых лиц, по возможности не связанных со старым бюрократическим аппаратом. «Им это должно быть предоставлено. Если не предоставят этого военно-промышленным комитетам, то мы сами должны его взять в свое ведение, создав такой аппарат, которому все молчаливо подчинились бы»¹.

Наконец, в-третьих, военно-промышленные комитеты с самого начала рассматривались многими их идеологами и приверженцами не как временное явление, а как новая, более высокая форма самоорганизации промышленности, обеспечивающая общее упорядочение и взаимное согласование работы отдельных предприятий. Недаром основатели этого движения характеризовали комитеты как «явление новое в области русской государственности». То есть как явление, рожденное в годы войны, но не обусловленное ею. Представлялось, что военно-промышленные комитеты имеют весьма неплохие перспективы и в послевоенное время. «Рожденные в годину великих испытаний, они не умрут и в будущем, когда русская жизнь войдет в колею мирного труда... Тогда, без сомнения, военно-промышленные комитеты, в условиях уже мирного существования, будут исполнять роль организации, направляющей, объединяющей и подготавливающей нашу промышленность на путях к ее полному расцвету...»².

Правительство не могло игнорировать это движение влиятельных общественных сил, хотя и относилось всегда с исключительной осторожностью к подобным организациям российской буржуазии, имеющим явный политический характер. В позиции военно-промышленных комитетов явно обозначились претензии на власть, и это могло иметь далеко идущие последствия для трансформации политической системы. Пра-

¹ Съезды военно-промышленных комитетов Московского района. С. 12–13.

² Военно-промышленные комитеты и наши задачи. С. 2.

вительство, со своей стороны, стремилась поставить предпринимательскую активность по народнохозяйственному регулированию под свой контроль. Продолжая линию на создание особых совещаний, 14 июня 1915 года Николай II признал необходимым сотрудничество с общественностью в деле снабжения армии¹.

Впрочем, противостояние правительственных инстанций и лидеров предпринимательства нисколько не ослабевало. Власти постоянно ограничивали инициативу предпринимателей по координации своей деятельности: и не столько из-за экономических последствий подобных мер, усиливающих монополизм, сколько видя в частном секторе угрозу как собственной хозяйственной власти, так и политическим задачам ведения войны и послевоенного устройства. Власти использовали любой повод, чтобы ограничить деятельность предпринимательских ВПК, обходиться без них в организации снабжения армии². Нередко это оказывалось оправданным, поскольку у бизнеса, берущего на себя функции общеэкономического регулирования, периодически возникала проблема конфликта интересов (или недобросовестного поведения)³.

Непримирение частного бизнеса представителями государства было заложено на уровне идеологии. Вот как говорил об одном из заводов крупнейший организатор военного хозяйства, начальник Главного артиллерийского управления А. Маниковский: «Неплохой завод, но, к сожалению, находится в цеп-

¹ В рескрипте на имя председателя правительства И. Горемыкина говорилось об образовании Особого совещания по вопросам снабжения армии с участием членов законодательных учреждений и представителей промышленности. (*Дубенский Д. Н.* Летопись войны. Январь — июнь 1915. Пг., 1915. С. 186.)

² См.: *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию (1907–1917). М.: Три квадрата, 2003. С. 159–160.

³ Можно провести пример А. И. Путилова, который, владея известным заводом и Русско-Азиатским банком, предоставлял заводу кредиты под завышенные проценты и одновременно получал авансы за размещаемые заказы у казны и под них же привлекал более дешевые кредиты у Государственного банка — напомним, что о возможности получения благотворительных кредитов в Госбанке у нас шла речь в Главе 1. (См.: *Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А.* История Путиловского завода: 1801–1917. 3-е изд. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 488–489; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 130.)

ких руках банкиров. Банкиры думают о прибылях, а не о защите Родины. Они слишком много торгуются. У них — баланс, актив-пассив, различные соображения, а мы — военные люди, нам сейчас не до этого»¹. Понятно, что даже принимая во внимание искренность подобного заявления, следование ему при игнорировании интересов «баланса» и «актива-пассива» чревато лишь многократным увеличением коррупции и экономической неэффективности.

Предприниматели также не доверяли правительству и неохотно шли на выполнение его директив, что негативно сказывалось на производстве. Характеризуя позицию правительства в этом вопросе, председатель Государственной Думы М. В. Родзянко писал тогда императору: «Здоровая экономическая политика требовала и требует, чтобы к делу устройства тыла были привлечены лица со специальными навыками и специальным опытом. В западноевропейских государствах это отлично понимают, и вся система тыловой хозяйственной организации покоится там на доверии к общественным силам, на широком участии последних в учреждениях, призванных организовывать национальное хозяйство в интересах обороны. К сожалению, в России отношение правительства к обществу построено на принципе прямо противоположном: общественной инициативе не доверяют, в ней видят опасного врага; общественные организации, несмотря на все оказанные ими огромные услуги стране и армии, преследуются... Правительство обратилось к услугам чиновников, в огромном большинстве случаев не знакомых с делом, внесших в него пустой и сухой формализм»². По разным оценкам военные поставки по линии военно-промышленных комитетов составляли от 3 до 7% от общего объема военных поставок³.

Совершенно естественно, что в подобной политической ситуации именно государственные органы регулирования концентрировали в своих руках определяющее рычаги воздействия на производственно-хозяйственную жизнь. Несмо-

¹ Цит. по: Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. Указ. соч. С. 489.

² Экономическое положение России перед революцией // Красный архив. 1925. № 3. С. 82.

³ См.: Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Дело, 2003. С. 76–77.

тря на всю свою важность, органы промышленников играли по отношению к государственным регулирующим институтам все-таки второстепенную роль.

Каковы были общие черты и принципы, формировавшейся в этот период системы централизованного руководства народным хозяйством?

Основные задачи военного регулирования экономики правительство видело в четком обеспечении производства материальными ресурсами, а населения (и особенно армии) — продовольствием. На первое место выдвигались проблемы хлеба, вооружений, топлива и транспорта. Основными средствами, инструментами регулирования выступали государственные заказы, фиксированные и предельные цены, ограничение свободы торговли вплоть до введения государственных монополий, реквизиции продукции, разрешительная система при межрайонном обмене товарами и при перевозке грузов по железным дорогам. Словом, акцент был сделан на административно-принудительную сторону дела, что вполне объясняется и общими теоретическими представлениями того времени, и сложной военной обстановкой (в Англии и Германии ситуация развивалась аналогично), да и российскими политическими традициями.

Организационный каркас централизованного регулирования составили образованные в августе 1915 года четыре особых совещания — по обороне, перевозкам, топливу и продовольственному делу. Они имели широкие полномочия и возглавлялись ведущими членами правительства (соответственно, министрами — военным, путей сообщения, торговли и промышленности, земледелия). Особые совещания квалифицировались как «высшие государственные установления», их указания подлежали безотлагательному исполнению. Разработка планов снабжения армии и населения соответствующей продукцией или транспортом, выдача авансов предприятиям, содействие в выполнении заказов и т. п. — таковы были некоторые функции этих органов. Наибольшие полномочия в деле централизованного руководства хозяйством имело Особое совещание по обороне. «Четыре Особых совещания — четыре истока, по которым докатывается государственная воля до общественного и народного сознания, и по которым, в свою очередь, организующая обществен-

ная и народная воля поднимается до государственного сознания. Иных путей у нас нет. Другое дело, в какой мере данные органы организующей власти удовлетворяют своему назначению», — писал современник¹. И такая точка зрения была типичной. Уже здесь следует обратить внимание на характерный момент складывавшейся системы государственной организации хозяйственной жизни — множественность регулирующих органов.

Острый дефицит сырья, топлива, транспорта, квалифицированной рабочей силы, сопровождавшийся масштабной спекуляцией и злоупотреблениями, обусловил первоочередное внимание Особых совещаний и их органов на местах к вопросам снабжения предприятий сырьем и топливом, нормирования материальных ресурсов, установления специальных правил перевозки грузов. С подобной логикой государственного регулирования мы еще будем неоднократно сталкиваться на различных этапах становления и функционирования централизованного хозяйствования в нашей стране. И столь же типичным было в 1914–1916 годах, и будет впоследствии, стремление центральной власти по мере ухудшения экономической ситуации усиливать роль административных рычагов, активизировать непосредственное вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Оно, в соответствии с бюрократическими стереотипами экономического мышления, будет концентрировать в себе прежде всего функции снабженческо-распределительные — как наиболее простой, грубый, но и самый очевидный инструмент воздействия на непосредственных производителей. В этом состояла вторая (после множественности органов) черта централизованного регулирования российского народного хозяйства, отчетливо проявившаяся уже в годы Первой мировой войны и оказавшаяся впоследствии непреодолимой.

Рассмотрим теперь несколько более подробно некоторые примеры регулирующей деятельности власти, сыгравшие существенную роль в становлении концепции, идеологии и практики государственного руководства экономикой в нашей стране.

¹ Полонский Гр. Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны. Пг., 1917. С. 9–10.

3.2. Органы централизованного государственного регулирования

Особое совещание по обороне (полное его название было «Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства») должно было занять центральное место в системе органов государственного регулирования российского народного хозяйства в военное время. С самого начала оно не могло ограничить свое внимание чисто военными вопросами, поскольку все большее число отечественных предприятий (как государственных, так и частных) переключалось на обслуживание военных проблем. А руководящая роль Особого совещания по обороне по отношению к другим особым совещаниям сосредотачивала у него важнейшие функции регулирования экономической жизни.

После серии обсуждений и совещаний, длившихся на протяжении нескольких месяцев, в принятом 17 августа 1915 года Положении об Особом совещании по обороне определяются как его собственные задачи, так и права его председателя — военного министра. Совещание должно было осуществлять высший надзор за деятельностью казенных и частных заводов, выполняющих военные заказы, содействовать строительству и переустройству соответствующих предприятий, распределять заказы по предприятиям, равно как и контролировать их исполнение. Председатель совещания получил право требовать от предприятий (в том числе и частных) исполнения военных заказов, инспектировать предприятия и увольнять их руководителей, проводить реквизиции, контролировать бухгалтерию предприятий, устанавливать очередность исполнения заказов, изменять характер и объем производства на отдельных предприятиях, временно закрывать предприятия, устанавливать размеры заработной платы. В дальнейшем, при пересмотрах этого документа, были расширены экономические права его руководителя — военного министра. Было разрешено производить реквизиционные оценки, назначать реквизиционные цены, отчуждать имущество в тех случаях, когда недоступными оказывались секвестр и реквизиции.

В процессе формирования этого совещания и проработки его задач и функций неоднократно вставал вопрос о пред-

ставительстве в нем общественных сил, работающих на оборону, прежде всего объединений частных предпринимателей. Последние сами и через Государственную Думу выдвинули ряд соответствующих предложений. В результате было решено включить в него четырех представителей от Центрального военно-промышленного комитета. Кроме того, в него входили представители Государственной Думы и Государственного Совета.

При Особом совещании по обороне образовывались специальные органы (комитеты) по выполнению отдельных регулирующих функций в народном хозяйстве:

- комиссия по общим вопросам — разработка заготовительных планов по отраслям промышленности, распределение заказов по предприятиям, оценка промышленного потенциала страны и подготовка решений по его росту, включая расширение старых заводов и строительство новых;
- наблюдательная комиссия — контролировала выполнение заказов на промышленных предприятиях; принимала меры к тем из них, кто не справлялся с задачами и не отвечал первоочередным требованиям обороны;
- реквизиционная комиссия, которая учреждалась «для рассмотрения вопросов о производстве, реквизиций, секвестра и отчуждений, связанных с улучшением и увеличением производительности как казенных заводов, так и частных промышленных предприятий, работающих для нужд государственной обороны»¹. Через эту комиссию осуществлялось централизованное перераспределение некоторых материалов и оборудования от неработающих на оборону предприятий к тем, кто выполнял военные заказы;
- эвакуационная комиссия — эвакуация и обеспечение правильной деятельности эвакуированных промышленных предприятий, о восстановлении и организации их работы;
- металлургический комитет был одним из самых сильных в составе Особого совещания по обороне. Инициатива его создания принадлежала промышленникам, стремившимся сконцентрировать деятельность металлургических пред-

¹ Воронкова С. В. Материалы Особого совещания по обороне государства. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 45.

приятый в едином центре (в ЦВПК или в Министерстве торговли и промышленности как наиболее близких по духу для предпринимателей). Однако такой подход, как и следовало ожидать, вызвал резкие возражения в госструктурах. Очень характерно для оценки ситуации, что возражения раздавались не по существу, не против фактического объединения металлургических заводов в единый трест, а против слишком сильного влияния в этом «тресте» частных предпринимателей. Образованный в ноябре 1915 года, он вскоре сконцентрировал в своих руках все распределение металлов, которое, таким образом, оказалось полностью централизованным. Централизации было подвержено и управление всеми металлургическими предприятиями. Комитет, укрепляя свои учетно-распределительные функции, пошел по пути поиска соглашений с частными объединениями и в конечном счете добился включения в свой состав металлургических синдикатов¹;

- комиссия по обеспечению рабочей силой обслуживающих оборону предприятий, задачей которой была планомерная организация труда на оборонных предприятиях (хотя в Государственной Думе уже ставились эти вопросы и более широко, применительно ко всему народному хозяйству России);
- комиссия по учету и распределению иностранной валюты²; а также другие органы.

В рамках Особого совещания по обороне выдвигались также и некоторые вопросы общего характера, включая вопросы определения перспектив народнохозяйственного развития, тенденций развития промышленности не только во время войны, но и после ее завершения.

Так, вопрос о необходимости планомерной разработки перспектив развития промышленности ставил В.П. Литвинов-Фалинский, предлагая в этих целях создать при Особом совещании по обороне специальную комиссию. Одновре-

¹ См.: *Тарновский К. Н.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны на примере металлургической промышленности. М.: Изд-во МГУ, 1958.

² См.: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

менно в декабре 1915 года Военное министерство выработало и предложило Совету Министров проект нового высшего органа по вопросам перспектив развития отечественной промышленности. Само же правительство приняло решение об образовании Особого совещания по финансово-экономическим вопросам. И, наконец, после дальнейших консультаций император в марте 1916 года утвердил Особую финансовую комиссию под председательством Н. Н. Покровского, главного государственного контролера¹. Правда, сколько-нибудь серьезные работы и дискуссии эта комиссия развернуть не успела.

В Особом совещании по обороне обсуждались также перспективы развития отдельных отраслей промышленности и строительства соответствующих предприятий — военных, станкоинструментальных, автомобилестроительных и других.

* * *

Одним из ключевых пунктов идеологии и практики экономической политики периода Первой мировой войны стала организация и регулирование продовольственного дела. Точнее, производства, реализации и доведения до потребителя основных продуктов питания, главным образом хлеба. Здесь пересекались важнейшие нити экономической политики, продовольственный вопрос являлся катализатором зрелого недовольства существующим режимом. И именно в этой сфере проявлялись, пожалуй, наиболее отчетливо основные пороки складывающейся системы государственного регулирования экономики — некомплексность мер, дополняемая грубым административным вмешательством в хозяйственную жизнь.

Как мы уже отмечали в главе 2, в годы, предшествовавшие войне, в российских политических кругах и общественном мнении отчетливо звучали предложения о значительной активизации государственного вмешательства в организацию аграрного производства и особенно в реализацию и распределение сельхозпродукции. Раздавались предложения о регулировании сельскохозяйственных цен и даже о введении хлебной монополии. Развернулось строительство государственных

¹ См. подробнее: *Воронкова С. В.* Указ. соч. С. 114–115; 125.

зернохранилищ (элеваторов) для стабилизации процессов торговли зерном и особенно его экспорта. Словом, к началу мировой войны власти были готовы перейти к политике достаточно жесткого регулирования в аграрном (и не только аграрном) секторе, а общественное мнение было готово отнестись с пониманием к мерам подобного рода.

Прежде всего правительство попыталось создать сколько-нибудь целостную систему продовольственных органов. Руководить продовольственным делом было поручено Главному управлению землеустройства и земледелия, преобразованному в октябре 1915 года в Министерство земледелия. На местах формировалась сеть уполномоченных, которые получили право привлекать к работе чиновников губернского и нижестоящих уровней, ведающих вопросами продовольствия, а также руководителей местных отделений Госбанка, заведующих государственными зернохранилищами и других¹.

Сразу же выяснились два крупных и весьма характерных недостатка созданного механизма продовольственного регулирования. Один из них носил скорее организационно-технический характер, другой — социальный.

Во-первых, множественность регулирующих органов. Это не было результатом чьей-то технической ошибки. Как будет видно в ходе дальнейшего нашего изложения, множественность органов, наделенных директивными полномочиями (распределительными, а затем и плановыми) является непременным атрибутом любых попыток построения жестких административных систем управления экономической жизнью. Несмотря на провозглашаемую иерархичность планово-регулирующих структур, их функции по отношению друг к другу и к объектам регулирования непременно оказываются неоднозначными и взаимно переплетающимися. Так, помимо названного Главного управления, к регулированию или руководству продовольственным делом в качестве самостоятельных (не связанных с ведомством земледелия) органов оказались причастны интендантства фронтов действующей армии, городские и земские самоуправления, местные органы, Министерство внутренних дел и сама сельская производ-

¹ См.: Указания и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. Т. I. Пг., 1917. С. 5–7.

ственная часть этого Министерства, Центральный комитет по регулированию массовых перевозок и другие¹.

Во-вторых, отсутствие связи между государственными органами регулирования и представителями мощных и все более влиятельных общественных сил (организаций предпринимателей, земств, городских самоуправлений и т.п.). Общественные организации предлагали активно привлекать своих представителей к деятельности органов госрегулирования и предостерегали относительно опасности убить частную инициативу. По их мнению, система государственного регулирования должна была быть перестроена: во главе ее следует иметь авторитетный общегосударственный орган, основанный на началах ведомственного и общеведомственного представительства. На губернском уровне соответствующие функции сосредоточивались бы в руках общественно-ведомственных совещаний и выборных местными представительными органами уполномоченных. Широкое общественное представительство предполагалось, разумеется, и в низовых комитетах по продовольственному делу². Забегая вперед, отметим, что в этих постановлениях были заложены основные идеи организации структур государственного регулирования, попытка практической реализации которых будет предпринята в 1917 году Временным правительством.

Осложнение ситуации с обеспечением населения продовольствием в первый год мировой войны заставило правительство в августе 1915 года реформировать систему продовольственного регулирования путем создания Особого совещания по продовольствию. Была предпринята попытка привлечь к его деятельности представителей общественных организаций и представительных органов власти, хотя доминирующую роль здесь играли деятели царской администрации. Руководил Совещанием главноуправляющий

¹ См.: Обзор деятельности Особого совещания по продовольствию с 17 августа 1915 г. по 17 февраля 1916 г. Пг., 1916. С. 2–8.

² См.: Труды Совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии при Главном комитете Всероссийского союза городов; Москва, 11–13 июля 1915 г. М., 1915; Организация народного хозяйства: Материалы к V очередному съезду Союза городов. М., 1916; Свод постановлений 2-го Чрезвычайного Всероссийского съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства 24–28 апреля 1916 г. Пг., 1916. С. 29–35.

земледелия и землеустройства, ставший с октября 1915 года Министром земледелия. Этот орган имел совещательные функции, однако его председатель концентрировал весьма широкие полномочия по контролю за деятельностью предприятий и органов управления, по направлению и распределению продовольственных ресурсов, по наложению секвестров и т. д. с 1 ноября 1915 года — и право устанавливать предельные цены на предметы продовольствия. Однако, несмотря на декларируемые цели и функции, два названных коренных недостатка системы регулирования устранены не были: сохранилась множественность регулирующих органов, а представительство общественных организаций оказалось во многом формальным.

С самого начала войны обнаружился еще один, во многом неожиданный, элемент правительственного курса. Встав на путь формирования сложной системы государственного регулирования продовольственного дела (а фактически и всего аграрного сектора), власти поставили задачу элиминировать роль посредников в отношениях между непосредственными производителями и государственными заготовительными органами. «Руководящей идеей при построении государственных заготовок (в главной части этой работы, в части, выпавшей на долю Министерства земледелия) явилось стремление, минуя посредника, по возможности ближе подойти к производителю», — писал Н. Д. Кондратьев, оценивая складывавшуюся в 1914 году ситуацию в продовольственном деле¹.

Это было сделано под несомненным воздействием идеологических, а не практически-хозяйственных аргументов. Урожай 1914 года был удовлетворительным (ниже среднего за 1909–1913 годы всего на 5%), а неизбежное резкое сокращение экспорта и вовсе порождало опасение о возможности чрезмерного снижения цен на хлеб на внутреннем рынке². Тем самым не требовалось принятия каких-то специальных

¹ См.: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. С. 187.

² См.: Наши продовольственные запасы // Торгово-промышленная газета. 1914. № 525; Иванцов Д. Н. Урожай 1914 г. (по данным Центрального статистического комитета) // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. 1. Пг., 1914.

мер по стимулированию (а тем более принуждению) к сдаче хлеба или сдерживанию возможного роста цен. Однако в коридорах власти сложилось вполне определенное представление о том, что минимизация роли частного в торгово-посреднической деятельности тождественна укреплению организованности, упорядоченности хозяйственного процесса.

Все это породило целый ряд трудностей практического характера, поскольку требовало от государственных хлебозаготовительных организаций заново формировать собственную сеть агентов-заготовителей с плохо скрываемой тенденцией к бюрократизации своей деятельности.

Правда, одним из побочных явлений такого курса стало повышение внимания государственных органов к кооперации вообще и к кооперативному заготовительному аппарату в частности (до того власти нередко подвергали кооперативный аппарат полицейским преследованиям). В этом заключается еще одна характерная особенность, всплывающая при попытках построения гибридной государственно-частной системы: власть, не способная полностью взять в свои руки контроль за распределительными процессами в народном хозяйстве (или в отдельном его секторе), пытается привлечь в качестве союзника кооперацию, противопоставляя ее частнику. Те же попытки, и со столь же неэффективными результатами, предстоит предпринять в 1920-е годы большевистскому руководству. Причем характерно, что оба правительства (и царское, и большевистское) относились к кооперации с подозрительностью, были заинтересованы во всяческом ее ограничении, видя в кооперативном движении механизм, не вписывающийся в систему государственно-бюрократического управления.

Курс на оттеснение частного от хлеботорговли реализовывался на практике, хотя и не вполне последовательно. К концу первого года войны в экономической литературе уже обращается внимание на существенное сокращение, если не замирание, хлебных частноторговых оборотов. Сами представители частного бизнеса жаловались, что торговый класс, наиболее сведущий в деле заготовок, фактически отстраняется от них¹.

¹ См.: Постановления и протоколы Чрезвычайного Всероссийского съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. 5–11 апреля 1915 г.

Однако на практике роль частного сектора в хлебозаготовительной деятельности снизилась не очень существенно — его доля сократилась в общем объеме заготовок с 60 до 50 процентов¹.

Государственное регулирование не ограничивалось вопросами организации движения хлеба.

Уже в самом начале войны, 31 июля 1914 года, был издан циркуляр Министра внутренних дел, в котором предполагалось решать производственные проблемы при помощи таксирования. Понятно, что у государства не было и не могло быть достаточно обоснованных аргументов при установлении цен, их региональной дифференциации. И тонкий механизм рыночного регулирования производства оказался сразу же разрушенным. Из-за искусственности и несогласованности такс продукты стали перегонять с одного рынка на другой, усилилась спекуляция, углублялась дезорганизация транспорта. А дальше все разворачивалось по классической схеме, когда проблемы, порожденные грубым вмешательством власти в хозяйственный процесс, пытаются решать ужесточением администрирования.

Действительно, таксы в совокупности с расстройством транспорта подрывали заинтересованность крестьян в реализации хлеба — на вырученные деньги мало что можно было купить, так как цены на промышленные изделия росли, а их поставки в деревню сокращались. Экономический товарообмен между городом и деревней был на грани краха, за чем неминуемо следовали экономические и политические катаклизмы.

В этих условиях 17 февраля 1915 года издается закон, наделяющий местные власти новыми правами — запрещением вывоза сельскохозяйственной продукции за пределы своей губернии, установлением предельных цен на хлеб и фураж, закупаемые для армии, реквизиции продуктов по пониженным на 15% ценам. «Указом 17-го февраля было положено начало государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Свободному рынку нанесен был первый удар», — так

Пг., 1915; Материалы по вопросу об установлении твердых цен на хлебные продукты до урожая 1917 г. Пг., 1916. (Выступления С. В. Бородаевского и др.).

¹ См.: Отчетные сведения о заготовках из урожая 1915 г. Материалы к совещанию уполномоченных 25–31 авг. 1916 г. Пг., 1916.

оценивал принятый акт один из экономистов левой ориентации¹. И хотя здесь содержится некоторое преувеличение (роль государства в хозяйственной жизни России и раньше была велика), это был действительно важный момент в становлении системы административного регулирования. За ним последовали новые шаги — объявление о твердых (предельных) ценах на ряд важнейших продуктов для правительственных закупок в 1916 году, введение «плановых перевозок» и т. д.

Административный механизм перераспределения сельскохозяйственной продукции продолжал раскручиваться. Наглядным показателем этого выступает изменение роли государственных элеваторов, которым, как отмечалось выше, еще в предвоенные годы уделялось важное место в представлениях экономистов-государственников о путях реорганизации системы управления народным хозяйством. Первоначально элеваторы выступали как фактор, стягивающий хлеб в государственную сеть, регулирующий оборот хлеба. Теперь же, по мере углубления военного хозяйствования, в системе государственных зернохранилищ на передний план выходит техническая сторона дела — на элеваторы указывают лишь как на место, предназначенное для хранения и технического улучшения зерна.

Отсутствие стимулов к реализации хлеба потребителям по доступным ценам толкало правительство на путь расширения круга централизованно снабжаемых потребителей — в него помимо армии были включены работающие на оборону, затем стали снабжать и особенно нуждающиеся группы населения. В конечном счете было принято решение о введении твердых цен на все хлебные сделки. В официальных кругах подчеркивалось, что государство, будучи крупнейшим покупателем продовольственных продуктов и обладающее к тому же принудительной властью устанавливать твердые цены для своих закупок, поставило бы в затруднительное положение широкие слои населения, если бы отдало их во власть стихийного рынка, да еще искаженного плохой работой железных дорог.

Этот шаг мыслился в контексте мероприятий по усилению централизованного регулирования, обеспечивающего орга-

¹ См.: Ясный Н. М. Продовольственный кризис и хлебная монополия. Пг., 1917. С. 2.

низованное протекание хозяйственных процессов. Имелось в виду, что будет разработан мотивированный план закупочной и распределительной работы Министерства земледелия, которое становилось одним из ключевых звеньев планового регулирования хозяйства. Предполагалось, что тем самым повысится роль общего плана снабжения, ускорится его исполнение. Суть же адекватного этим задачам экономического механизма определяли в весьма обтекаемых формулировках, согласно которым, «оставляя право собственности на сельскохозяйственную продукцию за их производителями и предоставляя им свободу отчуждения своих запасов», надо создать ситуацию, при которой «частный интерес, лежащий в основе купли-продажи, не испытывал умаления своих выгод, уступил бы место общегосударственному»¹. Вопрос же о конкретных принципах построения такого механизма оставался без ответа.

Практический опыт давал результат прямо противоположный ожидаемому. Нетрудно себе представить, как утверждались твердые, «плановые» цены. По каждой губернии устанавливалась одна общая цена на данный вид зерна, для определения которой запрашивались сведения от местных органов о себестоимости хлебов. Но фактически в центре с этими ценами не особенно считались. Как это обычно бывает, твердые цены почти всегда назначались ниже вычисленной на местах себестоимости — отчасти из-за естественного в условиях административного регулирования стремления «низов» заложить в план (в данном случае — через цены) более выгодные для себя параметры, а отчасти из-за стремления «верхов» решать экономические проблемы, связанные с общим ростом дороговизны, путем механического давления на цены в сторону их понижения. В результате вскоре после опубликования твердых цен на хлеб (в сентябре 1916 года) рыночные цены резко подскочили.

Попытка правительства взять на себя обязательства по снабжению всех потребителей хлебом, опираясь на разверстку и, при необходимости, на реквизиции, окончилась провалом. Вольный хлебный рынок не исчез, но лишь ушел

¹ Организация продовольственного дела // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 43. С. 117.

в подполье, а потребитель, как всегда в таком случае бывает, должен был платить еще больше. Производители, несмотря на объявленные санкции, стремились укрывать хлеб от реализации по твердым ценам. Отступление власти на позиции заготовки хлеба по твердым ценам только для армии уже не могло повлечь оздоровления обстановки и снижения дороговизны.

Неэффективность подобной политики обуславливалась целым рядом факторов: неповоротливостью бюрократических государственных структур, пытавшихся заменить собой рыночный механизм согласования спроса и предложения; разрушением частнохозяйственного аппарата, традиционно обслуживавшего товарообмен между городом и деревней и накопившего в этом деле немалый опыт; дестимулирующим влиянием на деревенских производителей фиксации цен на их продукцию, тогда как все остальные цены росли. В результате сложилось положение, когда при отсутствии в стране физической нехватки сельскохозяйственных продуктов их дефицит остро ощущался в городах. О согласовании «частнохозяйственных и общегосударственных интересов», разумеется, не могло быть и речи. Административное регулирование неотвратимо порождало экономический саботаж производителей, который не мог быть сломлен усилением административного же насилия.

Помимо социально-экономических причин, обусловивших неэффективность проводимой экономической политики, важную роль играл и комплекс социально-политических факторов. Никакая власть не является всесильной, особенно если она пытается действовать вопреки интересам производителей. Подобный курс может приносить определенные результаты, если правительство опирается на политически влиятельную часть общества. И даже в этом случае курс, противоречащий экономическим интересам значительной части населения, опасен, поскольку силу своего влияния и устойчивости власть как правило переоценивает. (Как это произошло, например, с Временным правительством, о чем у нас пойдет речь в главе 5).

Однако царское правительство было, безусловно, недостаточно популярным, а его административные возможности опосредовать хозяйственные связи (хотя бы в рамках торгов-

ли хлебом) оказались просто минимальными. Это обуславливало провалы практически во всех начинаниях планово-распределительного характера и одновременно толкало на путь усиления репрессивного давления на производителя. «Разверстка, расходящаяся с экономическими интересами частного хозяйства, пытавшаяся иногда от хозяйства взять больше того, что оно обычно выбрасывало на рынок, чтобы пройти успешно, требовала слишком много предпосылок внешнеэкономического порядка, предполагала наличие мотивов, расходящихся с частнохозяйственным интересом и побеждающих его. Нужно было иметь высококультурную массу с сильным сознанием государственности. Нужно было глубокое чувство доверия к власти и готовности на самопожертвование со стороны масс. Но этих предпосылок не было. Сама власть, доселе не допускавшая свободу самоорганизации масс, вырывала почву для таких предпосылок»¹.

В конце концов, незадолго до революции, 9 августа 1916 года, Совет Министров Российской империи принял решение о введении «уголовной ответственности торговцев и промышленников за возвышение или понижение цен на предметы продовольствия или необходимой потребности»².

Годы мировой войны дали богатый опыт государственного регулирования вообще и продовольственной сферы в особенности. Однако по вполне понятным причинам специальный теоретический анализ этих процессов тогда не проводился. Публикации в основном ограничивались периодической печатью и содержали перечень проводимых мероприятий с их позитивной или (реже) негативной оценкой. То было об-

¹ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 203–204.

² О твердом единстве по этому вопросу в высших эшелонах власти свидетельствует резолюция Николая II при прочтении протокола. Обычно император писал «Согласен» или просто ставил пометку о прочтении. В данном же случае начертана единственная в опубликованных протоколах резолюция: «Согласен. Наконец!». (См.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг.: 1916 год. С. 377.) Речь шла о случаях «как повышения цен на предметы продовольствия или необходимой потребности, так и сокрытия, прекращения продажи или отказа в продаже сих предметов — до заключения в тюрьме на время от одного г. и четырех месяцев до двух лет».

суждение экономической политики и ее идеологии, так сказать, в чистом виде.

Научные обобщения появились позднее. Они могут быть предметом специального исследования. Но в данном случае нам представляется уместным обратить внимание на одну из первых и, пожалуй, одну из лучших, попыток осмысления практики военного регулирования, проведенное на концептуальном уровне. Посвященное проблемам регулирования хлебного рынка, рассматриваемое ниже рассуждение Н. Д. Кондратьева имеет, разумеется, гораздо более широкое звучание.

Он выделяет два типа мер, которые осуществляла в годы мировой войны государственная власть.

Во-первых, прямое воздействие на ход обеспечения потребителя ресурсом («на ход снабжения») — государство само приобретает товары и передает их потребителю, выступая тем самым как особый хозяйствующий субъект. Среди примеров таких мер можно назвать заготовку хлебов непосредственно госорганами, перевозку ими хлебов и распределение.

Во-вторых, косвенное воздействие на ход снабжения, когда государство выступает как «организующий субъект публично-правового характера». Здесь власть стремится воздействовать на рынок через установление твердых цен, запреты на транспортировку тех или иных грузов («запреты вывоза»), введение плановых перевозок и тому подобное.

Н. Д. Кондратьев отмечает известную условность этого деления, указывая на наличие (и особую важность) промежуточных форм государственного регулирования. А анализируя эти процессы в динамике, он делает вывод, что за время мировой войны происходил явный сдвиг от методов косвенного регулирования к безусловному доминированию регулирования прямого, по отношению к которому первые начинали играть обслуживающе-вспомогательную роль. В конечном счете формируется ситуация, когда «задача прямого государственного регулирования снабжения является основной и единственной побуждающей силой к мерам по регулированию рынка, и меры косвенного регулирования приобретают всецело субсидируемый характер»¹.

¹ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 165–166.

Данное разграничение представляется очень важным и плодотворным с точки зрения последующего развития событий в нашей стране и ее экономической науки. Выделение прямых и косвенных методов управления, соотношения их ролей и тому подобное станет позднее одним из основных предметов дискуссий в советской экономической науке. Корни этих дискуссий, как видим, закладывались в связи с анализом военно-капиталистического хозяйства, а вовсе не смешанной экономики нэпа, как будет принято позднее считать. И это является важным свидетельством в пользу органической связи формировавшегося в 1920-е годы экономического механизма с государственно-капиталистической системой старого режима, с его практической политикой и идеологией. А тенденция перехода от косвенных методов к прямым является еще одним показателем особого характера взаимосвязи предреволюционной экономической политики с послереволюционной.

Схожие проблемы стояли и перед другими отраслями — добывающей и легкой промышленностью, машиностроением и транспортом. Решались они по сути дела аналогичными методами и при той же результативности. Государственная власть все активнее пыталась вмешиваться в хозяйственную жизнь с целью заставить промышленников работать вопреки их экономическим интересам. Но хаос только усиливался¹.

Распоряжения центральной власти исполнялись искаженно или не исполнялись вовсе. Да и следование этим распоряжениям со стороны отдельных предприятий отнюдь не гарантировало достижения намеченной цели: ведь центр, «спуская» задание, был неспособен учесть все конкретные обстоятельства его реализации. Промышленники не без основания утверждали, что появление новых «централизующих инстан-

¹ Правда, еще была предпринята попытка ответить на высокий уровень монополизации нефтедобычи созданием государственной нефтяной компании на Апшеронском полуострове — проект, разработанный Министерством торговли и промышленности при поддержке Особого совещания по топливу. Предполагалось, что отпускные цены здесь будут примерно на 25% ниже, чем при закупке нефти у частных компаний. Впрочем, проект этот так и не был реализован. (См.: Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 52. С. 577.)

ций», которые задумываются правительством и пытаются «охватить все многообразие жизни на местах» создает лишь «новый тягостный источник трудностей».

В такой обстановке речь все чаще заходит о введении государственных монополий на хлеб, уголь, нефть, сахар, хлопок¹. Правда, многие экономисты и общественные деятели, верившие в эффективность подобной меры, подчеркивали, что она может быть проведена лишь правительством, пользующимся в стране доверием.

Итак, в годы Первой мировой войны в России оформились и столкнулись два принципиальных подхода к решению проблем народнохозяйственной координации и организации: или через усиление административно-распорядительных функций государства, или через взаимодействие различных государственных, производственных и общественных структур, предполагающее приоритетное значение неадминистративных методов и минимизацию прямого вмешательства властей в сложные процессы функционирования рыночного механизма². Их альтернатива во многом предопределила весь ход дальнейшей теоретической дискуссии и практики хозяйствования.

¹ В создании Комитета по торговле донецким углем некоторые исследователи видели фактическое установление государственной монополии на торговлю углем. Аналогичные призывы звучали по отношению к централизации распределения металла. Правительство сделало серьезный шаг и к введению монополии внешней торговли, централизовав закупки за границей металла и некоторых других предметов промышленного производства. (См.: *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 146–147, 160–163, 180–181.)

² Естественно, что в логике советского экономического строительства первый путь считался единственно возможным. Попытки централизованного регулирования на протяжении большей части XX века будут рассматриваться как обреченные на провал по причине их недостроенности до стадии полной национализации. «Мобилизация промышленности и перевод ее на рельсы военного производства оказались в условиях капитализма не только сложным, но и не поддающимся государственному регулированию делом. Попытки государственных органов и общественных организаций буржуазии подчинить процесс мобилизации промышленности централизованному руководству и придать ему “плановый характер” потерпели полную неудачу» (*Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. С. 81).

3.3. Внедрение плановых начал: теоретические постановки и практические рекомендации

В годы Первой мировой войны внимание многих экономистов, придерживавшихся различной идейно-политической ориентации, все чаще стали привлекать общие вопросы планомерного урегулирования всего народного хозяйства. Мотивировалось это не только и даже не столько сложностями военного времени, сколько необходимостью осуществления глубоких экономических преобразований, без которых будущее России выглядело печальным. Авторы различных проектов критикуют разрозненные попытки регулирования отдельных отраслей, подчеркивая важность обеспечения подлинного единства при проведении государственной политики.

Такие постановки выводили дискуссию на новую орбиту, намечая линии будущего развития теории и практики централизованного управления народным хозяйством. Тем более что уже в 1915–1916 годах прослеживается появление двух совершенно различных подходов к пониманию самого существа встававших задач государственного регулирования экономики: как контуров экономической политики (ее инструментов, механизмов) и как расписания деятельности отдельных секторов и предприятий, увязываемых в единое целое. На начальном этапе их различие могло проходить незамеченным, не было никакой явной полемики между их сторонниками. Возможно, кому-то они представлялись даже совместимыми, друг друга взаимно дополняющими. И только тяжелый опыт последующих десятилетий позволяет увидеть глубокий антагонизм этих двух линий и неизбежность острой борьбы между ними впоследствии. Сказанное не может быть опровергнуто отдельными примерами переплетения этих подходов в работах одного и того же автора.

Одна линия нашла свое отражение в работах экономистов, стремившихся выработать концепцию экономической реформы, которая позволила бы быстро залечить нанесенные войной раны и динамично развиваться в условиях мирного времени. Речь шла о коренном обновлении национальной экономической политики, о координации и согласовании интересов различных политических и хозяйственных сил и сосредоточении их на достижении общих целей. Плановая тема

звучит здесь как задача разработки плана реформы и определения места плана в реформе.

Исходная предпосылка анализа — признание того факта, что российская экономика вступила в новый этап, когда для ее эффективного развития необходимо государственное регулирование, а для этого следует планомерно осуществить глубокие экономические и финансовые реформы. «Государственное вмешательство в народнохозяйственную жизнь стало особенно возможным в наше время, когда многим казалось, что этому вмешательству приходит конец», — писал М. И. Боголепов в своей книге с характерным названием «О путях будущего: К вопросу об экономическом плане» — одной из наиболее интересных работ по рассматриваемой нами проблеме¹.

Цель этих реформ и регулирования — динамичный и непрерывный рост производительных сил. Механизм реализации цели — поощрение творческой инициативы, «возбуждение энергии». «Общая задача, которая должна составить содержание экономической программы, есть достижение высшего производительного результата народнохозяйственного труда. Эта цель может быть достигнута лишь в том случае, если государственная власть направит свои усилия к пробуждению хозяйственной инициативы населения, осуществлением такого плана, который осуществит возбуждающее к творчеству влияние на личность, производителя»².

Собственно, сказанного уже достаточно, чтобы сделать вывод о сущности трактовки плана в рамках этой концепции. План в данном случае — это определенная система экономической политики, предполагающая создание оптимальных социально-экономических условий для динамичного развития производительных сил путем развертывания инициативы и предпринимательской активности. Это общее определение конкретизировалось в ряде теоретических положений, представляющих собой по сути дела важнейшие принципы планирования.

Прежде всего утверждалось, что отправной точкой экономического плана может быть «не крупное изменение исто-

¹ Боголепов М. И. О путях будущего: К вопросу об экономическом плане. Пг., 1916. С. 5.

² К плану экономической реформы // Министерство финансов. Пг., 1916. С. 1–2.

рического бега народного хозяйства, а лишь содействие народнохозяйственным течениям и устранения препятствий на путях развития производительных сил». Иными словами, речь шла об обязательном соответствии плановых разработок экономическим законам и возможности только на этой основе добиться быстрых и глубоких изменений в хозяйственной действительности. М. И. Боголепов сравнивал значение такого плана и выражаемой им политики с ролью «умного садовника, мудрость и могущество которого прямо пропорциональны его знанию и уважению к силам и законам природы».

Он же предостерегал и от чрезмерного преувеличения роли экономического плана, придания ему всеобъемлющего, тотального характера, отождествления его с планом финансовым. Если последний выступает планом определенной организации, именуемой «государственным хозяйством» и управляемой единой волей, то первый должен иметь дело не с организацией, а с организмом, каковым является все народное хозяйство. Здесь уже нет единой воли, во всяком случае, институционально оформленной. Здесь невозможно и прямое управление. И потому экономический план может быть только планом экономической политики, наиболее адекватной объективным потребностям того или иного этапа хозяйственного развития страны. В этой логике вполне обоснованно звучит и предостережение против увлечения разработкой крупномасштабных плановых проектировок, охватывающих период в несколько десятилетий, с одной стороны, и чрезмерной детализации концепции — с другой. «Экономический план должен включать в себя немного, но зато самое необходимое. Планомерность и заключается в выборе того, что прежде всего, по условиям момента, является необходимым», — замечал М. И. Боголепов¹.

Одной из важнейших функций, которую должен выполнять экономический план, выступает в данной системе формирование единой государственной воли, способной воздействовать на хозяйственные процессы с позиций общих интересов. Государство является источником экономической политики, а, значит, и экономического планирования. Именно для

¹ Боголепов М. И. О путях будущего. С. 46.

него нужен в первую очередь такой план, но он будет эффективен лишь при условии недопущения ведомственности при его разработке и выполнении. Иначе государственная экономическая политика превратится в ведомственную. «Ведомственная политика должна быть заменена правительственной политикой, опирающейся на единый план, обязательный для всех ведомств. Будущее России властно требует создания должной планомерности правительственных экономических преобразований», — отмечалось, в частности, в записке Министерства финансов еще 28 января 1916 года¹.

Однако преодолевая ведомственные устремления, подчиняя их потребностям всего организма, план не должен был игнорировать существующую в обществе богатую палитру реальных и противоречащих друг другу экономических интересов. «Задача центра и общего плана — помирить конкурирующие требования и стремления и выбрать из взаимно противоречащих задач ту, которая является, с точки зрения общих интересов, наиболее важной». Так писал М. И. Боголепов и указывал принципиальные направления решения встающих проблем. Это — сочетание централизма при постановке общей обязательной цели, определяющей перспективу роста, с широкой децентрализацией при ее конкретизации и выработке путей достижения цели. «Передоверие функций на места организует страну, т. е. делает то, в чем больше всего нуждается наше отечество». С одной стороны, это дает местным организациям ясно видеть перспективы своего развития и активно участвовать в достижении общехозяйственных целей, а с другой — пробуждает активность и инициативу мест, позволяет согласовывать локальные интересы и цели с глобальными.

Утверждение регулирующего начала в хозяйственной жизни связывалось здесь и с необходимостью определенного преобразования общественных отношений, создания условий, облегчающих «свободную инициативу народного труда» путем утверждения адекватного этим целям «целесообразного экономического законодательства». В частности, выдвигалось предложение об установлении государственной собственности на недра и водную энергию, поскольку именно

¹ К плану экономической реформы. С. 14.

здесь возникает наиболее опасная и практически неразрешимая «коллизия частных интересов». А в результате национализации эти сферы могут стать солидными источниками государственных доходов и притом такими, которые не будут стеснять частную инициативу.

Понятно, что в такой механизм никак не вписывались действия, направленные на поощрение монополистических тенденций — будь то со стороны государства или частного сектора. С большой настороженностью воспринимались здесь идеи введения государственных торговых монополий. Напротив, ставилась задача стимулирования свободной инициативы. Для этого предлагалось разработать и внедрить в практику действенное антимонопольное законодательство, не допускать искусственного насаждения крупных хозяйственных форм, а также принимать меры к демократизации производственной деятельности, обеспечивать участие самих трудящихся в принятии решений, касающихся функционирования их предприятий.

Наконец, перед планом ставилась задача определения и взаимной увязки масштабов и срочности (временных рамок) той деятельности, которая должна привести к достижению намеченных целей. При всем концептуальном значении плана от него требовался и точный расчет времени, потребного для проведения тех или иных согласованных между собой мероприятий. В данном случае уже появляются идеи, сочетающие количественные, качественные и временные параметры, и тем самым формирующие жесткий каркас плановой конструкции.

Оправданна ли эта жесткость? Или: при каких условиях она может быть рациональна? Вряд ли можно ожидать ответов на эти вопросы или даже саму постановку их от исследований, не выходящих еще за пределы общих теоретических постановок, без всякого практического опыта их реализации.

Словом, рассмотренное понимание существа и проблем планирования в значительной мере строится на отрицании ряда характерных признаков хозяйственного механизма военного времени. Оно предполагало проведение ряда существенных преобразований, обеспечивающих целостность и централизм экономической политики без доминирования в народном хозяйстве жестких иерархических структур.

Другой подход к урегулированию хозяйственной жизни основывался на тезисе о необходимости скорейшей разработки и внедрения единого хозяйственного плана. Сторонниками этого подхода были экономисты, обычно связанные с различными демократическими организациями, которые (организации) резко критиковали неэффективную и сословно ориентированную политику царского правительства и стремились взять регулирование хозяйственных процессов под свой контроль. Наиболее характерной в этом отношении может являться, пожалуй, позиция Всероссийского Союза городов, в работе которого принимали участие видные экономисты — В. Г. Громан, Л. Б. Кафенгауз, А. А. Соколов и др.

Углублявшаяся дезорганизация народного хозяйства, неспособность существующего режима остановить сползание к экономической катастрофе вызвали существенное повышение внимания многих экономистов и общественных деятелей к задаче построения единой системы руководства национальной экономикой на основе централизованного плана. Так, уже в 1916 году, убедившись в неэффективности функционирования Особого совещания по продовольствию, Всероссийский Союз городов потребовал разработки единого плана в этой области и сформулировал основные линии его построения. Вопрос был поставлен определенно: «Если мы сумеем линию одного плана провести через все местные совещания, мы тогда будем иметь картину разрешения продовольственного вопроса в стране в одном общеимперском плане»¹. Этот план должен был охватить единой системой все движение продукта от производителя к потребителю, опосредовать связи между ними, урегулировав по возможности их взаимоотношения. Предполагалось, что тем самым удастся преодолеть диктат производителя, ставший за время войны весьма типичным из-за появления разного рода дефицитов.

Широта, универсальность, целостность — так определялись важнейшие черты этого плана. «Глубочайшая ошибка всех мероприятий, имевших место до сих пор, как государственных, так и общественных, заключается в том, что все время желали частично регулировать отдельные стороны эко-

¹ Астров Н. И. Задачи совещания // Труды экономического совещания: 3–4 января 1916 года. М., 1916. С. 11.

номической жизни страны и в том, что не ставили вопроса во всем грандиозном объеме, вопроса о целостной системе регулирования и производства, и торговли, и транспорта, и распределения, и, наконец, потребления», — подчеркивал тогда В. Г. Громан¹.

Исходным моментом решения этой задачи считалось создание «сильного общеимперского органа с лицом, стоящим во главе этого органа, пользующимся общественным доверием, и с участием в этом органе широко поставленных государственных организаций»². Центр должен сосредоточить в своих руках ключевые рычаги, оказывающие определяющее влияние на все сферы хозяйственной жизни. Прежде всего подчеркивалось, что в основе руководящих принципов регулирования любых экономических отношений лежит регулировка транспорта, тождественная по сути дела регулированию товарообмена. «Главным орудием регулирования товарообмена должно служить регулирование перевозок, т. е. переход к разрешительной системе перевозок», — настойчиво повторял Громан.

Другим необходимым условием централизованного регулирования назывались государственное определение цен, непосредственно привязываемое к транспортному вопросу: лицо, получившее разрешение на перевозку продукта, обязано было и продавать его по установленным ценам, а также подчиняться требованиям соответствующих органов о направлениях распределения его между потребителями.

Решение этих задач связывали с принудительной синдикализацией предприятий по отраслевому признаку. Например, создание синдиката сахарозаводчиков с постановкой его под контроль органа, выражающего интересы потребителей, при запрете реализовывать продукцию помимо централизованных установлений. Для распределения же продукции предлагалось учредить специальную Комиссию снабжения, которая опосредовала бы отношения организаций производителей и потребителей, обеспечивала бы снабжение в соответствии

¹ Громан В. Г. О плане продовольствия населения и основные принципы экономической политики в связи с регулированием транспорта // Труды экономического совещания: 3–4 января 1916 года. М., 1916. С. 28.

² Там же. С. 7.

с государственными приоритетами, определяла бы порядок отпуска продуктов в частные руки.

Практическая реализация этой системы означала бы фактическую ликвидацию рынка и замену торговли государственным распределением. Ее сторонники были убеждены, что центральная власть может и должна обеспечить наиболее рациональный и слаженный порядок работы всех звеньев общественного организма, учет движения всех продуктов и, следовательно, использование всех возможностей для образования необходимых резервов. Конечно, власть, берущая на себя такие полномочия, принимает также обязательства обеспечить потребителя соответствующими продуктами (по крайней мере, по установленным нормам), поскольку цены в этих условиях утрачивают значение регулятора спроса и предложения. Однако разрабатывающие подобные рекомендации экономисты (например, авторы подготовленного Управлением делами Особого совещания по продовольствию проекта «Современные положения таксировки продуктов продовольствия в России и меры к его упорядочению») полагали, что центр при помощи специфических мер (например, реквизиции продукции, регулирования обращения и снабжения, нормирования потребления) сможет справиться с возникающими разнообразными проблемами.

Основу рассматриваемой концепции планового регулирования составляли распространенные в начале XX века (особенно в левых кругах) представления о качественно новой ступени в развитии капиталистического общества. С одной стороны, произошло ослабление роли частного интереса и частной инициативы как движущих стимулов прогресса. С другой — война привела к невиданной разрухе материальной базы. После окончания войны ожидалось возникновение очень неблагоприятной экономической ситуации — сжатие покупательных возможностей населения, ограничение государственного спроса, повышение налогов на покрытие существенно возросшего государственного долга, удорожание капитала, что в свою очередь может вызвать понижение заработной платы и нищету. Мы не будем оценивать степень реалистичности этих прогнозов. Важно, что они были широко распространены и способствовали выдвижению выводов стратегического характера. Главным из них стал тезис о не-

обходимости и возможности использования государства как силы, способной заменить собой действие традиционных рыночных механизмов и активным вмешательством непосредственно в хозяйственный процесс обеспечить не только смягчение последствий происшедших в капиталистической экономике сдвигов, но даже дать импульс дальнейшему поступательному движению народного хозяйства.

«Если современная финансовая проблема состоит, в конечном счете, в подъеме производительных сил, как любят теперь выражаться по всякому поводу, то проблема эта прежде всего упирается в проблему организации народного хозяйства», — писал, например, С. Загорский¹. Развивая это общее положение, многие экономисты разной политической ориентации активно выступали за меры, направленные на усиление и ускорение тенденций к концентрации и монополизации производства и фактически за искусственное нивелирование роли частной инициативы и свободной конкуренции. В этом видели благоприятные условия для «организации народного хозяйства», для плановости. Надежды возлагались здесь на активизацию предпринимательской и перераспределительной роли государства, на учреждение монополий в ряде отраслей, а по отношению к сохраняющемуся еще частному сектору речь шла о «доведении податного бремени до возможно большего предела», о «налоговой беспощадности» власти².

Вся эта система мер расценивалась как ответ современного общества на вызов эпохи, переживающей переломный момент. «Война выдвинула на первый план социальной жизни государство как господствующее начало, по отношению к которому все другие проявления общественности становятся в положение служебное», — заявляли эксперты Особого совещания по продовольствию. Развивая далее свои идеи, они приходили к выводам общего порядка, весьма характерным для значительной части экономистов и политиков того времени: «В экономической жизни встречаются две тен-

¹ Загорский С. Современная финансовая проблема // Современный мир. 1916. № 2. С. 17–23.

² См., например, статьи М. И. Фридмана в «Вестнике финансов» (1916. № 8) или П. П. Мигулина из «Нового экономиста» за 1915–1916 годы.

денции — с одной стороны, государство все более проникает во внутренние отношения частнохозяйственной деятельности, и с другой — торговля и промышленность проявляют черты необходимой самоорганизации в широком государственном стиле. Все эти связанные с войной хозяйственные мероприятия не могут пройти бесследно для будущего. Организационное творчество, проявляемое сейчас в форме создания центральных закупочно-распределительных учреждений, оставит свое наследие мирному времени в том или ином виде»¹.

В экономической литературе 1914–1916 годов все громче слышен голос тех, кого мы выше характеризовали как буржуазных экономистов-государственников. Необходимость мобилизации всех ресурсов в условиях беспрецедентной войны, постепенное ухудшение общей экономической ситуации, рост цен и видимое его ускорение, явное усиление спекулятивных тенденций — все эти и некоторые другие факторы дали возможность «государственникам» поставить вопрос о необходимости и возможности урегулирования и стабилизации народного хозяйства страны на путях последовательного введения государственных монополий и расширения сферы их действия. Как и до войны, фактическим лидером и идеологом этой кампании был П. П. Мигулин, полностью посвятивший разработке и пропаганде этих идей редактировавшийся им журнал «Новый экономист»².

На страницах «Нового экономиста», а также в некоторых других органах печати, один за другим публикуются проекты введения тех или иных государственных монополий на российском рынке — чайной, сахарной, нефтяной и так далее. Депутат Г. Д. Шеин предложил даже введение страховой монополии. А министр финансов П. Л. Барк высказался тогда

¹ Дорошенко А. К вопросу о государственном регулировании хлебной торговли // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 52. С. 567.

² Мигулин П. Чайная монополия // Новый экономист. 1915. № 1; Мигулин П. Казенная спичечная монополия // Новый экономист. 1915. № 2; Меркулов С. К вопросу о чайной монополии // Новый экономист. 1915. № 4; Весов Я. Практика максимальных хлебных цен в Германии // Новый экономист. 1915. № 4; Воблый К. О мобилизации труда в сельском хозяйстве // Новый экономист. 1915. № 10; Весов Я. Новая государственная монополия в Германии // Новый экономист. 1915. № 15; Русская мысль. 1915. № 24.

в принципе за монополизацию государством всех тех отраслей, которые уже фактически монополизированы частным капиталом¹. Не отрицая в принципе идею производственных монополий, эти авторы сосредоточили свое основное внимание на монополиях торговых как более эффективных и легче в настоящее время реализуемых. Основными задачами, возлагаемыми на такой курс, являлись как увеличение поступлений в казну, так и общее урегулирование хозяйственного развития, определение приоритетов при размещении производительного капитала.

Основные аргументы, выдвигавшиеся в этой связи в защиту государственных монополий, были следующие.

Во-первых, увеличение поступлений денег в казну, что поможет решить острые бюджетные проблемы ведения войны и поддержания уровня жизни населения в относительно приемлемых рамках.

Во-вторых, возможность повышения качества продукции. Сторонники рассматриваемого подхода постоянно указывали на продолжающиеся процессы ослабления конкуренции — и из-за роста в военное время отечественных частных монополий, и из-за ослабления по той же причине давления со стороны иностранных конкурентов. А это неизбежно сказывалось на качестве товара. Предполагалось, что государство, сосредоточив в своих руках распределение и обмен соответствующих товаров, будет более строго контролировать деятельность своего поставщика-частника.

В-третьих, предполагалось, что таким способом можно будет, выведя частный капитал из непроизводительной торговой сферы, переориентировать его на дело, «более полезное и интересное для государства».

В-четвертых, обращалось внимание на опыт функционирования государственно-монополистического хозяйства Германии, на необходимость противостоять ей, используя ее же собственное оружие. Здесь речь шла о нахождении организационной формы, которая позволила бы реально объединить деятельность как государственных, так и частных предприятий. «В борьбе с германским засильем русская промышленность должна объединить в одной центральной органи-

¹ См.: Общественное мнение о монополиях // Новый экономист. 1916. № 1. С. 7.

зации как правительственные, так и общественные силы и единоличную предприимчивость. Правительство должно взять в свои руки отрасли государственного хозяйства, непосильные отдельным лицам или даже союзам», — писал тогда А. Г. Щербатов¹.

Экономисты-государственники (как, впрочем, и социалисты, от сравнения с которыми государственники энергично открещивались) были убеждены, что введение таких монополий пойдет на пользу громадному большинству населения и уже одним этим будет способствовать стабилизации хозяйственных процессов. При монополии, как утверждал, например, С. Меркулов, потерять могут только имеющие ростовщические барыши оптовые торговцы и мелкие посредники. «Экономически выиграют: потребитель, получив продукт по более дешевой цене; государство, получив лишнюю сумму дохода; массовый плательщик государственного налога, ибо получение правительством дохода от монопольной продажи продукта освободит население от необходимости платить соответствующую сумму налога каким-либо другим путем; если не выиграют, то ничего не потеряют ни производители, ни необходимые рабочие силы, кормящиеся около производства и продажи этих продуктов»². Собственно, это была (и будет впоследствии) классическая аргументация в пользу централизованного государственного хозяйствования, принципиально игнорирующая социально-экономическую сторону организации производственного процесса, различие мотивации собственника, управленца и государственного чиновника — аргументация, характерная и для большинства советских экономистов-рыночников (сторонников рыночных экономических реформ) 1960-х — 80-х годов. Между тем, как показывала практика, даже при имевшемся тогда опыте государственного хозяйствования мотивация этих трех типов субъектов производственных и политических отношений является совершенно различной.

Следует обратить внимание еще на одну отличительную особенность экономистов данного направления. Усиление государственного начала в организации отечественного народ-

¹ Щербатов А. Г. Промышленная война // Новый экономист. 1915. № 7. С. 7.

² Меркулов С. К вопросу о чайной монополии // Новый экономист. 1915. № 4. С. 4.

ного хозяйства они связывали с укреплением позиций Министерства торговли и промышленности, выступая за придание ему более мощных рычагов воздействия на производителей. Здесь они полагали, что в российской системе управления народным хозяйством слишком большие рычаги в ущерб этому ведомству находятся в руках Министерства финансов (Государственный банк и сильно зависящие от него коммерческие банки, железнодорожные тарифы и таможенные сборы, промысловое обложение и т.д.). Для преодоления такого положения, повышения действенности экономической политики государства предлагалось пойти на создание сильного промышленного банка, который смог бы поддерживать промышленность (и особенно мелкую и среднюю) необходимыми для ее развития капиталами.

Еще дальше пошел князь А. Г. Щербатов, выдвинув предложение поручить Государственному банку и казначейству организацию промышленного кредита через специально создаваемые при региональных конторах Госбанка «учетные комитеты» — это означало бы по сути дела первый шаг на пути слияния эмиссионных функций с коммерческим кредитом. Фактически, в этом он повторил идею А. В. Кривошеина, который, будучи министром в правительстве П. А. Столыпина, попытался наделить аналогичными функциями Земельный банк¹. Словом, предложения такого рода — об эмиссионном финансировании развития производства — становятся все более популярны. Причем популярность эта нарастает по мере разрушения денежного хозяйства и усиления его эмиссионного характера.

Проще всего, конечно, было бы объяснить идеи такого рода ограниченностью накопленного экономического знания. Отчасти это справедливо, поскольку опыт использования эмиссионного хозяйства был в начале XX столетия еще небольшим. Однако нельзя игнорировать и тот факт, что в предложениях о формировании параллельного эмиссионного центра находят отражение два принципиально важных элемента будущей системы централизованного регулирования советской экономикой. Во-первых, это конфликт между отрас-

¹ См.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Кн. 1. М.: Наука, 1992. С. 369–371.

левой и финансовой организациями регулирования (более подробно он будет рассмотрен ниже в главе 8, посвященной взаимоотношениям Госплана и Наркомфина в 1920-х годах). И, во-вторых, совмещение функций центрального банка (эмиссионного центра) и коммерческого банка, что было характерно для практики того времени и будет оставаться неотъемлемой чертой советской хозяйственной системы.

Аналогично рассуждали тогда и экономисты социалистического направления, выводы которых отличались лишь большей решительностью и последовательностью. «Вся проблема демобилизации народного хозяйства после войны сводится, с нашей точки зрения, к дальнейшему развитию в нем тех зачатков огосударствления и муниципализации, которые создала война и которые являются еще неизбежным ее последствием», — совершенно определенно указывал Г.Новоградский в издававшемся М.Горьким журнале левой интеллигенции «Летопись»¹.

Они выражали обоснованные сомнения в возможности сочетания государственной монополизации отдельных отраслей с высоким налогообложением частного хозяйства. Они объясняли, что в подобной смешанной экономике неэффективными окажутся обе сферы деятельности из-за парализующего влияния высоких налогов на частный сектор, а это неминуемо отразится и на работе сектора государственного. Поэтому предлагалось встать на путь последовательного и решительного следования логике монополизации. «Было бы более последовательно рекомендовать прямое огосударствление национального производства», — писал Б.Авилов. Он был далеко не одинок в своем убеждении, что «стихийная борьба частных интересов и стремление капитала к извлечению прибыли» не могут более обеспечивать решение сложнейших экономических и финансовых проблем, и на смену им приходит, должно прийти «планомерное направление производительной деятельности со стороны общества и государства»².

¹ Новоградский Г. На пути к хлебной монополии // Летопись. 1916. № 10. С. 320.

² Авилов Б. Настоящее и будущее народного хозяйства России. Пг., 1916. С. 80, 84.

3.4. Нарастание кризиса

Впрочем, теоретические выкладки и рассуждения общэкономического характера, выясняя тенденции социально-экономического развития и намечая необходимые и возможные пути преобразования хозяйственной системы, уже не оказывали непосредственного воздействия на функционирование реального экономического механизма, на государственную экономическую политику. Система входила в глубокий кризис, а попытки ее реформирования посредством вмешательства власти в хозяйственный процесс только усугубляли ситуацию. Стремление охватить жизненно важные узлы народного хозяйства плановыми установлениями центра, в том числе и при помощи государственного регулирования перевозок важнейших грузов, терпели провал.

Следствием складывавшейся системы государственного, а по сути дела бюрократического регулирования хозяйственной жизни, оказывались окончательный подрыв системы рыночных стимулов и ориентиров, с одной стороны, и вполне естественный расцвет коррумпированности занятого распределением материальных ресурсов государственного аппарата — с другой стороны.

Здесь уместно будет привести два следующих примера.

Один принадлежит М. В. Родзянко, который обращал внимание на неизбежное снижение качества продукции идущей на государственные нужды, со всеми вытекающими из этого выводами: «Вместо того, чтобы принять самые решительные меры для обеспечения себя углем надлежащего качества, для чего потребовалось заключить соответствующие контракты с углепромышленниками или создать особый регулирующий орган, Министерство путей сообщения, начиная с 1915 года, предпочитает получать уголь путем реквизиций. Это ставит железные дороги в весьма рискованное положение... Так как при реквизиции личная ответственность владельцев рудников за качество угля совершенно исчезает, было вполне естественно стремление некоторых из них сбыть железным дорогам всякий хлам»¹.

¹ Экономическое положение России перед революцией // Красный архив. 1925. № 3. С. 77–78.

Вместе с тем в обстановке господства административных предписаний и указаний в практике экономической жизни все более прочные позиции занимала взятка. Она оказывалась сильнее власти — и центральной, и местной. Именно тогда широкое распространение получила поговорка: «Взятка — это русская конституция». И, разумеется, литера «Д» (деньги) стала наиболее надежной в системе литерных приоритетов, установленных государством для железнодорожных перевозок. Соотношение сил государственных и частных интересов в условиях ширящегося административного руководства экономикой из единого центра к середине Первой мировой войны наглядно предстает из следующей цитаты, весьма характерной для выступлений тех лет: «Одновременно в Баку из Александрополя поехали представители городского управления за мукой и частный торговец. Частный торговец быстро получил надлежащее количество муки, а городское управление до сих пор муки не имеет. На вопрос: “Скажите по-дружески, как это случилось”, частный торговец сказал: “Я заплатил за каждый вагон 150 рублей накладных расходов”»¹.

Словом, чем энергичнее составлялись властями планы, тем сильнее они проваливались. К концу 1916 года правительственные планы исполнялись лишь на 10–12 %. А ужесточившееся осенью государственное регулирование распределения основных продуктов питания вело к тому, что неизбежное нарушение планов крайне затрудняло или полностью закрывало альтернативные пути удовлетворения соответствующих потребностей населения.

Между тем, планы, от которых в немалой степени зависело благополучие населения, ориентировались на минимальное количество продуктов, необходимое для поддержания жизнедеятельности городов. В первую очередь речь, разумеется, идет о хлебе. Неисполнение же планов в столь значительных размерах поначалу (в ноябре — январе 1916–1917 годов) не приводило к катастрофическим последствиям лишь потому, что к потребителям еще просачивалось какое-то количество продуктов вне плана, а также благодаря сохранению в течение первой части сельскохозяйственного года у потребителей некоторого запаса хлебных продуктов.

¹ Труды экономического совещания: 3–4 января 1916 года. М., 1916. С. 13.

Однако в начале 1917 года ситуация стала угрожающе меняться — как из-за провалов правительственных планов продразверстки, так и из-за критического состояния железных дорог. Оба фактора перечеркивали возможности централизованного регулирования связей города и деревни, а иные механизмы поддержания товарообмена между ними были разрушены всей предыдущей деятельностью по регулированию народного хозяйства. «Бездействие торгового аппарата, отсутствие местных органов, боязнь всякого народнохозяйственного организованного начала в народных глубинах, устраняют возможность планомерной работы по извлечению хлеба; наконец, неисполнение планов, неподвоз хлебов в районы, нуждающиеся в привозном хлебе, грозит привести к катастрофе, так как местные запасы, вероятно, почти съедены», — предостерегал в начале февраля 1917 года журнал «Промышленность и торговля» в своей редакционной статье.

Завершается же она весьма характерным требованием, интересным, кроме прочего, и тем, что здесь содержится указание на важнейшие предпосылки, без которых плановое руководство не может быть подлинно эффективным. Это — демократически избранная и пользующаяся доверием власть, имеющая намерение и возможность осуществлять экономическое регулирование в интересах всего общества. Тем самым была четко подчеркнута обусловленность эффективности экономического регулирования наличием адекватных политических предпосылок.

Существует тесная связь между характером политической власти, отношением к ней народа — и результативностью, эффективностью ее экономической, регулирующей деятельности. Но осознание всего этого будет делом длительного и тяжелого опыта. Пока же журнал «Промышленность и торговля» подчеркивал: «Необходимы меры исключительные, а главное необходимо создать такую обстановку, при которой была бы вера в искренность и результативность предпринимаемых планов. Для этого во главе ведомств, регулирующих народный труд и хозяйство, должны стоять лица, способные своей твердой и открытой политикой, без интриг и “тонкой игры”, направленной в пользу отдельных общественных классов, снизить себе народное доверие. И с этим надо спешить»¹.

¹ Ошибки власти в продовольственном деле // Промышленность и торговля. 1917. № 6. С. 129.

ЧАСТЬ II

Регулирование экономики в условиях революции

Наш дальнейший анализ политики модернизации и мер государственного регулирования вступает в очень специфическую зону — эпоху полномасштабной, или великой, революции, через которую Россия проходила в начале XX века. На поверхности все здесь выглядит хаосом. Однако сам стихийный характер развития событий, острота и непредсказуемость результатов политической борьбы становятся и источником некоторых закономерностей, формируют для них некоторую основу. Экономическая политика эпохи великих революций сложна, но логична. Она имеет внутренние закономерности и в конечном счете детерминируется логикой модернизации — ведь именно ограничения на пути социально экономического обновления, неспособность старой элиты разрешить накапливающиеся здесь противоречия в конечном счете и приводят к революционному взрыву.

Вот почему вторая часть книги начинается с анализа общих закономерностей революций, за которой следует анализ экономической политики начальной и радикальной фаз российской революции, начавшейся в 1917 году¹.

¹ Подробный анализ экономических проблем революций см.: *Brinton C. Op. cit.*; *Стародубовская И. В., Май В. А.* Великие революции. От Кромвеля до Путина.

ГЛАВА 4

Экономическая политика великих революций: вызовы и закономерности

4.1. Революция и государственная власть

Революция как определенный способ трансформации общественно-экономической системы характеризуется набором признаков, среди которых главными являются следующие.

Во-первых, системный характер, преобразований, их глубина и радикальность. Революционная трансформация всегда предполагает глубокие изменения в отношениях собственности, не говоря уже о серьезном обновлении социально-политической структуры общества. Однако не всякие системные изменения, имевшие место в истории отдельных стран, могут рассматриваться как революции. Сильное правительство может осуществлять глубокие, радикальные преобразования, имеющие в перспективе несомненно революционные последствия, но остающиеся по сути своей реформой (иногда их называют «революциями сверху»). Примерами здесь являются «революция Мейдзи» в Японии, реформы Бисмарка в Германии, а из более новых примеров — посткоммунистические трансформации в странах Центральной и Восточной Европы. Радикальные, системные изменения могут происходить и в ре-

зультате поражений в войнах и иностранной оккупации (как это было, скажем, в Пруссии после наполеоновских войн или в Японии и Германии после второй мировой войны).

Впрочем, глубину преобразований, происходящих в ходе революции, не следует и переоценивать. Приносимые революцией изменения представляются радикальными обычно лишь потомкам. Тогда как общество, выходящее из революционных катаклизмов, воспринимается большинством современников скорее как пародия на старый режим, нежели как принципиально новое слово в развитии данной страны. Некоторые исследователи подчеркивают, что революция решает задачи, которые были бы решены и без нее, но делает это с гораздо большими издержками¹. Иногда в качестве критерия революционности рассматривается радикальность смены элит. Но при детальном рассмотрении революций прошлого выясняется, что представления о радикальности этого процесса были сильно преувеличены в общественном сознании потомков².

Во-вторых, революционная трансформация обусловлена внутренними кризисными процессами в той или иной стране. Она не может быть навязана извне. Это предопределяет определенную политическую и идеологическую среду революции, когда вместе с разрушением государства рушатся и казавшиеся незыблемыми ценности (будь то святость монархии, единство нации или мессианская роль мирового коммунизма). Поэтому национально-освободительные движения, как правило, не являются революциями — в них всегда имеется идейно-политический стержень, служащий важнейшим фактором объединения разрозненных сил нации. Хотя сказанное не отменяет того факта, что задачи национального освобождения могут также решаться в рамках революций.

В-третьих, слабое государство. Революция характеризуется отсутствием сильной политической власти, способной

¹ Одним из первых это проанализировал Алексис де Токвиль. (См.: *Токвиль де А. Старый Порядок и Революция*. М.: Московский философский фонд, 1997). Более подробно эти вопросы рассмотрены в книге: *Хиршман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность*. М.: ГУ — ВШЭ, 2010.

² См., например: *Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkley: University of California Press, 1991. P. 296.

консолидировать осуществление системных преобразований. Именно слабость власти предопределяет резкое усиление в революционном обществе стихийности осуществления социально-экономических процессов, с одной стороны, и появление по этой причине некоторых закономерностей революционной трансформации — с другой стороны¹.

Последний фактор является критически важным. На самом деле, именно кризис и следующий за ним распад государственной власти делает практически неизбежным трансформацию общества по революционному (а не реформаторскому) типу. Радикализм революционной трансформации набирает силу и приобретает стихийный характер тогда, когда власть оказывается неспособна контролировать и направлять развитие событий². Можно выделить две основные причины, обуславливающие резкое ослабление государства накануне и в ходе революции.

Одна причина — глубокий финансовый кризис. Он возникает, когда власть по тем или иным причинам лишается традиционных источников поступлений в бюджет или (и) происходит резкое расширение расходов бюджета. Первое может быть связано с изменениями социального характера, доходы начинают концентрироваться в новых секторах экономики

¹ Приведенная здесь интерпретация может вызвать ряд возражений как не учитывающая некоторые характеристики, которые принято считать неотъемлемыми чертами всякой революции. Прежде всего это насилие, а также наличие стихийного массового движения и радикальность смены элит. Этот вопрос заслуживает особого рассмотрения, здесь же мы обратим внимания только на два момента. Насилие, безусловно наблюдается в ходе любой революции, однако всегда возникает вопрос: какова мера насилия, «достаточная» для того чтобы трансформация могла быть определена как революционная. Словом, критериальная роль этого феномена является весьма ограниченной. Весьма специфичным является и критерий массового неорганизованного движения — его обычно выводят из опыта революций в странах с преобладающим крестьянским населением, потенциал которых в основном исчерпался к началу XX века.

² К любой великой революции применима данная Ф. Фюре, характеристика Франции конца XVIII столетия: «В действительности, революционный поток 1789–1794 гг. хотя и регулировался сменявшими друг друга у власти группами, на самом деле никогда не находился под контролем, поскольку состоял из противоположных интересов и представлений» (Фюре Ф. Постижение Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 132.

и налоговая система оказывается неспособна адаптироваться к меняющимся условиям. Второе происходит при усилении внешних и внутренних факторов давления на существующий режим, при значительном увлечении расходов, являющихся в данную эпоху необходимыми атрибутами сильного государства. (Скажем, таким фактором выступает резкое возрастание стоимости военных расходов — или в форме «удорожания войны», характерного для Европы XVII столетия, или в форме качественно нового витка гонки вооружений в 1970-х — 1980-х годах.)

Однако ослабляющий государство финансовый кризис еще не делает революцию неизбежной. Если власть оказывается способной с ним справиться, то дело как правило ограничивается реформами той или иной масштабности и глубины.

Другой причиной ослабления государства является фрагментация социальной структуры предреволюционного общества, в результате чего власть оказывается неспособной формировать и поддерживать устойчивые коалиции социальных сил в поддержку своего курса — прежде всего курса, нацеленного на преодоление финансового кризиса (причем в данном случае неважно, курса реформистского или реакционного). Под воздействием новых экономических процессов (будь то начало экономического роста и первые шаги индустриализации, либо резкое увеличение доступных финансовых ресурсов под воздействием внешнеэкономических факторов) в предреволюционных обществах происходит заметное усложнение социальной структуры, когда возникает размежевание внутри традиционных классов и групп интересов, когда на традиционную структуру общества накладываются новые социальные явления и процессы.

Исторический анализ показывает, что превращение общества в «лоскутное одеяло» характерно для предреволюционной ситуации в любой стране. Государственная власть теряет ориентиры и опорные точки своей политики. То, что еще недавно приводило к укреплению режима, теперь ослабляет его. Любая попытка реформ и преобразований еще более усиливает недовольство большей части общества существующим режимом, поскольку в условиях фрагментации коалиция «против» обычно оказывается сильнее коалиции «за». Постепенно, но неуклонно разрушается консенсус относительно базовых

ценностей и принципов развития данной страны. Теряя социальную опору, власть начинает метаться, еще более подрывая свой авторитет.

Словом, ослабление власти связано с отсутствием консенсуса по базовым ценностям, целям функционирования данного общества. Отсутствие консенсуса как раз и означает, что общество распадается на множество противоборствующих и одновременно пересекающихся группировок (социальных, территориальных, этнических), каждая со своими политическими и экономическими интересами, причем никакое правительство не способно предложить политический курс, который обеспечивал бы консолидацию и, соответственно, поддержку сколько-нибудь значимого большинства.

Слабость государства проявляется в ряде характеристик, типичных для любых революций, в какую бы эпоху они не совершались. Среди наиболее универсальных проявлений слабости государственной власти можно выделить следующие:

- постоянные колебания экономического курса. Революционная власть находится под давлением с различных сторон, и, чтобы выжить, ей нужно беспрестанно маневрировать между разными силами и группами интересов;
- возникновение множественности центров власти, конкурирующих между собой за доминирование в обществе. «Двоевластие» — термин, вошедший в отечественную политическую лексику на фоне опыта Февральской революции 1917 года, на самом деле является характерной чертой любой великой революции. Центров власти может быть и несколько. Предельным, хотя и не единственным типом конкуренции центров власти является гражданская война;
- отсутствие сложившихся политических институтов, поскольку старые вскоре после начала революции оказываются разрушенными, а новые еще только предстоит создать. В результате функции политических посредников могут выполнять самые разнообразные, стихийно возникающие организации и институты;
- соответственно, отсутствие сколько-нибудь понятных и устоявшихся «правил игры». Процедуры принятия решений властью не являются жестко установленными. Принятые решения далеко не всегда исполняются, а даже когда

исполняются, трактуются весьма субъективно. Высказывание Робеспьера о том, что конституцией революции является соотношение социальных сил, оказывается актуальным в любых революционных катаклизмах.

Как показал еще в 1930-х годах К.Бринтон, основываясь на опыте Великой французской революции и Российской революции, революционный процесс проходит через ряд фаз, общих для всех великих революций. С учетом накопленного к настоящему времени опыта, можно говорить о наличии четырех фаз революции.

Первый — это «розовый период», когда тотальное неприятие старого режима приводит к единству самых разнородных сил, свергающих старый режим. Это период великий иллюзий и ожидания близкого всеобщего счастья. Первое революционное правительство видит всеобщую поддержку и потому верит в свои исключительные возможности, в наличие у него потенциала решить многовековые проблемы, неподвластные антинародному режиму прошлого. Это приводит к ряду политических недоразумений и тяжелых экономических ошибок.

Вскоре выясняется, что единство сил заключалось только в отрицании старого, тогда как новая повестка видится разным социальным силам по-разному. Начинается *второй этап — этап поляризации* и нарастания системного кризиса, прежде всего политического и экономического. Социальная база режима быстро размывается, правительство пытается удержать себя посередине и от этого все быстрее теряет поддержку.

На третьем этапе коллапс ранней революционной власти приводит к власти *радикальную партию*, которая уничтожает остатки старых политических и хозяйственных институтов. Революция проходит «точку невозврата».

Однако власть радикалов не может держаться долго. По мере укрепления завоеваний революции ослабевают и основы радикальной власти. Она выполнила свою работы и постепенно теряет социальную поддержку. Приходит время *четвертого этапа*, который вслед за французским опытом принято называть *термидорианским*. К власти приходит странная коалиция умеренных от старого режима и умеренных из радикалов, при которых происходит постепенная консолидация власти и постреволюционный режим обретает устойчивые черты.

Наличие общих черт революции в значительной мере объясняется стихийным, никем не контролируемым характером ее развертывания. Это же становится причиной и общих экономических черт, присущих великим революциям.

4.2. Революционный экономический кризис

Слабость государственной власти оказывает непосредственное и разнообразное влияние на состояние экономики революционной страны. В общем виде это обуславливает возникновение и развитие «революционного экономического кризиса» — устойчивого кризисного состояния экономики, сохраняющегося на протяжении примерно 15 лет и являющегося естественным следствием продолжительной политического кризиса (кризиса власти). Это кризис, сопровождающий глубокую трансформацию общественной системы и находящийся с этой трансформацией в органической двусторонней взаимосвязи.

С одной стороны, логика развития революции, как правило, подталкивает к принятию неэффективных экономических решений, обусловленных в конечном счете самим фактом слабости государственной власти. Множественность социальных группировок, противоположность их политических и экономических интересов, их возможность непосредственно влиять на власть лишь усиливают неустойчивость проводимого курса, становящуюся самостоятельным фактором экономического кризиса.

С другой стороны, сам экономический кризис становится естественным механизмом постоянного воспроизводства кризиса политического. Ни одно правительство не оказывается способным сформировать опирающийся на консенсус экономико-политический курс и, соответственно, обеспечить консолидацию большинства общественных сил страны. Это не может не дискредитировать власть в глазах общественного мнения и быстро приводит к лишению ее поддержки (моральной и политической). Выход из революционного экономического кризиса оказывается особой и весьма сложной политической проблемой.

Наконец, существует еще одна особенность, способствующая ослаблению власти и усилению экономического кризи-

са, сопровождающего революции. Это ошибки раннего революционного правительства — того самого, которое приходит к власти на волне всеобщего единства и энтузиазма. Новая власть видит широчайшую народную поддержку и поэтому искренне верит в наличие у нее огромных возможностей, недоступных «старому режиму». Питаясь этими иллюзиями раннее революционное правительство как правило совершает крупные экономические ошибки — принимает меры, мало соответствующие с человеческой природой, экономической логикой и здравым смыслом. Ошибки, которые имеют фатальный характер для судьбы этого правительства и во многом предопределяют дальнейший ход революции.

Исторический опыт позволяет выделить ряд общих черт, характерных для революционного экономического кризиса. Практически все возникающие здесь проблемы в полной мере проявились уже в периоды Английской революции середины XVII века и Французской конца XVIII века. В последующем в разных странах и при разных обстоятельствах (в России, Мексике, Китае, Иране и т. п.) закономерности революционных экономик продемонстрировали устойчивость своих принципиальных черт.

Рост трансакционных издержек. В основе экономических проблем, характерных для революции, находится политический кризис и вызываемый им рост трансакционных издержек. Можно выделить ряд факторов, снижающих стимулы предпринимательской деятельности и ограничивающих возможности экономических агентов оценивать перспективы принимаемых ими решений. Во-первых, это связано с неясностью перспектив нового экономического и политического порядка, что становится особенно заметно при перераспределении собственности, когда новые собственники не могут оценить надежность полученных ими приобретений. Во-вторых, уже в начале революции происходит слом институциональной структуры общества, то есть «правил игры», по которым привыкли действовать экономические агенты (особенно это касается коренной трансформации отношений собственности). Наконец, в-третьих, неспособность слабого государства обеспечить исполнение законов и контрактов, а потому предприниматели должны идти на дополнительные затраты для подтверждения надежности сделок.

Все эти проблемы обостряются во время гражданских войн, сопровождавших все великие революции прошлого. В результате предприятия «склонны избирать краткосрочную стратегию», а «самыми выгодными занятиями становятся торговля, перераспределение или операции на черном рынке»¹. Причем торгово-посредническая деятельность, хотя и оказывается несравненно эффективней производственной, все равно несет значительный ущерб от нестабильности «правил игры».

Рост транзакционных издержек стал важнейшим фактором ухудшения экономической ситуации уже в годы английской революции, когда революционные процессы протекали относительно сглаженно, а надежность прав собственности обеспечивалась в большей мере, чем в последующих революциях. И, естественно, еще сильнее проблема транзакционных издержек влияла на развитие событий во всех последующих революциях.

Бюджетный кризис революции. Центральным пунктом революционного экономического кризиса является бюджетный кризис, который остается актуальным на протяжении всего периода революции. В условиях революции финансовый кризис выступает прежде всего как кризис государственного бюджета, то есть как неспособность государства финансировать свои расходы традиционными и легитимными способами. Практически все революции начинались с кризиса государственных финансов, который в дальнейшем практически неизбежно приводил к разрушению финансовой системы страны. Финансовый кризис выступал важнейшим фактором падения «старого режима», а также в значительной мере предопределял политические конфликты и последовательное падение правительств по ходу развития революции.

Исторический опыт свидетельствует о существовании двух возможных вариантов возникновения и развития финансового кризиса революции.

Один связан с резким возрастанием финансовых потребностей существующей власти и ограничением источников финансирования госрасходов. Типичный пример такого рода развития событий дает Англия начала 1640-х годов, когда обо-

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 92

стрение внутренних конфликтов потребовало существенного возрастания государственных доходов, которое оказалось невозможным в сложившихся политических обстоятельствах (имеется в виду претензия короны на беспарламентное правление и особенно произвольное введение налогов). Финансовый кризис, как поначалу представляется, имеет краткосрочный характер, однако возможности решения его оказываются ограниченными из-за ограниченности авторитета (легитимности) политического режима. Для решения финансовых проблем правительство ищет новые формы легитимации, пытается опереться на дополнительные источники властного авторитета, что только приводит к размыванию власти, возникновению и упрочению конкурирующих друг с другом центров власти. Полицентризм власти способствует усугублению экономических проблем и началу длительного финансового и экономического кризиса.

Другой вариант связан с постепенным вращением «старого режима» в финансовый кризис, который уже до начала революции приобретает устойчивый, затяжной характер. Кризис, связанный с неэффективностью существующей политической и хозяйственной системы, приводит к кризису власти, которая, как и в первом случае, пытается найти и задействовать новые источники легитимности, которые оказываются самостоятельными и конкурирующими центрами власти. Далее события развиваются по первому сценарию. Типичным примером подобного развития событий является революционная Франция конца XVIII столетия.

Финансовый кризис как кризис государственных доходов приводит, естественно, к резкому и еще большему ослаблению политической власти. Причем не только «старого режима», но и возникающих новых революционных правительств — от умеренных до радикальных (последовательно сменяющих друг друга на протяжении революции). Революционное правительство — это всегда правительство бедное, для которого поиск денег для своего существования играет первостепенную роль.

Потеря финансовой базы связана как правило с двумя факторами. С одной стороны, с резким сужением возможностей государства собирать налоги. Кризис власти, ее делегитимизация рано или поздно (обычно довольно быстро) подрывает

способность правительства собирать налоги. «Отказ платить налоги является устойчивой характеристикой революционного периода»¹. Такое развитие событий может получить идеологическое и даже «научное освящение» — например, декларация об отмене налогов в 1789 году во Франции опиралась на учение физиократов (земля как единственный источник богатства)², а разрушение государственных финансов России 1918–1920 годов интерпретировалось как результат естественного процесса «отмирания денег». Однако какими бы ни были декларируемые мотивы, существо самого факта остается постоянным и сводится к принципиальной неспособности революционной власти получить у страны деньги³. И тем более деньги в количестве, достаточном для ее (власти) укрепления.

С другой стороны, революционные потрясения неизбежно ведут к значительным структурным сдвигам в экономике. Происходят изменения в структуре спроса, за этим следуют изменения в занятости. Все это сказывается на общей экономической ситуации в стране, причем в краткосрочном плане влияние это является негативным, поскольку в этих условиях разрушаются традиционные источники доходов государства. Старых источников доходов уже нет, новые еще не возникли. Еще более ослабевает власть, еще более обостряется социально-политическая борьба.

¹ *Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 51.*

² Широкое признание существовавшей налоговой системы предельно несправедливой обернулось уже в первые месяцы Великой французской революции потерей контроля со стороны центрального правительства за поступлением налогов в казну. В этой ситуации властям ничего не оставалось, как официально закрепить ликвидацию налогов в качестве инструмента «старого режима». Хотя такое решение соответствовало теоретическим взглядам воспитанных на идеях физиократов вождей Национального собрания, по существу шаг этот был вынужденным и в полной мере отражал слабость режима. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что власти среди прочих налогов были вынуждены отказаться от попыток собрать единственный признаваемый физиократами справедливым налог — земельный.

³ Известно, что в бюджетах революционных правительств упомянутых великих революций налоговые поступления составляли мизерную долю, колеблясь от 2 до 15 процентов от общей суммы доходов. (См.: *Далин С. А. Инфляция в эпохи социальных революций. М.: Наука, 1983. С. 56; Harris S. E. The Assignats. Cambridge, 1930. P. 51.*)

Находясь в условиях жестокого кризиса, революционная власть в первую очередь озабочена проблемами своего выживания (а для многих деятелей революции речь идет о выживании в буквальном, физическом смысле слова) и, при благоприятном развитии событий, упрочения. Отсутствие сложившихся механизмов и рычагов управления, отсутствие сколько-нибудь устойчивой политической структуры, отсутствие сколько-нибудь сложившейся системы органов власти по вертикали обуславливают необходимость постоянно изыскивать нетрадиционные способы упрочения своего положения, источники средств для победы над внутренними и внешними врагами.

При всем разнообразии проблем, встающих перед революционным правительством, две из них являются жизненными, ключевыми, по отношению к которым все остальные занимают явно подчиненное положение. Этими двумя проблемами являются: где взять деньги и как обеспечить коалицию социально-экономических сил (групп интересов), минимально необходимую для удержания у власти. Более того, две названные проблемы взаимодополняемы. Они очень близки, хотя и не тождественны. Действительно, при наличии денег можно сформировать и проправительственную коалицию. А наличие устойчивого блока социально-политических сил делает более реалистичной возможность решения финансовых проблем власти¹.

Необходимость решения этих вопросов на практике предопределяет деятельность революционных правительств, принимаемые ими политические решения и предпринимаемые практические шаги. Задача сохранения власти доминирует над идеологическими схемами и декларациями, какими бы на поверхности идеологизированными (или «теоретически обоснованными») ни выглядели построения и обещания приходящих к власти партий и группировок. Причем все сказанное в полной мере относится и к тем, кого принято считать радикалами.

¹ На самом деле взаимосвязь финансовых и социальных проблем революции не столь проста. Поскольку социальная структура революционного общества является исключительно подвижной, неустойчивой, «социальное поле» революционного правительства также находится в состоянии постоянного изменения. Это означает, что ни финансовые, ни социальные проблемы не могут быть решены сколько-нибудь основательно, устойчиво.

Вопрос об источниках пополнения казны всегда был центральным и для последнего предреволюционного режима, и для всех сменяющих друг друга правительств революции, и для послереволюционной власти. С финансированием революции связаны самые острые коллизии внутренней и внешней политики. Не только контрибуции, реквизиции и новые налоги, но и меры по перераспределению собственности — национализация, приватизация, всевозможные конфискации — предопределялись в первую очередь поиском денег для революционной власти. Добавим к этому, что масштабная бумажно-денежная эмиссия как способ инфляционного финансирования государственного бюджета также стала открытием двух великих революций XVIII века (американской и французской).

Финансовый кризис революции проявляется в следующих основных формах.

Во-первых, падение сбора налогов и неспособность правительства применять силу государственного принуждения для получения законных налогов. В результате власти или закрывают глаза на эту проблему, прибегая к нетрадиционным способам пополнения казны (об этом ниже). Или даже принимают официальные решения об отмене налогов, как это было во Франции в 1789–1791 годах.

Во-вторых, резко усиливается роль займов. Причем в большинстве случаев это оказываются не обычные добровольные займы, а займы «добровольно-принудительные» или откровенно принудительные. Последние часто переходят в контрибуции со сторонников старого режима. Кроме того, власти склонны идти на индивидуальные соглашения с потенциальными налогоплательщиками или крупными финансистами, договариваясь об их вкладе в государственный бюджет. Хотя, разумеется, не всегда займы доступны революционному правительству (как это было в революционной Франции или большевистской России), однако в большинстве случаев революционеры (даже на радикальной фазе) способны проводить как внутренние, так и внешние заимствования — хотя и в сужающемся масштабе по мере продвижения революции вперед.

В-третьих, типичным для многих революций является дефолт по государственным обязательствам, становящийся

важным шагом на пути преодоления тяжелого финансового наследия предреволюционного или радикального революционного режимов. Типичные примеры такого рода действий — отказ термидорианского правительства от уплаты $\frac{2}{3}$ своего долга (так называемое «банкротство двух третей»), а также отказ большевистского (то есть радикального) правительства платить по долгам прежних режимов.

В-четвертых, широкое распространение получают неплатежи государства перед получателями бюджетных средств. Это особенно характерно для завершающей фазы революций, когда правительство уже достаточно сильно, чтобы проводить ответственный финансовый курс, однако еще не имеет достаточного политического ресурса для формального балансирования бюджета (то есть для увеличения доходов до уровня бюджетных обязательств или официального снижения обязательств до уровня реальных доходов)¹.

Впрочем, по мере завершения революции и консолидации политической системы, меры финансово-экономической стабилизации начинают приносить плоды, воспользоваться которыми, правда, удастся не тем, кто эти мероприятия осуществлял, а следующим правительствам: в Англии налоговые новации Долгого парламента и Протектората были вполне восприняты правительством Реставрации, а результаты стабилизационных мероприятий Французской Директории в полной мере проявились при Наполеоне Бонапарте². Уже располагая достаточными силами для проведения ответ-

¹ Для современного российского читателя небезынтересна следующая цитата, характеризующая ситуацию в постреволюционной (наполеоновской) Франции: «Если бы мы посетили любой крупный провинциальный город во Франции между 1808 и 1815 годами, то увидели бы голодающих учителей и священников, перебивающихся на скудном жалованье, пустые школы, больницы без медперсонала и без лекарств, городские власти, пребывающие в полной апатии и лишенные всякой инициативы» (Цит. по: *Henderson W. O. Op. cit.* P. 81).

² «Директория не смогла воспользоваться результатами тех важных финансовых реформ, которые она осуществила. Надо занести в ее актив решение такой поистине гигантской задачи, как ликвидация ассигната, а также учреждение логичной налоговой системы, просуществовавшей более ста лет. Особенно выиграл от всего этого Бонапарт» (*Godechot J. Les Institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. P.: Presses Universitaires de France, 1951. P. 440*).

ственной финансовой политики, Бонапарт уделял повышенное внимание достижению финансовой стабильности, что отчасти способствовало росту его популярности.

Агрессивная внешняя политика также может стать предпосылкой выживания властей в условиях бюджетного кризиса революции. Задолженность перед военными становится исключительно опасной для власти, что подталкивает к началу «революционных войн». Армия как бы переводится на самокупаемость, и доходы от военных акций за рубежом приобретают конкретную бюджетную ценность¹.

Нетрадиционные способы разрешения финансового кризиса. Поскольку революционная власть оказывается не в состоянии собрать налоги, поиск нетрадиционных источников денег оказывается в центре ее внимания. Таких источников в принципе может быть множество (включая патронируемое государством пиратство и военные действия против соседних стран для получения контрибуций²), однако два из них являются основными. Во-первых, использование государственной монополии на чеканку (печатанье) денег и, соответственно, инфляционный налог. Во-вторых, манипуляции с собственностью (прежде всего, разумеется, с недвижимостью).

Причем эти два экономических механизма революции не только не являются альтернативными, но, напротив, исто-

¹ Именно этим фактором объясняют некоторые исследователи агрессивность внешней политики Кромвеля, весьма странную для страдающего от нехватки финансовых ресурсов правительства. «Одинаково опасными были как долги бюджета перед армией и флотом, так и недовольство сквайеров и купцов. Единственно возможное решение Кромвеля в такой ситуации состояло в жесткой внешней политике..., которая сама могла стать источником бюджетных доходов». Правительство Протектората предприняло также попытку привлечь армию и флот к получению разного рода причитающихся государству сборов и пошлин — в частности, с промысляющих в английский водах рыбаков. Это было своего рода «использование вооруженных сил одновременно в качестве источника и получателя бюджетных средств» (Ashley M. *Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate*. L.: Frank Cass, 1962. P. 17). Еще более важную роль играли «революционные войны» для Франции. На протяжении нескольких лет они были важнейшим источником государственных доходов, единственным способом восстановления золотого запаса страны — с августа 1796 года в страну из-за рубежа начинают прибывать сотни миллионов франков в золотой монете.

² См.: Далин С. А. Инфляция в эпохи социальных революций. С. 41–43.

рически тесно связаны друг с другом¹. Первые опыты выпуска бумажных денег (французские ассигнаты) производились под обеспечение земельными ресурсами из государственного (национализированного) фонда. И, напротив, свидетельства на получение в будущем конфискованных земельных наделов в Англии 1650-х годов использовались как средство платежа солдатам революционной армии.

Инфляционные механизмы финансирования революций хорошо изучены в экономической литературе². Логика действий правительств, прибегающих к бумажно-денежной эмиссии, достаточно проста. Революция оказывается в финансовой ловушке: доходная база бюджета разрушена, тогда как расходы революционной власти резко возрастают. Правительство прибегает к печатному станку, и количество денег все более отрывается от металлического обеспечения (или товарно-материальной базы). Деньги обесцениваются, что побуждает правительство применять стандартный набор насильственных действий: требование принимать денежные знаки по указанному на них номиналу, запрет на использование металлических денег, в том числе и качестве меры стоимости (для индексации цен), запрет на торговлю основными потребительскими товарами по рыночным ценам. Столь же стандартна реакция на эти меры экономических агентов, которые даже под угрозой смертной казни отказываются принимать подобные «правила игры». Высокая инфляция приводит к постепенному исчерпанию эмиссионного источника наполнения бюджета. Эмиссия, вызванная ограниченностью или от-

¹ Пожалуй, первым на эту связь указал Э.Берк. Он резко критиковал выпуск французских ассигнатов как «вопиющее поругание собственности и свободы», отмечая прежде всего перераспределительную функцию ассигнатов: «Союз банкротства и тирании во все времена и у всех народов редко являл столь грубое надругательство над кредитом, собственностью и свободой, каким стало принудительное введение в обращение бумажных денег, редко могло быть осуществлено союзом грубости и тирании во все времена и у всех народов». В бумажных деньгах Берк видел источник будущих кризисов и невозможности успеха Французской революции, в отличие от Английской. (См.: *Берк Э. Размышления о революции во Франции*. Л.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 205, 216, 239–245.)

² См., например: *Фалькнер С. А. Бумажные деньги французской революции (1789–1797)*. М.: ВСНХ, 1919; *Далин С. А. Указ. соч.*; *Aftalion F. Op. cit.*

сутствием других средств финансирования, и прежде всего налогов, еще более подрывает налоговую базу — поэтому доля неинфляционных источников пополнения государственного бюджета по мере развития инфляционных процессов неуклонно снижается. Соответственно, количество бумажных денег в обращении увеличивается нарастающим темпом, все быстрее падает их стоимость.

Инфляционный механизм финансирования революции впервые был опробован в массовом масштабе во Франции 1790-х годов. Здесь неспособность собирать налоги привела к тому, что выпуск бумажных денег (ассигнатов) стал важнейшим источником финансирования нового режима. Сомнения некоторых политиков относительно опасности такого способа финансирования революции были отвергнуты с простым объяснением: то, что было бы опасно при тирании, будет благотворно при новой власти, существующей и действующей в интересах народа¹. Ассигнаты выпускались под обеспечение недвижимости — земельных ресурсов (церковных, затем королевских и конфискованных у аристократии), подлежавших распределению среди революционных масс. Первоначально ассигнаты рассматривались как свидетельства государственного долга и должны были использоваться для покупки недвижимости у государства. Однако по мере нарастания финансового кризиса революционные правительства все более активно использовали их в роли бумажных денег.

Инфляционное финансирование государственных расходов повлекло за собой стандартную (но неизвестную еще для того времени) цепочку экономических последствий. Увеличение предложения бумажных денег вызвало быстрый рост цен и вытеснение из обращения драгоценного металла. Правительство ответило на это введением принудительного курса, в результате чего торговцы стали отказываться принимать бумажные деньги вообще и требовали металлические. Тогда правительство приняло решение о государственном регулировании цен (установление «максимума») и запрете использования металлических денег, что должно было также поддержать курс ассигната. Нарушителям этих установлений грозила смертная казнь. В ответ с прилавков исчезли товары, города столкнулись с угрозой голода. Смертная казнь за припрятывание продуктов пита-

¹ См.: Aftalion F. Op. cit. P. 73.

ния была подкреплена запретом на вывоз потребительских товаров и введением фактической государственной монополии на ввоз продовольствия. Однако и это не решало проблем, поскольку внутреннее производство продуктов под воздействием законов о «максимуме» катастрофически падало.

Понятно, что все эти жесткие меры не могли обеспечить реальную экономическую устойчивость не только по причине слабости государственной власти, неспособной проводить свои решения в жизнь. Эти решения противоречили естественным экономическим интересам и уже в силу этого ставили в двусмысленное положение буквально всех — от торговцев до правительства. В результате отнюдь не только лавочники шли на нарушение законов о принудительном курсе и «максимуме». Законодательный корпус, принимая решения об уровне своего жалования, также ориентировался на твердые (номинарированные в металлических деньгах, то есть нелегальные) цены.

Аналогично развивались события и в России 1918–1920 годов. Если во Франции идеологическое оправдание разрушения финансовой системы было связано с тезисом о несправедливости налогов, то в большевистской России высокая инфляция рассматривалась многими как путь к достижению конечной цели — безденежному коммунистическому хозяйству. Все остальное было схоже с Францией: реквизиции продовольствия, госрегулирование распределения продуктов питания, преследование спекулянтов и... решающая их роль в снабжении городов¹.

Опыт революционных Франции и России достаточно убедительно показал, что попытки властей компенсировать свою слабость (и бедность) демонстрацией жесткости, принятием на себя дополнительных полномочий, особенно в экономической сфере, приводит в лучшем случае к курьезам, в худшем — к катастрофическим последствиям. Власть попадает в ловушку: усиление централизации принятия решений ведет

¹ Это признавал в 1919 году даже В. И. Ленин. А В. А. Базаров, находившийся тогда в оппозиции, сделал парадоксальный на первый взгляд вывод, что именно мешочники и спекулянты являются подлинной социальной базой большевистского режима, поскольку именно в этих условиях дела их идут в гору. (См.: *Базаров В. Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента»* // Мысль. 1919. № 10. С. 356.)

к хаосу, а отказ от жесткого регулирования может быть воспринят как опасное проявление слабости. В результате возникает ситуация, ярко сформулированная одним из депутатов французского Конвента 1795 года: «Если уничтожить Максимум, то все, действительно, резко подорожает; но если сохранить его, то покупать будет уже нечего»¹.

Несмотря на катастрофические экономические последствия подобного экономического курса, политические последствия его были вполне удовлетворительными — революционные режимы смогли укрепнуть, что со временем позволило отказаться от инфляционных методов финансирования. Однако для этого политический режим должен был стать достаточно сильным, чтобы иметь возможность отказаться от популистских решений, обеспечивающих решение сиюминутных проблем, проблем политического выживания нового режима и физического выживания его лидеров.

Перераспределение собственности является вторым из важнейших механизмов решения революционными властями социально-экономических и политических проблем. Следуя заявлениям политиков или рассуждениям экономистов, исследователи, как правило, склонны видеть в перераспределении собственности способ повышения эффективности экономической системы, внедрения новых, более эффективных форм хозяйствования. Именно это декларируют революционные правительства безотносительно к тому, идет ли речь о приватизации (как это было в революциях XVII и XVIII веков и конца XX столетия) или национализации (в революциях начала XX века). Однако о реальном повышении эффективности нельзя говорить до решения задач политической стабилизации и выхода страны из революции. Пока же на передний план выходят две другие функции перераспределения собственности — укрепление политической базы (путем передачи собственности в руки поддерживающих власть политических и социальных групп) и получение дополнительных ресурсов в казну.

А для решения этих задач революционные правительства прошлого и настоящего использовали весьма схожий набор механизмов, и прежде всего выпуск ценных бумаг, обеспеченных перераспределяемой собственностью, которыми вла-

¹ Цит. по: Aftalion F. Op. cit. P. 167.

сти расплачивались по своим долгам. Результаты такого рода транзакций были также вполне понятны. В условиях политической неопределенности получатели подобного рода ценных бумаг отдавали «предпочтение ликвидности» и сбывали бумаги с большим дисконтом. В результате собственность концентрировалась в руках небольшого числа владельцев, которые к тому же получали ее по дешевке. Неудивительно, что среди новых приобретателей оказывались представители новой политической элиты¹.

Впервые в истории нового времени эти механизмы были использованы в революционной Англии. Ограниченное в финансовых ресурсах и ищущее политической поддержки правительство Долгого парламента, а затем Кромвеля, решили использовать в своих интересах земельные владения, принадлежавшие ирландским повстанцам, роялистам, церкви и короне. Частично это было сделано путем прямой продажи земель за деньги, отчасти (где это было невозможно немедленно) — путем выпуска ценных бумаг, дающих право на приобретение собственности в будущем.

Как показывают современные исследования, первый вариант стал откровенным способом покупки политических союзников и обслуживания интересов предпринимательских групп, обеспечивавших революционным властям финансовую и социальную базу. Первичными покупателями конфискованных земель стали финансировавшие правительство лондонские купцы, обеспечивавшее парламентскую армию силой местное дворянство, депутаты и чиновники парламента, генералы революционной армии². То есть продажа земель осуществлялась в интересах лондонской политической элиты, ее финансовых и политических союзников.

Аналогичные сюжеты возникали и при продаже ирландских земель. Правда, в процесс их перераспределения был встроен своеобразный стимулирующий механизм: под зем-

¹ Этот вопрос подробно рассмотрен нами в статье: *Май В. А.* Политическая экономика революции: историко-экономический опыт // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ — ВШЭ, 2000. С. 327–332.

² См.: *Thirsk J.* The Sales of Royalist Land during the Interregnum // The Economic History Review. 1952. Vol. 5. No. 2. P. 188–207; *Архангельский С. И.* Продажа земельных владений сторонников короля // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1933. № 5. С. 363–389.

ли были выпущены ценные бумаги, которыми расплачивались с солдатами экспедиционного корпуса. Тем самым правительство укрепляло свои политические позиции, а у армии появлялся прямой стимул подавить ирландское восстание¹.

Особенностью французских событий конца XVIII столетия стало наличие более жестко выраженного конфликта между финансовыми и социальными целями распродажи земель. С одной стороны, острый финансовый кризис подталкивал к необходимости продавать земли как можно дороже. С другой стороны, необходимость обеспечения поддержки крестьянства толкала революционную власть на ускорение продаж и удешевление земли. Дискуссии на эту тему велись практически с самого начала революции. Сперва, в условиях всеобщего энтузиазма и популярности нового режима, условия продажи недвижимости были сформулированы с акцентом на финансовые результаты — было решено продавать землю крупными участками, с весьма ограниченным периодом рассрочки и при максимальной уплате «живыми деньгами».

Однако обострение социальной борьбы, череда политических кризисов, начало войны и «открытие» правительством механизма инфляционного финансирования обусловили ослабление внимания к фискальной компоненте земельных продаж. На первый план вышли социально-политические проблемы: были приняты решения о поощрении приобретения земель мелкими собственниками, о резком увеличении периодов рассрочки (что с учетом инфляции делало распределение земли близким к бесплатному), об усилении роли ассигнатов в процессе передачи собственности от государства в частные руки.

Впрочем, как отмечают историки французской революции, и здесь аргументы социальной целесообразности естественным образом переплетались с личными интересами представителей революционной власти, и особенно депутатского корпуса. Поместья и дома в провинции продавались за чеки («территориальные мандаты») по цене в десятки раз ниже их дореволюционной стоимости, причем за сделками нередко прослеживались интересы депутатов и чиновников².

¹ См.: *Bottigheimer K.S. English Money and Irish Land: The Adventurers' in the Cromwellian Settlement of Ireland. Oxford: Clarendon Press, 1971. P. 119.*

² См.: *Aftalion F. Op. cit. P. 174–175.*

Наконец, в условиях большевистской (да и мексиканской) революции именно социально-политический аспект трансформации собственности приобрел решающее значение. Национализация проводилась в целях выживания революционного режима — сперва для обеспечения поддержки со стороны миллионов крестьян, а затем, в промышленности, для концентрации сил и средств в гражданской войне. Достаточно известным является тот факт, что немедленная национализация не была программным требованием большевиков и не рассматривалась в качестве краткосрочной меры экономической политики еще накануне революции. Однако складывавшиеся обстоятельства политической борьбы подтолкнули на реализацию комплекса соответствующих мероприятий, которые, к тому же, соответствовали общим идеологическим настроениям эпохи вообще и коммунистической идеологии в частности.

Революционная трансформация собственности имеет ряд общих черт и последствий. Прежде всего, реализация собственности всегда дает гораздо меньший фискальный эффект, чем от нее ожидают. И дело здесь не только в конфликте между фискальной и социальной функциями этого процесса, в результате чего стоимость сделки на радикальной фазе революции всегда приносится в жертву ее темпу, а фискальный результат — политическому. Проблема состоит также и в том, что при оценке фискальных перспектив продажи недвижимости расчет всегда основывается на до-революционной, то есть значительно более высокой ее стоимости. В революционных же условиях эта цена оказывается значительно ниже.

Во-первых, дает о себе знать политическая неопределенность. Вероятность поражения революции сохраняется и, следовательно, сохраняется вероятность пересмотра результатов сделок с недвижимостью. Соответственно, возникает плата за риск, которая ложится на плечи государства.

Во-вторых, сам по себе факт массированных (и в этом смысле как бы навязываемых обществу) распродаж ведет к занижению цены. Потребность государства продать недвижимость определенным образом воздействует на потенциального покупателя, который оказывается в более выгодном по отношению к продавцу положении. Разумеется, удлинение сроков реализации госимущества, постепенность продаж

могли бы дать в совокупности больший фискальный эффект, но для власти, решающей задачи своего выживания, реальный временной горизонт исключительно узок.

В-третьих, использование ценных бумаг под недвижимость само по себе ведет к занижению цены недвижимости. Испытывающее финансовые трудности государство не может удержаться от избыточной эмиссии этих бумаг, а получающие их граждане часто склонны к их быстрой реализации со значительным дисконтом (что совершенно естественно в условиях революционной политической неопределенности).

Все это обуславливает еще одну специфическую черту перераспределения собственности в условиях революции. Недвижимость продается не только дешево, но в значительной мере попадает в руки спекулянтов и используется в дальнейшем для перепродажи. Разница в ценах попадает, естественно, отнюдь не в руки государства.

Как свидетельствует опыт ряда революций, значительная часть недвижимости может оставаться в руках старой политической элиты, которая находит возможность откупиться от новой власти. Это особенно характерно для революций, в которых политическая компонента доминирует над социальной. Англия XVII столетия является в этом отношении наиболее типичным примером¹.

Какими бы острыми ни были политические дебаты, какими бы своеобразными ни были идеологические построения участников революционной борьбы, социально-экономический и политический облик выходящей из революции страны предопределяется в конечном счете именно тем, как в ходе революции решались ее финансовые проблемы и какие удавалось создавать социальные коалиции. От этого зависит характер послереволюционного развития страны, в том числе и экономического. Ведь именно здесь складывается новая структура собственности, формируется новая конфигурация групп интересов, определяется положение государства по от-

¹ См.: *Arendt H. On Revolution*. L.: Penguin Books, 1990. P. 63–68; *Arendt H.* О революции. М.: Европа, 2011. С. 95–101; *Thirsk J.* Op. cit. P. 207. Впрочем, как показывают современные исследования, масштабы перераспределения собственности от старой элиты к новой в годы Великой Французской революции также не следует преувеличивать. (См.: *Cobban A. History of Modern France*. Vol. 2. Baltimore: Penguin, 1957. P. 26; *Goldstone J. A.* Op. cit. P. 296.)

ношению к этим группам. А над этим надстраивается и соответствующий политический режим.

Демонетизация экономики является также неотъемлемой чертой революции, причем это является феноменом не только эмиссионного хозяйства. Политическая нестабильность революционного периода ведет к сокращению находящихся в обращении денег. В условиях металлического обращения деньги вымываются из экономики, тесаврируются (превращаются в сокровище) и сберегаются «до лучших времен». (Это становится еще одним результатом ослабления государства, его неспособности гарантировать исполнение контрактов и, следовательно, отсутствия достаточных гарантий для исполнения деньгами функции всеобщего эквивалента.) В условиях же бумажно-денежного обращения воспроизводится стандартный механизм ускоренного обесценения денег по мере повышения скорости их обращения.

Наконец, для многих революций характерен *спад производства*. Однако значение его становится существенным лишь в революциях XX века. Революции, происходившие в аграрных обществах, с их примитивными технологиями в гораздо меньшей мере были подвержены спаду производства. А там, где происходил существенный спад (скажем, в мексиканской или российской революциях начала XX века), после политической стабилизации возникала задача восстановления разрушенного хозяйства.

Действительно, общество с доминированием примитивного аграрного хозяйства мало зависит от общей экономической конъюнктуры, от динамики спроса, от устойчивости технической базы производства. Городское хозяйство более чувствительно к политической нестабильности, и оно-то более всего и страдало от революционных потрясений XVII–XVIII веков — от нарушения хозяйственных связей в условиях гражданской войны, от изменения спроса на продукцию ремесленников. Однако оно занимало небольшую долю в национальной экономике и потому слабо влияло на общую ситуацию в стране¹.

Революции начала XX века происходили в более развитых экономиках. Гражданские войны приводили к значительному спаду производства, прежде всего промышленного, стра-

¹ См.: James M. Social Problems and Policy During the Puritan Revolution 1640–1660. L.: George Routledge, 1930. P. 75.

давшего от войн и разрывов хозяйственных связей. В разгар революции и гражданской войны спад производства в России и Мексике составлял по отдельным отраслям 50–80 процентов¹. Однако при прекращении военных действий и консолидации политической власти происходило быстрое восстановление дореволюционного уровня производства, поскольку речь шла именно о восстановлении — введении в производство старых производственных мощностей, для чего требовались не столько инвестиции, сколько политическая стабильность и спрос².

Завершение революции. Финансовый кризис, преследующий революцию на всем ее протяжении, на определенных этапах принимает формы острого бюджетного кризиса, который сопровождается новым витком ухудшения положения основных масс населения³. Как правило это происходит на завершающей фазе революции, когда идут процессы консолидации политического режима и появляются признаки общего экономического выздоровления. Это кажется парадоксальным: революционный кризис идет на спад, экономика стабилизируется, а бюджетные проблемы власти обостряются. Однако такое развитие событий является вполне объяснимым.

¹ См.: The Cambridge History of Latin America. Vol. V. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 86; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917–1927. М. – Л.: ЦСУ СССР, 1928. С. 244–247.

² В советской экономической литературе 20-х годов были проанализированы «закономерности послевоенного становления народного хозяйства». (См.: Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1, 2; Базаров В. О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1). Ими было показано, как и почему более разрушенные отрасли восстанавливаются более быстрым темпом и как к концу определенного периода в народном хозяйстве восстанавливается дореволюционное равновесие. Эти вопросы будут нами подробно рассмотрены с главе II настоящей книги.

³ К. Бринтон следующим образом характеризовал завершающую фазу революции: «Одной из наиболее характерных черт этого периода, наблюдаемых не только во Франции и в России, но в известной мере и в Англии 1650-х годов, и в Америке при создании Федерации, является распространение экономических тягот, особенно выпадавших на долю беднейших слоев населения, причем зачастую худших, чем в годы террора и последних лет старого режима». (Brinton C. Op. cit. P. 212.)

На протяжении большей части революционного процесса революционные правительства прибегают к экстраординарным мерам укрепления своего положения и нового режима. К мерам, обеспечивающим решение краткосрочных политических задач, а потому неизбежно популистским и временным. По мере исчерпания революционного потенциала нации происходит постепенная консолидация правящей элиты, которая укрепляет свои позиции и получает более широкое поле для маневра. Постепенно консолидирующаяся власть находит в себе силы к принятию болезненных, непопулярных, но необходимых для финансово-экономического оздоровления мер.

По сути это означает возвращение к нормальной экономической политике, без революционных эксцессов и чрезвычайщины. По форме это выражается в стремлении правительства жить по средствам и обеспечить устойчивость финансовой системы страны. В результате характерной чертой последней фазы революции является депрессивное состояние производства и недофинансирование отраслей бюджетной сферы. Причем чем активнее революционными правительствами использовались инфляционные механизмы финансирования, тем острее следующий за ним бюджетный кризис.

Можно сказать иначе. Позднереволюционное обострение экономических проблем вообще и бюджетного кризиса в частности связано со своеобразным положением консолидирующейся элиты и восстанавливающей свои силы политической власти. Власть уже оказывается достаточно сильна, чтобы не заигрывать с различными социальными силами и не идти на экстравагантные популистские меры. Но она (власть) еще достаточно слаба и бедна, чтобы решить весь комплекс стоящих перед ней задач.

Депрессия в Англии середины 1650-х годов во многом стала фактором, который привел страну к реставрации. Однако ограниченность инфляционных источников финансирования, с одной стороны, и относительная неразвитость еще бюджетной сферы, с другой стороны, способствовали относительной мягкости бюджетного кризиса времен Протектората. Основной проблемой для правительства была вышедшая из революции армия, необходимость финансирования которой во многом и предопределила склонность Кромвеля к ведению войн на континенте.

Преодоление революционных последствий во Франции было гораздо более болезненным с макроэкономической точки зрения. Одним из первых шагов, сделанных с началом укрепления политической власти, стало оздоровление государственных финансов путем волевого отказа от значительной части (двух третей) внутреннего долга. Спад революционной волны сделал такое решение возможным, а обострение экономического кризиса — необходимым. За этим последовало дальнейшее ужесточение бюджетной политики в период консулата. Хотя многие финансовые проблемы удавалось решать с помощью победоносных войн, бюджетная сфера на провинциальном уровне долгие годы продолжала пребывать в глубоком кризисе.

Схожей была ситуация и в России 1920-х годов. Послевоенная экономика требовала отказа от популизма, обеспечения финансовой стабильности, что и дал поначалу нэп. Однако нэпа было недостаточно для решения задач политического укрепления новой власти, требовавшего безудержной индустриальной экспансии. В результате экономико-политические трудности, с которыми столкнулась страна в 1926–1927 годах, обусловили резкий слом политического курса, поворот к ускоренной индустриализации за счет ресурсов деревни.

Нормализация экономических процессов и выход страны из революции происходят только при стабилизации государственной власти и по мере ее укрепления. Государство должно быть сильным настолько, чтобы преодолеть характерное для предреволюционного и революционного этапа глубокое расхождение интересов отдельных социальных слоев и групп. Это происходит лишь тогда, когда из революционного хаоса вырастает и укрепляется новая элита, способная стать опорой режима. Лишь тогда условия для завершения революции оказываются сформированными. И происходит оно обычно в форме установления жесткого авторитарного постреволюционного режима.

Укрепление власти, в свою очередь, предполагает формирование и упрочение позиций новой элиты. Эта элита, как правило, является генетически связанной со старой, нередко выходит из нее, но ее экономические и политические характеристики являются уже существенно иными, как и характер собственности, которой она обладает.

ГЛАВА 5

Начало великой революции в России. Борьба Временного правительства за урегулирование хозяйственной жизни

5.1. Экономическая политика 1917 года: доминирующие идеи и концепции

Февраль 1917 года положил начало новой, совершенно особой и довольно продолжительной фазе российской истории XX века. В стране был дан старт революционному процессу, который не может быть сведен к отдельным ярким вспышкам борьбы за государственную власть. Этот процесс охватил примерно двенадцатилетний период, и все наше дальнейшее исследование будет связано к данному феномену, к особенностям его развития и влиянию на характер и конкретные черты экономико-политических решений.

Революционный процесс не отменяет принципиальные идеологические характеристики и тенденции экономической политики, проявившие себя в предшествующее десятилетие. Но он делает дискуссии более выпуклыми, а решения более четкими, более жесткими и последовательными. Социально-экономическая и политическая жизнь заметно ускоряется и радикализуется. Падение старого режима создает условия, благоприятные

для глубоких преобразований. А обостряющаяся социально-политическая борьба настойчиво требует практического осуществления этих преобразований.

Февральская революция, отмечая политические формы Российской империи, ставила перед собой задачу ускорения развития экономических тенденций, прогрессивный характер которых не вызывал тогда сомнения у значительной части политической и интеллектуальной элиты страны. В основе экономической программы революции лежал, безусловно, этатизм. Вопрос стоял лишь о формах и границах его практической реализации.

Повышение эффективности государственного вмешательства в экономическую жизнь — таков был один из наиболее злободневных вопросов, поставленных перед Временным правительством самим ходом развития событий. По остроте своей этот вопрос находился в одном ряду с проблемами войны и аграрной реформы, что в полной мере нашло подтверждение в практике социально-политической борьбы в России.

В экономической жизни на первое место выдвигается государство, способное теми или иными (административными или экономическими) методами разрешать сложности и противоречия хозяйственных процессов, вызванные как самой мировой войной, так и участвовавшими сбоями в функционировании капиталистического хозяйственного механизма, опирающегося на индивидуальные интересы (стимулы) и конкуренцию. Не столько исправлять капитализм, сколько достраивать его систему, дополнять его новыми «блоками» и «приспособлениями», заменяя отдельные (пусть даже и очень существенные) элементы старого хозяйственного строя, — так понималась основная задача экономической политики многим руководящим деятелям пришедшей к власти администрации. Именно государственная власть в лице своих хозяйственно-регулирующих органов должна была заполнить основные «пустоты», проявившиеся в процессе функционирования монополистического капитализма начала XX века. «Вся задача целиком, очевидно, далеко выходит за пределы того, что может дать частный почин, интересы которого очень часто не сходятся с интересами целого. Только государство, и притом государство, обслуживающее не интересы кучки привилегированных, а действующее в интересах все-

го народа, может вывести страну из хаоса и развала», — писал тогда Н. М. Ясный¹.

Для осуществления этих функций политики, экономисты и предприниматели сходились в признании необходимости придания новому правительству широких полномочий в экономической сфере. Практически все — как говорится, «от социалистов до монархистов» — выступали за централизацию значительной части прибыли (это предлагал, например, известный предприниматель С. Н. Третьяков), за разработку целостного государственного плана, который смог бы переломить начинающийся распад национального хозяйства и показать перспективу дальнейшего роста.

Плана требовали марксисты, поскольку это соответствовало их доктринальным установкам о характере развития производительных сил и позволило бы, как им представлялось, выдвинуть в качестве основного мотива развития производства удовлетворение народных потребностей вместо погони за прибылью. За план выступали и предприниматели, надеясь стабилизировать хозяйственную обстановку. «Старая власть жила изо дня в день, не думая о будущем. Самая идея экономического плана была для нее жупелом», — писал сразу же после падения монархии журнал «Промышленность и торговля»².

Увлеченность идеей планирования была распространена очень широко, причем принимала подчас самые неожиданные формы проявления. Приход к власти «верных слуг народа» в лице Временного правительства (которое, действительно, включало в себя выдающихся представителей имущих классов и интеллигенции России), всеобщий подъем и единство разнородных общественных сил, обеспечившее быстрое падение самодержавия, — все это создавало иллюзии возможности быстрого урегулирования хозяйственной жизни, легкого восхождения на экономические вершины, недоступные старому режиму.

Не будет преувеличением сказать, что вера во всеисцеление нового, демократического государства стала одним из факто-

¹ Ясный Н. М. Продовольственный кризис и хлебная монополия. С. 12–13.

² Экономическое наследие старого режима // Промышленность и торговля. 1917. № 8–9. С. 190.

ров, или, точнее, аргументов, в пользу усиления и активизации государственного вмешательства в хозяйственную жизнь страны (наряду с потребностями военного времени и общими тенденциями развития производительных сил в направлении централизации). «Теперь нарождалось новое демократическое государство, теперь на историческую сцену выступали массы, теперь государство, опирающееся на доверие самых широких кругов народа, представлялось морально всемогущим или по крайней мере чрезвычайно могущественным», — так позднее характеризовал настроения, господствовавшие весной 1917 года, Н. Д. Кондратьев¹.

Подобные иллюзии — одна из наиболее характерных черт экономической политики начальной фазы революционного процесса. В данном случае следует обратить внимание на важные последствия, к которым приводит приверженность этим иллюзиям правящих кругов и связанных с ними общественных сил.

Во-первых, происходит явная переоценка возможностей новой власти и, главное, ее социальной базы. Кажется, что, приведенное к власти объединенными силами народа, новое правительство может совершить любые сдвиги, добиться коренного перелома ситуации как бы благодаря самому факту своего революционного происхождения. Между тем, первое революционное правительство идеологически и политически тесно связано со свергнутым режимом. И его новации не могут идти дальше реформистских идей, легально высказывавшихся при прежнем режиме, — идей пусть даже и самых решительных, казавшихся тогда неприемлемыми по политическим мотивам, но в общем остававшихся в рамках логики прошлого. Вскоре же обнаруживается, что революционному времени нужны новые идеи и подходы.

Во-вторых, существует недооценка политического фактора для реализации реформ. Иллюзия всемогущества революционного правительства ослабляет внимание к его изначальной слабости, связанности его рук аморфностью социальной базы, к отсутствию четкой идеологической и политической программы. Неизбежные провалы практически всех хозяйственных начи-

¹ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 207.

нений новой власти быстро ставят под вопрос ее социально-политическую состоятельность, в результате чего происходит взрыв ситуации изнутри. Становится ясно, что надо сперва построить (или воссоздать) властный механизм, определиться с тем, какие инструменты власти революционное правительство имеет в своем распоряжении, а уж потом осуществлять собственно экономические программы.

В-третьих, происходит более или менее скорое расставание с иллюзиями «всеобщего единства», что вызывало болезненные явления в общественной жизни, включая применение насильственных методов в широком масштабе. Однако это преодоление иллюзий становится одним из рубежей на пути к формированию дееспособной и сильной власти.

Основные концептуальные идеи деятельности государства в хозяйственной сфере достаточно четко определились в марте — мае 1917 года. Причем общий экономический курс, его идеология формировались двумя направлениями в политике, которые по мере их практической реализации все более сближались.

С одной стороны, российская буржуазия, следуя зарубежным образцам, поддерживала (особенно в первые месяцы существования Временного правительства) идеи расширения хозяйственно-организаторской роли государства, более активного и непосредственного включения его в осуществление конкретных экономических процессов, прежде всего в сфере обращения. С другой стороны, социалистические партии (социал-демократы, социалисты-революционеры), так или иначе связанные с правительством, а с мая прямо входившие в него, стремились к практической реализации своих доктринальных установок, в которых огосударствление хозяйственной жизни ради преодоления частного капитализма и конкуренции играло существенную роль.

Обе позиции (буржуазную и социалистическую) сближала уверенность в том, что при благоприятном политическом развитии событий укрепление революционных завоеваний будет тождественно формированию экономико-политического режима западного типа (буржуазной демократии) и ни при каких условиях не может привести к утверждению социалистических (коммунистических) принципов. «При существующих условиях мирового хозяйства никакой иной экономический

строй, кроме капиталистического в России невозможен», — подчеркивалось в резолюции конференции представителей торгово-промышленных организаций, проходившей в начале июня 1917 года¹.

Вместе с тем широкое признание получил к этому времени и тезис об исчезновении возможностей капиталистической свободной конкуренцией регулировать производство, обеспечивать его сбалансированность, стимулировать рост. Социалисты связывали этот вывод со своей идеологической доктриной. Предприниматели исходили больше из практического опыта функционирования народного хозяйства в условиях мировой войны. Но в обоих случаях выводы были едины, причем они продолжали экономическую традицию предвоенных лет.

В этом отношении очень показательным является позиция представителя Армавирской биржи, четко сформулированная уже в марте 1917 года на I Всероссийском торгово-промышленном съезде. «Существует ли теперь вообще свободная торговля, основанная на свободной конкуренции? — задавал он вопрос и сам же отвечал на него. — Мне кажется, что в этом отношении ответ совершенно ясный. Нет свободной торговли, ибо нет свободной конкуренции. Если нет свободной торговли и нет свободной конкуренции, то, следовательно, нужно выдумать, нужно организовать те паллиативы, которые могли бы заменить свободную торговлю». Следующая далее аргументация этого положения была, конечно же, диаметрально противоположна социалистической, а практические выводы для экономической политики — во многом идентичны. «...Свободная торговля — это наш идеал. Но так как война уничтожила свободную торговлю, уничтожила мировую конкуренцию, уничтожила и российскую конкуренцию, то нет, следовательно, и свободной торговли, и нам нужно что-нибудь выдумать, что-нибудь организовать»².

Подходы предпринимательских кругов относительно роли государства в хозяйственной жизни мы находим в высказы-

¹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Ч. 1. С. 181.

² Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве: 19–22 марта 1917 года. М., 1918. С. 95.

плениях Министра торговли и промышленности А. И. Коновалова. «Не подлежит сомнению, — говорил он при посещении Московской биржи 14 апреля, — что при современном положении дел, при недостатке в стране самых насущных предметов... нет других средств, как только известное государственное вмешательство в частные торгово-промышленные отношения и интересы и приобщение к делу регулирования торгово-промышленной жизни широкой общественности и демократических кругов населения»¹. Тем самым речь шла о значительном расширении сферы регулирования по сравнению с практикой 1915–1916 годов, причем к решению задач регулирования предлагалось привлечь общественность, чего требовали либеральные круги еще до революции.

Конкретные представления о допустимых масштабах, формах и методах государственного регулирования экономической жизни не были однозначны в предпринимательских кругах. В конечном счете все сводилось к комбинации из регулирования цен, распределения продукции и введения государственной монополии в отдельных отраслях народного хозяйства. Огосударствление распределительного процесса и введение твердых цен рассматривались в предпринимательских кругах как меры, более предпочтительные по сравнению с учреждением госмонополий, поскольку, как представлялось, российское государство не было способно справиться с решением названного вопроса самостоятельно.

«Когда речь идет относительно того, что мы должны сорганизовать взамен свободной торговли, я скажу, что сорганизовать — это значит установить твердые цены». К последним предполагалось добавить также и стройную систему государственных органов распределения продуктов. То есть твердые цены в совокупности с административным регулированием движения товаров оценивались как наиболее целесообразный путь замены затухающей конкуренции².

¹ Торгово-промышленная газета. 1917. 16 июня.

² Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд. С. 95. «Необходимо признать распределение, а не свободную торговлю», — настаивает здесь же представитель клинского продовольственного совещания от торговцев. И добавляет: «Надо, чтобы цены были нормированы на все продукты». (Там же. С. 96–97.)

В социалистических кругах настойчиво проводилась идея «планомерной организации народного хозяйства и труда» ради подчинения интересов всех классов и социальных групп интересам общегосударственным. Именно народнохозяйственная планомерность выдвигалась здесь на первое место в перечне приоритетов экономической политики и подчеркивалась необходимость регулирования сразу всех сторон хозяйственной жизни (чего не было среди лозунгов правых партий). Эта тема остро прозвучала уже в конце марта на Всероссийском совещании Советов, которое потребовало от правительства «планомерно регулировать всю хозяйственную жизнь страны, организовав производство, обмен, передвижение и потребление под непосредственным контролем государства»¹.

Естественно, предложения социалистов были более широко по масштабам и, как казалось, более детально проработаны. В концентрированном виде они получили воплощение в носившей программный характер резолюции Исполнительного комитета Петроградского Совета от 16 мая 1917 года об экономической политике правительства в связи с вхождением в него министров-социалистов. Речь шла о том, что народное хозяйство России созрело для централизованного планирования и регулирования, и дело в настоящее время упирается в принятие соответствующих организационных решений.

Во-первых, предлагалось определиться с характером регулирующих органов. Социалисты полагали, что целесообразно было бы иметь структуры двух типов: для выяснения хозяйственного положения во всем его целом и для практического осуществления задачи регулирования.

Во-вторых, признавая целесообразность применения мер государственного воздействия ко всем отраслям российской экономики, резолюция проводила разграничения между ними по степени их готовности быть вовлеченными в те или иные конкретные механизмы государственного хозяйствования. «Для многих отраслей промышленности назрело время для торговой государственной монополии (хлеб, мясо, соль, спички), для других условия созрели для образования

¹ Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М. – Л.: ГИЗ, 1927. С. 203.

регулируемых государственных трестов (добыча угля и нефти, производство металла, сахара, бумаги), и, наконец, почти для всех отраслей промышленности современные условия требуют регулирующего участия государства в распределении сырья и вырабатываемых продуктов, а также фиксации цен»¹.

Среди идеологов планового хозяйствования в то время особо выделяются В. Г. Громан и Ф. А. Череванин. Первый получил известность как один из самых непреклонных адептов макроэкономического планирования, вдохновитель и страстный пропагандист идеи немедленной разработки «единого хозяйственного плана» как основы всей экономической политики государственной власти в России, а также экономического центра, способного стать «экономическим мозгом» всей страны². Кстати, позиция В. Г. Громана несла в себе явные черты фанатизма. Так, например, будучи ответственным за распределение потребительских товаров между жителями Петрограда, он заявил примерно следующее: «Я не распределяю ни единой пары обуви до тех пор, пока не будет урегулировано народное хозяйство в целом»³. Это, конечно, была крайность, но крайность, весьма ярко отражающая общие настроения в среде значительной части влиятельных экономистов⁴.

По мере усиления социалистических партий во Временном правительстве подобная идеология все более проникала в его документы. Хотя этого нельзя сказать о практических шагах, где доминировала осторожность, нередко переходившая в нерешительность и следование за событиями вместо того, чтобы пытаться направлять их.

¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро ИК. М.–Л.: ГИЗ, 1925. С. 150; Известия Петроградского Совета. 1917. 17 марта.

² См.: Борьба с экономической разрухой // Известия. 1917. 19 мая.

³ Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 159.

⁴ Фанатические приверженцы идеи планирования обозначились тогда отнюдь не на крайне левом фланге, как этого можно было бы ожидать. Большевики, которые впоследствии станут главными проводниками централизованной модели, в 1917 году мало интересовались идеей «единого хозяйственного плана», сосредоточившись на борьбе за захват политической власти. Плановое хозяйство в условиях существования буржуазного или даже социалистического, но не большевистского правительства, было им ни к чему.

Каковы были наиболее важные характеристики избранного новым руководством страны курса? Во-первых, постановка в качестве одной из центральных проблемы налаживания устойчивых взаимоотношений городской промышленности и аграрного сектора при доминировании продовольственной проблемы. Во-вторых, осознание себя как демократической, народной власти, призванной выражать интересы всех слоев населения и якобы могущей рассчитывать на понимание и поддержку всеми проводимого курса. Наконец, в-третьих, принципиальная готовность к активному использованию антирыночных (административных) рычагов для стабилизации положения в стране. Отсюда следует и еще одна черта — несмотря на кризис кредитно-денежной системы, вопросы ее функционирования в качестве первоочередных не выдвигались и фактически оказывались производными от решения задач организации производства и обмена товаров.

Среди основных мероприятий, которые попыталось реализовать Временное правительство для преодоления хозяйственной разрухи, мы выделим следующие.

Во-первых, формирование сколько-нибудь упорядоченной, целостной организационной системы регулирования во главе с единым планово-распределительным органом. Как известно, в наследие от царского режима осталась множественность регулирующих органов (отраслевых и региональных, государственных, общественных, предпринимательских), деятельность которых не была четко отрегулирована.

Во-вторых, введение государственных монополий на производство или (и) продажу важнейших товаров народного потребления или военно-технического назначения.

В-третьих, проведение мероприятий по принудительному синдицированию или трестированию в отдельных отраслях производства. То есть имелось в виду ускорить и искусственно стимулировать процессы объединения частных предприятий и монополизацию рынков. Послефевральское российское руководство вставало на путь, противоположный тому, каким следовало тогда, например, правительство Соединенных Штатов. Вместо борьбы с монополизмом и воссоздания конкурентных начал (антитрестовское законодательство) здесь попытались поставить частные монополии под контроль государства. А для повышения эффективности такого контро-

ля надо было минимизировать количество субъектов частного хозяйствования.

В-четвертых, предполагалось в той или иной форме обеспечить контроль за ценами.

В-пятых, было признано необходимым добиваться контроля за движением рабочей силы, планомерного распределения труда, борьбы с туеядством.

В-шестых, усиление контроля за воспроизводственными процессами, для чего предлагалось аккумулировать в госбюджете через налоговую систему подавляющую часть предпринимательской прибыли.

Стремясь к упорядочению организационной системы регулирования хозяйства, Временное правительство пошло по пути реорганизации созданных до революции институтов (особых совещаний), создания ряда новых, специализированных регулирующих организаций, привлечения к регулированию предпринимательских и общественных организаций. Была предпринята попытка создания центрального планового учреждения — Экономического совета и при нем рабочего исполнительного органа (Главного экономического комитета).

Наиболее отчетливо, в концентрированном виде сущность складывавшейся системы хозяйствования можно проследить, анализируя материалы Высшего экономического совета, открывшегося в июле 1917 года и функционировавшего более или менее интенсивно в течение двух летних месяцев. О значении, которое придавалось деятельности этого органа, свидетельствует председательство в нем одного из ведущих деятелей Кабинета — министра торговли и промышленности С. Н. Прокоповича. В работе Совета, призванного объединять представителей различных демократических политических сил (включая большевиков), участвовали многие видные экономисты и хозяйственные деятели. Среди них: П. И. Пальчинский, В. Г. Громан, Н. Д. Кондратьев, П. Б. Струве, П. П. Маслов, С. А. Лозовский, В. А. Базаров, Л. Б. Кафенгауз, Д. Б. Рязанов, Г. В. Цыперович и другие.

По словам выступавшего при открытии заседаний Совета министра-председателя А. Ф. Керенского, на этот орган возлагались две взаимосвязанные задачи: во-первых, выработка плана и постепенное регулирование жизни страны в общегосударственных интересах, и, во-вторых, осуществление

экспертизы всех разрабатываемых хозяйственных мероприятий для обеспечения целостности проводимой экономической политики. Тем самым предполагалось достичь главной цели экономической политики Временного правительства, продекларированной в речи премьера — «строгого, серьезного и определенного регулирования всех сторон финансово-экономической жизни государства», достигаемого в конечном счете «подчинением всех классовых и групповых интересов, каковы бы они ни были, кем бы они ни диктовались, интересам государства»¹.

Как же представлял себе Экономический Совет укрепление плановых начал в народном хозяйстве, обеспечение приоритета общегосударственных интересов? Ответ тем более интересен, что Совет был, с одной стороны, связан с правительством, а с другой — мог стать своеобразным зеркалом, отражающим понимание этой ключевой проблемы многими, если не большинством, экономистов, исследовавших социально-экономические процессы развития России.

Короткий ответ здесь прост и, после всего изложенного выше, неоригинален. Речь шла о целесообразности широкомасштабного вмешательства политической власти в хозяйственную жизнь при помощи прямых, административных методов воздействия на отдельные производственные единицы и целые отрасли. Суть регулирования видели в возможности и необходимости изъятия в централизованный фонд производимой на предприятиях продукции и перераспределения ее в соответствии с установленными государством приоритетами. Тщательному учету должны были подвергнуться как производимая продукция (включая потенциал железнодорожного транспорта), так и запасы продукции на складах, чтобы максимум ее был вовлечен в орбиту государственного перераспределения.

Хотя говорилось о необходимости государственного вмешательства и в производство, и в распределение продукта, акцент, безусловно, делался на проблему распределения. В этом отношении здесь тоже не было ничего оригинального. Правда, в связи с этим выдвигался ряд далеко идущих идей, практическая реализация которых означала бы глубокие изменения

¹ Заседания Экономического Совета при Временном правительстве: Стенографический отчет. 1917. № 1. С. 1.

в характере организации и функционирования общественного производства, что и будет в скором времени сделано большевиками.

Одной из излюбленных тем экономистов в связи с этим был тезис об «обезличивании» производимой продукции как условию ее планового, централизованного распределения. То есть предполагалось при помощи государственного посредничества так организовать движение товарных масс, чтобы обеспечить «совершенное обезличивание этих продуктов, обезличивание как по производителям, так и по потребителям, принятие их в руки одного органа или одного распорядителя, кем бы он ни был, всей массы продуктов, которые производятся». Это — важнейший момент логики формирующейся системы, выраженный с предельной ясностью. А само высказывание принадлежит П. И. Пальчинскому, товарищу Министра торговли и промышленности — одному из наиболее ярких представителей буржуазных кругов, организатору народного хозяйства на протяжении большей части 1917 года. В этом тезисе нашла концентрированное выражение логика, которая вскоре будет положена в основу теоретического обоснования «военного коммунизма». Это служит важным дополнительным свидетельством существования общей, объективной тенденции развития самой экономической среды и формулируемой на ее базе идеологии экономической политики. Тенденции, постоянно напоминающей о себе и влияющей на представления политиков и экономистов совершенно различной идейно-политической ориентации.

Следующим моментом концепции государственного регулирования, тесно связанным с предыдущим, было признание целесообразности принудительного распределения продукции — «не по желанию потребителей, а по тому, как представляется наиболее рациональным»¹. Вывод же о рациональности должны делать, разумеется, государственные органы. Сюда же естественно примыкает неизбежность принудительных заказов и, конечно же, право на секвестр отдельных предприятий, «которое тесно связано с регулированием экономической жизни страны»².

¹ Там же. № 2. С. 11–12.

² Там же. № 7. С. 15, 30.

Использование принуждения здесь мыслилось вообще в широких масштабах, хотя и связывалось большинством экономистов с обстановкой военного времени. Этот принцип в организации производства предлагалось распространить не только на промышленность, но и на сельское хозяйство. Предполагалось выработать перспективный план сельского хозяйства, который исходил бы из принудительного перераспределения производительных сил (земли, техники, труда) так, чтобы дать возможность наиболее полно использовать их для роста продукции¹.

Принуждение проявлялось и в государственном регулировании (а, фактически, установлении) цен, заработной платы, в формировании потребления. Принудительная организация производства и обращения не могла оставить в стороне и проблемы труда. Участники Экономического совещания ставили вопрос о введении трудовой повинности², что сделало бы систему государственного регулирования вполне целостной, охватывающей все производственные факторы адекватными инструментами воздействия.

Авторы подобных предложений рассчитывали не только добиться большей четкости и слаженности работы предприятий в рамках «единого народнохозяйственного организма», но и довести до логического конца процесс, уже начатый, по их мнению, монополистическим капитализмом: заместить деятельностью правительственных и общественных организаций конкуренцию (и «параллелизм в работе»), создающие «колоссальные трения, которые... уменьшают нашего коэффициент использования полезного действия наших предпри-

¹ См.: *Ясный Н. М.* Продовольственный кризис и хлебная монополия. С. 12, 19.

² Заседания Экономического Совета при Временном правительстве: Стенографический отчет. № 6. С. 28. Так, уже весной 1917 года Н. М. Ясный предлагал: «Должны быть образованы рабочие команды из тыловых частей для откомандирования на сельскохозяйственные работы. Последние должны поступить в распоряжение уездных и волостных продовольственных комитетов. Наконец, должны быть более рационально, чем прежде, использованы военнопленные» (*Ясный Н. М.* Продовольственный кризис и хлебная монополия). Очевидно, что идея трудовым, практическое создание которых связывается с деятельностью Л. Д. Троцкого, появилась несколько ранее и в кругах, хотя и социалистических, но никак не симпатизирующих большевикам.

ятий» (из выступления Ф. А. Череванина в Экономическом совете Временного правительства).

Названные мероприятия не получили при Временном правительстве практического воплощения. Однако уже в дискуссии вокруг них отразились некоторые экономические феномены, неизбежно сопровождающие попытки претворения в жизнь подобной программы. Вот как рассуждал, например, представитель Московского военно-промышленного комитета С. Вейцман: «Если государственный орган найдет, что частный завод лучше оборудован, лучше использует орудия производства, правильное сделает, скорее и точнее, то он может предложить тому же самому военно-промышленному комитету или тому же самому интендантству: будьте любезны, выдайте заказ на повозки по такой-то цене, на таких-то условиях»¹. В логике нормального капиталистического хозяйствования, когда предприятие (предприниматель) имеет право отказаться от заказа, выдаваемого властью, в такой системе нет особых опасностей для предприятия (хотя с народнохозяйственной точки зрения заказ может оказаться невыгодным). Поэтому государственный заказ, гарантирующий сбыт продукции и поступление денег на счет предприятия, является делом достаточно привлекательным.

Но иная ситуация была характерна для складывавшейся системы всеобщего принуждения. Здесь уже вероятной становится искаженная логика, когда предприятию нецелесообразно демонстрировать качественную, эффективную работу, поскольку за этим неизбежно последует госзаказ. И неизвестно, будут ли его условия приемлемыми для предприятия, — а отказаться от него будет нельзя.

5.2. Введение государственных монополий и государственного регулирования цен

Опыт централизованного регулирования народного хозяйства за восемь месяцев существования Временного правительства интересен и дает немалую пищу для размышлений. Хотя основные мероприятия, намечавшиеся правительством (глав-

¹ Заседания Экономического Совета при Временном правительстве: Стенографический отчет. № 7. С. 16.

ным среди которых являются введение ряда государственных монополий и построение вертикальной системы органов планового регулирования), так и не были последовательно реализованы в тот период на практике. И этот результат был совершенно закономерен, когда революция еще только разворачивалась, когда борьба различных социальных сил и политических группировок шла по нарастающей, когда решающее значение на положение дел в обществе и в экономике оказывало политическое противостояние, борьба за обладание политической властью, логике и интересами которой были подчинены все остальные задачи, в том числе и экономические. Сказанное, однако, не должно вести к недооценке деятельности и опыта хозяйственной политики Временного правительства, разворачивавшихся по этому поводу политических и научных дискуссий. Все имевшие тогда место события оказали большое влияние на последующее развитие России, а в ряде пунктов представляют немалый интерес и поныне.

На первом месте среди обсуждавшихся и реализовавшихся с марта 1917 года мер экономической политики стоят вопросы *организации государственных монополий на ряд важнейших продуктов*.

Нетрудно догадаться, что именно с продовольственной проблемы начало Временное правительство свою деятельность по регулированию и упорядочению хозяйственной жизни. Здесь переплетались основные линии развития и основные противоречия российской экономики. Поэтому данный вопрос мы рассмотрим более подробно.

Взаимоотношения города и деревни были всегда для России чрезвычайно существенны. Однако явно недооценивая макроэкономический аспект этой проблемы, Временное правительство свело ее к продовольственной, а точнее — к снабжению горожан и солдат хлебом по умеренным ценам. Ведь политические катаклизмы происходят в России тогда, когда резко ухудшается снабжение продовольствием крупных городов (и особенно столиц), что еще раз подтвердили февральские события самого же 1917 года. А страх перед голодом продолжал в народе сохраняться, что являлось опасным дестабилизирующим фактором.

Новая власть пошла по тому же пути, на который пыталось вступить царское правительство. Желая как можно быстрее

и эффективнее решить вопрос обеспечения населения хлебом, Временное правительство уже 25 марта 1917 года объявило о введении хлебной монополии. Закон назывался «О передаче хлеба в распоряжение государства» и вместе с рядом сопутствующих нормативных правовых актов определял порядок изъятия хлеба государством, институциональные формы и административные санкции. Государство получало по закону исключительное право закупать по твердым ценам все зерно и крупы сверх продовольственных и хозяйственных нужд производителя. Для этого предполагалось учитывать все конкретные условия деятельности данного производителя — при помощи каких орудий он сеет (при использовании более совершенных машин меньше требуется зерна для засева), какой скот содержит, сколько работников (их надо кормить) и на какой срок нанимает.

За нарушение закона предусматривалась реквизиция укрываемых запасов с оплатой их по цене, уменьшенной вдвое. Понятно, что реализация этих намерений была неотделима от формирования мощного административного механизма, обеспечивающего тотальный учет и рациональное движение хлеба по всей стране в соответствии с единым планом. Укреплялась разветвленная сеть продовольственных органов (от волостных до общегосударственных), в состав которых должны были входить представители различных «демократических организаций» (профсоюзов, советов и т. д.), местных органов, а также представители населения данного региона. Не менее половины членов продовольственных комитетов должны были составлять представители рабочих и крестьянских союзов и кооперативов. Эти органы, выступая от имени государства, были уполномочены решать многочисленные конкретные вопросы отчуждения и перераспределения зерна, доходя до каждого крестьянского двора. Предполагалось также, что справедливое решение неизбежно возникающих в столь тонком деле проблем будет обеспечено формированием всего этого аппарата из людей, «которые понимают дело и о которых известно, что это люди честные и положительные»¹. Справедливые продовольственные комитеты и честные хлебозаготовители — с этим, пожалуй, и свя-

¹ Каррик В. В. О хлебной монополии. Пг., 1917. С. 14–15.

зывались в основном надежды на эффективность создаваемого механизма.

За всем этим стояли два крупных заблуждения, о которых выше уже говорилось. Считая себя народным и демократическим, отражающим коренные интересы всего (или почти всего) населения страны, революционное правительство склонно действовать так, как будто оно имеет возможность игнорировать интересы реальных производителей, приносить интересы последних в жертву решению общих экономических проблем¹. Впрочем, желая как-то привлечь на свою сторону крестьянство, власти обещали со временем ввести твердые цены и на изделия промышленности, поступающие в деревню. А некоторыми правительственными экспертами предлагались и совсем уж экзотические решения вроде выдачи крестьянам сертификатов с обязательством доплатить им за изъятое зерно позднее — когда выяснится, какая же цена является на данный момент справедливой.

Другая иллюзия проявилась в намерении Временного правительства проводить антирыночную, административно-принудительную по существу своему политику посредством демократических норм и процедур. Ведь реализация провозглашавшихся мероприятий возлагалась на выборных от самого же крестьянского населения. В особенно щекотливом положении оказывались первичные (волостные) продовольственные комитеты, избираемые самими же земледельцами и прежде всего ответственные за учет наличного хлеба и организацию сбора (а фактически — изъятия) его у своих же односельчан. Предположение, что избранными окажутся наиболее честные и грамотные, пользующиеся уважением люди, не могло, разумеется, дать сколько-нибудь удовлетворительного решения проблемы.

¹ «Новая продовольственная политика вдохновлялась... идеей мощи демократического государства. Под влиянием этой идеи мысль о возможности столкновения мероприятий государства с экономическими интересами тех или иных слоев народа, о возможной необходимости стать на путь резкого принуждения и крушения всей политики затемнялась, создавалась психология фанатической доброй веры в мероприятия государства и развитие государственного регулирования рассматривалось даже как некоторое завоевание революции». (Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 207.)

Дальнейшее развитие событий быстро подтвердило ущербность подобных политических расчетов. Деревня отказывалась сдавать хлеб, и бесполезными оставались заклипания Правительства, будто бы тем самым трудящиеся крестьяне укрепляют позиции помещиков, кулаков и торговцев. Не имея встречного потока промышленных товаров или вынужденные покупать их втридорога, крестьяне не видели смысла сдавать хлеб по монополично низкой цене. Местные продовольственные комитеты или солидаризировались с крестьянами, или оказывались переизбранными, причем в этом случае возникает опасность распада страны на обособленные друг от друга «продовольственные республики».

Демократическая власть лихорадочно искала выход из создавшегося положения. Видя в себе выразительницу интересов всего народа, она настойчиво пыталась объяснить это людям, надеется убедить их принять предлагаемые меры во имя высших интересов революции и свободы. «Неужели мы дадим повод реакционерам утверждать, что хлеб и свобода в России несовместимы?!» — сентенции такого рода нередко можно встретить на страницах правительственных и околоправительственных изданий.

Решение хозяйственных проблем в этой ситуации власти видели прежде всего в государственном плане, связывающем производителей с потребителями, город с деревней, и в конечном счете способном обеспечить реалистичную и, главное, справедливую схему товарообмена на территории страны. Иными словами, единственный стимул, который предусматривался (точнее, намечался) властью для подкрепления госзакупок хлеба, состоял в намерении распространить этот же механизм на все народное хозяйство. Пропагандисты государственной монополии настойчиво убеждали крестьян в выгоде для них вводимого порядка, поскольку твердые цены на хлеб непременно будут дополнены твердыми ценами на необходимые деревне промышленные товары, попытки введения которых действительно предпринимались на протяжении 1917 года — хотя и безуспешно.

В обстановке революции и кризиса дело не пошло дальше разговоров о плане. Не имея серьезной концепции реформ и лишь настойчиво повторяя заклипания о своей приверженности демократическому выбору, Временное правительство

проводило на практике весьма противоречивый курс, в котором экономические (рыночные) стимулы переплетались с угрозами и попытками административного принуждения. Экономическая эффективность этих шагов была, как правило, нулевой, а политическая — и вовсе отрицательной, поскольку подрывала в народе авторитет демократического режима.

Так, осенью 1917 года заготовка хлеба была передана в руки губернских продовольственных комитетов (в которых доминирующие позиции занимали потребители сельскохозяйственной продукции) и уполномоченных Министерства продовольствия, что лишь обострило напряженность в отношениях между городом и деревней. Территориальным органам управления было вменено в обязанность контролировать ход сельскохозяйственных работ (уборки урожая и посева озимых). Было также решено привлекать к этим работам некоторые воинские части и военнопленных.

Наконец, правительство, после многочисленных заявлений о нерушимости хлебных цен, установленных в марте, приняло в августе решение об их удвоении. Высокие цены в условиях общего товарного дефицита не только не стимулировали продажу зерна государству, но дали обратный результат: минимально необходимую сумму денег крестьяне теперь могли выручить, реализуя меньшее количество своей продукции. Кроме того, это решение создало прецедент, и крестьянство получило дополнительный стимул придерживать хлеб, ожидая дальнейшего пересмотра цен, а фактически — шантажировать тем самым правительство.

Среди других продовольственных товаров госмонополистическая практика последовательно реализовывалась в сахарной промышленности. Впрочем, как известно, здесь централизованное регулирование в России имело уже определенные исторические корни. Временное правительство национализировало синдикат сахарозаводчиков, взяв себе все 100% торговли сахаром. Но и эта монополия оставалась по сути своей торговой, поскольку правительство не решилось взять в свои руки также и организацию производства сахара. После различных дискуссий 14 сентября было принято решение о введении ее с 1 ноября. Весь производимый на отечественных предприятиях сахар должен был закупаться казной по твердым ценам, причем Министерство продовольствия во избежа-

ние злоупотреблений могло лишь составлять распределительные планы по сахару, а руководство сахарной монополией возлагалось на Министерство финансов.

Еще одной сферой, привлекавшей особое внимание сторонников осуществления госмонополий, стали отрасли топливно-энергетического комплекса.

В апреле 1917 года правительством был предложен проект положения об угольной монополии, причем одновременно был опубликован и проект рабочих организаций Донбасса. 16 июля Особым совещанием по топливу было утверждено Положение о передаче донецкого топлива в распоряжение государства и о государственной монополии торговли донецким углем¹. Правительство предприняло попытку совместить угольную монополию с сохранением частнопредпринимательских стимулов в сфере собственно производства. Оно стремилось стимулировать добычу угля посредством установления «справедливых цен» — централизованно рассчитанных, но базирующихся на калькуляциях предприятий. Казна брала на себя убытки, образовавшиеся у угольных предприятий ранее, а также гарантии по их обеспечению нормальной прибылью.

В апреле же были начаты обсуждения вопросов нефтяной монополии. Первоначально речь шла даже о полной госмонополии, включающей национализацию нефтепромыслов путем их выкупа у предпринимателей в казну.

На этой стадии развития революционного процесса в правящих кругах еще воспринимались аргументы, основанные на экономическом расчете, а идеологизация хотя и нарастала, но не успела стать главным движущим принципом экономической политики. Министерство финансов вместе с Министерством торговли и промышленности после соответствующего анализа пришли к выводу о неприемлемости на данном этапе перехода в руки казны «одной торговли нефтяными товарами», поскольку монополизация из-за опасности понижения доходности (а нефтяное дело традиционно было весьма прибыльным и привлекательным, несмотря на свою капиталоемкость) оттолкнет от отрасли отечествен-

¹ См.: Торгово-промышленная газета. 1917. 2 мая; Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. 1917. № 200. Ст. 1237.

ные и иностранные капиталы и устранил «главный стимул к напряженности работы во всех отраслях нефтяного дела»¹.

Вместо установления госмонополии власти ограничились некоторым расширением прав административных органов, ведающих нефтеснабжением, а также была сделана попытка централизации транспортировки нефти, начато государственное регулирование потребления нефтепродуктов (бензина, керосина, масел).

Показателен пример сельскохозяйственного машиностроения, где Временное правительство стремилось осуществить жесткий контроль за использованием и распределением основной массы изделий, а в 1918 году собиралось установить монополию на торговлю изделиями отрасли. Интересна реакция промышленников, полностью поддерживавших подобные меры. Имея узкий внутренний рынок и почти не способные конкурировать с иностранными образцами сельскохозяйственной техники, российские промышленники поставили вопрос о необходимости государственной поддержки спроса на их продукцию. Причем они ждали от власти не просто кредитов и иной помощи для своих потенциальных потребителей — крестьянских хозяйств, а прямой закупки сельхозтехники государственными организациями на бюджетные средства. «Заказы и закупку сельскохозяйственных машин и орудий, как изготовленных, так и имеющих быть изготовленными для обеспечения земледельческого населения,... должно принять на себя государство. Все производство и наличность сельхозмашин считается собственностью государства, и распределение их производится государственными органами...»².

Позиция разделялась самими предпринимателями-производителями сельскохозяйственной техники. Вот как представлял себе ближайшие перспективы отрасли состоявшийся в апреле в Москве их съезд: «Государство принимает на себя заботу о планомерном и непрерывном снабжении заводов сельхозмашин сырьем, топливом и полуфабрикатами, оказывая в то же время содействие для достижения наивысшей производительности заводами». К последнему пункту могло

¹ См.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 429–430.

² Промышленность и торговля. 1917. № 16–17. С. 325.

относиться как обеспечение непрерывности сбыта, так и поддержка в борьбе со стихийными (или антипредпринимательскими) выступлениями рабочих¹.

Аналогично ставились вопросы регулирования металлургической промышленности (обязательная разверстка металла между ведомствами), кожевенной и легкой промышленности (регламентация цен на сырье, полуфабрикаты, а частично и на готовые изделия), упорядочения работы транспорта и усиления государственного контроля над осуществлением перевозок.

С проблемой госмонополий был тесно связан вопрос о *государственном регулировании цен*. Как это обычно бывает в период острого столкновения рыночной и планово-социалистической идеологий, вопрос механизма ценообразования оказался одним из наиболее острых и в известном смысле критериальных.

Под давлением социалистических кругов и ориентируясь на настроения значительной части народа, Временное правительство еще в марте официально заявило о своей готовности («ближайшей обязанности») «теперь же приступить к установлению твердых цен на предметы первой необходимости (железо, ткани, керосин, кожи и т. д.) и к доставке их населению по возможно пониженным ценам...»².

Тогда, в марте 1917 года многие предприниматели поддерживали идею государственного регулирования цен, рассматривая ее как более предпочтительную по сравнению с госмонополиями форму государственного регулирования народного хозяйства страны. Причем нередко подчеркивалось, что твердые цены должны существовать на все продукты, так как ограничение дела лишь ценами на хлеб подорвет крестьянские хозяйства³.

Вопрос об оценке мер подобного рода в то же время еще не стоял. Хотя понятно, что левые видели в них шаги к социализму, а правые — или вызванные войной временные меры, или даже ответ на вызов времени и способ спасения существующего порядка вещей от социалистического разрушения

¹ См.: там же. С. 324–325.

² Речь. 1917. 30 марта.

³ См.: Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд. С. 93–97; 183–187.

и анархии. Впрочем, по мере развития революции и по мере поляризации социально-политических сил России, а также ускорения инфляционных процессов (которые дестабилизировали соотношение «затраты-цены») в предпринимательских кругах усиливалось неприятие государственного ценообразования, все громче звучали голоса тех, кто призывает к возвращению к ценовой свободе. «Полная отмена всяких твердых цен и восстановление достаточно разрушенного уже торгового аппарата» являлась, например, по мнению горнопромышленников Урала, единственно возможной мерой спасения отечественной промышленности¹.

5.3. Прообраз органов народнохозяйственного регулирования

Временное правительство уделяло внимание формированию *органов регулирования и управления народным хозяйством России*. И теоретически, и практически создававшаяся тогда система имела выраженный промежуточный характер. С одной стороны, осуществлялось как бы оформление тенденций, наметившихся, но не реализованных еще при царском правительстве. С другой стороны, здесь нетрудно проследить зарождение системы хозяйственных органов, которая разовьется и окрепнет при большевиках, в том числе и в годы «военного коммунизма».

Обратим внимание лишь на некоторые принципиальные моменты этой системы и на интерпретацию их в экономических документах рассматриваемого периода.

Новая власть попыталась активно задействовать в целях общеэкономического регулирования уже сложившиеся предпринимательские структуры, и в первую очередь — военно-промышленные комитеты, Земский и Городской союзы, ряд видных деятелей которых вошел в состав первого Временного правительства (Г. Е. Львов, А. И. Гучков, А. И. Коновалов). Уже это означало признание тенденции к монополизму как доминирующей. Более того, для рационализации государственного управления промышленностью Временное правительство выступило с идеями всемерной поддержки тенденции пред-

¹ См.: Журнал совета съездов горнопромышленников Урала. 1917. № 46. 17 октября.

приятый к объединению (синдицированию). В Министерстве торговли и промышленности разрабатывался проект принудительного объединения различных отраслей промышленности под руководством и контролем государства¹. Предполагалось подвергнуть синдицированию такие отрасли, как угольная, нефтяная, металлургия и металлообработка, текстильная, сахарная и ряд других. Добровольное объединение рассматривалось, разумеется, как более предпочтительный вариант. Однако серьезных практических шагов в этом отношении сделано не было.

При формировании государственных регулирующих органов акцент был сделан на охват централизованным воздействием и контролем движения товарной массы (то есть сферы распределения). Именно при Временном правительстве был остро поставлен вопрос о формировании специального Министерства снабжения². Правда эта идея тогда так и осталась нереализованной, а основные регулирующие функции продолжали оставаться в руках особых совещаний и связанных с ними главноуполномоченных и уполномоченных.

Неуклонно росло количество специализированных отраслевых (подотраслевых) регулирующих организаций, имевших отчетливо выраженный снабженческо-сбытовой характер. В этой связи можно назвать такие организации, как Центроткань, Центролес, Главнефть, Центрохлопок, Центросуровая ткань, Югомета, Фронтметалл, Монотоп, Центросахар, Снарядсоюз и другие. Некоторые из них появились еще до Февральской революции и продолжали свое существование после Октября 1917 года, еще более разившись и окрепнув. Именно на базе этих и им подобных организаций большевиками будет создана несущая конструкция административно-распределительной системы военного коммунизма, в той или иной форме воспроизводившаяся во все годы существования Со-

¹ См.: Из деятельности Временного правительства // Промышленность и торговля. 1917. № 18–19. С. 357; Торгово-промышленная газета. 1918. 24 (11) апреля.

² См.: К вопросу о Министерстве снабжения // Утро России. 1917. 18 марта; Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов. М., 1917. С. 136–137.

ветской власти. Мы имеем в виду отраслевые главки и соответствующие снабженческо-сбытовые учреждения.

В главах, посвященных советскому опыту государственного хозяйствования, мы рассмотрим важнейшие, непреодолимые черты этой системы более подробно. Пока же обратим внимание только на один момент. Осознавая неэффективность этой системы, Временное правительство и Петроградский совет ставили задачи ее упорядочивания и реорганизации. Однако сколько бы подобные попытки ни предпринимались, они быстро вырождались в чисто бюрократическую игру по перетасовке управленческих структур. Одни органы планирования преобразовывались в другие, вроде трансформации Экономического отдела Петросовета в Отдел организации народного хозяйства¹. В соответствующих документах содержались в основном установки организационного, формального характера, призывающие различные органы государственного регулирования устанавливать «тесную связь» друг с другом, образовывать комиссии и т. д.

Надо, однако, видеть и важное отличие органов 1917 года от главков. В главкистской системе происходит полное преобразование отношений собственности: и с формальной точки зрения, и по существу предприятия переходят в собственность государства и управляются по законам бюрократического аппарата. Впрочем, эффективность централизованного регулирования остается в обоих случаях невысокой. Вмешательство в производственный процесс, которое могли позволить себе главки, является на самом деле формальным, поскольку они не способны обеспечивать реальную плановость, согласованность действий непосредственных производителей; устанавливаемые главками производственные (плановые) задания все равно не исполнялись — хозяйство развивалось в значительной мере стихийно.

Наконец, для объединения деятельности регулирующих организаций правительством было принято решение о создании единого экономического центра. Необходимость его была ясна и правительству, и советам, и предпринимательским кругам. Хотя вопрос о форме его конструирования, о полномочиях и составе оставался, разумеется, открытым.

¹ См.: В Исполнительном комитете // Известия. 1917. 17 мая.

Таким органом стал Экономический совет, проект учреждения которого был разработан в Петроградском совете и принят Временным правительством. По замыслу авторов, Экономическому совету отводилась роль экономического парламента, (имеющего, правда, в основном совещательные права). Окончательный проект документа «Основные положения об Экономическом Совете и Комитете снабжения Временного правительства» был подготовлен специальным совещанием министров путей сообщения, финансов, торговли и промышленности, земледелия, труда, продовольствия и 21 июля стал законом после утверждения его правительством. Именно Экономический совет должен был предлагать общехозяйственные планы, а также меры по урегулированию хозяйственной жизни. Главный экономический комитет создавался для того, чтобы обеспечивать согласованное проведение «отдельными ведомствами и учреждениями всех мероприятий по урегулированию хозяйственной жизни страны»¹.

Экономическому комитету отводилось особое место в разрабатывавшейся системе централизованного руководства народным хозяйством. Именно он должен был венчать сеть государственных снабженческо-распределительных органов. На него возлагалась практическая реализация задач урегулирования экономической жизни. Другие органы могли разрабатывать планы и программы, определять стратегические установки народнохозяйственного развития, но все они замыкались бы на деятельности Экономического комитета, который был бы держателем основных материальных ресурсов страны.

«Экономический комитет, руководствуясь общими указаниями Экономического совета, разрабатывает и утверждает все планы массовых заготовлений..., согласуя спрос с возможностью его удовлетворения», — говорилось в проекте положения об этом органе². К его ведению относили также утверждение цен (твердых и предельных) на основные виды сырья

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 22 июня; Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. II. М. —Л.: Соцэкгиз, 1931. С. 248.

² Заседания Экономического Совета при Временном правительстве: Стенографический отчет. № 6. С. 2.

и готовой продукции, регулирование заработной платы путем установления ее норм в основных отраслях, распределение заказов по районам и отраслям.

При Экономическом комитете предполагалось создать также Экономическое совещание с функциями «центрального комитета снабжения», в чем видели сердцевину плановой работы. Состоящее из председателей всех специализированных органов снабжения и военных комитетов снабжения, а также представителей общественных организаций, Совещание должно было «вырабатывать как план потребностей, так и план их удовлетворения». В специальном постановлении Экономического совета, принятом 10 августа 1917 года, подчеркивалось: «Экономическим комитетом и состоящим при нем Экономическим совещанием составляется государственный план снабжения армии и населения всеми продуктами и предметами для удовлетворения их необходимых потребностей». Н. Н. Саввин, товарищ Министра торговли и промышленности и один из основных авторов правительственной концепции регулирования экономики лета 1917 года, говорил тогда, что разрабатываемые этими органами документы и являются «большими экономическими планами», которые «будут точны и детальны», а тем самым удастся реализовать настойчивые требования членов самого Экономического совета — сделать «планы окончательного распределения... более конкретизированными»¹.

Непосредственным же урегулированием производства и распределения должна была заниматься сеть районных комитетов и предметных (по отдельным группам продуктов) комиссий, возглавляемых уполномоченными или особоуполномоченными Центрального экономического комитета. На предметные комиссии возлагались задачи не только определения возможного к удовлетворению количества продукции, но и потребной для этого переброски рабочих рук из одного района в другой, а также фиксирование цен. А районные комитеты должны были информировать центр о своих потребностях и производственных возможностях и на основе его общих заданий по объему и номенклатуре продукции де-

¹ Заседания Экономического Совета при Временном правительстве: Стенографический отчет. № 8. С. 16; № 7. С. 27.

тализовать заказы по предприятиям и предписывать соответствующим учреждениям заключать контракты по определенным ценам на основе «спущенных» заданий.

Внерыночное согласование интересов производителей и потребителей получает здесь свое институциональное оформление. Правда, сознавая возможность возникновения острых противоречий и опасность принятия окончательных решений отнюдь не в пользу потребителей в обстановке нарастающего товарного дефицита, авторы правительственной концепции считали нужным заранее зафиксировать пути преодоления возможных трудностей: «При согласовании спроса с возможностями его удовлетворения в коллективных органах должны преобладать интересы потребителей; при определении цен, распределении заготовок по районам и распределении заказов должно быть равное представительство интересов производителей и потребителей и при определении норм поставок — преобладание производителей...»¹.

Наконец, на органы государственного регулирования возлагались и функции контроля за тем, чтобы плановые задания выполнялись наиболее эффективным путем и чтобы все технические средства использовались рационально. Иных механизмов, побуждающих к эффективному хозяйствованию, по-видимому, уже не оставалось, и вопросы эти фактически оказывались тогда уже вне сферы специального внимания большинства связанных с правительством экономистов.

В ходе обсуждения экономических и организационных проблем руководства народным хозяйством, происходившего в кругах правительственных и околоправительственных экономистов в течение 1917 года, выдвигались и иные предложения об осуществлении новых, более решительных действий по созданию и укреплению государственных рычагов централизованного регулирования национальной экономики. Налицо было стремление сосредоточить максимум рычагов в руках соответствующих управленческих структур.

Правительство склонялось к принятию решительных мер, хотя так и не смогло реализовать большинство выдвигавшихся его членами предложений. Ведь по сути своей оно было

¹ Заседания Экономического Совета при Временном правительстве: Стенографический отчет. № 7. С. 3.

центристским, и, наталкиваясь на резкое противодействие мощных политических группировок (как слева, так и справа), не имея прочной социальной базы, не могло выработать последовательную экономическую политику. Кроме того, выдвигавшиеся членами правительства предложения нередко несли на себе явный отпечаток политических импровизаций, становились результатом переплетения различных факторов — как идеологических симпатий министров, так и необходимости «реагировать» на политическую конъюнктуру. Словом, сама работа по формированию системы планового регулирования была отнюдь не плановой, что также не могло не сказаться на ее эффективности.

Типичным примером в этом отношении может служить радикальное и для многих неожиданное предложение Министра труда М. И. Скобелева о целесообразности введения такой прогрессии налогообложения, при которой бы вся прибыль изымалась в пользу государства. Предложение было в конечном счете отвергнуто, но знаменателен сам факт его появления, наглядно характеризующий господствовавшие представления о путях усиления планово-регулирующей роли государства.

Оценивая идеологию и практику регулирующей деятельности Временного правительства, надо отметить, что подобные меры, включая госмонополии, в целом встречали понимание среди значительной части российского общества. С теми или иными оговорками этот курс поддерживали различные политические силы — от социал-демократов до ведущих представителей буржуазных партий.

Промышленники тоже страдали от экономической разрухи и дезорганизации, а потому не были против расширения государственного вмешательства в их хозяйственную деятельность, что означало готовность государства разделить с предпринимателями ответственность за экономическое положение предприятий, за результаты их функционирования.

Мягкая форма осуществления госмонополий (вмешательство в сферу обращения при сохранении основных прав собственности в производстве) делала эту меру социально безопасной. Как отмечал в своей речи на заседании Государственного совещания Министр финансов Н. В. Некрасов, Временное правительство ни в коей мере не стремилось подоб-

ными своими действиями «сузить частную хозяйственную инициативу» или тем более насаждать государственный социализм¹. Другое дело, что многие социалистически настроенные или просто левоцентристские деятели администрации не особенно верили и в сами перспективы частной инициативы, в возможности использования этого механизма для экономического возрождения страны.

Предпринимателей привлекало и то, что государство, заинтересованное в устойчивом функционировании контролируемых им отраслей, возьмет на себя роль посредника в обострившихся социальных конфликтах и будет способствовать смягчению выступлений рабочих и крестьян на соответствующих предприятиях, направленных против предпринимателей и за радикальные антикапиталистические реформы.

Кроме того, государственное установление цен, которые являлись приемлемыми для производителей, создавало определенные гарантии устойчивости производства. Ведь зафиксированный в государственных ценах уровень издержек являлся более выигрышным с социально-политической точки зрения феноменом, чем свободная цена. Впрочем, согласие предпринимателей с введением госмонополий не было единодушным.

В ряде случаев экономическая деятельность правительства сопровождалась существенным возрастанием роли крупнейших частномонополистических объединений синдикатского типа. Так, стремление обеспечить госконтроль и народно-хозяйственные интересы в черной металлургии выражалось в значительном укреплении «Продамета» и «Кровли», чья учетно-распределительная деятельность получила государственную поддержку. Именно через них осуществлялось теперь не только распределение продуктов между потребителями металла, но и распределение заказов по металлургическим предприятиям.

Политика государственного монополизма встречала понимание не только и даже не столько в предпринимательских кругах. Введения государственных монополий и иных форм централизованного хозяйствования настойчиво требовали и «демократические организации» (советы, профсою-

¹ Государственное совещание. М.–Л.: ГИЗ, 1930. С. 41.

зы и т. п.), полагая, что таким путем можно будет покончить со спекуляцией соответствующими продуктами. На деле же это был лишь стимул к расцвету спекуляции, о чем свидетельствовал уже опыт 1915–1916 годов, хотя основные последствия подобной политики предстояло испытать впереди. Конечно, госмонополия могла позволить сконцентрировать необходимый для ведения войны минимум ресурсов, но ценой этой концентрации становился как раз рост, а отнюдь не преодоление спекуляции.

5.4. Позиции левых социалистов и большевиков

Теперь обратимся к анализу взглядов на тенденции и перспективы урегулирования экономической жизни России, преодоления военной разрухи, а заодно и стихии рыночных отношений, которые выдвигались в лево-социалистических кругах и в партии большевиков. В перечне конкретных экономических мер между ними и партиями центра больших разногласий не было. Острейшая же полемика разворачивалась вокруг социально-классовой интерпретации тех или иных мероприятий (то есть вокруг ответа на вопрос «Кому это выгодно?»), а также по вопросам последовательности и жесткости реализации этого курса, его исторических перспектив. Позиции левых социалистов наиболее ярко предстают со страниц газеты «Новая жизнь». Она издавалась в 1917–1918 годах в Петрограде А. М. Горьким и являлась органом так называемой РСДРП (объединение) — небольшой, но влиятельной группы левых интеллектуалов. В «Новой жизни» печатались статьи Б. В. Авилова, В. А. Базарова, М. А. Лурье (Ю. Ларина), А. Ю. Финн-Енотаевского, М. Н. Смит, Г. В. Цыперовича и многих других видных экономистов того времени. Понятно, что выдвигавшиеся здесь предложения относительно принципов и механизма функционирования централизованного хозяйства были более радикальны, чем ранее нами рассмотренные.

Общую теоретическую основу этих идей можно понять, обратившись, например, к предреволюционным работам В. А. Базарова, в которых содержится анализ проблем планового хозяйствования с точки зрения перспектив разви-

тия страны, достижения социалистического идеала как такового. Автор констатировал разрыв между субъективными и объективными предпосылками утверждения нового строя. С одной стороны, развитие производительных сил, сопровождающееся ростом монополий и сращиванием их с государством, сделало планомерное регулирование общественного производства необходимым и возможным. С другой стороны, из-за отсутствия культурных, мировоззренческих предпосылок не может быть и речи о торжестве коллективистского строя — не только в России, но и в наиболее передовых капиталистических государствах.

Тем не менее, рассуждал Базаров, шаги в направлении к социализму за последнее время стали вопросом весьма актуальным — на повестке дня уже стоит задача замены «бесконтрольно-анархического» капитализма «подконтрольным, более планомерным, государственно упорядоченным». Однако именно буржуазия, а не пролетариат, первой начала предпринимать энергичные действия по овладению этими объективными тенденциями, чтобы использовать их в собственных интересах. Это представлялось автору опасным. Ведь пролетариат упускает время, тогда как уже оформившаяся хозяйственная система близка к «демократической государственной организации, имеющей целью с достигнутой для государства мерой планомерности обслуживать потребности масс», то есть производство ради прибыли уже может быть переориентировано на обслуживание потребностей.

«Дело идет здесь об очень обширной и сложной организации, — писал в январе 1917 года В. А. Базаров. — Но так как она нисколько не порывает с основами принудительной, буржуазно-демократической государственности; так как, с другой стороны, общие контуры этой организации уже начинают вырисовываться в стихийных процессах переживаемого нами времени, — то здесь перед современной демократией встает проблема, которую нельзя признать принципиально для нее непосильной. От того, сумеет ли пролетариат проявить надлежащую инициативу и сплотить вокруг себя прочие демократические элементы, заинтересованные в успешном разрешении указанной задачи, зависит ход всемирной исто-

рии в течение ряда ближайших десятилетий, а может быть и столетий»¹.

Экономические статьи авторов «Новой жизни» следуют в основном той же логике, но в условиях свободы печати и острой политической борьбы 1917 года они становятся значительно более конкретными, несут в себе большую практическую направленность.

Центральная их идея — поиск такой организации хозяйственной системы, которая содействовала бы укреплению социалистических тенденций, преобразовывала бы производство в интересах широких слоев трудящихся. И на первом месте здесь стояли задачи централизованного государственного регулирования народного хозяйства. Регулирования, которое не ограничивалось бы государственным распределением произведенной продукции. «Новая жизнь» требовала более активного вмешательства государства (но только демократического государства!) в отношения самого производства, более активного и масштабного участия его в установлении цен и заработной платы, контроля не только качества товаров, но и методов их фабрикации. Высказывались даже предложения о полном отказе от свободы торговли.

Суть идей лево-социалистической позиции — в резком усилении роли государства во всех отраслях, в переходе от регулирования к прямому государственному управлению. А последовательное проведение курса на принудительное синдицирование и создание государственных монополий должно было вообще элиминировать роль предпринимателей в производстве, превратить их в своеобразных «государственных рантье». Предлагалось также значительно активизировать вмешательство государства в финансово-кредитную и денежную сферы, поставить под контроль власти не только товарный капитал, но и денежный, чтобы последний обслуживал производство исключительно в общественных, а не личных интересах. «Россия теперь нуждается в национальном регулировании и в организации промышленности. Воцарившаяся в этой области разруха явно свидетельствует о недостаточности личной инициативы... Одной готовности промышленников отказаться от прибылей, сохранив при этом всю полноту власти в направлении

¹ Базаров В. О конечных целях // Летопись. 1917. № 1. С. 169, 174, 178, 187.

и регулировании производства, теперь уже недостаточно», — писал в мае 1917 года Ю. Стеклов¹.

Не доверяя предпринимательской мотивации, новожиизненцы, впрочем, не связывали особых надежд и с создававшимися на предприятиях органами рабочего контроля. Они настаивали на формировании сильной системы государственного контроля со значительным представительством в них членов демократических организаций. Этот путь мог бы обеспечить руководство народным хозяйством в общих интересах, в отличие от тесно связанных с локальными интересами своего предприятия или отрасли, формирующихся снизу органов рабочего контроля, на которых делали ставку большевики. И непременно подчеркивалась задача скорейшей разработки единого хозяйственного плана как основы всей координирующей и направляющей деятельности центра. Плана, выходящего за рамки проблемы распределения.

Далее, характерной чертой позиции «Новой жизни» было представление о том, что система Советов как рабоче-крестьянская альтернатива традиционным структурам государственной власти сама по себе недостаточна для успешного регулирования производства. Необходимо использовать и старый государственный аппарат, хотя и серьезно реорганизованный при помощи Советов. «Тут дело идет не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его, причем и в новом своем виде аппарат должен оставаться строго централизованным, работающим по строгому, в центре выработанному плану», — подчеркивал В. А. Базаров, по мнению которого сам рабочий контроль возможен только в рамках создаваемого таким путем государственного регулирования производства. Полемизируя с большевиками и упрекая их в недооценке роли государственного аппарата в перестройке российской экономики, он утверждал, что в случае прихода большевиков к власти они все равно пойдут по этому пути, поскольку в практической деятельности «им будет

¹ Стеклов Ю. Жалобы промышленников // Новая жизнь. 1917. 13 (26) мая; Государственное совещание. С. 41. В дальнейшем он станет видным советским публицистом, главным редактором газеты «Известия».

мало одного лишь доверия к революционной инициативе пролетариата»¹.

В практическом отношении, с точки зрения организации руководства народным хозяйством в данной политической и экономической ситуации, соответствующие взгляды были наиболее отчетливо выражены уже в первые дни после победы Февральской революции В.Г.Громаном. «Я еще при самодержавии, уже давно разработал план одного учреждения, — говорил он, например, Н.Н.Суханову. — Я называю его Комитетом организации народного хозяйства и труда. Я исхожу из того, что война в России, так же как и во всей Европе, грозит народному хозяйству полным крахом, если оно будет продолжать свое существование на прежних, частноправовых, капиталистических основаниях, без вмешательства и регулирования государством...»².

Отдавая себе отчет в том, что предполагаемое гигантское централизованное хозяйство несет в себе серьезную угрозу бюрократизации, авторы «Новой жизни» искали противодействие в различных формах производственной демократии, в участии трудящихся в управлении. «Социализм есть не только огосударствление производства, но и радикальное изменение самой конструкции управления производством, уничтожение пропасти между командующим и исполнительным составом... Государственная бюрократия не перестает быть воплощением неподвижности и застоя только от того, что во главе ее на место самодержавного монарха становится ответственная перед народом власть. Надо добиться того, чтобы все работники данной отрасли производства до последнего чернорабочего чувствовали и сознавали, что они делают не чужое, а свое собственное дело, что всякое усовершенствование в распорядке работ, всякое повышение производительности труда непосредственно улучшает их участь; надо добиться, чтобы каждому принадлежало известное право инициативы в осуществлении технического прогресса», — писал Базаров. Он замечал, что иначе не сможет быть преобразована сама атмосфера государственных предприятий (по сравнению с частными), и трудящиеся будут, как и раньше, «тянуть лямку», отбывая положенное вре-

¹ См. статьи В. А. Базарова в «Новой жизни» за 1917 год: «Большевики и проблема власти». 27 сентября (10 октября); «Демократический блок». 19 сентября (2 октября).

² Суханов Н. Н. Записки о революции. М.: Политиздат, 1991. Т. 1. С. 205.

мя. Напротив, решив названные задачи, можно будет добиться того, что люди «проникнутся мало-помалу тем деловым вдохновением, воспитают в себе то напряжение высокой творческой воли, без которого социализм явился бы не пышным развитием производительных сил, как это утверждают марксисты, а реакционным бюрократизмом, шагом назад даже по сравнению к современному капитализму»¹.

На крайнем левом фланге политической палитры России 1917 года находились большевики. Их программа урегулирования экономики, перевода ее на плановые рельсы и функционирование «в интересах трудящихся» наиболее полно раскрывается, разумеется, в работах В.И. Ленина. Эта позиция сочтена в себе, казалось бы, несочетаемое — анархо-синдикалистские принципы самоуправления при стремлении к жесткой централизованной организации народного хозяйства. «При социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял», — писал Ленин незадолго до прихода к власти².

Вместе с тем он был готов гораздо более жестко и последовательно, по сравнению с другими левыми партиями, довести до логического конца тенденции развития общественного производства к укрупнению и монополизму. Большевикам представлялось, что эти тенденции, уменьшая число хозяйствующих субъектов и объединяя важнейшие нити хозяйственной жизни в Государственном банке, обеспечивают, с одной стороны, упрощение всех процессов и появление необходимых институтов регулирования хозяйства из единого центра, а с другой стороны, делают участие в управлении как своим предприятием, так и всем народным хозяйством, вполне доступным для широких масс трудящихся, не имеющих ни достаточного образования, ни соответствующих навыков управленческой деятельности. «Капитализм упростил функции учета и контроля, свел их к сравнительно несложным, доступным всякому грамотному человеку знаниям», — был неколебимо убежден В.И. Ленин³, формулируя свою концепцию построения планового хозяйства.

¹ Базаров В. Бюрократизм или «синдикализм»? // Новая жизнь. 1917. 2 (15) июля.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 116.

³ Там же. Т. 34. С. 308.

Особая роль здесь отводилась банкам, которые, по мысли Ленина, еще до революции достигли такого уровня, что могли стать инструментом обобществления экономики. Они должны были объединиться в единый Национальный (Народный) банк, становящийся центром тотального учета и счетоводства и являющийся «девятью десятыми социалистического аппарата». Это тоже представлялось весьма просто: «И только контроль за банками, за центром, за главным стержнем и основным механизмом капиталистического оборота позволили бы наладить на деле, а не на словах, контроль за всей хозяйственной жизнью, за производством и распределением важнейших продуктов, наладить то “регулирование экономической жизни”, которое иначе осуждено неминуемо оставаться министерской фразой для надувательства простонародья».¹

Отсюда и столь характерное для ленинских работ, написанных летом-осенью 1917 года, представление об относительной легкости возникновения революционно-демократического регулирования национальной экономики вместо реакционно-бюрократического — надо лишь простыми декретами объединить банки, синдицировать предприятия, объединить (возможно, и принудительно) население в потребительские общества (для упрощения распределения продуктов и контроля за потреблением), установить контроль рабочих союзов за производством, ввести единообразную отчетность. «Это самая простая вещь — и именно она остается несделанной!!», — энергично восклицал В.И. Ленин², резко критикуя деятельность Временного правительства.

Повторим: собственно экономическая программа большевиков, связанная с переходом к планово-распределительному хозяйству, не отличалась принципиально от предложений представителей других социалистических сил, особенно левых. То же принудительное синдицирование, национализация ключевых сфер производства, привлечение рабочих к управлению. Правда, все это звучало более последовательно и броско. В их выступлениях государственное вмешательство (или, до захвата власти пролетариатом, вмешательство профсоюзов и других демократических организаций) переноси-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 307, 163.

² Там же. Т. 34. С. 168.

силось непосредственно в сферу производства, а также должно было охватывать банковскую сферы.

Кроме того, ориентируясь на свою идеологическую доктрину, большевики уже в мае выступили с предложениями о налаживании (пока на время войны) продуктообмена между городским и сельским населением — первоначально в региональном (областном), а затем и в национальном масштабах¹.

Однако была еще одна принципиальная черта, решительно выделявшая большевистскую концепцию формирования системы планового хозяйствования и имевшая, как оказалось, далеко идущие последствия. Плановое руководство и государственная власть — так можно коротко обозначить существо проблемы, которую остро поставил в 1917 году В. И. Ленин. Еще в полемике пятнадцатилетней давности вокруг проекта партийной программы он обращал внимание, что планомерность хозяйственной системы важна для социалиста не сама по себе, но лишь в том случае, когда осуществляется за счет и в интересах всего общества². Этот действительно очень важный момент оказался полтора десятилетия спустя трансформированным в тезис, согласно которому государственное планирование и регулирование становится целесообразно только после прихода к власти пролетариата, а попросту говоря — самой большевистской партии.

Основная масса социалистов России возлагала большие надежды на активное вмешательство демократического государства в экономическую жизнь. Они полагали, что сам факт такого вмешательства обеспечит не только упорядочение хозяйственной жизни, преодоление присущего ей стихийного характера, но и переориентирует деятельность предприятий на реализацию интересов всего общества.

Большевики же, напротив, до поры до времени считали целесообразным лишь один способ регулирования производства — систему рабочего контроля. Над предложениями же и проектами о государственном контроле (с участием демократических организаций и рабочих) и, в связи с ним, едином государственном плане В. И. Ленин отзывался с сарказмом, переходящим в издевку. Подобная обструкционистская позиция вызывала в рядах социалистов недоумение и упре-

¹ См.: там же. Т. 32. С. 196.

² См.: там же. Т. 6. С. 232.

ки в синдикализме. Разъясняя свою позицию, лидер большевиков подчеркивал, что он и его партия — за централизм и за план, но за централизм и за план пролетарского государства. «Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. под контролем рабочих организаций за выработку “плана”, за проверку его, за отыскание средств сэкономить труд централизации, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля»¹. Итак, надо «взять власть», затем «посадить экономистов, инженеров, агрономов и пр.» и только после этого можно будет говорить о целостном плане народнохозяйственного развития. Такова логика В.И. Ленина.

В этой полемике между большевиками и другими социалистами обсуждался, хотя и не всегда в явном виде, чрезвычайно важный вопрос: каковы возможности и роль государства в обеспечении социально-экономического развития на плановой основе? Социалисты исходили из того, что в демократическом обществе государство сможет обеспечить согласование интересов и тем самым общественный прогресс. Оставался, однако, открытым вопрос: почему и при каких условиях государство будет справляться с решением этих задач? Для ответа на него требовался более тонкий социально-политический и социально-экономический анализ.

Большевики же акцентировали внимание на классовой природе государства: для них оно было «аппаратом насилия одного класса над другим»² — аппаратом, выполняющим волю господствующего класса и не способного ни играть особой роли в общественной жизни, ни продуцировать свои собственные, аппаратные интересы. В подобной логике скрывалась серьезная опасность. Недооценивалось то обстоятельство, что государство в социально-экономической жизни общества может играть не только пассивную роль, выражая волю правящего класса, но и подминать под себя этот класс, подчинять его интересы интересам быстро растущего бюрократического аппарата, навязывать их всему обществу.

Политическая сторона проблемы государственного регулирования привлекла к себе внимание не только большеви-

¹ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 34. С. 320.

² См.: там же. Т. 34. С. 318.

ков. Однако именно они заострили этот вопрос, почувствовали и сформулировали его ключевое значение раньше других.

Вообще же по мере развития революционного процесса, по мере обсуждения проблем экономической политики Временного правительства и попыток реализации их на практике внимание к политической стороне дела как условию осуществления задуманных шагов все более и более обострялось. Наблюдая за позициями различных общественных деятелей правоцентристской ориентации, можно заметить, как на протяжении 1917 года происходило их постепенное движение в сторону от лозунгов государственного регулирования и госмонополизма.

Главной причиной этого была неустойчивость власти. Между тем политическая стабильность является одним из важнейших условий эффективности государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Наиболее дальновидные предприниматели указывали на это с самого начала революции. Отсутствие стабильного законодательства, двоевластие и поляризация политических сил в совокупности с усилением социально-классовых аспектов в организации общественного контроля за предприятиями (с перспективой превращения его в рабочий контроль) делали надежды предпринимателей на стабилизирующую роль государственного регулирования все более сомнительными. Как замечал по этому поводу П. П. Рябушинский, для реального регулирования экономической жизни государство (а не общественные или политические организации) должно иметь всю полноту контроля. «Но мы боимся, что у нас такой контроль невозможен в смысле его полезности и целесообразности для государства в целом, доколе наше правительство само продолжает находиться в положении подконтрольном». Или, иными словами, «лишь самые отрицательные последствия со всех точек зрения» может иметь контроль за производством и обращением, при котором остается неизвестным, «кто, что и как будет контролировать»¹.

По мнению предпринимательских кругов, регулирование национальной экономики должно и может осуществлять только «надклассовое государство». То есть государство, функцио-

¹ См.: Известия Московского военно-промышленного комитета. 1917. № 36. С. 15; Настоящее и будущее русской промышленности//Горнозаводское дело. 1917. № 34–35. С. 16 271

нирующее в обстановке классового мира, а не на грани гражданской войны. Говоря о желательном вмешательстве власти в хозяйственные процессы, влиятельный в то время в предпринимательских кругах журнал «Горнозаводское дело» писал: «Но такое регулирование мыслимо и осуществимо лишь при наличии развитого аппарата внеклассовой, или, точнее, надклассовой государственной власти»¹.

5.5. Критика тенденций к усилению административно-принудительных начал в экономике

Представления о необходимости активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь, а, фактически, о необходимости административно-принудительного руководства с целью ее упорядочения и перевода на плановые рельсы, получили широкое распространение в экономических и политических кругах.

Но существовали и противоположные точки зрения. Их сторонники предостерегали против чересчур примитивного, прямолинейного проведения аналогий между руководством монополистическими фирмами и всем народным хозяйством, обращали внимание на ошибочность выводов об угасании роли частной инициативы и классических рыночных категорий (стимулов) в функционировании экономического механизма. Им представлялись недостаточно продуманными и чрезвычайно опасными явно проявившиеся тенденции тотального огосударствления хозяйственной жизни под флагом борьбы с разрухой и хаосом. Тем более, что речь шла о стране с сильными традициями государственного бюрократизма, дополненного в новых условиях милитаристскими амбициями и соответствующими организационно-хозяйственными структурами. Предостережения такого рода высказывались не только со стороны экономистов, тесно связанных с интересами частного предпринимательства, но и из рядов революционной социал-демократии. Однако справедливость подобной критики могла быть понята только с учетом тяжелого этактистского опыта XX века.

Критика чрезмерного централизованного регулирования, и особенно высокого налогообложения прибыли, создания го-

¹ Настоящее и будущее русской промышленности // Горнозаводское дело. 1917. № 38–39. С. 16–368.

сударственных монополий, доказывающая пагубность и неэффективность подобной деятельности, значительно слышнее была с правого фланга. Она, правда, не была тогда особенно популярна среди интеллигенции, поскольку воспринималась не иначе, как попытка игнорировать объективный ход развития производительных сил и защитить узкоклассовые интересы предпринимателей в ущерб интересам всего народа. Тех, кто уже тогда выступал в России с критикой формирующейся идеологии «государственно-планового хозяйствования», не очень-то хотели слушать. Хотя их аргументы были довольно убедительны и, как показало будущее, прозорливы.

Речь шла о вполне очевидных вещах. О том, что чрезмерное налогообложение подрывает не только стимулы к росту производства, но и осложняет денежное обращение в стране, и без того дестабилизированное за годы войны¹. О том, что государственное перераспределение основной массы ресурсов может лишь усилить хаос как из-за ограниченности технических возможностей подобной деятельности, так и из-за значительного роста бюрократических тенденций в хозяйственной жизни. Особой же критике подвергались попытки урегулирования экономического процесса посредством учреждения госмонополий.

Выступления против государственных монополий со стороны предпринимательских кругов было принято игнорировать как попытку «денежных мешков» защитить свои капиталы и избежать вмешательства государственной власти (или народа). Однако если прислушаться к этим аргументам более серьезно, то нетрудно заметить, что в первую очередь здесь говорится об опасности дестимулирующего влияния государственных монополий на экономическую жизнь — из-за сворачивания конкуренции. И наиболее серьезные экономисты уже тогда осознавали опасность нейтрализации конкуренции — или в результате естественного (как тогда казалось) пути развития капитализма, или же вследствие осуществления специальной политики, нацеленной на подмену конкуренции госрегулированием.

¹ Во всякое время актуально звучат слова директора Кредитной канцелярии по поводу существенного повышения прогрессивно-подоходного налога, установленного законом от 12 июня 1917 года: «Подобного рода мера, принятая в условиях переживаемого времени, может привести к еще более усиленному сокрытию населением денежных знаков, стремительному отливу вкладов из банков и полному расстройству денежного обращения».

У проблемы монополизации был и важный политический контекст, который понимали некоторые авторы. Критики подчеркивали несовместимость государственных монополий (и в первую очередь хлебной) с демократическим устройством политического режима, к торжеству которого, казалось бы, стремились все силы, поддержавшие Февральскую революцию. По их мнению, цели планового урегулирования экономики не могут быть достигнуты через насилие над интересами хозяйствующих субъектов, и центральной власти при проведении своего курса надо опираться на эти интересы, а не действовать вопреки им. Иной подход к решению задач может привести лишь к эскалации насилия и экономическим потерям.

Опасность подобного развития событий хорошо почувствовал уже в первые революционные дни П. П. Рябушинский. В его выступлении на мартовском торгово-промышленном съезде громко прозвучали предостережения против революционной эйфории, против тех иллюзий, о которых мы писали выше и которые, несмотря ни на какие предупреждения, являются неотъемлемой чертой политики и идеологии начальной фазой всякой революции¹.

Показательно в этом отношении рассуждение С. Д. Булина (новгородского коммерсанта): «Свободная торговля, конечно, может дать широкий размах и в творчестве, и в созидании. С этим мы все должны согласиться. Всякое ограничение — есть ограничение. Оно убивает, мертвит всякое дело. И это тем более недопустимо на заре свободы, в стране свободной». Предприниматель приводит различные примеры уже выявившего крайнего бюрократизма, неповоротливости государственных организаций, призванных выполнять посредническо-заготовительные функции. «Народу надо дать хлеб... Самый важный недостаток, что этим делом заняты люди неопытные, либо незнакомые с делом... Пусть будет не монополия, а свободная торговля. Надо, чтобы у дела стояли люди, умеющие работать, знакомые с делом»².

Пожалуй, один из интереснейших документов 1917 года с изложением подобной позиции — это доклад И. Сигова под характерным названием «Аракчеевский социализм». Автор

¹ См.: Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд. С. 17.

² Там же. С. 97.

утверждает, что, встав в хозяйственной жизни на путь административного давления, новая власть, в соответствии с логикой развития событий, может зайти и зайдет гораздо дальше в насилии над крестьянином, чем это позволял себе царизм: «И при старом режиме, когда царское правительство не стеснялось мерами принуждения и насилия, обязательная разверстка хлеба... провалилась с треском. Дальше старому правительству оставалось только одно: производить в деревне повальные обыски и повсюду отбирать хлеб силой, не останавливаясь ни перед чем. Но на такую прямолинейность едва ли решилось бы даже царское правительство». Иное дело — народная власть, которая, имея кредит доверия, может позволить себе в интересах этого народа пойти на меры чрезвычайные, объяснимые в категориях борьбы за власть, но экономически совершенно алогичные.

Рассуждения и выводы И. Сигова не ограничиваются лишь рамками критики хлебной монополии и предостережений относительно ее последствий. Главное, что он указывал на принципиальную опасность решения задач планового регулирования в той административной логике, к которой все активнее прибегала государственная власть. И. Сигов фактически ставил вопрос о противоестественности той системы хозяйствования, контуры которой все более отчетливо проступали на протяжении 1917 года, прибегая для этого сравнению экономического механизма с человеческим организмом: « [Государственная] монополия сопряжена с переустройством всей жизни, она обрекает всю страну на длительную, трудную и опасную молекулярную работу, на приспособление к новым волевым центрам и на страшную, необъятного значения работу осознания всех автоматически совершающихся процессов, из которых складывается повседневная экономическая жизнь. До сего времени мы не замечали сложности экономической жизни, она регулировалась как бы сама собой, причем источником регулирующих сил был личный интерес промышленника, торговца, потребителя. Теперь все это должно быть заменено заботами правительственных органов. Происходит нечто похожее на перенесение функций спинного мозга на головной, на превращение рефлексов в сознательные, осмысленные, заранее на каждый случай спроектированные движения. Представьте же себе, что было бы, если бы мы были

обречены проектировать каждое движение прежде, чем его совершать»¹.

Призывы к осторожности при оценке тенденций и хозяйственных форм, выдвинувшихся в обстановке мировой войны, раздавались и из лагеря социалистов. Правда, здесь такие идеи были очень редки, если не сказать единичны. Наиболее глубокий подход к анализу складывающейся ситуации с точки зрения глобальных перспектив социально-экономического прогресса дал тогда А. А. Богданов. «Требование плановости есть самая сущность социализма»², — это вполне очевидное для всех социалистов положение он рассматривал с позиций своей «всеобщей организационной науки» (или тектологии), призванной дать комплексный анализ путей становления коллективистского строя и его хозяйственной системы, преодолевающей рыночную стихию.

Богданов решительно возражал против утопичного, по его словам, представления о возможности перехода в ближайшее время если не к социализму, то хотя бы к переустройству общества на плановых началах — одностипных плановости будущего социалистического хозяйства. Для него задача плановой организации стояла не просто как организационно-техническая или технико-экономическая (не «как устройство личной семьи, предприятия, политической партии, — только, разумеется, много крупнее по масштабу»³), а прежде всего как проблема культурно-историческая, связанная с формированием в рабочей среде нового, коллективистского мировоззрения. Богданов настойчиво подчеркивал ошибочность выводов о том, что хозяйственные системы воюющих капиталистических государств уже несут в себе зачатки будущей социалистической плановости, создают для нее необходимые (или даже все) материальные предпосылки. Особой критике в этой связи были подвергнуты позиции как авторов «Новой жизни», так и В. И. Ленина.

Государственный контроль над производством, сбытом и даже потреблением, достигаемые принудительным синдицированием и трудовой повинностью, утверждал А. А. Богданов,

¹ Сигов И. Аракчеевский социализм. Пг., 1917. С. 13–14.

² Богданов А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 307.

³ См.: там же. С. 37.

есть путь лишь к хозяйству осажденной крепости, исходным пунктом которого является «военный потребительский коммунизм» (термин Богданова). Эта система качественно отличается от подлинной плановости тем, что, во-первых, ориентирована на «прогрессивное разрушение общественного хозяйства» и изначально не предполагает решения созидательных задач. А во-вторых, ее механизм основан на нормировке, ограничении, осуществляемой «авторитарно-принудительным путем».

Между тем «нормировка есть только одна сторона организационного процесса, и притом сторона ограничительная. Все положительное, все инициативное и творческое содержание организующего процесса лежит вне этого понятия. Нормировка сама по себе нового не создает, а только берет то, что уже есть или делается и разными способами это ограничивает, ставит в рамки, чтобы устранить какие-нибудь нарушения или расстройства; а плановая организация, кроме того, сама ставит свои задачи и в зависимости от них создает новое и перестраивает старое».

Оценивая тот тип централизованного хозяйствования, признаки которого в 1917 году проступали в российской действительности и который многие левые трактовали как осуществление социалистической тенденции, как зарождение элементов плановой экономики, А. А. Богданов писал не без сарказма:

«Эта система “непредусмотренная” и «ублюдочная»; но... родители этого ублюдка — совсем не те, которым его подкидывают. Один из родителей — капитализм, — правда, не подлежит сомнению, но другой — вовсе не социализм, а весьма мрачный его прообраз, военный потребительский коммунизм.

Разница не малая. Социализм есть прежде всего новый тип сотрудничества: товарищеская организация производства; военный коммунизм есть прежде всего особая форма общественного потребления: авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления. Смешивать не следует»¹.

С этими предостережениями и вступала Россия в новый этап своего существования. К власти пришли большевики — начиналась радикальная фаза революционного процесса и, соответственно, экономической политики.

¹ Богданов А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 44, 87.

ГЛАВА 6

Теория, идеология и практика военного коммунизма

6.1. Первый опыт организации народного хозяйства большевиками: идеи, дискуссии, практика

Под грузом сложных проблем и противоречий политической жизни России приход большевиков к власти может оцениваться как коренной, переломный, решающий. Но с позиции исторической логики развития экономики, потребностей этого развития и путей их осуществления события октября-ноября 1917 года и последующий затем период, получивший у его сторонников наименование «героический», а у противников — «чудовищный», был естественным этапом в развитии революции и одним из этапов в сложном поиске новой экономической модели.

Мы не будем здесь специально рассматривать политические, экономические, социальные и психологические причины победы большевиков в 1917 году. Достаточно констатировать: началась новая фаза революционного процесса — фаза радикализма (или экстремизма) и диктатуры. На этом этапе осуществляется курс на быстрый слом старых структур и предпринимаются усилия для решения задач, с которыми не удавалось справиться предшествующим революционным

властям. И задача урегулирования хозяйственной жизни была здесь одной из самых актуальных.

Построение плановой (или централизованной) системы хозяйствования не могло не стать в центре внимания практической политики правительства народных комиссаров. С одной стороны, это было одним из важнейших программных требований социал-демократии вообще и конкретно большевиков. С другой стороны, взятие политической власти в условиях мировой войны и постоянно усиливающейся разрухи требовало принятия решительных и неординарных мер. Некоторые общие моменты экономической программы, рассчитанные на случай прихода партии к власти, содержались в выступлениях В. И. Ленина апреля — сентября 1917 года, о которых выше уже шла речь.

В декабре — марте 1917–1918 годов эти идеи получили некоторую конкретизацию и должны были реализовываться на практике. Однако было бы ошибкой думать, что политика, нацеленная на плановое урегулирование хозяйственной жизни, представляла собой лишь практическую реализацию идей главы правительства и самого авторитетного человека в правящей партии. На самом деле конкретные мероприятия были равнодействующей сложного конгломерата факторов — теоретических построений и практических действий различных большевистских лидеров, текущих потребностей функционирования производства, особенностей политической и военной обстановки. Но было и много такого, что делало экономический курс целостным, хотя и не всегда последовательным.

Общим фундаментом мероприятий по построению хозяйственной системы, преодолевающей стихию, было представление о непосредственном возникновении ее из военно-капиталистических форм. Германская милитаризованная экономика была для многих видных большевиков несомненным образцом для создания новых экономических отношений, для построения единого хозяйственного механизма, работающего, как часы. Большевики внимательно изучали и пропагандировали опыт организации народного хозяйства в Германии. В этом отношении особенно выделялись работы А. М. Лурье (Ю. Ларина), выступившего в 1917 году с циклом статей о германской экономике, которые были довольно популярны в левых кругах России и стали существенным

фактором упрочения в массовом сознании представлений о будущем плановом хозяйстве как о системе жестко централизованного производства и распределения, о строгом нормировании потребления и натурализации обмена¹.

Аналогичный подход характерен и для ленинских работ рассматриваемого периода. В них подробно обосновывается тезис о роли госкапитализма, который означал бы капиталистическую организацию производства под постоянным контролем и направляющим воздействием пролетарского государства. У В.И. Ленина появился и специальный термин, образно раскрывающий представления автора о характере планомерного социалистического хозяйствования и магистральном направлении движения к нему. Имеется в виду «цельный социализм», под которым председатель Совнаркома понимал соединение германской военно-хозяйственной системы («здесь мы имеем “последнее слово” современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации») с советской властью как непременным политическим условием утверждения нового строя².

Принципиально важным моментом для понимания этой логики социального анализа является тот факт, что в мировоззрении марксистов-большевиков крупные индустриальные формы были атрибутом технического прогресса, показателем поступательного развития производительных сил. Соответственно, и те формы регулирования, которые вытекают из подобной организации производства, рассматривались как естественные и необходимые для практической реализации. А подчинение крупных индустриальных единиц универсальному органу (центру) могло расцениваться как наиболее простой путь решения всех хозяйственных проблем.

«Мы за централизованное крупное производство, развивающее до максимума производительные силы», — писал тогда Н.И. Бухарин³, и здесь отчетливо проступает логическая ошибка, типичная для левых начала XX века — отождествление двух различных критериев общественного прогресса. С одной стороны — рост производительных сил, действитель-

¹ См.: *Карп Э.* История Советской России. Кн. 1. М.: Прогресс, 1990. С. 680.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 300.

³ *Бухарин Н.* Анархизм и научный коммунизм // *Коммунист*. 1918. № 2. С. 12.

но характеризующий суть прогрессивного развития общества. А с другой стороны — централизация, выступающая лишь одной из форм функционирования производительных сил. отождествление прогресса производства с централизацией, а последней — с планомерностью, было присуще большинству коммунистических лидеров — как представителей ее «правого» крыла (к которому относили тогда и В.И.Ленина), так и остро полемизировавших с ними по вопросам хозяйственного переустройства страны «левых коммунистов» (во главе с Н.И.Бухариным).

Еще одной специфической чертой работ социалистических идеологов и теоретиков, было представление о простоте функционирования планового хозяйства, отрицающего рыночные категории, которые лишь затуманивают отношения между людьми в процессе производства и распределения материальных благ. Предполагалось, что плановая, регулирующая деятельность общества и его хозяйственного центра не будет иметь дело со «слепыми силами рынка» и «объективными экономическими законами», присущими исключительно рыночной экономике. Тем самым, рассуждали далее, проблема планового хозяйствования сводится к решению серии конкретных технико-экономических задач — прежде всего задач поиска наилучших способов использования производственного потенциала. Фактически планирование тем самым выводилось за рамки социально-экономической проблематики и ограничивалось кругом технико-экономических (или даже инженерных) проработок¹.

Иначе говоря, предполагалось, что национализация, в результате которой предприятия начинают работать исключительно для удовлетворения потребностей общества, а не ради прибыли, создает условия, когда собственно планирование становится лишь делом техники и уже не связано с проблемами взаимодействия интересов реальных хозяйственных субъектов.

¹ Такое понимание нашло отражение и в первых попытках создания инфраструктуры народнохозяйственного планирования. В комиссии по выработке государственного плана электрификации (ГОЭЛРО), работавшей на протяжении 1920 года и предпринявшей попытку разработки первого народнохозяйственного плана, были представлены только инженеры. Об этом ниже будет сказано подробнее.

Как аксиома принималось положение, что уничтожение частной собственности на землю и другие средства производства не только требует плана, но и делает его разработку достаточно простой процедурой. Ведь ликвидируются все «юридические препятствия рациональному перераспределению ресурсов, материальных и человеческих... Нет ни межей, ни границ земельных владений; проезд, проведение новых путей, прокладка проводов, труд и проч. зависят от простого решения соответствующего органа»¹.

Подобный подход являл собой лишь другую сторону популярной тогда догмы об изначальном единстве интересов членов будущего социалистического общества. А потому согласование интересов не рассматривалось в качестве особой задачи планирования.

Наконец, отсюда следует и еще одно положение практического свойства: коренное изменение роли эффективности общественного производства, расширение свободы при выборе хозяйственных решений. Экономисты склонялись к мысли, что характерной чертой плановой социалистической экономики является удовлетворение насущных потребностей людей безотносительно к трудовым затратам. Показательны в этом отношении рассуждения И. И. Скворцова-Степанова, в которых отразились широко распространенные подходы к пониманию принципов функционирования плановой экономики:

«С переходом от капитализма к социализму все многочисленнее будут становиться производства или даже целые отрасли хозяйства, от которых общество не будет требовать, чтобы они “сами себя окупали”...

Если социалистическое общество найдет, что необходимо создать известную новую отрасль производства, и что без нее остались бы неудовлетворенными важные общественные потребности, — оно создаст ее, не считаясь с трудовыми затратами. Эта отрасль будет обеспечиваться необходимыми для нее сырыми и вспомогательными материалами, орудиями и машинами, рабочими и техническим персоналом.

¹ Ларин Ю., Крицман Л. Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России. М., 1920. С. 113–114.

Словом, в упрочившемся социалистическом обществе, в обществе, которое не просто восстанавливается, но и быстро развивает свои производительные силы, регулирование всех производственных и распределительных отношений не представит сколько-нибудь серьезных, принципиальных затруднений»¹.

Основными элементами хозяйственной системы, к которой предполагалось осуществлять движение, были следующие.

Во-первых, окончательное преодоление рыночной связи между хозяйствующими субъектами и замена ее глобальным планом, имеющим натурально-вещественный характер.

Во-вторых, отказ от материальной заинтересованности как производственных единиц (предприятий), так и отдельных работников в экономической результативности своей деятельности. Хозяйственная (материальная) заинтересованность заменялась служебной дисциплиной.

В-третьих, элиминировалось само понятие экономической выгоды производственной деятельности. Оно заменялось понятием государственной целесообразности, аналогично деятельности государственных институтов.

В-четвертых, неуклонная замена торговли продуктообменом, в первую очередь между городом и деревней. Предполагалось таким путем обеспечить втягивание миллионов крестьянских хозяйств в систему государственной экономики.

Большевистское руководство в первые месяцы своего существования предпринимало попытки использовать сложившийся к тому времени аппарат регулирования народного хозяйства, явно демонстрируя преемственность курса с организационно-экономической точки зрения. «Административный аппарат Временного правительства продолжал функционировать до конца января 1918 года», — отмечал позднее С. Н. Прокопович, входивший в состав последнего Временного правительства².

Продолжали действовать продовольственные органы, Государственный банк, различные комиссии и комитеты по ру-

¹ Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 113–114.

² Прокопович С. Что дал России нэп//НЭП: Взгляд со стороны. М.: Московский рабочий, 1991. С. 11.

ководству промышленностью. И даже созданные предпринимателями военно-промышленные комитеты выполняли свои организационные и координирующие функции, а 31 марта 1918 года были преобразованы в Народно-промышленные комитеты. Большевистское руководство хотело использовать эти структуры для построения своей системы управления промышленностью, причем они были распущены только в июле из-за отказа руководящих кругов и специалистов этих комитетов сотрудничать с советской властью.

Последнее вообще характерно. Большевики пошли на глубокое преобразование хозяйственно-регулирующих органов не по экономическим или идеологическим соображениям, а в основном по причинам политическим, то есть из-за враждебного настроения к ним многих чиновников и руководителей старого аппарата.

Продолжением экономической логики 1917 года было, естественно, сохранение и развитие государственных монополий. Решения Временного правительства об их учреждении получили логичное развитие в теории и практике военного коммунизма¹. Хотя многочисленные сторонники госмонополий менее всего ожидали подобной реализации этой идеи.

Практические шаги в направлении планового хозяйствования предполагалось делать как «снизу» — через рабочие организации на предприятиях и по регионам, берущие на себя сперва контроль за производством, а потом и управление им, так и «сверху» — путем создания единого центра руководства

¹ Логика преемственности политики Временного правительства и первых лет большевиков неожиданно и в совершенно извращенной форме прозвучала в 1931 году на процессе «Общесоюзного бюро меньшевиков», по которому проходили в качестве ключевых обвиняемых В. Г. Громан и Н. Н. Суханов. Суханов заявил тогда: «Громан был автором военного коммунизма. Когда он его провозгласил? Он провозгласил его вскоре после февральской революции. Он в качестве руководителя экономического отдела тогдашнего меньшевистско-эсеровского комитета взял за горло кадета Шингарева и выдавил из него основной элемент военного коммунизма, т. е. хлебную монополию. На хлебной монополии дело не остановилось. Меньшевистско-эсеровским комитетом была тогда же, 16 мая, принята программа, которая предполагала всю систему, вместе взятую, военного коммунизма» (Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта — 9 марта 1931). М.: ОГИЗ — Советское законодательство, 1931. С. 386).

экономикой страны и, в первую очередь, национализированной ее частью.

На рабочий контроль первоначально возлагались очень большие надежды. Он рассматривался не просто как ревизорская и надзорная деятельность по отношению к предпринимателям, но и как вмешательство самих трудящихся в хозяйственный процесс с целью организации его на наиболее рациональных основаниях. Тем самым в рабочем контроле видели важнейший инструмент регулирования хозяйственной деятельности в интересах широких трудящихся масс. Принятое уже 14 (27) ноября 1917 года Положение ВЦИК и СНК о рабочем контроле подчеркивало, что последний вводится в интересах «планомерного регулирования народного хозяйства», причем в первоначальных проектах этого документа содержалось положение, в соответствии с которым именно на всероссийский (центральный) орган рабочего контроля возлагалась обязанность вырабатывать общие планы, намечать технические и финансовые задачи и т. д.¹.

Практика быстро показала утопичность подобных проектов. Причину фиаско объясняли тем, что рабочий контроль не позволял «найти переходные организационные формы овладения хозяйственной жизнью» — все дело ограничивалось «изменением функций существующих рабочих организаций, не создавая новых организационных форм, которых властно требует жизнь»². Уже здесь вполне отчетливо проступало стремление решать проблемы планового хозяйствования, путем изменения «организационных форм». Не умаляя значения преобразований такого рода, надо видеть и опасность их абсолютизации — опасность тем более реальную, что подобные действия внешне представляются наиболее простыми и радикальными.

Однако при более тонком анализе выявились и острые социально-экономические противоречия самой системы рабочего контроля. Регулирование промышленности хотели организовать в интересах всего трудового народа как верховного хозяина основной массы средств производства. Между тем,

¹ См.: Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Политиздат, 1957. С. 83, 82.

² Крицман Л. Об организационных путях социалистического строительства хозяйственной жизни // Коммунист. 1918. № 3. С. 12.

первичные, базовые ячейки рабочего контроля (фабзавкомы) действовали как представители своих предприятий, практически не считаясь с интересами региона и уж тем более — народнохозяйственного целого. «Фабрично-заводской комитет во многих отношениях является преемником капиталистического предпринимателя. На все промышленные отношения он смотрит прежде всего глазами данной фабрики или завода... Этим определяются такие методы действия, которые способны не приблизить, а отдалить нас от основной задачи современности, от сознательного и планомерного урегулирования всех экономических отношений», — писал И. И. Скворцов-Степанов¹.

Подобная ситуация порождала феномены, казалось бы, невозможные в обстановке ожесточенной классовой войны: органы рабочего контроля начинали действовать единым фронтом с предпринимателями, поскольку цели и тех, и других оказывались близкими — обеспечение благоприятных условий для функционирования своего предприятия. Это наглядно свидетельствовало, что даже тогда, когда экономическая логика вытесняется соображениями политической целесообразности, вопрос о реальных экономических интересах остается краеугольным камнем организации хозяйственной жизни.

Наконец, первичные органы рабочего контроля при решении хозяйственных задач явно отдавали предпочтение текущим вопросам по сравнению со стратегическими, не говоря уже о доминировании у них потребительского уклона. Неизбежным становилось здесь и обострение противоречий между работниками различных предприятий и областей.

Строящаяся «снизу вверх» (фабзавком предприятия — областное фабзавкомовское совещание — Всероссийский совет рабочего контроля) система управления была неспособна реализовывать подлинные общественные интересы, а значит, и обеспечивать плановое, согласованное хозяйствование в сколько-нибудь существенных масштабах, позволяя достигать «только компромисс между групповыми интересами, прежде всего заявляющими о себе в фабрично-заводских комитетах»².

¹ Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. С. 7–8.

² Там же. С. 10–11.

Впрочем, самостоятельный Центральный орган рабочего контроля просуществовал недолго. На его базе 2 (15) декабря 1917 года был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Он замыслился как прообраз единого центра руководства экономической жизнью всей страны. Его важнейшей задачей провозглашалась организация народного хозяйства и государственных финансов, для чего ВСНХ должен был выработать «общие нормы и план регулирования экономической жизни страны», согласовывать и объединять деятельность центральных и местных учреждений хозяйственного регулирования, хозяйственных наркоматов, органов рабочего контроля и т. д. Иными словами, ВСНХ виделся как многоотраслевое наднаркоматское образование, венчающее сеть региональных регулирующих центров.

Несмотря на формальную связь с рабочим контролем, ВСНХ с самого начала выступал как его альтернатива. Строясь «сверху вниз», он должен был объединять экономику в централизованный организм. Большевики, стоявшие у его истоков, видели в ВСНХ организационную структуру, завершающую исторический процесс развития производительных сил в направлении к единой фабрике. В основу регулирования производства был положен отраслевой принцип, причем опираться тут предполагалось прежде всего на синдикаты, тресты и их объединения, сложившиеся до и во время войны. Овладевая уже существующими объединениями и формируя новые, власти создавали ряд всероссийских руководящих органов, которые и составляли, по сути дела, ВСНХ. Отраслевые структуры получили название главков и центров. За 1918–1920 годы число главков приблизилось к пятидесяти.

Встав на этот путь, ВСНХ не мог уже играть той роли единого центра планового хозяйствования. Непосредственное подчинение ему значительной части промышленных предприятий, необходимость постоянного руководства ими в условиях свертывания товарно-денежных отношений и отсутствия внутренних, экономических мотивов эффективного ведения производства превращало ВСНХ в орган оперативного управления производственными единицами, в министерство промышленности, раздираемое к тому же постоянными противоречиями между составлявшими его мощными вертикальными образованиями. Быстро рос и количествен-

ный состав центрального аппарата ВСНХ: если в мае 1918 года в нем работало 328 человек, то через четыре месяца, в сентябре, уже 3288.

Где же сосредоточивалась, или должна была сосредоточиваться, работа по подготовке плановых документов — отраслевых программ и народнохозяйственных планов? И каков характер этой деятельности? Ответы на эти вопросы раскрывают существо идеологии и практики складывающейся системы хозяйствования.

Что касается ВСНХ, то оперативные программы выпуска продукции предприятиями находились здесь в ведении главков и центров, а разработку целостной концепции народнохозяйственного развития предполагалось вести первоначально в рамках Комитета хозяйственной политики (созданного при ВСНХ в 1918 году), а позднее — в Центральной производственно-технической комиссии. Последняя была образована при Президиуме ВСНХ весной 1920 года.

Однако централизованное руководство основной массой предприятий демонстрировало свою неэффективность — часто по причине изменчивой военной обстановки, но в значительной мере из-за отсутствия стимулов к устойчивому хозяйственному росту. Программы исполнялись на 5–10 % и оказывались нереальными уже через несколько дней после их утверждения.

В газетах, несмотря на жесткий контроль, стали приходить такие сообщения:

«Казенный распределительный аппарат составил план, по которому на одного новгородца приходится одна коробка спичек в год! В это же время на новгородском съезде СНХ представитель фабрики “Солнце” заявил, что фабрика в недалеком будущем приостановится из-за переполнения складов ящиками со спичками. Груды спичек стоят под открытым небом и портятся от сырости и дождя».

«Чрезвычайная ревизия государственного контроля обнаружила сотни тысяч пудов залежавшихся на станциях грузов. На ст. Перово обнаружено 100 вагонов с неразгруженными, скоропортящимися продовольственными грузами. На ст. Москва Курской жел. дор. не разгружено 98 вагонов сахара. На ст. Москва II — 28 вагонов сахарного песка и 28 вагонов рафина-

ду; на мешках имеются следы влаги, сахар сыреет и портится» и т.д.¹.

В этих условиях центр тяжести руководства хозяйственной жизнью все более смещается на планово-регулирующую деятельность в области снабжения и распределения продукции. Такое развитие ситуации было, в общем-то, подготовлено практикой и идеологией 1915–1917 годов и вполне объяснялось обстановкой «осажденной крепости», когда не столько распределение диктуется производством, сколько от организации распределения во многом зависит и само производство. Другое дело, что подобные принципы централизованной организации экономики теперь стали преподноситься в качестве фундаментальных черт нового хозяйственного строя.

Дезорганизация, некомплексность снабжения предприятий сырьем и материалами, приводившие к омертвлению значительной части и дефицитных ресурсов, породили даже особую теорию, по которой централизованная социалистическая экономика отличается от капиталистической тем, что в первой особенно остры проблемы правильного снабжения, а во второй — сбыта. (Заметим в скобках, что здесь была фактически сформулирована весьма здравая, как показала вся советская история, мысль о неизбежно дефицитном характере центральноуправляемой экономики). Отсюда делался вывод, что централизация распределения — душа планового хозяйствования, а потому необходим мощный планово-распределительный орган, обладающий монополией на основную массу производимой в стране продукции. Именно этот орган должен был бы заменить собой рынок и денежное хозяйство, взяв на себя роль мозга новой экономики.

Нетрудно заметить, что в этих идеях не содержалось чего-либо принципиально нового. Еще до Октябрьской революции неоднократно высказывались предложения о необходимости в целях упорядочения хозяйственной жизни отчуждать всю производимую продукцию в государственный фонд и перераспределять ее в соответствии с интересами народнохозяйственного целого. Но в годы военного коммунизма была предпринята широкомасштабная попытка практической ре-

¹ См.: Известия ВСНХ. 1919. № 8; Всегда вперед. 1919. 11 февраля; Экономическая жизнь. 1918. № 23.

ализации этой идеи. При ВСНХ была организована Комиссия использования материальных ресурсов. Ее задачей стало распределение основной массы продуктов (с учетом подвигов, сортности, качества) по основным потребителям, для чего она должна была разрабатывать материальные балансы, нормы и порядок снабжения, премирования заготовок, труда и т.д. В этом и видели важнейшие шаги к разработке целостного плана.

«Комиссия использования старше почти всех существующих плановых органов», — писал идеолог и бессменный ее руководитель Л. Н. Крицман. Она была учреждена 21 ноября 1918 года и набирала силу по мере укрепления военного коммунизма. Комиссия использования носила междуправительственный характер и включала в себя представителей ВСНХ, Наркомтруда, НКВТ и некоторых других органов. Она разрабатывала около 150 отдельных материальных смет. Предполагалось, что с развитием учета и изучением реальных потребностей станет возможным переход к составлению планов использования всех продуктов. Пока же Комиссия использования была вынуждена отказываться от детального распределения.

Комиссии использования так и не суждено было сосредоточить в своих руках все распределительно-снабженческие нити и стать субъектом единого хозяйственного плана. Практика командной экономики пошла по более извилистому, сложному, но и более естественному для громадной бюрократической машины пути. Было создано множество междуправительственных (по отдельным продуктам или группам однородных продуктов) планово-распределительных органов. Обычно они имели статус чрезвычайных и по отношению к производителям обладали директивными полномочиями в решении вопросов производства и поставки продукции данного вида. Они были чрезвычайными, поскольку возникали обычно в момент обострения дефицита на тот или иной продукт. Они были междуправительственными, поскольку для оперативности приходилось постоянно увязывать позиции различных ведомств — потребителей и производителей, а также других междуправительственных комиссий, связанных почему-либо с данной. Наконец, эти комиссии

создавали разветвленную сеть местных органов, строившихся по тем же принципам¹.

Помимо ВСНХ и междудеятельственных комиссий существовал еще ряд центральных органов, которые также призваны были выполнять планоно-регулирующие и распределительные функции.

Прежде всего — это Народный комиссариат продовольствия. Если Комиссия использования мыслилась как единый орган планирования и распределения всех непродовольственных ресурсов, то Наркомпрод должен был быть монополистом в сфере продуктов питания. Регулирующая политика здесь непосредственно продолжала и развивала тенденции 1916–1917 годов. Отсутствие заинтересованности крестьян не только в росте своего производства, но даже при сохранении его в прежних масштабах вело к постоянным срывам намечавшихся планов заготовок, чему не могли воспрепятствовать никакие меры по стимулированию сдачи продуктов — ни выделение промышленных товаров при выполнении плана разверстки, ни натравливание крестьян друг на друга при помощи пресловутых комитетов бедноты (комбедов).

Вопросами регулирования хозяйственных процессов в государственном масштабе занимались также Высший совет по транспорту (железнодорожному), Трарот (совет по гужевым перевозкам), Чусоснабарм (Чрезвычайный совет по снабжению армии), Главное управление советских хозяйств при Наркомземе и др.

¹ Наглядный пример формирования и функционирования одной из таких комиссий приводит в свойственной ему фельетонной манере М. А. Ларин. Он описывает пресловутый «Чеквалап» — Всероссийскую чрезвычайную комиссию по валенкам и лаптям. Комиссия должна была вырабатывать и осуществлять планы заготовки и распределения по стране названных продуктов. Продуктов, имевших в разоренной России характер стратегических. «А так как общей системы... еще не могло быть, то, чтобы за одни валенки не хватался каждый государственный орган, которому они нужны..., то и самый «чеквалап» неизбежно приходилось строить в качестве междудеятельственного. Раз народившись, он начинал затем почковаться, покрывал всю Россию «губчеквалапами» и сам уже начинал посылать представителей в новые междудеятельственные комиссии, продолжавшие нагромождаться друг на друга по разным конкретным поводам. Так и народилось постепенно наше «всероссийское чеквалапство»» (Ларин Ю. 59-головая гидра // Экономическая жизнь. 1920. № 252).

Наконец, предпринимались шаги и по введению планового начала того же рода в сферу трудовых отношений. Всеобщая трудовая повинность и милитаризация труда включали рабочую силу в орбиту формального контроля центра. Были созданы специальные органы всеобщей трудовой повинности.

Итак, за годы военного коммунизма сложились и функционировали различные директивные органы, стремившиеся «в плановом порядке» руководить получением продукции (производство, заготовка, ввоз), распределением материальных ресурсов, средств транспорта, продовольствия и рабочей силы. Объединить всю эту сложную систему в некоторую целостность был призван Совет труда и обороны (СТО, первоначально — Совет рабоче-крестьянской обороны) — высший регулирующий орган, состоявший из представителей хозяйственных наркоматов.

Таковым оказалось практическое воплощение системы, замышлявшейся как планомерное ведение народного хозяйства пролетарским государством. Основными ее чертами являлись следующие.

Во-первых, жесткая централизация и отсутствие действенных горизонтальных хозяйственных связей между мощными вертикальными образованиями — главками и наркоматами. В результате принятие решений, диктуемых постоянно меняющейся ситуацией, производство или крайне тормозилось, или вынуждало предприятия к самостоятельным, но незаконным и все равно неэффективным действиям. Нередкими были и просто абсурдные ситуации, возникавшие из-за чрезмерного централизма формирования планов и принятия соответствующих хозяйственных решений. Так, Л. Д. Троцкий приводил ставший хрестоматийным пример: на Урале в одной губернии люди ели овес, тогда как в соседней лошадей кормили пшеницей, но местные губпродкомы не имели права обменять друг у друга овес и пшеницу¹.

Во-вторых, множественность плановых органов, их междоветовственный характер и стихийность возникновения. При всей директивности своих полномочий подобные комиссии нередко становились ареной выяснения отношений между различными ведомствами, что затрудняло принятие

¹ См.: Девятый съезд РКП (б): Протоколы. М., 1960. С. 104.

решений, не говоря уже об эффективности последних. Эти плановые органы порождались господствовавшими в экономике стихийными процессами и одновременно сами способствовали росту стихии и несогласованности. Тесная взаимосвязь административного планирования и анархии хозяйственной жизни проявилась уже с первых попыток лобового решения плановых проблем, когда для многих экономистов-большевиков (и вообще левых) план представлялся как абсолютный антагонист рыночной системы, и ее преодоление ожидалось уже от самого факта разработки планового документа соответствующими органами пролетарского государства. В жизни все оказалось не так просто, не так прямолинейно. Отсутствие реальной планомерности при ликвидации денежного хозяйства и обилие плановых комиссий отмечали даже ярые сторонники военномуннистических принципов, видя, правда, и здесь положительные черты нового строя — преодоление им фетишизма буржуазных производственных отношений. «Отсутствие планомерности, следовательно, отсутствие предвидения, означало непрерывные противоречия между многочисленными хозяйственными органами; но, в то время, как в условиях товарного хозяйства эти противоречия принимают форму рыночной конкуренции, в условиях пролетарско-натурального хозяйства, которое является своего рода федерацией ведомств и главков, они делают необходимыми соглашения (пресловутое “согласование”) между соответственными органами. В соответствии с тенденцией пролетарско-натурального хозяйства к рационализации, к уничтожению фетишизма, анархический хаос товарных отношений кристаллизуется в форме комиссий, становится явным, не переставая из-за этого быть хаосом»¹.

В-третьих, характерной чертой плановой практики 1918–1920 годов был упор на централизацию распределительных функций. Этот феномен пытались объяснять скудостью ресурсов военного времени, хотя более глубокий анализ показывал, что дефициты порождались самим характером централизованного регулирования.

¹ Крицман Л. Героический период Великой русской революции (Опыт анализа так называемого «военного коммунизма»). М. – Л.: ГИЗ, 1926. С. 152.

В-четвертых, концентрация планово-распределительных функций в руках управленческого аппарата государства сопровождалась отчуждением последнего от реального хозяйственного процесса и одновременно отчуждением населения от возможности активного влияния их на принятие социально-экономических решений. Все это вело к формированию идеологии планового фетишизма с типичным для нее представлением о том, что решение любой проблемы может быть достигнуто разработкой соответствующего государственного плана.

Наконец, в-пятых, принимались решения по продвижению страны в направлении безденежного (натурального) хозяйства. Уже в новой программе партии, подготовленной VIII съездом РКП (б), был взят курс на замену торговли «планово-мерно организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов»¹. А декрет Совнаркома от 11 октября 1920 года отменял плату за воду, канализацию, электричество, газ, телефон, жилье и транспорт. Естественно, все это относилось к городскому населению (прежде всего к рабочим и служащим госпредприятий), поскольку в деревне этих услуг просто не существовало.

Негативные последствия подобного механизма планового хозяйствования быстро дали о себе знать. Они проявлялись и в стремлении предприятий занижать свои производственные возможности, и в диспропорциональности их централизованного снабжения ресурсами, и в крайней нерациональности использования последних (замораживание ресурсов на предприятиях из-за непропорционального из выделения, практики формального, процентного удовлетворения заявок на ресурсы), и в абсолютном доминировании ведомственного или местнического подходов.

Никакие ведомства или междуведомственные комиссии не могли упорядочить здесь хозяйственные отношения. Быстро пришлось расстаться с недавними иллюзиями, что установление пролетарской власти и национализация средств производства являются основными, если не единственными, предпосылками торжества планового хозяйства. Единый ин-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференция и пленумов ЦК. Т. 1. С. 425.

терес — главный признак плановой системы — отсутствовал в советской экономике, несмотря на настойчивое проведение курса на тотальное обобществление производства и распределения. Показательна в этом отношении горькая констатация Г. Крумина, сделанная им в середине 1920 года, то есть тогда, когда национализация уже достигла своего апогея: «Согласование и объединение действий, а нередко и политики хозяйствующих органов, происходит еще до сих пор в порядке победы или поражения того или другого комиссариата»¹. Понятно, что в такой ситуации невозможно не только реализовать, но даже вырабатывать и принимать эффективные с народнохозяйственной точки зрения решения. Иными словами, для достижения общих целей, в чем, собственно, и состоит смысл планирования, недостаточным оказывается принять «простое решение соответствующего органа», да и самого требуемого решения может не последовать.

6.2. Оценка военно-коммунистического опыта организации народного хозяйства. Дискуссии о едином хозяйственном плане

По мере становления военно-коммунистического механизма усиливалась и его критика не только со стороны представителей других политических сил (и особенно социалистов), но и из рядов самих же большевиков. Критика началась уже в первые месяцы существования новой системы и в рамках РКП (б) всегда велась с точки зрения решения общей экономической задачи — построения единого хозяйственного плана как важнейшего условия преодоления социально-экономических невзгод, выпавших на долю страны.

Одними из первых в правящей партии серьезные сомнения в правильности складывающегося механизма планового руководства высказали левые коммунисты. Считая возможным энергично приступить к осуществлению экономической политики, порывавшей с практикой рыночного хозяйства, они более чем осторожно относились к усилению государственного начала в регулировании хозяйственной жизни. Они критиковали ленинскую концепцию государственного капитализ-

¹ Крумин Г. Хозяйственный план // Экономическая жизнь. 1920. № 118.

ма, протестовали против механического применения опыта кайзеровской Германии или дореволюционной России в новых условиях.

Так, в апреле 1918 года в «Тезисах о текущем моменте» левые коммунисты высказали опасения, что «форма государственного управления должна развиваться в сторону бюрократической централизации, господства различных комиссаров, лишения местных Советов самостоятельности и фактического отказа от типа управляющего с низов “государства-коммуны”»¹. Если отвлечься от упоминания утопичного «государства-коммуны», подобное предостережение весьма тонко улавливало существо складывавшейся системы планового руководства уже на начальной стадии его формирования.

Выше речь уже шла о том, что А. А. Богданов обращал внимание на опасность отождествления планового социалистического хозяйства с военно-коммунистической пародией на него. На то же, хотя и с другими аргументами, указывал Н. И. Бухарин. Для него, безусловного сторонника централизованной хозяйственной организации, государственный капитализм является крайне опасной в социальном отношении системой, поскольку «здесь господство капитала достигает своей высочайшей силы, чудовищной величины, которая сокрушает всех своих врагов, в первую голову пролетариат, закрепощаемый разбойничьему государству»². Это дальновидное высказывание очень перекликается с известными нам (но не Бухарину) размышлениями К. Маркса из экономико-философских рукописей, где говорится о «грубом коммунизме»³, о том, что «категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей». Н. И. Бухарин уподобляет такую организацию общественного производства рабовладельческому хозяйству, подчеркивая, что гигантский шаг вперед в смысле организации производства при государственном

¹ Коммунист. 1918. № 1. С. 8.

² Бухарин Н. Некоторые основные понятия современной экономики // Коммунист. 1918. № 3. С. 9.

³ «Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности» (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. С. 114).

капитализме имеет оборотной стороной серьезные социальные последствия: «рост милитаризации, военной опасности, угнетения рабочего класса, растущей угрозы социалистической революции». Это очень важный момент анализа: автор разделяет техническую (техничко-экономическую) и социальную (социально-экономическую) стороны планового хозяйствования, что позволяет видеть данную проблему комплексно. Поэтому удается приблизиться и к существенному выводу: сами по себе материальные условия планирования, технические предпосылки централизации еще не гарантируют тех социальных последствий, которых ждали от организованного хозяйственного строя.

На начальных этапах советской системы ее недостатки было также принято связывать с бюрократизмом, объяснявшимся, в свою очередь, влиянием чиновников буржуазного аппарата, проникших в органы новой власти. Такое понимание вообще типично для доктрины, отрицающей существенное значение экономических стимулов и интересов в посткапиталистическом народном хозяйстве. Возникавшие проблемы оставалось объяснять факторами политического или идейно-воспитательного характера, что являлось также одним из признаков или, вернее, специфических форм планового фетишизма. В 1918–1919 годах эта сторона дела выступила вперед. VIII съезд РКП (б) уделил особое внимание опасности бюрократических тенденций и для борьбы с ними признал необходимым осуществить ряд организационно-политических мер, среди которых назывались «орабочивание» управленческих органов, усиление контроля трудящихся за их деятельностью, за исполнением принимаемых решений.

С течением времени приходит признание того, что пороки утвердившейся системы могут быть связаны и с организацией хозяйственного процесса. Об этом уже идет речь на VIII Всероссийской партконференции и VII Всероссийском съезде Советов (начало 1920 года). «Мы имеем спор о том, насколько больше или меньше централизма нужно в данной области и в данный момент», — констатировал суть проходивших тогда дискуссий В. И. Ленин¹. На важную роль инициативы местных органов в экономическом строительстве

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 429.

обращал внимание и III Всероссийский съезд совнархозов (январь 1920 года). Тогда было принято решение о выводе части предприятий из непосредственного подчинения главков и передаче их в ведение губернских управлений СНХ. Одобренная по этому поводу сессией ВЦИК инструкция о местных экономических органах содержала весьма примечательный пункт, который разрешал правлениям предприятий выполнять заказы по удовлетворению местных потребностей, если это не мешает выполнению плановых заданий¹. Но ведь централизованные плановые задания и без того практически не выполнялись. В подобном решении проглядывает фактическое признание того, что само по себе централизованное планирование неспособно обеспечить удовлетворение реальных потребностей страны.

Другой вопрос — может ли оно в принципе быть эффективным, или, иначе говоря, может ли обеспечивать плановость, согласованность всех сторон экономической жизни. Эта проблема стояла в центре внимания экономистов и политиков и активно обсуждалась на протяжении 1920 — начала 1921 годов. Суть дискуссии — единый хозяйственный план, принципы его формирования и механизмы реализации.

Задача разработки единого хозяйственного плана, выдвигнутая как непосредственно практическая еще в первой половине 1917 года и активно поддержанная многими экономистами, была, разумеется, и одним из программных требований большевиков. На необходимость ее решения неоднократно обращалось внимание в различных официальных документах и публикациях первых послеоктябрьских месяцев и лет².

¹ См.: Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 9. Ст. 55.

² Если в мае 1917 года В. Г. Громан считал возможным разработать единый хозяйственный план в ближайшие месяцы, то состоявшийся в декабре 1918 года II съезд совнархозов проявил здесь некоторый «реализм» — план должен быть подготовлен в течение 1919 года. Таково романтическое видение экономических проблем, характерное для революционной эпохи: не зная существа единого хозяйственного плана, не определившись с методами его разработки, живя в обстановке напряженной политической борьбы, способной перечеркнуть любые хозяйственные решения, участникам революции кажется, что достижение целей, ради которых совершался переворот, несмотря ни на что должно произойти в ближайшем будущем — пользуясь выражением К. Каутского, «на другой день после революции».

Однако в бурной обстановке того времени дело до практических попыток ее реализации дошло не сразу. И только в 1920 году активизируются как теоретические, так и практические постановки в этом направлении. Пороки утвердившейся системы хозяйствования, углубление разрухи и господство стихийности, несмотря на обилие планово-директивных органов и разного рода программ, толкали к более решительным шагам по урегулированию социально-экономической жизни. В стране, то ослабевая, то обостряясь, шла вооруженная борьба, однако для руководства, по-видимому, становилось все менее возможным объяснять лишь этим обстоятельством всеобщую дезорганизацию и хаос. Надо было предпринимать какие-то более серьезные меры, чем постоянное латание дыр путем апеллирования к классовой сознательности пролетариата и объявления тех или иных сфер «ударными».

В этой ситуации в перечень непосредственных проблем выдвигается разработка единого хозяйственного плана. Интерес к этим проблемам резко возрос в феврале-марте 1920 г., что нашло отражение в решениях IX съезда РКП (б). Именно в едином хозяйственном плане увидели тогда способ преодоления рассогласованности действий различных хозяйствующих субъектов, волокиты, местничества и некомпетентности при принятии управленческих решений относительно направлений развития отдельных отраслей и производств.

Начала функционировать Комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), которая должна была подготовить целостный план преобразования общества на новой энергетической базе. И одновременно в печати развернулась широкая дискуссия по методологическим проблемам разработки единого плана.

Комиссия ГОЭЛРО была создана для проработки контуров общего хозяйственного плана с точки зрения вероятного и желательного развития производительных сил в ближайшие десятилетия. Методологическую основу здесь составил принцип ведущего звена. При определении задач ГОЭЛРО пришли к выводу о целесообразности выделения ключевого момента в развитии производительных сил и развертывания на этой базе дальнейшего анализа.

В качестве ведущей была выбрана задача электрификации России. Энергетические проблемы являются универсальными,

пронизывая все хозяйственные процессы в любом обществе. А анализ тенденций технического прогресса свидетельствовал о быстром возрастании значения именно электрической энергии. Произошел своеобразный синтез социальной доктрины коммунистов и отвлеченного от социально-экономических противоречий мышления инженеров. В 1919 году вышла книга видного и весьма авторитетного среди научно-технической интеллигенции профессора В. И. Гриневецкого¹, рассматривавшего перспективы хозяйственного возрождения России сквозь призму развития ее энергетической базы. Книга очень понравилась В. И. Ленину, который, с тех пор как возглавил правительство, стал особенно высоко ценить предложения, казавшиеся ему сугубо конкретными, деловыми. Тем более, если конкретность сочеталась в них с широким взглядом на перспективу.

Свою роль сыграло здесь и характерное для марксистского мышления стремление непосредственно связывать динамику производительных сил с коренным переворотом в общественной жизни. Г. М. Кржижановский, назначенный председателем комиссии ГОЭЛРО, объяснял выбор приоритетов емкой и незамысловатой формулой: век пара — это эпоха капитализма, а век электрической энергии — время торжества социализма и коммунизма.

Образованная в начале 1920 года, комиссия ГОЭЛРО представила в декабре VIII Всероссийскому съезду Советов доклад о плане электрификации России, который нашел горячую поддержку лично В. И. Ленина² и делегатов съезда. На основе одобренного проекта был разработан «План электрификации», утвержденный Съездом советов годом позже.

Документ, получивший название «План ГОЭЛРО» и ставший популярным как первый масштабный прогноз народно-хозяйственного развития, был прямым порождением военного коммунизма и той идеологии планового хозяйствования, которая практически безраздельно господствовала в руково-

¹ См.: Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919.

² Считая выполненную работу «обширным превосходным научным прогнозом», В. И. Ленин назвал его «второй программой партии». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 341.)

дящих кругах. Прежде всего речь шла о документе, анализирующем направления развития производительных сил России и технико-экономические возможности практического осуществления этих тенденций. Где, как и в какой последовательности можно развивать национальное производство, учитывая ведущую роль электроэнергии, — на такой вопрос должны были ответить авторы разрабатываемого плана. Социально-экономические возможности роста и уж тем более реалистичная оценка потребных финансовых ресурсов, соотношение затрат и результатов — эта сторона дела осталась здесь второстепенной. Да иначе и быть не могло, так как комиссия ГОЭЛРО работала в период расцвета военного коммунизма, когда товарно-денежное хозяйство практически полностью распалось и возврат к нему многим казался невозможным.

Характерным был и состав комиссии, в которую были включены многие видные инженеры. Экономисты не требовались для разработки замышлявшегося документа. И это вполне соответствовало представлениям того времени о плане. Впрочем, в комиссии ГОЭЛРО не было и коммунистов, кроме ее руководителя Г. М. Кржижановского, который был по образованию инженером¹. Аналогичным образом формировался и первый состав Госплана в 1921 году, в составе которого поначалу был только один экономист, разрабатывавший модель функционирования безденежного хозяйства — С. Г. Струмилин.

Параллельно разрабатывались и обсуждались теоретические проблемы единого хозяйственного плана. В выступлениях ряда видных экономистов, хозяйственников, политических деятелей рассматривались существо и роль плана в советских условиях и при социализме, механизмы его реализации, пути преодоления недостатков современной системы.

¹ Н. Ясный жестко характеризовал технический подход к пониманию народнохозяйственного плана: «Приблизительно в 1919 году Ленин уверовал в совершенно нелепую идею о том, что экономические планы должны составляться исключительно инженерами (полностью от этой идеи он так и не отказался). Коммунист Кржижановский, инженер по профессии, по поручению Ленина занимался подбором инженеров для составления планов. Приглашенные им инженеры превратили планирование в настоящий фарс». (Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. С. 246.)

Эта дискуссия знаменита, кроме всего прочего, тем, что в ней принял непосредственное участие В. И. Ленин. Он опубликовал 22 февраля 1921 года статью «Об едином хозяйственном плане», в которой критически оценивал как общий ход обсуждения, так и позиции отдельных его участников. Отзывы — самые резкие: «Тяжелое впечатление производят и разговоры на эту тему... Пустейшая говорильня, литературщина». А то и «...скучнейшая схоластика вплоть до болтовни о законе цепной связи и т. п., схоластика то литературская, то бюрократическая, а живого дела нет»¹. (Заметим, что недовольство «законом цепной связи» объясняется «богдановскими» корнями этого понятия, а все, связанное с А. А. Богдановым, всегда вызывало у предсовнаркома реакцию более чем острую.)

В. И. Ленин увидел в дискуссии попытку ряда экономистов принизить значение плана ГОЭЛРО — плода талантливой инженерной мысли. Он указывал в этой связи на «коммунистическое чванство», неспособность многих коммунистов изучить и оценить работу, проделанную «буржуазными спецами», попытки игнорировать практическую работу и подменить ее говорильней. Все это, действительно, имело место в правящих кругах и в какой-то мере могло сказаться на обсуждении проблем единого хозяйственного плана. Но борясь с издержками нового бюрократизма, В. И. Ленин все-таки недооценивал значение тех вопросов, которые поднимались экономистами на страницах печати в 1920 — начале 1921 годов. Между тем, речь шла об анализе плана с социально-экономической точки зрения, о принципах его разработки и механизмах реализации. И сколь бы поверхностными, упрощенными и схолистическими ни были отдельные выступления на эту тему, общий ход полемики позволял сформировать в ней некоторые любопытные подходы, имеющие концептуальное значение для последующих разработок в области народнохозяйственного планирования. Ряд выдвинутых тогда положений оказал влияние на хозяйственную практику последующих десятилетий.

В дискуссии, о которой пойдет речь, можно проследить две линии в понимании проблем единого хозяйственного плана, причем представители обеих сторон не выходили за рамки логики и принципов военного коммунизма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 332.

Прежде всего выделяется концепция, теории которой пытались прямо и непосредственно увязывать решение проблем единого хозяйственного плана с тенденциями развития производительных сил, как они виделись в то время: утверждение крупного машинного производства, проникающего во все области жизнедеятельности рабочего класса и одновременно способствующего относительно быстрому превращению всех трудящихся в рабочих одной фабрики. Отрицая личный интерес как мелкобуржуазную категорию, эти экономисты подчеркивали быстрое приближение «царства труда», в котором «нет места свободе», а «работник, функционируя в процессе труда в качестве винтика механизма, будет желать именно так функционировать».

Приведенные слова принадлежат Л. Н. Крицману, который высказывал обычно типичные в соответствующих кругах идеи в наиболее яркой, четкой и даже афористичной форме. Он писал: «Рабочий класс знает, что крупное производство — не куча песку, который можно насыпать и так, и этак, а железный механизм и что производительный труд суров... В современном предприятии одетые в синее люди теряются среди громады суровых, ни на секунду не останавливающих машин.... Планомерное общественное хозяйство — единое предприятие. И потому, что оно гигантски велико и сложно, особенно необходимо внимание к железной логике его движения. В царстве труда нет места свободе, в нем царствует необходимость»¹.

Еще дальше шел в своих рассуждениях А. К. Гастев, основатель системы «научной организации труда» (НОТ). Железные законы тотального централизма, нормирование социального процесса он распространял на все сферы человеческой жизни: «Чисто человеческое рабочее нормирование труда было смутным предчувствием твердого машинного нормирования труда, в котором тонет всякий субъективизм и торжествует голый принцип технологии, превращающейся мало-помалу из чисто технической проблемы в социальную... Постепенно расширяясь, нормировочные тенденции внедряются в... питание, квартиры и, наконец, даже в интимную жизнь вплоть до эстетических, умственных и интеллектуальных запросов пролета-

¹ Крицман Л. Н. О едином хозяйственном плане. М.: ГИЗ, 1921. С. 10, 11.

риата». Или: «В его психологии из края в край гуляют мощные грузные психологические потоки, для которых как будто уже нет миллионов голов, есть одна мировая голова. В дальнейшем эта тенденция незаметно создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системами психологических включений, выключений, замыканий»¹.

В этой системе ценностей единый народнохозяйственный план должен был стать инструментом, позволяющим охватывать директивными заданиями все ячейки и звенья хозяйственного процесса. Это — государственный документ, указывающий всем, «кто, что и в каком размере должен производить»; это колонки цифр, устанавливаемые центром и по мере необходимости корректируемые им. «Подготовка единого хозяйственного плана заключается в выяснении, во-1-х, того, сколько чего есть и сколько может быть получено, во-2-х, сколько чего требуется, — самый хозяйственный план в решении, сколько чего должно быть получено... и в предоставлении каждому органу народного хозяйства всего того, что ему необходимо для выполнения возложенной на него задачи»².

При анализе организации планового хозяйствования особый упор делается на полное и всеобщее отчуждение продуктов у производителей и передачу их в распоряжение государства, являющегося монополистом в распределении всех ресурсов, причем по мере построения и упрочения планового хозяйства органы управления должны все больше становиться и органами распределительными, выбирая наиболее важные направления дальнейшей передачи продуктов потребителям.

Построение единого хозяйственного плана, усиление организованности и преодоление хаоса военного коммунизма связывались с усилением централизации при регулировании процессов производства и распределения. Конкретно речь шла о необходимости немедленного образования еди-

¹ Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9–10. С. 43, 44, 45.

² Крицман Л. Единый хозяйственный план и Комиссия использования // Об едином хозяйственном плане: работы 1920–1921 годов. М.: Экономика, 1989. С. 136.

ного центра, способного заменить собой многочисленные планово-распределительные комиссии. Большие надежды возлагались, естественно, и на усиление роли Комиссии использования.

Л. Н. Крицман, М. А. Ларин и другие решительно возражали против предложений о предоставлении некоторой самостоятельности местным органам власти по хозяйственным вопросам. (Например, в определении своих потребностей по отдельным ресурсам). Объяснялось это неспособностью мест к подобным оценкам. Все издержки главкокртии представлялись гораздо предпочтительнее последствий, к которым может привести децентрализованное регулирование работы местных властей.

Кстати, вывод этот был не столь уж несправедлив. Местные органы власти, не являясь хозяйствующими субъектами и не имея соответствующих интересов (которыми руководствуются собственники-производители), не могли реалистично оценивать потребности в тех или иных ресурсах. Другое дело, что по аналогичным причинам центр также неспособен эффективно решать эти вопросы. И если идущие «снизу» заявки, как правило, оказывались завышенными, то «наверху» их просто механически урезали. Словом, закладывалась одна из наиболее характерных черт советской экономики на протяжении всех последующих десятилетий — механическая, необоснованная, но зато централизованная увязка ресурсов с их потреблением. «Низы» просят больше, так как не знают реальных потребностей и возможной степени удовлетворения заявки. «Верхи» дают меньше, предполагая заведомое завышение потребностей. *Так начиналась «борьба за план».*

Энергичные выступления сторонников данной концепции, их дискуссии друг с другом по поводу того, какой орган должен выполнять функции планово-экономического центра с всеобъемлющими директивными полномочиями, на поверку выливались в сугубо бюрократические предложения о переформировании одних органов и формировании других. Например, в итоге резкой полемики между М. А. Лариным и В. П. Милютиным о построении действенной системы планирования противники пришли к важному взаимоприемлемому решению: ввести народного комиссара земледелия в СТО, который тем самым, наконец-то, сможет стать под-

линым центром хозяйственной жизни и источником целостного плана. Современники не без основания иронизировали над подобными изысканиями. А С. И. Гусев сравнивал их с проектами «великих реформ» царского правительства, «заключавшихся в том, что 4-е отделение 2-го департамента переводится в 3-й департамент, 3-е отделение 1-го департамента сливается со 2-м отделением 4-го департамента, а 5-й департамент упраздняется»¹.

Иное видение проблем преодоления бюрократизации планирования и скорейшего укрепления планового начала выдвигали Л. Д. Троцкий, С. И. Гусев и некоторые другие. Их подход получил отражение в официальных документах XI съезда РКП (б). На нем Троцкий выступал со специальным докладом «О хозяйственном строительстве», написал и проект резолюции. С. И. Гусев в период подготовки съезда опубликовал брошюру с анализом проблем единого хозяйственного плана. Ее содержание так понравилось В. И. Ленину и ряду других руководителей, что значительная ее часть была дословно включена в резолюцию съезда. В ней появился особый раздел «Единый хозяйственный план».

Здесь не отрицалась необходимость построения централизованного народного хозяйства, которое работало бы по всеобъемлющему плану, охватывающему единой волей движение всех ресурсов (материальных и трудовых). Как и другим большевикам, идеал планового хозяйства виделся в превращении страны в единую фабрику, головная «контора» которой непосредственно управляет всеми хозяйственными процессами. Рисуя плановую систему, в центре которой высится «трест трестов» — ВСНХ, Л. Д. Троцкий так говорил о ней: «По идее это есть объединение главков наверху, внизу до дна нет никаких клапанов, которые соединяли бы эти тресты друг с другом. Такой принцип организации нашего хозяйства по замыслу, если брать его как грубый черновой набросок, есть правильное социалистическое хозяйство, есть плановое хозяйство, оно организуется по основным производствам, оно объединяет сверху донизу, но это предполагает, что центральный аппарат управления промышленности является идеаль-

¹ Гусев С. И. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат // Об едином хозяйственном плане. С. 62.

ным аппаратом учета и распределения в соответствии с соединением хозяйственных планов»¹. Аналогично рассуждал и С. И. Гусев, оценивая выдвигавшиеся предложения по организации планирования в виде сложной последовательности процедур с участием работников управленческого аппарата различных ступеней при встречном движении плановых предположений «снизу» и «сверху».

- улучшение состояния транспорта, подвоз и образование необходимых запасов хлеба, топлива и сырья;
- развитие машиностроения для добычи и транспортировки топлива, сырья и хлеба;
- развитие машиностроения по производству продуктов массового потребления;
- расширение производства продуктов массового потребления².

Внедрение планового начала виделось сторонникам рассматриваемой концепции как одновременное усиление централизма в принятии решений, расширение самостоятельности местных органов, а также стимулирование трудовой активности и самодеятельности работников, привлечение их к управлению производством. Это была идеальная картинка. Но ее авторы еще не задумывались о возможности ее реализации на практике.

Укрепление централизма связывалось с отказом от межведомственности плановых органов и переходом к «единоначальной диктатуре единого хозяйственного органа, состоящего из людей, не связанных ни с какими ведомствами». Не очень-то доверяя беспристрастности большинства руководящих работников и учитывая неспособность их в силу объективного положения вещей отрешиться от ведомственных привязанностей при формировании экономической политики, С. И. Гусев продемонстрировал весьма своеобразный подход к созданию высшего планово-регулирующего органа. В состав последнего предлагалось ввести наиболее авторитет-

¹ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 104.

² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 2. М., 1983. С. 242.

ных (и, пожалуй, наиболее авторитарных) деятелей верхнего эшелона власти — В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, А. И. Рыкова, А. Д. Цюрупы и представителя ВЦСПС.

Подчеркивалась также необходимость децентрализации хозяйственного руководства в части проблем, не имеющих решающего значения, передачи ряда функций областным и местным органам, расширения их самостоятельности в целях повышения гибкости планирования и управления.

Наконец, необходимым условием действенности планирования считалось привлечение трудящихся к управленческой деятельности, стимулирование их интереса к труду и его результатам. Правда, эту сторону рассматриваемой концепции не следует переоценивать. Привлечение трудящихся к управлению, превращение их в хозяев производства наталкивались на единый центр в экономике — именно ему отводилась решающая роль в системе отношений собственности. Он — источник планомерности и носитель хозяйственной власти, на него возложена и задача организации самостоятельности рабочих. Сам же единый хозяйственный план рассматривался и как важный инструмент «производственной пропаганды» среди трудящихся. Поэтому, помимо других его качеств, план должен был быть «ясен, груб, прямолинеен, беспощаден».

Иными словами, стимулирующая роль плана на практике виделась в первую очередь как пропагандистская. И потому все рассуждения о плане ни в коей мере не противоречили тесной связи между ним и курсом на широкое применение трудармий и трудмобилизаций. Значение последних настойчиво подчеркивали тогда Л. Д. Троцкий и С. И. Гусев, а IX партсъезд принял на сей счет соответствующие решения.

Несмотря на довольно острую полемику, между двумя рассмотренными интерпретациями единого хозяйственного плана было гораздо больше общего, чем различий. Их анализ не выходил за пределы идеологии военного коммунизма, что предопределило схожесть позиций и принципов.

Во-первых, в понимании роли плана и путей его реализации доминировал организационный подход в ущерб проблеме согласования экономических интересов. Построение единого хозяйственного плана сводилось к поиску новых организационных форм, к структурным перестройкам аппарата управления. Характерно, что и предложения о некоторой

демократизации планирования состояли в предоставлении самостоятельности местным органам, т. е. ограничивались перераспределением прав между различными этажами управленческой иерархии, почти не затрагивая прав самих производителей (предприятий) как реальных субъектов системы производственных отношений.

Во-вторых, основной упор делался на решение задачи прямого, централизованного распределения ресурсов, позволяющего якобы реализовать наиболее рациональные формы разделения труда. Плановое хозяйство оказывается тут неотделимым от мощной системы централизованного распределения продуктов и милитаризации труда. Только при этих условиях становится возможным решать задачу быстрой переброски материальных и трудовых ресурсов на разные участки производства в зависимости от складывающейся ситуации в экономике.

В-третьих, априорное признание за центральными государственными органами способности и права всегда четко знать подлинные, коренные интересы всего общества, заботиться о них, принимая для этого наиболее эффективные решения.

Наконец, в-четвертых, представление о плановом хозяйстве лишь как о хозяйстве натуральном, полное исключение из анализа любых проблем, связанных с рынком. План и рынок несовместимы — этот тезис оставался, по сути, ключевым в работах большевистских деятелей того периода. И естественно, что параллельно с дискуссиями о едином хозяйственном плане ряд советских экономистов активно занимался поиском нестоимостной (неденежной) системы учета, видя в этом необходимую методологическую предпосылку планирования.

Однако помимо рассмотренных доминировавших представлений о существовании планового хозяйствования и путях его практической реализации, в тот же период можно проследить существование и иных взглядов, не вполне связанных с господствующей системой военного коммунизма или прямо критикующих ее.

В данном случае мы имеем в виду даже не тех буржуазных ученых и политиков, которые изначально были противниками марксистской экономической доктрины и предупреж-

дали, что коммунистические эксперименты над народным хозяйством непременно закончатся крахом в силу противостественности принципов, закладываемых в основу хозяйственной постройки. Важно, что и в рядах правящей партии появляются идеи и течения, никак не вписывающиеся в плановую идеологию «героического периода» и вообще «единой фабрики». В этих работах, хотя и не всегда последовательно, делается акцент на необходимость отказа от административно-организационной интерпретации плана, ставится проблема согласования интересов хозяйствующих субъектов.

Наиболее очевидной и насущной была в этом отношении проблема взаимосвязей промышленности и сельского хозяйства. Последнее оставалось необобществленным, а потому в военно-коммунистической логике — стихийным. Возникал вопрос о включении сельского хозяйства в систему единого хозяйственного плана, о механизме увязки в единый плановый организм государственной промышленности и мелко-собственнической деревни. Занимаясь этим вопросом в связи с поиском «формулы плана», С. Г. Струмилин пришел к выводу о принципиальной возможности включения в единый план обеих основных отраслей народного хозяйства России на базе согласования интересов городских и сельских производителей.

С. Г. Струмилин предпринял тогда попытку специально проанализировать данный вопрос, преодолев тем самым типичное для военно-коммунистической литературы игнорирование взаимосвязи проблем планирования и стимулирования. Другой стороной этого анализа, тесно связанной с задачей согласования интересов, был вывод о несовместимости планирования с нормированным распределением продуктов — «этим незаконным плодом милитаризма и нищеты»¹.

Еще более широкий подход проступает в работах А. М. Кактыня, подчеркивавшего недопустимость сведения вопроса о едином хозяйственном плане к изменению лишь организационных форм. Плановое ведение народного хозяйства связывалось им не с появлением тех или иных государственных плановых органов, а с реальным превращением самих трудящихся «из объекта нашего хозяйственного процесса в его субъект», т. е.

¹ См.: Струмилин С. Плановое хозяйство в деревне // Экономическая жизнь. 1921. № 8; Струмилин С. Проблемы трудового учета // Экономическая жизнь. 1921. № 14.

с решением задачи реального обобществления, с преодолением «бессубъектности» общественной собственности¹.

А. М. Кактынь ставит проблему заинтересованности всех хозяйственных звеньев в реалистичном планировании, указывает на необходимость понимания качественных различий между плановым ведением дел на фабрике и планомерностью как макроэкономической категорией, не вписывающейся в логику военного коммунизма. Важной чертой его анализа является понимание *экономических* (а не только *организационных*) трудностей построения планового хозяйства и поиск путей их преодоления. Поэтому Кактынь указывает на постоянно воспроизводящуюся рассогласованность интересов центра и нижестоящих субъектов, ведущую к дезорганизации экономической жизни.

Итак, дело в интересах. Но что же предпринять? Автор предлагает, отказавшись от попыток построить идеальный, точно выполнимый план, пойти по пути расширения самостоятельности низовых звеньев, и не только при выполнении плана, но и при его разработке. «Правильный хозяйственный план должен быть построен из частей, разработанных периферийными органами на основании заранее данных центром заданий». Определенные возможности воздействия на централизованный план имеют здесь не только пресловутые «места» (местные органы хозяйственного управления), но и сами предприятия².

Однако анализ проблемы интересов на этом не останавливается. А. М. Кактынь четко формулирует еще одну грань — «места» не только не могут знать свои реальные потребности и возможности, но они и не заинтересованы в том, чтобы предоставлять по ним центру достоверную информацию. Такова, как показал весь последующий опыт, фундаментальная черта системы планирования, основанная на административном принуждении (директиве).

Автор ищет выход из этой ситуации не на пути лишения «мест» хозяйственных прав. Он предлагает ввести в систему отношений «полную ответственность местного органа за исполнение плана, также обеспечив участие в работе местных

¹ См.: Кактынь А. К вопросу о создании единого хозяйственного плана // Экономическая жизнь. 1921. № 23.

² См.: Кактынь А. Единый хозяйственный план и хозяйственный центр // Об едином хозяйственном плане. С. 104, 126.

плановых органов представителей центра». Это, конечно, не решение проблемы, которое вообще нельзя найти в рамках административной (или военно-коммунистической) доктрины. Однако любопытен сам факт: не преодолевая этих рамок в самом решении проблемы, А. М. Кактынь смог выйти за них в ее постановке, что позволило значительно углубить социально-экономический анализ планирования.

Еще один важный вывод А. М. Кактыня — признание ошибочности выведения планового начала из вертикального обобществления производства, ведущего к созданию гигантских монополий и сверхмонополий. Социалистическая экономика рассматривалась им не как простая иерархия производственных и управляющих звеньев, но как плотная ткань переплетающихся горизонтальных и вертикальных структур. Более того, вертикальная централизация, по мнению Кактыня, была скорее характерна для капитализма, а новый плановый строй должен как раз преодолеть ее.

Критикуя взгляды Л. Н. Крицмана и других близких ему экономистов, Кактынь пишет об «утопичности предложений ультрацентралистов» построить все плановое хозяйствование по жесткому отраслевому принципу: «Это — полнейшее абстрагирование хозяйственного процесса, отрывание его от окружающей хозяйственной среды, игнорирование сугубого значения этой последней в рационально построенном социалистическом хозяйстве, выделение одних лишь технических функций, составляющих хозяйственный процесс. Нелегко управлять одними и теми же методами из одного центра...».

Наконец, надо обратить внимание на еще один важный вывод — новый для господствующей доктрины. А. М. Кактынь разграничил социально-экономическое и технико-экономическое понимание планомерности. Преодолев столь типичное для его современников (причем не только большевиков, но и основной массы социалистов) сведение планирования к учетно-технической стороне дела, Кактынь не ставил знак равенства между управлением предприятием и всем народным хозяйством. Тем самым открывался путь для более глубокого осмысления планомерности — как сложного социального процесса, не тождественного созданию «единой фабрики».

Впрочем, все это были лишь подступы к сложным проблемам функционирования социальной системы на началах планомерности. В логике подобных рассуждений сохра-

нялось одно принципиальное препятствие — рубеж, который в силу понятных политических и идеологических факторов еще не был преодолен. Хотя некоторые, наиболее чуткие исследователи хозяйственных процессов уже вплотную приблизились к нему. Речь идет о товарно-денежных отношениях. Для всех рассуждений, о которых только что шла речь, было характерно исследование проблем планирования в условиях отсутствия денег и рынка.

* * *

С иных позиций и, конечно же, в резко критическом ключе анализировали военно-коммунистический опыт централизованного хозяйствования социал-демократы, находившиеся в оппозиции к большевикам. Особенно показательным в этом отношении является журнал «Мысль», выходивший в 1919 г. в Харькове при участии Л.Мартова, В.Базарова, М.Кричевского, Д.Далина и других видных деятелей российской социал-демократии.

Отправная точка их выступлений — *централизованное плановое натуральное хозяйство* не может быть в настоящее время осуществлено в российских условиях из-за отсутствия необходимых для этого предпосылок, прежде всего культурных. Колоссальный рост бюрократизма, падение производительности труда, разруха и анархия на производстве — прямое порождение «планового» военно-коммунистического хозяйствования. Не существо плана, не методология его разработки занимают авторов журнала «Мысль». Их внимание сосредоточивается, во-первых, на социальной природе утвердившейся в 1918 году системы планового хозяйствования и, во-вторых, на поиске путей реального регулирования экономической жизни, обеспечивающих быстрый подъем производительных сил страны.

Анализ сложившейся планово-распределительной системы определенно показывал, что ее существование соответствует в первую очередь интересам потребителей и посредников, роль которых за годы войны резко возросла в ущерб производителям. Действительно, кому служит хозяйство, основанное на плане тотального перераспределения? Разумеется, тем, кто сам не производит, какими бы причинами это ни объяснялось. Результатом оказывается объективная склонность подобного хозяйства к милитаризму (именно армия является одним из главных носителей потребительской мотивации), к росту

бюрократизма и расширенному воспроизводству люмпенских слоев.

Но дело не только в том, что планово-распределительный строй создает благоприятные условия для существования и роста потребительских слоев общества, причем, как правило, за счет ослабления производящих. Он вместе с тем, как выясняется, может существовать, лишь порождая в расширенных масштабах силы, которые при поверхностном взгляде как будто бы не имеют с ним ничего общего.

Прежде всего, принудительный характер организации производственного процесса, отсутствие нормальных побудительных мотивов к труду требуют все более мощного аппарата насилия. Место хозяина средств производства занимает разрастающийся бюрократический класс. «И по мере роста “государственного аппарата” растет его принудительная сила, направлявшаяся уже не столько на борьбу с поумневшей и притихнувшей буржуазией, сколько на дисциплинирование трудящихся масс», — писал тогда В. А. Базаров.

Стремление охватить всю хозяйственную жизнь единым планом при отсутствии стимулов к росту производства порождает огромный паразитический слой среди самих трудящихся. Особенно ярко это проявляется в деревне, в работе комбедов, где сосредоточивались в основном деклассированные элементы, заброшенные революцией в деревню и живущие за счет получения доли от реквизиций продукции у трудящихся крестьян.

То же можно сказать и о спекуляции. Каким бы антагонистом существующему режиму ни представлялся спекулянт на поверхности, по существу они (военный коммунизм и спекулянт) не могут существовать друг без друга. Политика тотального государственного давления, стремление сосредоточить в своих руках все ресурсы дезорганизуют производство, нарушая сложившиеся товарообменные связи, препятствуют нормальному движению транспорта и в конечном счете оказываются на руку спекулянтам: ведь власти не могут накормить людей. И при сохранении государственной монополии на снабжение населения жизненно важными продуктами эту задачу выполняют мешочники и спекулянты. «Спекулянт — не просто паразит, но вместе с тем и действительная опора правительства, герой, спасающий власть в критических случаях. Когда внезапно обнаруживается острый недостаток продовольствия на ка-

ком-нибудь фронте, когда грозит замереть из-за недостатка топлива какой-нибудь стратегически важный участок железных дорог, кто спасает положение? Советский или околосоветский спекулянт! Это он из-под земли откапывает до зарезу необходимую партию угля или хлеба; это он, платя бешеные цены, вырывает продукт из рук десятка других претендентов; это он преодолевает таинственными способами трудовую дисциплину товарищей-железнодорожников и доставляет груз на место назначения с волшебной, почти дореволюционной быстротой»¹.

Отсюда делался парадоксальный на первый взгляд вывод, что именно этот социальный слой являлся в то время в России господствующим.

Каким же представлялся выход из сложившейся ситуации? Возвращение к капитализму старого образца, равно как и сохранение военно-потребительских форм организации хозяйства, авторы «Мысли» считали невозможным принципиально. Они искали тот экономический механизм, который давал бы максимальный простор для развития производительных сил. Именно этот критерий выступает здесь на первом месте, никакие формы функционирования народного хозяйства не рассматривались сами по себе как прогрессивные или консервативные. Утверждалось, что переход к мирным условиям непременно приведет к отмиранию многих мер прямого государственного регулирования производства, хотя роль самого регулирования будет гораздо значительнее, чем до войны². И Запад, и Россия пойдут по этому пути.

По мнению авторов «Мысли», основная задача ближайшего будущего состоит для России в том, чтобы преодолеть «господство “потребительского коммунизма” над мотивами организации производства на коллективных началах»³ и перенести тем самым упор в деле планомерной организации хозяйственной жизни на формирование устойчивых стимулов к производственной деятельности. Имелось в виду отказаться от таких фундаментальных черт существующей системы, как продразверстка (с заменой ее натуральным налогом), внеэко-

¹ Базаров В. Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента» // Мысль. 1919. № 10. С. 356.

² См.: Колокольников П. Капитализм и социализм в советской России // Мысль. 1919. № 13. С. 532.

³ Мартов Л. Мировой большевизм // Мысль. 1919. № 10. С. 339.

номическое принуждение к труду. Важнейшим пунктом программы была задача поставить доходы рабочих в зависимость от результатов труда, а служащих — от прибыли предприятия.

В соответствии с этой логикой предлагалось разработать и собственно план восстановления и развития народного хозяйства. В отличие от концепции Троцкого и Гусева, усилия в первую очередь предполагалось сосредоточить на удовлетворении неотложных нужд в области производственного и личного потребления, что сделало бы более действенными стимулы к труду. И лишь на основе этого курса становилась необходимой и возможной «планомерная общественная организация производства и распределения»¹.

Эти предложения соответствовали здравому экономическому смыслу и предвосхищали будущую систему новой экономической политики, причем в ее развитых формах образца 1922–1923 годов. Высказывались и предупреждения о социальных сложностях преодоления планово-распределительной системы, чему будут энергично противостоять люмпенство и бюрократия, интересы которых все более сращиваются. «Так как всякое оздоровление нашей экономической политики ударило бы как раз по люмпен-пролетарским элементам бюрократической армии, то, естественно, малейшие намеки на возможность поворота в эту сторону вызывают с их стороны отчаянные вопли о нарушении священных принципов пролетарской диктатуры и т. п.»².

Последовательно придерживаясь марксистского принципа взаимосвязи базиса и надстройки, социалисты из «Мысли» считали неизбежным и проведение политических реформ, адекватных хозяйственным преобразованиям, то есть переход от советской конституции к буржуазно-парламентской.

По сути, здесь были изложены основные принципы будущей новой экономической политики (нэпа), основанные на сочетании плановых и рыночных принципов. Единственное, что оказалось неприемлемым и нерализуемым, — это последний тезис о политических реформах, который в конечном счете оказал решающее влияние на судьбу грядущего нэпа.

¹ См.: Базаров В. Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм? // Мысль. 1919. № 3. С. 57–58.

² Базаров В. Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента» // Мысль. 1919. № 10. С. 357.

ЧАСТЬ III

Плановое хозяйство в условиях рынка: опыт новой экономической политики

ГЛАВА 7

План и рынок: заклятые друзья? Идеология планового хозяйствования

7.1. Поворот к новой экономической политике

Нэп открыл новый этап в развитии советского народного хозяйства. Политика, экономика, идеология, культура — все это представляло собой в 1920-е годы сложный клубок старых догм и новых подходов, попыток оставить в неприкосновенности великие принципы «героического периода» и отбросить их, очистив дорогу рыночной экономике. Элементы хозяйственного либерализма совмещались с ужесточением внутриполитического режима, шаги по дебюрократизации экономических связей — с укреплением позиций партийно-государственной бюрократии.

В логике развития российской революции новая экономическая политика знаменовала не завершение революционного процесса, а наступление его последней фазы. Именно на этом этапе предстояло окончательно сформироваться и закрепиться новой системе общественных отношений. Характер и перспективы нового строя должны были стать здесь, наконец, определенными и внутренне непротиворечивыми.

Окончание радикальной фазы революции и победа в ней одной из противоборствующих

сторон само по себе не является достаточным основанием, чтобы сделать однозначный вывод о стратегическом курсе той политической силы, которая взяла верх. Невозможность возврата к старой системе хозяйственных, политических и идеологических ценностей не дает еще позитивной программы. Завершающая фаза революции является периодом интенсивного укрепления нового собственника средств производства как принципиального фактора, определяющего особенности дальнейшего развития страны.

В этом направлении трансформируется и экономическая политика. Экономические потребности общества (и особенно победившего класса) занимают теперь доминирующие позиции по отношению к политическим проблемам. В отличие от предшествующих фаз, когда экономика являлась не более, чем полем борьбы противостоящих друг другу политических сил, теперь аргументы экономического характера становятся более весомыми, если не доминирующими, в политических столкновениях.

В России рассматриваемого периода события развивались в высшей степени противоречиво. С одной стороны, политическую победу одержала наиболее радикальная партия, которая не только расчистила поле для глубоких социально-экономических реформ, продвигающих страну в направлении современной для того времени модели, но и сохранила власть и, следовательно, потенциальную возможность осуществления своего радикального курса. С другой стороны, провозглашение новой экономической политики предполагало фактический отказ от радикализма и выдвижение на первые роли политически чуждых власти частных собственников, деятельность которых должна была составить основу дальнейшего развития страны.

Эта трансформация была определена В. И. Лениным как «самотермидоризация»¹. Его размышления на эту тему сохранились в набросках выступлений в мае 1921 года: «“Терми-

¹ Французский революционер Жак Садуль вспоминал, что Ленин в разговоре с ним в мае 1921 года высказал следующую мысль: «Рабочие-якобинцы более проникательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость сами себя термидоризировать» (Садуль Ж. Соболезнования // Известия. 1924. 1 февраля).

дор”? Трезво, может быть, да? Будет? Увидим¹. Тщательно изучая опыт Французской революции, отчетливо соотнося самих себя с якобинцами, большевики менее всего хотели повторить их судьбу. Они хотели удержать власть и сохранить жизнь — и для этого были готовы идти на временные компромиссы. Главным таким компромиссом и стала новая экономическая политика (нэп) как попытка сочетания того, что еще недавно казалось абсолютно несовместимым — плана и рынка, коммунизма и капитализма.

Тем самым курс экономической политики изначально был обречен быть двойственным и непоследовательным. Однозначно можно было сказать о нем лишь следующее. Во-первых, неизбежна острая политическая борьба вокруг экономического курса; зависимость экономики от политических решений будет выше, чем могло бы быть при непротиворечивом характере собственности и власти. Во-вторых, в центре внимания будут стоять вопросы осуществления индустриализации страны, поиска источников необходимых для этого средств и механизмов их перераспределения. В-третьих, государственная власть не будет играть исключительную роль в хозяйственной жизни, которая скорее всего будет возрастать под влиянием соответствующих доктринальных установок находящейся у власти партии большевиков.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 403. И, как бы отвечая на эти размышления, Н. Устрялов писал примерно в это же время: «Путь термидора — в перерождении тканей революции, в преображении душ и сердец ее агентов. Результатом этого общего перерождения может быть незначительный “дворцовый переворот”, устраняющий наиболее одиозные фигуры руками их собственных сподвижников и во имя их собственных принципов (конец Робеспьера). Но отнюдь не исключена возможность и другого выхода... при способности лидеров движения к новой его фазе. Тогда процесс завершается наиболее удачно и с меньшими потрясениями» (*Устрялов Н. В. Путь термидора // Устрялов Н. В. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 296*). Устрялов отдавал должное большевистским лидерам, более гибким в своей тактике, чем якобинцы. «В свое время французские якобинцы оказались неспособны почувствовать новые условия жизни — и погибли. Ни Робеспьер, ни его друзья не обладали талантом тактической гибкости. Нынешняя московская власть сумела во время учесть общее изменение обстановки, понижение революционной кривой в стране и во всем мире. Учесть — и сделать соответствующие выводы» (*Устрялов Н. В. Сумерки революции // Устрялов Н. В. Избранные труды. С. 319*).

Вместе с тем в стратегическом отношении неизбежным было столкновение двух тенденций социально-экономического характера. Или доминантой экономической жизни станут потребности буржуазного слоя — многомиллионных собственников, численно преобладавших среди населения страны. Тогда неизбежным было перерождение власти в той или иной форме, на что указывал ряд деятелей социал-демократической и буржуазно-либеральной эмиграции в начале 1920-х годов¹. Или политический режим, стремясь укрепить свою социальную базу в лице городских рабочих, так и не ставших в итоге собственниками средств производства, будет активно сопротивляться попыткам новых социально-политических трансформаций и постарается закрепить свои позиции путем концентрации в руках правящей элиты основных факторов экономического процесса (прежде всего, средств производства). В таком случае государственная власть оказалась бы полностью тождественна власти политической, что влекло за собой формирование принципиально нового типа государства и экономики, теоретически являющегося наиболее последовательным вариантом реализации идеологии государственного монополизма начала XX столетия.

Рассмотрим теперь все эти вопросы более подробно.

Постепенный поворот к рыночным отношениям, составивший сущность новой экономической политики, потребовал глубокого переосмысления возможностей и механизмов практической реализации идеи государственного хозяйственного регулирования, причем на первое место в дискуссиях и практической политике здесь выдвинулись проблемы планирования. Ведь до сих пор плановое хозяйствование мыслилось как антагонист рынку. Означает ли нэп свертывание или отступление «единого хозяйственного плана»? Или, напротив, требует усиления внимания к нему? Что может и что должно делать государство, провозглашающее к тому же себя пролетарским? Готовых ответов не было.

¹ О перспективах перерождения режима наиболее убедительно писали авторы «Смены вех» (Смена вех [1921] // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992), среди которых в этом отношении особенно интересны рассуждения Н. В. Устрялова. (См.: *Устрялов Н. В. Под знаком революции* // *Устрялов Н. В. Избранные труды*. С. 197–673.)

Обсуждение этого круга вопросов велось на протяжении всего десятилетия нэпа. Споры то разгорались, то ослабевали, что в немалой мере определялось общей политической ситуацией в стране, а также борьбой в партийном руководстве за «ленинское наследие». Но, в общем, обсуждение фундаментальных проблем планового хозяйствования в логике противостояния «военный коммунизм — нэп» было постоянным идеологическим фоном всех дискуссий по вопросам методологии, методики и организации государственного планирования и регулирования народного хозяйства.

7.2. Идеологические проблемы: нэп и военный коммунизм

Исходным пунктом дискуссии и того противостояния, которое уже намечалось даже в большевистской литературе на рубеже 1920–1921 годов, стало отношение к принципам военкоммунистического строя с точки зрения социально-экономических перспектив страны и возможностей «пролетарского государства» направлять это развитие, руководить им. Речь шла именно о принципах и основных чертах хозяйственной организации «героического периода», а не о конкретных решениях и результатах, которые всеми признавались неудовлетворительными. Практически все экономисты были согласны с оценкой ситуации, данной в афористичной форме председателем Госплана Г. М. Кржижановским: «Наш хозяйственный механизм еще ждет своего Октября». Но о конкретном приложении этой идеи к решению практических задач представления расходились диаметрально.

Отказ от военного коммунизма как целостной хозяйственно-политической системы не сопровождался, конечно, преодолением или даже ограничением военкоммунистической по существу своему доктрины планомерно организованной экономики. Можно даже сказать обратное: в условиях гражданского мира и относительной стабильности идеологи военного коммунизма получили возможность обдумать и уточнить свои аргументы в защиту несправедливых, как им представлялось, оценок того этапа в жизни советской страны.

Нэп, по словам В. И. Ленина, устанавливался всерьез и надолго — но не навсегда. В этом, а также в традиционном коммунистическом постулате о несовместимости планомерности

с рынком, видели приверженцы военномундистической доктрины («певцы героического периода», как назвал их современник) фундамент, на котором строилась вся система их рассуждений. Стоит обратить внимание на такой любопытный факт: хотя значительная часть коммунистов оставалась в годы нэпа скрытыми или явными приверженцами методов 1918–1920 годов, идеологов, теоретиков той системы было немного. А наиболее видное место среди них занимали Е. А. Преображенский и Л. Н. Крицман. Работы первого составляли общий фундамент идеологии военномундистического плана, но его собственные высказывания о недавнем прошлом были весьма сдержанными. Второй же в своей широко известной книге «Героический период великой русской революции» дал подробный анализ хозяйственной системы того периода как прообраза светлого будущего России и мира¹.

Воззрения Л. Н. Крицмана и других представителей этого направления советской экономической мысли практически не изменились по сравнению с 1920 годом. Он весь был устремлен к социализму как натурально-централизованно-плановому хозяйству и именно в военном коммунизме видел первую попытку практической реализации самого передового строя, оценивая ее как «предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее».

Как и раньше, здесь доминирует по преимуществу технико-экономическое отношение к плану. Понимаемый как расписание того, «кто (т. е. какой орган), что и в каком размере должен производить», план должен конкретизировать политику государственной власти и проработать естественно-технические условия ее осуществления — установить последовательность действий для достижения поставленных целей, сбалансировать ресурсы с потребностями в них, и т. д.

Противопоставляя закономерности развития рыночного хозяйства плановому, сторонники рассматриваемой концеп-

¹ Не обошлось и без недоразумений. Л. Н. Крицман видел свою задачу в том, чтобы дать конкретный, отражающий именно российскую специфику анализ проблем, которые в общем виде были рассмотрены Н. И. Бухариным в «Экономике переходного периода», опубликованной в 1920 году. Однако сам ее автор к этому времени уже радикально пересмотрел свои теоретические позиции, что к концу 1920-х годов позволило Сталину обвинить бывшего «левого коммуниста» Бухарина в «правом уклоне».

ции связывали с планом появление новых факторов роста, вытекающих именно из природы пролетарской власти. И чем глубже государственное планирование проникает в экономическую жизнь общества, чем шире сфера, охватываемая непосредственным воздействием управленческих органов, тем в меньшей мере действуют традиционные (объективные) экономические закономерности. Из характера власти выводился и такой неотъемлемый признак планомерности, как единство интересов субъектов производственных отношений. Единый интерес трактовался как социально-политический феномен, априорно присущий государственному хозяйству диктатуры пролетариата, то есть как предпосылка планирования, а не как его результат.

Наконец, эффективность планирования связывалась с самим фактом осуществления его «пролетарским государством». Отсюда следовал еще один важный, имеющий практические последствия, вывод: задача планирования почти исключительно сводилась к обрисовке желательных перспектив развития общества, не уделяя должного внимания другой стороне вопроса — обеспечению необходимых экономических условий управляемости народного хозяйства.

Однако оставался открытым вопрос: почему все-таки военнототалитарный режим, обеспечив централизацию и натурализацию хозяйственной жизни, потерпел фиаско в своей попытке утвердить планомерность¹? Ведь плановое хозяйство мыслилось как натуральное и централизованное. Возникшую ситуацию Л. Н. Крицман был склонен объяснять неподготовленностью российской социально-экономической среды к восприятию самых передовых хозяйственных форм, слабым развитием крупной индустрии, высоким удельным весом мелкого производства. Попытки включения последнего

¹ Впрочем, в этой оценке идеологии военного коммунизма высказывали различные мнения — в зависимости от характера дискуссии и собственного темперамента. Более сдержанный и стремящийся к респектабельности Л. Н. Крицман вынужден был признать отсутствие реальной планомерности в «героическую эпоху». А увлеченный борьбой с оппонентами М. А. Ларин сетовал на «ослабление планового руководства и плановой организованности государства», происшедшее с переходом к нэпу. (См.: Крицман Л. Героический период Великой русской революции. М., 1925. С. 115; Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923. С. 28.)

в жестко централизованную систему повлекли за собой «сопротивление материала», выразившееся в падении производительных сил и повлекшее серьезные извращения внутренних отношений «пролетарско-натуральной системы». Особо в этой связи выделялся бюрократизм, объяснявшийся, впрочем, в той же логике «сопротивления материала» — то есть наличием внешних для плановой системы элементов, которые деформируют идею планирования и являются для нее чуждыми. Тем самым закладывались основы популярных в недалеком будущем объяснений пороков государственного планирования при помощи ссылок на внешние факторы (плохо разрабатывающие план чиновники, плохо исполняющие задания работники, не говоря уже о вредителях), что закрывало путь к анализу внутренних противоречий системы.

Приверженцы военно-коммунистической доктрины не отвергали нэп. Не лишенные прагматизма, они оценивали нэп как очевидное и вынужденное отступление, которое не следует пропагандировать в качестве нового завоевания Советской власти. Они не ждали укрепления планомерности, организованности непосредственно от нэпа. Их логика была иной: нэп должен обеспечить замену рынка планом в тех масштабах, в каких это возможно и желательно для нормального функционирования государства, освободив план от всего, что является пока обузой. Это должно создать условия для последующего укрепления государственного (социалистического) сектора, втягивающего «периферию» в орбиту единого плана.

Представления о плановой социалистической экономике, аналогичные изложенным выше, были характерны не только для многих марксистов, но и для ряда буржуазных экономистов, анализировавших гипотетическую модель социализма как общества, диаметрально противоположного капитализму. При абсолютной противоположности выводов и оценки социалистической плановой системы (как самой эффективной или абсолютно неэффективной) логика, построенная на схожих исходных постулатах, оказывается у ортодоксальных марксистов и ортодоксальных либералов во многом схожей. Этим общим исходным пунктом было перенесение из теоретических схем в конкретную хозяйственную практику абсолютно-го противопоставления либерализма и этатизма, или, говоря иначе, свободного рынка и государственного плана.

Либеральные воззрения наиболее последовательно выражал журнал «Экономист», выходивший в течение нескольких месяцев 1922 года. Самым ярким исследованием, содержащим теоретический анализ социалистического планового строя, стала, безусловно, большая статья Б. Д. Бруцкуса «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе», опубликованная в первых трех номерах журнала и имевшая, как показало время, не только программное, но и прогностическое значение. В данном случае будет очень полезно сосредоточить основное внимание на анализе именно этой работе, не упуская, конечно, из вида размышления и других авторов.

Б. Д. Бруцкус основывал свой анализ на том в общем-то справедливом положении, что отрицающий рынок и рыночные цены единый хозяйственный план есть центральная идея марксизма, и план этот требует тотального социалистического учета и контроля. В отсутствие рыночного механизма «государство должно обладать громадным и необыкновенно совершенным статистическим аппаратом, позволяющим контролировать все стороны общественной жизни, — аппаратом очень гибким и действующим непрерывно, чтобы учитывать все изменения, происходящие в этой жизни». Иными словами, необходим новый институт, способный постоянно обеспечивать рост и совершенствование производства и увязывающий его с многочисленными потребностями.

На этой базе разворачивается всесторонняя критика планового социалистического хозяйствования. Прежде всего было показано, что подобный механизм не сможет эффективно функционировать не только в силу технической сложности (или невозможности) тотального учета, но и по ряду соображений принципиального характера. Во-первых, многообразие и динамизм потребностей, усиливающиеся по мере развития общества, делают нереальными попытки априорного их определения в плане. Во-вторых, централизация хозяйственной жизни и замена объективного (рыночного) механизма взаимодействия между производством и потреблением на субъективный (через аппарат управления, ведающий всеми распределительными процессами) будет иметь результатом лишь усиление бюрократии и ее влияния на хозяйственные процессы, поскольку теряется единый критерий оценки эффективности. То есть всеобщий бюрократизм

как концентрированное выражение порочности нерыночной системы «хозяйствования по плану» рассматривался в качестве внутренне присущего «единому плану» атрибута, а вовсе не навязанной извне черты¹.

Конкретизируя эти постановки, Б.Д. Бруцкус и его коллеги принимают принципиальную схему всеобщего социалистического плана: отсутствие прямой связи между производителем и потребителем, опосредование их взаимоотношений аппаратом экономического центра. Это значит, что оценка результатов производственной деятельности первого оказывается относительно независимой от отношения к этим результатам второго — сдача продукции в «общий котел» в соответствии с централизованным планом гарантирует поступление новых ресурсов для продолжения производства безотносительно к его эффективности и качеству.

Однако экономика такого типа имеет еще одну особенность — ведущую роль в ней играет посредник-власть. Бруцкус вносит в анализ этого феномена важное уточнение, подчеркивая наличие собственных интересов центрального аппарата и отдельных его чиновников, что запутывает ясную («прозрачную») схему «единого плана», вносит в нее немалую долю субъективизма и неопределенности относительно эффективности любых хозяйственных решений.

Эффективность в этой логике, разумеется, связывается с созданием наиболее благоприятных условий для прогресса производительных сил. Но оказывается, что ему-то как раз и противоречит единый хозяйственный план, сковывая хозяйственную инициативу и не давая простора для проявления свободы в потреблении. Отсюда — тесная связь плана с принудительностью в труде, неизбежной в отсутствие конкуренции. Поскольку же заранее нельзя точно определить и структуру потребностей, то оказываются неизбежными постоянные дефициты. Это влечет за собой принудительность в распределении — нормирование одних продуктов и навязывание других.

Б.Д. Бруцкус писал: «В социалистическом обществе колебания в спросе на товары не отражаются на их ценах, а вознаграждение рабочих подчинено эгалитарному принципу.

¹ См.: Бруцкус Б.Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 1. С. 51; № 2. С. 163, 166–167, 170–172.

Таким образом, социалистическое хозяйство не располагает механизмом, вызывающим спонтанное разделение труда в соответствии с общественными потребностями, но так как такое распределение все же необходимо, то остается его установить принудительно. Трудармии являются, конечно, идеальной организацией труда в условиях социализма. Надо ли в XX столетии доказывать, что принудительный труд является менее производительным, чем свободный труд»¹.

В качестве еще одного постоянно действующего фактора дезорганизации, стихийности, а, значит, и замедления темпов роста, рассматривалось повсеместное торжество при социализме духа и стереотипов поведения наемного работника при полном уничтожении предпринимательского (или хозяйского) начала, без которого невозможно даже упорядочить хозяйственную жизнь:

«Мы не будем ждать ни от старых, ни от новых спецов той полезной работы, которую они давали капиталистическому обществу. Успех производства зависит, главным образом, от его организации не только технической, но и экономической; решающее значение имеет бережное отношение к основному капиталу, экономия на материалах, удачная комбинация капитала и труда... Этой высоко ответственной роли организаторов соответствует психология предпринимателя в капиталистическом обществе. На него падает риск предприятия, и он первый выигрывает от его успехов. Отсюда громадное напряжение его воли. Его труд никем не нормируется — он определяется потребностями дела.

Совершенно не такова психология экономического организатора в социалистическом государстве. Здесь он чиновник и не больше. Если он даже и получает несколько лучшее вознаграждение, чем рабочий, на что социалистическое общество по эгалитарным соображениям идет с трудом, то это добавочное вознаграждение не имеет значения для стимуляции его труда. Риск предприятия лежит не на нем, а на государстве, он мало теряет от неудачи и ничего не выигрывает от удач...

Многие неудачи нашего социалистического строительства стоят в явственной связи с дефектами психологии ру-

¹ Там же. № 3. С. 59.

ководителей. Собрали у крестьян миллионы пудов картофеля — и сгноили; привезли дрова — их разворовали. На митинге рабочие пожаловались, что купленная Внешторгом обувь оказалась плоха. Представитель Внешторга объяснил, что мы, пролетарии, не купцы, американские капиталисты нас и надули. Рабочие отнеслись к этому заявлению с пролетарским добродушием...

Не только для организации производства у советского служащего не хватает энергии и активности, даже для такой, казалось бы, более простой задачи, как охрана капитала, эта психология оказывается столь же настоятельной. И здесь нужен, и очень даже нужен, хозяйский глаз, и когда его нет, то рушатся дома, тонут суда, ломаются станки и разворовывается оборудование»¹.

Естественно, что отсутствие действенного механизма согласования интересов производителя и потребителя, элиминирование хозяйской мотивации и существенное ослабление стимулов к труду неумолимо подводило к выводу о несостоятельности социалистической плановой системы, которая, стремясь преодолеть «анархию капиталистического производства»,... может подвергнуть народное хозяйство «суперанархии», по сравнению с которой капиталистическое государство являет собой картину величайшей гармонии».

Как видим, в этих работах содержится справедливая критика складывающихся принципов функционирования народного хозяйства, претендующего на плановость, а также выдвигаются серьезные предостережения относительно будущего подобных экспериментов.

Но все-таки неясным остается главный вопрос экономической жизни того времени, да, пожалуй, и вообще истории XX века. В каких формах и при помощи каких механизмов может осуществляться государственное регулирование народного хозяйства? Особенности развития производительных сил все настойчивее ставили такие вопросы. Поиск ответов на них все более занимал политиков и экономистов, причем не только в Советской России. Но и Б. Д. Бруцкус, и другие близкие ему по взглядам исследователи пока обходили эти проблемы,

¹ Бруцкус Б. Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 3. С. 65–66.

хотя они и отмечали ограниченные возможности последовательного поведения в экономической политике принципов либерализма в чистом виде.

Отсюда вытекали и рекомендации относительно оздоровления хозяйственной ситуации в стране. В противовес широко распространенным представлениям о необходимости активных действий государства в организации восстановления народного хозяйства, авторы «Экономиста» обращали внимание на опасность сведения экономической политики к решению фискальных задач и выдвиганию социально-политических лозунгов и идеологии в ущерб стимулированию быстрого развития производительных сил. Именно на интересы непосредственного производителя, как бы нравился или не нравился властям его социальный портрет, предлагалось делать ставку при разработке восстановительной программы. И лишь в этом случае «снизу», самими производителями будут разрабатываться реалистичные и полезные для страны планы подъема своих (а, значит, и общенациональных) производительных сил. Естественно, значение «единого хозяйственного плана» в этой логике стремится к нулю¹.

Наконец, сформировался и другой путь исследования этих сложных проблем. Путь, который получил мощный импульс в 1920-е годы, чтобы к началу 1930-х уйти в подполье, возрождаясь впоследствии вновь и вновь всегда, когда на повестку дня вставали задачи реформирования хозяйственной системы, получившей в 1970-е годы наименование «реальный социализм». С практической точки зрения вопрос заключался в поиске механизмов планового регулирования экономики в условиях развития рыночных отношений, а не вместо них.

Именно в условиях нэпа начала свой путь проблема «план и рынок при социализме», имевшая в дальнейшем богатую и драматическую историю. Многим экономистам, стоявшим у истоков этой проблемы, в скором времени суждено было оказаться и ее первыми жертвами. Пока же новая идеология хозяйствования быстро формировалась, закладывая основы будущих дискуссий.

¹ См.: Рафалович А. Л. Новая экономическая политика // Экономист. 1922. № 2; Чубутский П. П. Предпосылки реальной экономической политики // Экономист. 1922. № 3. С. 46 – 51.

Суть концепции — в выявлении тенденций и потребностей развития социально-экономической системы и в выборе таких хозяйственных форм, которые, учитывая объективные обстоятельства, позволяли бы обеспечивать управляемость функционирования советского народного хозяйства. Ведется поиск механизма, в котором централизованное планирование органически сочеталось бы с развитием инициативы, личной заинтересованности, отрицая кризисы и диспропорциональность. Среди экономистов, внесших существенный вклад в исследования такого рода, можно встретить уже знакомые имена — и большевиков, и социалистов. И тех, кого в ходе будущих политических процессов станут клеймить как буржуазных «экономистов-вредителей».

Исходным пунктом системы взглядов, о которых теперь пойдет речь, было понимание нэпа не только и даже не столько как уступки частному капиталу, но в первую очередь как перехода к нормальным условиям экономического развития в противовес чрезвычайным установкам военного времени. В принципах новой экономической политики видели здесь правильный путь к социализму вообще и к реальному, а не формальному, плановому хозяйствованию — в частности. «Как ни странно и парадоксально, но новая экономическая политика, при ее правильном проведении, не только настойчиво требует от нас созидания этого единого плана, но и значительно облегчает нам самое его составление... Пользуясь умело силой и мощью крупной концентрированной промышленности, транспорта, банков и синдикатов, мы можем легче коммерческими, банковскими методами регулировать сельское хозяйство, мелкую промышленность и торговлю, чем мелочной нормировкой их и административным нажимом на них. Тем самым мы получаем возможность охватить их единым планом, предусматривающих их реальную, а не воображаемую зависимость от основных регуляторов хозяйства, так же как и обратную зависимость этих последних от первых»¹.

Разрабатывая подробные вопросы, экономисты показывали, как и почему лишь в условиях рыночных отношений оказывается возможным планомерное функционирование на-

¹ *Кактынь А.* Очерки по организации народного хозяйства. М., 1922. С. 8–9.

родного хозяйства. Ведь проблема не сводится к техническим сложностям охвата из центра всех производителей единым планом. Главное — социально-экономический механизм, побуждающий у производителей стремление к согласованию интересов, к координации своих действий.

Нэп же, легализуя рынок и вводя хозрасчет, дает новый шанс планированию. Одним из первых на этот аспект нэпа обратил внимание В. А. Базаров, который пришел работать в Госплан в 1921 году: «Плановое начало и плановая работа с переходом к нэпу не только не умаляются в своем значении, но, наоборот, должны усилиться. Восстановление товарного рынка и переход государственных предприятий на хозрасчет впервые создают материальные стимулы для эффективного планирования, т. е. стимулы, позволяющие проводить в жизни плановые предложения, кроме того, устанавливают автоматический контроль успешности работы»¹.

Были конкретизированы механизмы, при помощи которых нэп обеспечивает регулятивное начало в экономической жизни: «Во-первых, он облегчил восстановление личной заинтересованности каждого трудящегося в результатах труда и личной ответственности за добросовестность труда. Во-вторых, и это особенно важно, он чрезвычайно упростил функции фактической проверки работы предприятий, а следовательно, и всяческое хозяйственное регулирование». Отсюда со всей естественностью следовал принципиальной важности вывод, в соответствии с которым «на той ступени развития, которую переживает народное хозяйство СССР, сочетание товарного рынка и планового хозяйства является... диалектическим, движущим противоречием, а отнюдь не простым компромиссом между капиталистическим и социалистическим началом»².

Такая система предполагала наличие массы самостоятельных экономических субъектов — как государственных, так и частных — имеющих возможность открыто следовать собственным интересам. В связи с этим подчеркивалось, что усиление централизма в планировании должно осуществляться

¹ В Президиуме Госплана// Бюллетень Госплана. 1923. № 11–12. С. 119.

² Базаров В. К вопросу о хозяйственном плане// Экономическое обозрение. 1923. № 6. С. 10.

при децентрализации управления. Лишь возможность самостоятельного принятия решений при полной экономической ответственности за их результативность делают возможным развитие инициативы трудящихся и не позволяют плану превратиться в оторванный от жизни бюрократический документ, стоящий на пути прогрессивного развития.

Понимая, что государство, каким бы передовым оно ни было, монополизируя всю полноту хозяйственных решений, становится источником бюрократизма, неизбежно порождает «казенную рутину и мертвый застой», А. М. Гинзбург писал: «Плановое начало ни в коем случае нельзя представлять себе как совокупность разработанных схем, которые во что бы то ни стало должны быть навязаны жизни... Составление и утверждение хозяйственных планов не должно убивать хозяйственную самостоятельность тех первичных ячеек, которые призваны проводить план в жизнь... Если производственная программа промышленности осуществляется независимо от конкретного состояния рынка сырья или колебаний сбыта, то это часто дает гораздо более отрицательные результаты, чем неисполнение производственной программы в заданном объеме. Лишенные оперативной самостоятельности, низшие хозяйственные органы вынуждены были бы по всем поводам, и существенным, и несущественным апеллировать к вышестоящим и строить работу не на основании реального опыта жизни, а на основе нежизненных схем, предписываемых сверху»¹.

Гинзбург также наиболее последовательно проводил идею о недопустимости «чрезмерной централизации» и важности стимулирования личной заинтересованности работников и предприятий в росте эффективности. «Основной принцип хозяйственной деятельности — экономия труда — может быть проведен с наибольшим успехом в жизнь там, где оставлен достаточный простор для личной заинтересованности... Сосредоточив в своих руках чуть не все производительные силы страны, советское хозяйство должно было найти такие формы управления, которые обеспечили бы, наряду с единством и планомерностью руководства, максимальную свободу хозяйственного творчества. Но эта задача могла быть не только

¹ Законодательство о трестах и синдикатах. М.: ВСНХ, 1926. С. LIV, XII–XIII.

разрешена, а даже осознана лишь в результате длительного тяжелого опыта»¹. Под «длительным, тяжелым опытом», понимались, разумеется, три года военного коммунизма. Однако на самом деле для осознания этой истины потребуется еще несколько десятилетий.

Соответственно, предполагалось осуществить и коренную реконструкцию органов планового управления народным хозяйством, сосредоточив у Совета труда и обороны (СТО), а также существующей при нем плановой комиссии (Госплана), функции определения стратегических направлений хозяйственного роста и сделав упор при решении задач текущего регулирования на органы финансово-кредитные. Регулирующие и плановые органы должны были быть отделены от оперативных. Вместо «громоздкого бюрократического аппарата прежних главков и комиссий использования» плановое регулирование предлагалось осуществлять через банковскую систему и иные коммерческие организации. Особая роль в деле планового хозяйствования отводилась кредитному механизму, способному заменить собой неэффективную систему «планового снабжения»².

Серьезные изменения должны были претерпеть органы, персонифицирующие единый, общехозяйственный интерес — Совет труда и обороны и Госплан. Повышение их ответственности было неотделимо от преодоления в них самих ведомственных тенденций. Причем особую тревогу вызывало здесь будущее Госплана, опасность вырождения его в вариант старых планово-распределительных учреждений (наподобие «чеквалапов»). Ведь концентрируя внимание на материально-ведомственных потоках, он мог постепенно превратиться в директивно-распределительного монстра, занимающегося увязкой натуральных пропорций и решением текущих проблем в ущерб стратегическим.

«Решительно приходится возражать против загрузки Госплана всякого рода чисто регулирующими функциями, касающимися уже выполнения тех или иных хозяйственных планов, вроде распределения и отпуска материальных ресурсов всякого вида..., — писал тогда А. М. Кактынь. — Госплан дол-

¹ Законодательство о трестах и синдикатах. С. LV.

² Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. С. 28, 30.

жен, в целях достижения единства и систематичности в его работе, сохранить за собой лишь функции плановые; в противном случае он выродится в расплывчатый политический орган, куда будут ходить все и за всем, не находя в то же время полного удовлетворения»¹.

В отличие от военнототалитаристских идеологов, видевших неизбежность перехода к жестко централизованному национальному (а то и мировому) хозяйству, в отличие от буржуазных либералов, отстаивавших незыблемость принципа хозяйственной свободы и рыночных отношений, позиции теоретиков «планово-рыночной» экономики относительно перспектив планового хозяйствования не могут быть определены однозначно. В ряде исследований 1920-х годов содержатся оригинальные и важные для того времени выводы о том, что принципы энпа вводятся не просто «всерьез и надолго», но несут в себе фундаментальные черты будущей системы хозяйствования, принципиально отвергающей администрирование. Определяя существо связанной с энпом плановой системы, А. М. Кактынь видел в ней прежде всего переход от методов чисто административных к преимущественно экономическим и указывал на ошибочность воззрений на последние как на специфически капиталистические. Он критиковал характерные как для леворадикальных, так и для буржуазных идеологов утверждения, что «эти экономические формы и методы регулирования хозяйства свойственны лишь капитализму и что социализм... может производить это регулирование лишь самым грубым административно-бюрократическим способом, подавляя всякую инициативу и т. д. Такое мнение было бы величайшим заблуждением или тенденциозной подменой настоящего развитого социализма первыми грубыми, неразвитыми, извращенными войной зачатками его»².

Развитием этих идей является сформулированное В. Н. Сарбабяновым предположение относительно перспектив пла-

¹ Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. С. 21.

² Там же. С. 20. Характерно следующее оценочное высказывание этого автора: «Историкам в свое время придется разрешить вопрос о том, насколько правилен был вообще наш бюрократический путь перехода к социалистическим формам управления хозяйством, теоретически совершенно несовместимым с подобным бюрократизмом». (Там же. С. 14.)

нирования при социализме. В корне отрицая какое бы то ни было реальное социалистическое содержание в принципах 1918–1920 годов, он подчеркивал, что ничего подобного главкизму управления и централизму снабжения не будет знать не только переходный период, но и сам коммунизм, поскольку нельзя управлять из центра общественным производством, базирующимся на высокоразвитой и постоянно прогрессирующей технике. Последовательно проводя мысль о том, что эффективное плановое хозяйствование требует всестороннего развертывания самоуправленческих начал, В. Н. Сарабьянов пришел к следующей гипотезе: «В будущем коммунистическом обществе Госплан будет, скорее всего, ученым органом, публикующим свои соображения... к сведению, но не к обязательному выполнению».

Разумеется, особенностью такого рода рассуждений марксистов было признание, что в конечном счете сохранение этих важнейших черт, означающих по сути дела своеобразное саморегулирование планового хозяйства, будет сопровождаться постоянным отмиранием товарно-денежных отношений. «Мы придем к натурально-социалистическим формам, но путь к ним лежит через товарно-социалистические», причем «централизация будущего коммунистического Земного шара это — плод головы, работающей по логическим, мертвым схемам»¹.

Наконец, в ряде работ 1920-х годов при оценке военного коммунизма и сравнении его с нэпом прямо указывается на фактическую связь первого со специфическими чертами макроэкономической ситуации военного времени (особенно периода гражданской войны), основы которой были заложены еще в 1915–1916 годах. Соответствующие постановки сохраняются в опубликованных тогда работах Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Юровского, Д. В. Кузовкова, Я. П. Букшпана² и некоторых

¹ Сарабьянов В. Основные проблемы НЭПа. С. 193.

² См.: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции; Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М.: Экономика, 2008; Букшпан Я. М. Военно-хозяйственная политика: Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.–Л.: ГИЗ, 1929; Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925.

других. Здесь рассматривались отдельные, и очень важные, проблемы функционирования народного хозяйства — денежная политика, финансовая система, ценовые проблемы, регулирование сельскохозяйственного производства и торговли, концентрация производства и государственное руководство экономикой в военное время и т. д.

Наиболее общий вывод мы находим у Л. Н. Юровского: «Уже до Октябрьской революции был накоплен некоторый опыт регулирования... Дело в той внутренней логике, которая присуща всякому хозяйственному процессу и который проявляется с непреодолимой силой, лишь только экономическое развитие вступило на определенный путь. То, что происходило в годы войны и в месяцы Временного правительства в области регулирования народного хозяйства, было не “примером” для последующей эпохи, а составляло первые звенья закономерного ряда»¹.

Весьма конкретно и определенно ставился тогда вопрос и Д. В. Кузовковым: «Борьба с рынком была начата не в 1918 г. и не пролетарским государством, а в 1915 г. буржуазным государством», причем «унаследовав от самодержавия разложившуюся финансовую систему, пролетарское государство вместе с ней унаследовало и тенденции к подавлению рынка»². Автор обращал внимание на прямую зависимость между «стремлением к подавлению рынка» и «разложением финансовой системы и вызванным этим разложением, отмиранием системы легальных цен». Критикуя Л. Н. Крицмана и его сторонников, Д. В. Кузовков подчеркивал, что «они вменяют первой революции пролетариата многое из того, что несколько не характеризует будущее социалистическое общество»³. Более того, в этих справедливых по существу своему утверждениях автор попадает даже в другую крайность, фактически отрицая доктринальные (идеологические) и политические корни экономической политики военного коммунизма и сводя все дело к обусловленности большевистского курса исключительно особенностями военного времени.

¹ Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. С. 86.

² Кузовков Д. Основные моменты... С. 195, 202.

³ Там же. С. 202.

Впрочем, большинство экономистов марксистского направления, активно развивающих плановую идеологию нэпа, перспективы социалистического хозяйства (хотя перспективы и очень далекие) видели все-таки в возвращении по существу к военнотехнической модели. Речь не шла, конечно, о признании исторически перспективными конкретных форм и методов организации хозяйства в те годы, но экономика «светлого будущего» представлялась неотделимой от прямого административного руководства со стороны центра деятельности всех хозяйственных ячеек. Упрощение и нормализация хозяйственных процессов сделают их бесконфликтными, полагали экономисты коммунистической ориентации. А очевидность и однозначность наилучшего для всех варианта развития общества в каждый данный плановый период снимает сложность проблемы согласования интересов, и план сможет, наконец, стать «познанием естественно-технической необходимости и сознательным проведением ее в жизнь через директивы планирующего центра»¹. Обратим внимание, что приведенные здесь слова принадлежат известному представителю бухаринской школы, которая на излете нэпа будет квалифицироваться как «правый уклон в ВКП (б)».

Применительно к текущим задачам разделение на административное (прямое) и экономическое (косвенное) регулирование связывалось, соответственно, с государственными и частными формами хозяйствования. Многие марксистски образованные исследователи были склонны осуществлять планирование и регулирование государственного хозяйства по преимуществу методами прямыми (административными), связывая косвенное регулирование в основном с частным производством².

Отмеченное различие в понимании далекого будущего плановой социалистической экономики еще не стало в рассматриваемый нами период предметом специальных дискуссий. Всех их объединяло понимание того, что не государственная власть (даже если это «власть победившего пролетариата»,

¹ Айхенвальд А. Советская экономика. М. – Л.: ГИЗ, 1928. С. 296.

² См., например: Базаров В. А. К методологии перспективного планирования. М.: Госплан, 1924. С. 8; Сокольников Г. Я. Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания // Вестник финансов. 1925. № 11–12. С. 5–15.

владеющая значительной частью средств производства) диктует логику экономического развития. Наоборот, экономика как целостный организм приемлет государственное вмешательство лишь тогда, когда оно осуществляется в логике развития этого актив.

Итак, уже в первые послереволюционные годы оформились две противоположные концепции планового хозяйствования. Противостояние идеологических доктрин было важным фактором развития теории и практики планирования и регулирования советской экономики на всем протяжении 1920-х годов. Это противостояние постоянно, хотя и по-разному, проявлялось в дискуссиях и оказывало влияние при принятии практических решений.

* * *

Авторы «Экономиста» утверждали, что существуют общие предпосылки, без которых невозможен эффективный и динамичный прогресс социально-экономической системы. К ним они относили заинтересованность индивида в постоянном творчестве и всемерном проявлении личной инициативы, условием чего является свобода в производстве, в труде и в потреблении. В их логике плановое хозяйство было несовместимо с подобными принципами. Теоретики военного коммунизма были убеждены, что эпоха подобных идей уходит в прошлое вместе с капитализмом. И, наконец, часть экономистов искала механизмы, при помощи которых можно согласовывать хозяйственный план с инициативой и предпримчивостью отдельных хозяйствующих субъектов.

Возможно ли последнее? Если возможно, то при каких материально-технических условиях? В каких хозяйственных формах? Только практика могла дать ответы на эти вопросы.

7.3. Оценки экономической ситуации и перспективы внесения в нее планового начала

Развитие теории и практики планирования и государственного регулирования экономики в 1920-е годы, решение разнообразных теоретических и прикладных проблем, встававших перед экономистами и политиками в этот период, неотделимы от тех реальных процессов и противоречий, которыми

характеризовалось хозяйство в условиях нэпа. История нэпа и история государственного регулирования тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены, и кризисы одного становились одновременно и кризисами другого. Сама судьба нэпа в значительной мере зависела от того, будут ли найдены эффективные решения сложного комплекса проблем планового регулирования, и могут ли быть найдены такие решения в принципе.

В экономическом мышлении того времени постепенно осуществлялся сдвиг, имевший поистине революционное значение. До сих пор вопрос об утверждении плановой системы осознавался как самодостаточный по существу своему: имеется национализированное хозяйство и в него должен быть «внесен» план, выражающий сознательное, волевое начало. Все дело заключается в том, чтобы правильно его вырабатывать, максимально полно охватить им хозяйственные связи. Теперь же приходило понимание, что планомерность, управляемость экономической жизни уходит корнями в механизм функционирования воспроизводственного процесса.

М. Савельев, активно участвовавший в дискуссиях начала 1920-х годов, так характеризовал происходившие изменения в отношении к проблемам планирования: «Некоторое время могло еще казаться, что все дело в отсутствии хорошего плана, что мы просто просчитались и переоценили свои силы, что стоит лишь этот “единый, хорошо подогнанный всеобъемлющий план” как следует “обмозговать”, свести концы с концами, а, главное, найти ту аriadнову нить, при помощи которой можно было бы двигаться дальше по запутанному лабиринту разрозненных производственных программ и среди груды взятых с потолка цифр, и дело в шляпе. Но кончик этой магической ниточки все не давался нам в руки. И после длинной дискуссии и скучных прогулок по “бесплодным полям общепланового хозяйства”, даже наиболее упорные оптимисты должны были признать, что с помощью одной общеплановой алхимии — как ни переставляй наличные народнохозяйственные элементы и как их ни комбинируй — не выйдешь на столбовую дорожку расширенного воспроизводства необходимых хозяйственных благ»¹.

¹ Савельев М. Перспективы хозяйственной политики // Народное хозяйство. 1922. № 2. С. 3.

Реализация идеи планового хозяйствования предполагала наличие определенной экономической среды, в которой интересы участников воспроизводственного процесса могли бы открыто проявляться и согласовываться. Эту задачу должен был решить нэп. Поскольку же нэповская экономика характеризовалась прежде всего как экономика рыночная, а плановое регулирование мыслилось здесь как система государственного воздействия на рыночные отношения, постольку само становление плана, его конкретные формы и механизмы, может быть правильно понято сквозь призму проблем и противоречий становления современной рыночной экономики, решения или не решения возникающих в этой связи разнообразных проблем. А становление рыночной системы происходило непросто.

Поворот к новой экономической политике в том виде, в котором она впоследствии вошла в историю нашей страны, произошел не сразу. Общепринятые представления ставят знак равенства между нэпом и развертыванием рыночных отношений. Однако будучи верным по существу, это представление ошибочно с точки зрения истории становления новой экономической политики. Ведь состоявшийся весной 1921 года X съезд РКП(б), от которого ведется отсчет периода нэпа, принял решение лишь о замене продразверстки твердым продналогом, что далеко не тождественно утверждению рынка.

Нэп воспринимался поначалу как новый подход к решению задачи укрепления «смычки» между рабочим классом города и трудовым крестьянством деревни. Ни о каком рынке или хозрасчете весной 1921 года речь еще не шла. Лишь со временем внутренняя логика экономического развития приведет к таким изменениям в первоначальном замысле, что нэп станет синонимом регулируемого рыночного хозяйства, а планирование при нэпе будет рассматриваться как планирование в условиях господства рыночных отношений. Рынок должен был еще сформироваться. И для этой сложной системы отношений недостаточно было лишь принятия правительственных решений.

Ключевыми элементами рынка, без которых он не может эффективно выполнять роль объективного «счетчика» затрат и результатов (по образному выражению В.А.Базарова), а значит, и обеспечивать благоприятные условия для дей-

ственного планирования, являются следующие. Во-первых, основу хозяйственного процесса должны составлять самостоятельные субъекты производственных отношений, независимые от государственных органов управления. Во-вторых, отсутствие монополизма отдельных производителей или органов, а также прямого внеэкономического диктата со стороны государства или отдельных субъектов экономической жизни. В-третьих, финансовое оздоровление и наличие твердой валюты, способной обслуживать хозяйственный процесс, формируя устойчивые стимулы для расширенного воспроизводства, обеспечивая основы трудовой и предпринимательской мотивации, а также необходимые условия для объективной оценки вклада предприятий и отдельных лиц в рост народного благосостояния.

Воссоздание названных элементов рыночного хозяйства осуществлялось постепенно, на протяжении 1921–1923 годов, причем происходило в острой борьбе с идеями и практикой военного коммунизма. На этом пути было много противоречий, ошибок, проблем. Ведь приходилось переосмысливать многие фундаментальные положения, отказываться от тезисов, ранее высказывавшихся партийными вождями и считавшихся незыблемыми установками для построения нового общества.

Прежде всего, надо было на практике преодолеть столь характерное для военнoкоммунистической (да и вообще марксистской) доктрины понимание социализма как гигантской монополии, руководствующийся одним интересом. Этот процесс начался уже в 1921 году. Сперва преодоление тотального монополизма и появление отдельных хозяйствующих субъектов связывалось с денационализацией части промышленности, с передачей ряда предприятий в частные руки, арендаторам, кооператорам или концессионерам. Ставя вопрос о необходимости «раскрепощения» известной части промышленности, М. Савельев обращал внимание, что именно «излишняя централизация и связывание всякой частной инициативы и явилось серьезной причиной наших неудач»¹.

¹ Савельев М. Очередные задачи хозяйственной политики // Народное хозяйство. 1921. № 4. С. 11.

Затем были сделаны новые шаги по расширению круга экономически самостоятельных предприятий. Если в первой половине 1921 года в представлении многих экономистов и политиков этот процесс ограничивался рамками частичной денационализации, то с середины лета ситуация меняется кардинально. Во второй половине года предпринимаются практические действия по снятию предприятий с государственной дотации и переводу их на принципы хозяйственного (коммерческого) расчета. Формируются управленческие структуры, более соответствующие новой ситуации. На передний план в государственном секторе экономики выходит хозрасчетный трест.

Здесь уместно обратить внимание на несостоятельность одной иллюзии, которая была широко распространена в советской историко-экономической литературе. Поскольку хозрасчет стал действительно одним из существеннейших атрибутов нэпа, принято было видеть в переводе предприятий на новые условия выполнение изначально намеченного плана. Между тем, первые шаги в этом направлении были порождены сложной хозяйственной ситуацией лета 1921 года. Обстановка не позволяла государству нести ответственность за обеспечение предприятий всеми необходимыми ресурсами. Производство останавливалось. Развал промышленности был дополнен неурожаем и голодом. Ничего более не оставалось, как по возможности предложить государственным предприятиям самостоятельно решать вопросы своего дальнейшего функционирования. Однако это решение принималось уже в рамках логики рыночного хозяйствования, логики нэпа.

Формирование хозрасчетных трестов началось в августе 1921 года, когда СНК и СТО приняли ряд документов, центральным среди которых был «Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики». Завершением же этого процесса можно считать утверждение в апреле 1923 года ВЦИК Декрета о трестах. Внедрение хозрасчета наносило серьезный удар по концепции плана-расписания. Хозяйственные отношения переводились в качественно новую плоскость. «Мы заранее отграничиваем себя от такой хозяйственной конструкции, когда бы отдельная человеческая личность коллектива рассматривала себя исключительно как винтик единого коммунистического организма, чувство-

вала бы, что она работает не под давлением материальной и прочей необходимости, а свободно, на основе отсутствия всякого принуждения», — писал тогда М. Савельев¹.

Сразу встал вопрос и о характере взаимоотношений государственных органов управления (точнее, ВСНХ) с хозрасчетными трестами, и о степени независимости последних, и об их месте в системе будущего единого хозяйственного плана. Официальные документы не давали здесь четких ответов. Типичной в этом отношении является резолюция IX Всероссийского съезда Советов, где говорится, что «хозяйственный расчет и общегосударственный план промышленности, основанный на точном учете ресурсов, производства и бюджета каждого государственного предприятия в отдельности и всех их вместе, должны лежать в основе всей государственной промышленности»².

Параллельно был поставлен на обсуждение и немыслимый еще недавно вопрос о допущении конкуренции в советском народном хозяйстве. Уже в мае 1921 года эта тема остро звучит в выступлении А. И. Рыкова на IV съезде совнархозов:

«Я должен здесь подчеркнуть одну из отрицательных черт, которые выработались у многих из нас за период четырехлетней работы в области экономической жизни. Эта черта выросла у нас и воспитывалась благодаря нашему монопольному положению в этой области. Мы не имели конкурентов, мы их не терпели, мы их всегда убивали путем реквизиции, конфискации и т. д. даже в том случае, если конкуренты были более толковы, чем наши органы. Мы, пользуясь преимуществом государственной власти, всегда имели возможность удалить конкурента из экономической деятельности и экономической жизни.

Этому должен быть положен самым решительным образом предел. Теперь мы должны побеждать не путем приказаний и монопольного положения, а путем лучшей работы. Совершенно ясно, что не все из нас будут лучшими администраторами и более умелыми, чем концессионеры или даже ста-

¹ Савельев М. Организация крупной промышленности // Народное хозяйство. 1921. № 11–12. С. 24.

² Постановления IX Всероссийского съезда Советов. М.: Издание ВЦИК, 1921. С. 15.

рые фабриканты, вернее, они были лучше; вместе с тем нами должно быть признано, что необходима громадная выучка. И потому плюс новой экономической политики свободного обмена — и большой плюс — заключается в том, что они заставят каждого из экономических работников подтянуться, дабы победить в открытом бою экономической конкуренции»¹.

Такой же подход применительно и к внутреннему, и к внешнему рынкам отстаивал годом позже, на XI съезде РКП(б), В. И. Ленин. Аналогичные идеи развивались и Н. И. Бухариным.

Как видим, здесь пока дело ограничивается конкуренцией государственного сектора народного хозяйства с частным. Однако сама постановка проблемы уже была знаменательна. Государственное хозяйство, стремящееся стать плановым, оказывалось системой, в принципе сочетаемой с конкуренцией, и, более того, именно в процессе конкуренции и должно было демонстрировать свое преимущество. Если раньше пролетарское государство выступало носителем абсолютно-го экономического знания (ему известны все потребности и наилучшие пути их удовлетворения), то теперь речь пошла об экономических условиях, побуждающих государство и его предприятия функционировать эффективно, лучше удовлетворять запросы контрагентов, внимательнее относиться к положению своих работников. Иными словами, был поставлен вопрос о необходимости внешних экономических стимулов для эффективного функционирования государственной собственности, о недостаточности для этого государственного плана как источника эффективного пролетарского хозяйствования.

Позднее рамки этой проблемы были расширены до признания необходимости стимулирования конкуренции между государственными трестами с целью побуждения их к наращиванию выпуска продукции и снижению цен. Подобный подход пропагандировал, заняв пост руководителя НКПС, Ф. Э. Дзержинский. Фактически он развивал идеи, которые уже стояли перед правительством России накануне первой мировой войны. Речь шла, как и ранее, о передаче железным дорогам угольных шахт для заготовки топлива в собственных

¹ Рыков А. И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 195–196.

нуждах, чтобы ослабить зависимость этого важнейшего вида транспорта от влияния цен угледобывающей отрасли, в которой, как полагали тогда власти, существенно завышают издержки своего производства. Тем самым, как и 10 лет назад, через транспортные издержки предполагалось воздействовать на общий уровень цен в народном хозяйстве.

В такой ситуации встал вопрос о задачах планирующего экономического центра по отношению к самостоятельным и конкурирующим друг с другом предприятиям. Отмечая полезность конкуренции внутри самого национализированного сектора, многие экономисты призывали дополнить эти решения укреплением государственного контроля за предприятиями. «Эта развивающаяся конкурентная борьба, может быть, имеет и положительные стороны, но она же таит и некоторые опасности, не учитывать и не предвидеть которых было бы большой ошибкой. Она открывает простор народнохозяйственной стихии... Контроль и регулирование работы предприятий осуществляется выработкой производственных планов и наблюдением за их выполнением; регулирование взаимоотношений осуществляется нормированием их торговой и меновой деятельности», — писал, например, Л. Намарский¹. В связи с этим постепенно формируется столь популярное впоследствии представление о «двухступенчатости» системы интересов субъектов планового хозяйствования, в которой государство выступает носителем интересов общих, а предприятие — локальных.

Все это были важные шаги в сторону, противоположную концепции «единой фабрики» и «плана-расписания». Однако подобное понимание проблемы предполагало сохранение за государственными органами управления права прямого руководства деятельностью подведомственных производителей. Этому способствовало и сложившееся определение хозрасчетных трестов как органов государственного управления входящими в их состав предприятиями.

Проблема взаимоотношения самостоятельных хозрасчетных единиц и ВСНХ так и не получила четкого решения. Декрет о трестах, официально провозгласивший авто-

¹ Намарский Л. Организационные проблемы новой экономической политики // Народное хозяйство. 1921. № 10. С. 6–7.

номию их в своей первой статье, ниже так формулировал роль ВСНХ, что последний получал возможность вмешиваться в деятельность трестов практически по всем вопросам. Именно на ВСНХ возлагалось рассмотрение и утверждение планов трестов, назначение и утверждение членов их правлений. ВСНХ был обязан непосредственно вмешиваться в деятельность треста, если находил в ней «вредное направление». Столь же условной, как и возможность самостоятельного принятия плановых решений, была ответственность трестов за эффективность своей деятельности.

В первые годы нэпа проходила интенсивная работа по оздоровлению финансов, стабилизации денежного обращения. Решение этих задач также происходило в сложных идеологических и хозяйственных условиях. Следуя логике военного коммунизма, многие считали, что время существования финансовой системы Советской России сочтено — коммунизм уничтожает товарно-денежные отношения, а с ними и финансы. Нэп обусловил движение в диаметрально противоположном направлении.

В печати 1921–1922 годов начинают активно обсуждаться вопросы валютной системы, государственного бюджета, налоговой политики и др. Ключевым моментом стало проведение с конца 1922 по начало 1924 годов денежной реформы, в результате которой падающий совзнак был заменен червонцем. Вместе с тем противоречивым оставался механизм осуществления кредитно-денежной политики, что оказывало дестабилизирующее воздействие на положение дел в народном хозяйстве. Искусственным оказался и курс червонца, что обуславливало в дальнейшем дополнительные сложности планового регулирования.

Помимо трех уже рассмотренных нами экономических условий, необходимых для свободного проявления экономических интересов как предпосылки их сознательного регулирования, существовала и еще одна проблема, без решения которой невозможно было поддержание устойчивых взаимоотношений между участниками хозяйственного процесса. Речь идет о правовом фоне, или даже фундаменте, на котором строится хозяйственная жизнь. Плановое регулирование в нормальной, а не в чрезвычайной ситуации требовало и стабильного правового механизма, юридических норм,

четко фиксирующих «правила игры» субъектов экономической жизни, перехода от абсолютного господства принудительных норм к нормам по преимуществу диспозитивным. Это — обязательный фактор преодоления анархии, создающий адекватные условия для предвидения хозяйственных последствий принимаемых решений. «Без законности не может быть экономического строительства», — настаивал уже осенью 1921 года С. Членов.

С. Членов подробно развивал эту свою основную мысль:

«Всякое частное предприятие построено на предвидении будущего, на калькуляции. Без этого его нет. Всякая калькуляция исходит из некоторого числа постоянных данных и старается учесть некоторое количество переменных. Чем меньше постоянных и больше переменных, тем больше калькуляция переходит в спекуляцию, предприниматель в спекулянта. Возможность, опираясь на закон, предвидеть юридические последствия как своих действий, так и действий своих контрагентов и вообще других лиц есть основа всякой частнохозяйственной деятельности. Там, где эти юридические последствия учтены быть не могут, там нельзя ничего предпринимать, ничего организовывать, нельзя вступать ни в какие договорные отношения...

Если мы не хотим, чтобы весь частный оборот свелся к спекуляции, паразитарной торговле и “кооперативному” и индивидуальному расхищению остатков государственного товарного фонда, то нужно создать правовую основу для существования здоровых частных предприятий. Нужно создать гражданские законы и гражданский суд. Суд независимый, революционный, неподкупный и юридически грамотный»¹.

Приводимый здесь пример наглядно свидетельствует о том, как неспособность власти обеспечить правопорядок, гарантировать сохранность жизни и собственности влияет на экономическую ситуацию, подрывая базовые стимулы для предпринимателя и возможность государства достигать стоящих перед ним целей:

«Понесет ли буржуазия теперь деньги в банк?», — спросили мы одного российского буржуа в день выхода декрета

¹ Членов С. Экономическая политика и революционная законность // Народное хозяйство. 1921. № 8–9. С. 26–27.

о неприкосновенности вкладов. Он нам ответил: «Неприкосновенность вкладов? А где неприкосновенность вкладчиков? Никто не понесет»»¹.

Практическая реализации принципов нэпа оказалась еще более сложной и противоречивой. Военнокоммунистический настрой сохранялся в сознании многих рядовых и нерядовых большевиков. План-расписание вовсе не отступил в сферу идеологии. Соппротивление новой системе было ожесточенным. Представление о нэпе как об отступлении играло здесь свою роль. Теоретики военного коммунизма постоянно следили за тем, чтобы «отступление» не зашло слишком далеко. Они настойчиво предостерегали от «перегибов» в реализации нэпа, призывали одуматься, остановиться, не заходить «слишком далеко», требовали противопоставить «коммунистическую реакцию» чересчур активным шагам по переводу предприятий на хозрасчет².

Резкие возражения вызывали предположения о развитии конкурентных начал в советской плановой экономике. Е. А. Преображенский, полемизируя с идеями относительно конкуренции государства с частником, по сути дела выводил национализированный сектор за пределы общепринятых понятий экономической целесообразности, сопоставления затрат и результатов. Более высокая эффективность (выгодность, рентабельность) капиталистических производителей по сравнению с госпредприятиями не рассматривалась им как существенный, критериальный фактор для оценки результатов функционирования предприятий. По Преображенскому имеет значение лишь большая прогрессивность всей социалистической системы по сравнению с капиталистической. Отсюда — апология государственной монополии в условиях диктатуры пролетариата. «Ограничение или даже ликвидация свободы конкуренции, всемерное использование преимуществ государственной монополии, борьба единым комплексом государственного хозяйства, комбинация экономических средств с политическими», — так кратко формули-

¹ Членов С. Экономическая политика и революционная законность. С. 26–27.

² См.: Ларин Ю. О пределах приспособляемости нашей экономической политики // Сборник экономических статей. Пг.: ГИЗ, 1922.

ровал он свое кредо. И кредо это не оставалось лишь в сфере чистой теории¹.

Во многом аналогичных взглядов придерживался тогда и Л. Д. Троцкий. Было бы неверно зачислять его в разряд противников нэпа. Он сделал немало для перевода российского хозяйства на рельсы новой экономической политики. Однако надо видеть и то, что, призывая к сочетанию на данном этапе планового регулирования с активным использованием рыночных категорий, Троцкий определяет основную задачу плана как создание наиболее благоприятных условий для развития госпромышленности — априорно самого передового сектора советской экономики. «Государственный план хозяйства в условиях нынешнего периода не ставит себе утилитарной задачи — заменить универсальным предвидением стихийную работу спроса и предложения. Наоборот, исходя из рынка как основной формы распределения хозяйственных благ и регулирования их производства, хозяйственный план сегодняшнего дня направлен на то, чтобы сочетанием кредитных, налоговых, промышленных, торговых факторов обеспечить государственным предприятиям максимальное преобладание на рынке, внести во взаимоотношения между этими факторами максимальное предвидение и единообразие, и, таким образом, опираясь на рынок, содействовать скорейшему его преодолению»².

Последний вывод станет позднее весьма популярным среди советских коммунистических идеологов. Анафемы в адрес Троцкого не помешают включить этот тезис в принятую в 1961 году программу КПСС.

Правовая ситуация была далека от того, чтобы обеспечивать стабильность экономического поведения как государственных, так и частных производителей. Частники сталкивались с поражением в политических правах. Юридические нормы были противоречивы, позволяли двусмысленное толкование и тем самым — простор для произвола. Показательной в этом отношении являлась уже первая статья граждан-

¹ Преображенский Е. А. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. М.: Издательство Главархива Москвы, 2008. С. 135.

² Троцкий Л. Д. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции. М., 1923.

ского кодекса РСФСР — кодекса, призванного регулировать экономическую жизнь в государстве. Здесь говорилось, что государство охраняет любые частно-правовые отношения, поскольку это не противоречит его социальному назначению. Понятно, каким источником для злоупотреблений властей могли быть такие формулировки.

Идеологи военного коммунизма нередко апеллировали к революционному энтузиазму рабочих, видя в нем противовес всему тому, что казалось им возрождением буржуазных порядков. Дело доходило до прямых заявлений об исключительно временном, краткосрочном характере системы новой экономической политики и следующим за этим призывом сохранять военнотроцкистские правовые и экономические отношения хотя бы явочным порядком. Вот характерный пример из работы одного из «певцов героического периода» М. А. Ларина, который открыто пропагандировал примеры того, как рабочие или местные партийно-советские органы нарушают правовые порядки, вводимые в стране и официально призванные гарантировать частный капитал от произвола властей.

«Атмосфера рабочей диктатуры разлита в нашей стране. Мы писали постановления о почитании спецов “зеницами ока”, мы уславливались считать, что профсоюзы “не имеют отношения” к управлению предприятием, мы шумно насаждали “гарантирующий приложениe частного капитала правопорядок” (даже ВЧК превратили в ГПУ) — и на днях у меня было два посетителя.

Председатель одного губпрофсовета на вопрос “Сколько процентов среди директоров предприятий вашей губернии составляют рабочие?” обстоятельно ответил: “На предприятиях, подчиненных губпрофсовету, мы провели почти все 100% рабочих, а о предприятиях, подчиненных центру, у меня точных сведений нет”. По всем законам, собственно, не существует предприятий, “подчиненных губпрофсовету”. Но он, рабочий этой губернии, член губкома, председатель губпрофсовета, и делая не официальный доклад, а просто разговаривая, он и говорит “по неписаной конституции”. А когда вы обращаете внимание на обмолвку, он приятно ухмыляется во всю ширину. Для “высшей политики”, надо понимать его усмешку, мы проголосуем все, что надо, но какая цена “зени-

цам ока”, и у кого в руках остаются вожжи, про то все мы превосходно знаем без всяких разговоров.

Другой товарищ из Ростова-на-Дону. Оказывается, они по “нэпу” перешли на снабжение города хлебом частными булочными. Владельцы пекарен, “вложив частный капитал”, пожелали с течением времени покруче использовать конъюнктуры (положение рынка) и взвинтили цены. Им предложили понизить, но, ссылаясь на условия рынка и свои интересы, они отказались. “Что же у вас сделали?” — “А у нас реквизи- ровали все булочные”. — “А потом что?” — “Отдали все булочные кооперативам, помогли им, и они организовали выпечку”. — “Что же владельцы сделали?” — “А владельцев посадили в тюрьму за сговор с целью повышения цен на хлеб”»¹.

В этих условиях у хозяйствующих субъектов не могло сформироваться никакой устойчивой мотивации к росту. А ведь регулирование рынка все основывается на такой мотивации и возможности воздействия на нее со стороны государства при помощи экономических рычагов. Ситуация складывалась крайне неустойчивая. План-расписание не уходил, а оставался рычагом, лишь ждущим применения вместо сомнительно- го планового регулирования рынка.

Противоречия институциональной среды периода становления нэпа наши отражение не только в хозяйственной практике, но и в решении конкретных вопросов планового регулирования. Соответственно этой ситуации развивалась и методология планирования. В напряженной полемике формировались институциональные и методологические основы планового хозяйства. Об этом и пойдет у нас теперь речь.

7.4. Методологическая дискуссия: из прошлого в будущее или из будущего в настоящее?

По мере становления рыночного хозяйства происходило постепенное формирование методологических основ макроэ-

¹ Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923. С. 53. Впрочем, по словам Н. М. Ясного, «Ю. Лурье был человеком, которого даже Ленин, испытывавший глубокое сожаление по поводу опыта военного коммунизма, считал сумасшедшим» (Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. С. 159).

кономического планирования и особенно планирования перспективного. Велась работа по уточнению и конкретизации новых методических, организационных и иных условий, необходимых для появления целостного и реалистичного плана.

Военно-коммунистический опыт здесь мало чем мог быть полезен. Зарубежная практика тоже отсутствовала: регулирование народного хозяйства в капиталистическом мире, миновав военно-централистскую стадию, решительно отказывалось от приобретений экономической практики того периода, и задачи государственного регулирования экономики западные страны будут решать несколько позднее. Однако Советская Россия должна была заняться вплотную этими вопросами уже теперь — и в силу идеологических особенностей режима (коммунизм не мыслился без планирования), а главное — из-за комплекса социально-экономических причин, связанных с существованием гигантского госсектора, деятельность которого следовало направлять, контролировать и координировать. Иначе эта система не имела внутренних стимулов к развитию.

Формирование новых методологических подходов происходило постепенно. Весь 1921 год еще не позволял существенно продвинуться за рамки военно-коммунистической методологии. Продразверстка заменялась продналогом, часть предприятий денационализировалась, часть переводилась на хозрасчет, а экономисты продолжали свою старую дискуссию о путях построения единого хозяйственного плана. Выходили статьи, авторов которых интересовало, как же точнее сконструировать всеобъемлющий план-расписание, причем особое внимание уделялось осмыслению и использованию накопленного в 1918–1920 годах опыта. Планы и программы военного коммунизма все еще оценивались как непосредственные шаги к подлинному централизму и плановому хозяйству уже в новых условиях, а сам этот план представлял лишь как наращивание усилий в прежнем направлении. Вновь и вновь в журналах, газетах и брошюрах подтверждалось, что именно национализация средств производства, овладение вольным рынком и замена его государственным распределением создают благоприятные условия для общехозяйственного плана. А дискуссия по проблемам планирования продолжала сводиться к технологии разработки плана, то есть к обсуждению

совокупности процедур, позволяющих получить директивный документ, взаимосвязанный во всех его частях.

Однако постепенно в экономической литературе, а особенно в практической деятельности ведущих экономических учреждений страны, все яснее проступают контуры новых работ. Поначалу внимание экономистов сосредоточивается на вопросах изучения, уточнения и конкретизации новых методических, организационных и иных условий, необходимых для появления реалистичной системы государственного планового руководства народным хозяйством.

На первом этапе дело ограничивалось разработками экономико-статистического характера применительно к отдельным отраслям. Стабилизация финансово-экономической обстановки, появление устойчивой валюты повышали реализм подобных расчетов. Будучи зачастую еще весьма грубыми, предварительными, они все-таки могли играть роль ориентиров для оценки перспектив хозяйственного роста.

В течение 1921–1923 годов разворачиваются исследования советского рынка, его основных характеристик, и особенно емкости, как исходного пункта народнохозяйственного плана. Предметом специального внимания становится анализ состояния и перспектив развития производительных сил вообще и основного капитала в частности, ведутся работы по экономическому районированию, налаживаются конъюнктурные наблюдения. На этой почве Госпланом в 1923 году были подготовлены доклады о перспективах развертывания отдельных крупных отраслей — промышленности, сельского хозяйства, транспорта.

Словом, вопросы централизованного хозяйствования ставились узко и конкретно. В основном они носили прикладной характер. Время абстрактных рассуждений и грандиозных проектов пока прошло, они ассоциировались с бесполезными фантазиями военного коммунизма. Разумеется, это не означало невнимания к макроэкономическому анализу: народнохозяйственное планирование не могло мыслиться иначе как комплекс крупных общезкономических проблем. Но ставились и решались они теперь по преимуществу в собственно экономических категориях, в противовес экономико-организационному подходу недавнего прошлого. Первостепенное внимание уделялось уже не тому, какие органы и в какой по-

следовательности должны вырабатывать плановые документы, но поиску и совершенствованию экономического инструментария, обеспечивающего тонкий анализ ситуации, динамики хозяйственных процессов, характера ближайшего и отдаленного будущего.

Особый интерес вызвали вопросы теории и практики балансового метода, считавшегося с самого начала одним из ключевых в планировании. Прежде всего речь шла об изучении реальной хозяйственной ситуации сквозь призму межотраслевых связей. Отчетный баланс, проблемами которого в той или иной мере занимались многие видные экономисты страны, должен был стать основой для построения в дальнейшем баланса планового. «Вне балансового построения никакие перспективные планы немыслимы, нужно все соразмерить и соотнести друг с другом, иначе у вас или окажется, что нет экономических ресурсов... для прекрасных технических возможностей, или окажутся экономические ресурсы для использования этих технических возможностей, но не окажется надобности, для которой эти продукты будут произведены вами, а может быть и надобность будет колоссальная, а купить никто не сможет и они будут лежать на складах и затруднять дальнейший процесс воспроизводства», — энергично говорил в конце 1923 года В. Г. Громан, выступая со специальным докладом о проблемах народнохозяйственного баланса в СССР¹. Акцент на баланс стал важным шагом в развитии методологии планирования.

В ведущих экономических органах страны разворачивалась работа по определению методологических подходов к построению балансовых схем, а также по изучению на этой основе состояния и перспектив развития советского народного хозяйства. В 1923 году экономико-статистическая секция Госплана приступила к построению итоговых народнохозяйственных балансов за 1923 год, а также за 1920–1922 годы, данные которых могли сыграть вспомогательную роль при оценке макроэкономических показателей, необходимых для определения перспектив. В отличие от первоначальных «натуралистических» представлений о задачах балансовых исследований, в этот период происходит ясное осознание того,

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 138. Л. 122.

что планирование в не меньшей мере, чем материально-вещественной пропорциональности, требует балансовой проработки проблем реализации. Госплан особо подчеркивал важность выработки в единстве стоимостного, материального и трудового балансов как для всей страны, так и для отдельных ее регионов.

Уникальная работа была выполнена сотрудниками ЦСУ во главе с П. И. Поповым — разработан первый отчетный баланс народного хозяйства на 1923/1924 год. Для этого пришлось решить ряд специальных методологических проблем, среди которых особое место занимает идея, получившая впоследствии название «затраты-выпуск». К сожалению, практика разработки таких документов на этом оборвалась на весьма длительный период, да и сами итоги работы ЦСУ смогли оказать лишь косвенное воздействие на собственно плановую работу. Баланс на 1923/1924 год был опубликован только в 1926 году, и для многих экономистов он оставался до этого времени недоступным.

Нам представляется особенно важным акцентировать внимание именно на данном моменте в становлении плановой методологии, поскольку в недалеком будущем проявится довольно двусмысленное толкование роли балансовых проблем в общей теории планирования народного хозяйства. Балансовые схемы, с одной стороны, образуют жесткий каркас тотального плана, связанного со сломом нэпа и последующим торжеством административно-директивного хозяйствования в нашей стране. Но, с другой стороны, развиваясь в обстановке западной рыночной экономики и политической демократии, анализ балансовых проблем будет нести в себе и высокий интеллектуальный потенциал, позволивший качественно углубить макроэкономические исследования, о чем свидетельствовали работы В. В. Леонтьева.

Повышенное внимание экономистов к конкретным вопросам методологии планирования не означало принижения роли методологии и вообще альтернативных подходов, лежащих в основе самой системы регулирования рыночного хозяйства. Лишь на какое-то время ослабло напряжение в полемике на эту тему, но ненадолго. В центр дискуссии встают методологические основы планирования. Анализируя их, экономисты стремятся ответить на вопрос: как добиться

ся органического сочетания в рамках переходного хозяйства значительных потенций рыночных стимулов и предпринимательской инициативы с преимуществами координирующей деятельности центра, позволяющей экономить силы, избегать напрасной потери ресурсов.

При решении возникающих здесь задач можно было двигаться двумя разными путями. Один предполагал делать акцент в политике центра на всесторонний учет рыночных тенденций, содействуя их наиболее полному выявлению и амортизируя неизбежные негативные моменты. Другой, принимая рынок как объективную реальность, дающую определенные преимущества на нынешнем этапе развития страны, предполагал проведение такого централизованного курса, который по возможности нейтрализовал бы стихийные проявления товарно-денежных отношений. В первом случае целевые установки централизованного регулирования выступают как результат тщательного анализа объективно складывающихся экономических тенденций, альтернатив и возможностей, заключенных в наличных ресурсах (социальных, материальных, финансовых). Во втором — цели плана основываются на социальных установках и потребностях политической власти, а рынок, создавая определенные стимулы для хозяйствующих субъектов, не имеет решающего значения в собственно плановой деятельности — целеполагании, выборе приоритетов роста и последовательности предпринимаемых мер; рыночные тенденции и индикаторы следует учитывать и при необходимости нейтрализовать.

Названные подходы основываются на различной методологии. Но было бы неоправданным упрощением сводить размежевание между ними к рассмотренному выше противостоянию идеологии нэпа и военного коммунизма. Связь здесь есть, но она не столь прямолинейна. Различие в методологии планирования по критерию оценки роли рынка проходило между экономистами — активными приверженцами принципов новой экономической политики. И если с самого начала нэпа противостояние в области идеологии между его сторонниками приняло открытые, непримиримые формы, то альтернативность методологического характера, о которой мы сейчас ведем речь, проступала гораздо менее отчетливо, не становясь очевидной для всех. В отличие от первого

разделения, здесь нередкими были колебания экономистов между двумя направлениями. Эта противоречивость позиций исследователей на первых порах оставалась элементом научного поиска и лишь позднее вышла за рамки науки, став фактором идеологического противостояния.

Пока же, в первой половине десятилетия, происходило только формирование двух качественно различных подходов к методологии построения плана, остававшихся еще в рамках идеологии новой экономической политики. Рассматривая их, мы будем обращаться к работам ряда видных советских экономистов. Однако из-за определенной нечеткости позиций многих из них разграничение может быть проведено лишь условно. И оно не сохранится в таком же виде позднее, когда научные дискуссии будут переведены в идеологическую и политическую плоскости.

Одно направление связывается прежде всего с именем Н. Д. Кондратьева, его соратников и единомышленников по Наркомзему и Конъюнктурному институту. Этот выдающийся экономист, известный своими работами в области макроэкономического анализа и статистики, подходил к народному хозяйству как к живому организму, тщательнейшее изучение которого позволяет определить направление его развития и основные характеристики его будущего состояния. Этот подход можно было бы сравнить с ролью врача, главным правилом поведения которого является «Не навреди!». Вмешательство в организм, с целью ли его лечения или профилактики, допустимо лишь при знании его «анамнеза», характера прошлой жизни и внутренних ресурсов, имеющихся на данный момент в наличии.

Н. Д. Кондратьев видел в плане по возможности точный прогноз будущего движения народного хозяйства. Чем точнее прогноз, тем он лучше. Естественно, прогноз должен был не ограничиваться описанием тенденций социально-экономических изменений в стране вообще, но иметь достаточно четкие временные рамки, придающие ему необходимую степень конкретности.

Роль научно-прогностической деятельности здесь не связывалась исключительно с особенностями советской хозяйственной системы, с ее социально-политической природой (диктатура пролетариата) и особым экономическим режи-

мом (высокий удельный вес национализированного сектора). Эта проблема рассматривалась в широком контексте развития мировой цивилизации и научной мысли, всегда пытавшейся соединить прошлое, настоящее и будущее. «Стремление человека приподнять завесу грядущего и предвидеть ход событий имеет такую же длинную историю, как и его попытки понять окружающий мир», — напишет немного позднее Кондратьев¹, четко формулируя тем самым общую основу своего подхода к планированию.

Сказанное, однако, не означало сведения роли прогноза к пассивному наблюдению за «ходом болезни» пациента — народного хозяйства, за стихийным развитием организма, предоставленного исключительно самому себе. «Кондратьевцы» сознавали необходимость учета особенностей планирования и прогнозирования в советских условиях. Также признавалось необходимым и возможным активно вмешиваться «в ход событий окружающей социально-экономической среды» для овладения стихийными процессами и подчинения их сознательному руководству со стороны государства. Другое дело, что планы будущего развития хозяйства тесно связаны с предвидением этого будущего. А предвидение требует объективного анализа. В связи с этим Кондратьев и его единомышленники разрабатывали широкий круг теоретических проблем экономической динамики, позволяющих выявлять тенденции развития народного хозяйства, их связь с текущей конъюнктурой².

Предполагалось получить таким путем важную информацию, необходимую для построения самого народнохозяйственного плана. «Совершенно очевидно, что проблема планового руководства социально-экономической жизнью органически связана с проблемой предвидения. План, конечно, не только предвидение стихийно разворачивающихся событий. План, одновременно, есть и программа сознательных действий. Но план без всякого предвидения ничто»³.

¹ Кондратьев Н. Д. Проблема предвидения // Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. С. 509.

² См.: Кондратьев Н. Д. К вопросу о понятиях экономической статистики, динамики и конъюнктуры // Там же. С. 9–39.

³ Кондратьев Н. Д. Проблема предвидения. С. 511.

По мнению Н. Д. Кондратьева, высказанному еще в ходе дискуссии о методологии планирования в Госплане в ноябре 1923 года¹, перспективный план должен включать в себя четыре части.

Во-первых, это анализ фактического положения, оформленный, по возможности, в виде баланса народного хозяйства.

Во-вторых, оценка выявившихся реальных тенденций с точки зрения тех принципов экономической политики, которые можно принять, чтобы ориентироваться в окружающей обстановке.

В-третьих, некоторая характеристика будущего состояния хозяйства. Но, в отличие от обрисовки исходного состояния, в этой части плана балансовую форму Н. Д. Кондратьев считал недопустимой. Упор предполагалось делать на качественные характеристики, в минимальной мере дополняя их количественными материалами. Это был ключевой момент данной позиции: «Я лично считаю применение метода баланса в тесном смысле слова к перспективному плану в смысле построения баланса будущего невозможным. Мы можем иметь баланс, но я считаю, что построение баланса перспективного — это задача утопическая»². В этих словах содержится решительный протест против фетишизма плановых показателей, который оказывался неперенным атрибутом административного планирования, позволяющего себе не считаться с объективной логикой хозяйственной жизни. Очевидно, уже тогда проявилась склонность центральных органов решать экономические проблемы самым фактом фиксации их в плановом документе в виде определенных количественных параметров. В дальнейшем, при разработке проектов пятилетних планов, этот вопрос встанет с еще большей остротой и приобретает непосредственное практическое значение.

В-четвертых, будучи одним из лучших для того времени специалистов по количественному анализу экономики, Кондратьев выступал против «фетишизма цифр». Он не ви-

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 138. Л. 98–99.

² Там же. Н. Д. Кондратьев пояснял свою мысль примером, который был тогда всем понятен: «Если нота Керзона в состоянии изменить баланс угольной промышленности, то о каком балансе всего народного хозяйства, построенном на 5–10 лет, можно говорить» (там же).

дел смысла в сведении плана к гигантским таблицам, которые он и его коллеги иронически называли «простынями», скрупулезно отражающими детали будущего состояния отраслей. «Необходимо категорически отказаться от фетишизма цифр», — говорил Кондратьев¹.

Наконец, в-пятых, план, по Кондратьеву, должен включать в себя систему принципов, методов и мероприятий по осуществлению намеченных перспектив. Во главу угла здесь ставился вопрос об организованности, упорядоченности рынка². Кстати, акцент на товарные, рыночные механизмы, который постоянно звучал в выступлениях Н. Д. Кондратьева, смущал многих плановиков, в том числе и придерживавшихся умеренных взглядов. «Н. Д. Кондратьев неправ в своей попытке идти по линии нэпа к законченному товарному рынку», — заметил как-то Г. М. Кржижановский, солидаризировавшись в этом пункте с таким радикальным участником дискуссии, как Е. А. Преображенский³.

* * *

Другое направление в плановой методологии связано с именем В. А. Базарова. Правда, подход, который получил в работах Базарова первоначальное и, пожалуй, наиболее глубокое обоснование, вскоре окажется идеологическим орудием, использованным для интеллектуального террора и по отношению к кондратьевской школе, и по отношению к самому В. А. Базарову и близким ему экономистам. Разумеется, не в постановках Базарова кроется причина этого террора. Но факт остается фактом: идеи, впервые получившие развернутое обоснование в базаровских работах, были использованы в политической борьбе.

А начиналось все безобидно и с научной точки зрения чрезвычайно интересно. Анализируя проблемы восстановления и дальнейшего развития российской экономики, В. А. Базаров и ряд его коллег поставили проблему оптимального (в техническом, экономическом и социальном отношениях) пути,

¹ Кондратьев Н. Д. План и предвидение // Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. С. 606.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 127. Л. 357.

³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 127. Л. 324.

позволяющего обеспечить коренную реконструкцию народного хозяйства страны. Развитие альтернативно, рассуждали они, и надо из множества вариантов выбрать наиболее предпочтительный. Тем более, что в советских условиях возможности влияния на экономический процесс становятся значительными благодаря активной роли в этом деле государства.

Определение крупной цели общественного развития, этапов на пути к ней и механизмов ее достижения — в этом видел суть народнохозяйственного плана В. А. Базаров. Строго говоря, в его логике не было места планированию обычного, плавно функционирующего народного хозяйства, когда все параметры известны и осуществляется нормальный, так сказать, процесс расширенного воспроизводства, то есть рост масштабов хозяйственной системы без качественных преобразований в ней, вызванных социальными потрясениями или техническим прогрессом. Иное дело, когда возникает потребность глубоких структурных сдвигов. Именно здесь и необходим настоящий перспективный план.

В. А. Базаров достаточно осторожно интерпретировал свое понимание роли плана и методологии его построения. С одной стороны, он не считал возможным ориентироваться при определении количественных параметров плановой цели на достижение пропорций 1913 года, что в общем-то было типично для многих его современников и имело под собой определенные основания. Такой подход, придавая формальный реализм плановым расчетам, мог вести к выбору отнюдь не оптимального пути решения реконструктивных задач. С другой стороны, Базаров ясно видел опасность увлечения радужными проектами светлого будущего, предостерегал против романтизма и валюنتаризма в определении плановых целей и механизмов. «План должен дать не вдохновляющую широкую картину возможных или желательных достижений, а точный чертеж и строгий учет тех объективно необходимых ближайших преобразований, без которых здоровое развитие народного хозяйства немыслимо»¹.

Выступая в Госплане с докладом о методологии перспективного планирования (ноябрь 1923 года), В. А. Базаров так определил свое понимание в тот период целевой установки плана:

¹ Базаров В. А. К методологии перспективного планирования. С. 6.

«Конечным пунктом перспективного плана мы должны поставить такой базис народнохозяйственной жизни России, при котором развитие производительных сил, достигая примерно довоенного уровня, характеризовалось бы максимальными качественными сдвигами, которые уничтожили бы явные аномалии довоенного хозяйства, в частности, существенно сгладили бы противоречия между городом и деревней»¹.

Механизм достижения цели был другим важнейшим элементом данной концепции. Именно здесь принцип оптимальности должен был проявляться наиболее полно. Размышляя об этом, Базаров пришел к парадоксальному на первый взгляд выводу. Неверным оказался очевидный, казалось бы, тезис о том, что о качестве плана можно судить по степени его выполнения. Сквозь призму оптимизационного подхода ситуация оказывается иной — совпадение плановых установок с результатами при определенных условиях может свидетельствовать лишь о том, что планом намечался неоптимальный путь, который и был реализован на практике.

В. А. Базаров конкретизировал свои рассуждения, сформулировав важнейшие критерии оптимальности планов, которые имеют общеэкономическое значение и стали важным моментом становления в будущем оптимизационных исследований. Во-первых, плавность движения народного хозяйства от исходного состояния к нормативному, что предполагает наличие хозяйственных резервов. Во-вторых, «соразмерность и внутренняя согласованность отдельных элементов реконструктивного процесса», что означает обеспечение в любой точке движения хозяйственной системы максимально устойчивого подвижного равновесия, обеспечиваемого системой среднесрочных планов. В-третьих, выбор кратчайшего, при соблюдении первых двух условий, пути к достижению намеченной цели, что выдвигает вперед в качестве актуальнейшей проблему темпа, по отношению к которой иные критерии являются уже вторичными. Если первые два критерия играют роль ограничений в формуле оптимизации, то третий задает целевую функцию².

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 138. Л. 113.

² Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9–13.

Наконец, еще одной принципиальной для базаровской логики планирования чертой являлся отказ от выделения жестких календарных сроков выполнения намечаемых целей, достижения искомого качественного состояния общества. Вряд ли, указывая на это, Базаров мог предвидеть те уродливые формы «календарно-планового» фетишизма, которые очень скоро займут прочное место в советской политической и экономической жизни. Выполнение планов к праздникам еще не стало обычным явлением советской действительности в начале-середине 1920-х годов. Однако имеющуюся здесь опасность формализации планового механизма предчувствовать уже было можно. Базаров считал более важным намечать качественные характеристики целевого состояния и промежуточных на пути к нему этапов, нежели привязывать их к календарным датам. Упор здесь делался на достижение искомого равновесия, то есть пропорционального прохождения системы через определенные рубежи при движении к цели. Конкретные же сроки зависят от разнообразных экономических, политических, социальных и иных обстоятельств, многие из которых невозможно учесть заранее. Иными словами, целевое состояние экономики описывается балансом, но сам этот баланс будет достигнут не к такой-то дате, а тогда, когда обстоятельства позволят его достичь. Зато в результате система будет находиться в равновесии, и ей удастся избежать кризисов и потрясений роста. В этом — существенное отличие понимания Базаровым плана от отождествления плана и прогноза, рассчитанного на определенную фиксированную перспективу.

Зигзаги неизбежны, утверждал В. А. Базаров:

«И как раз на фоне неустрашимых фактических зигзагов регулятивное значение тщательно продуманного плана выступает особенно ярко, ибо только идеальная линия плана дает возможность своевременно заметить каждый отдельный зигзаг, оценить его опасность и сосредоточить все усилия на подтягивании отстающих отраслей хозяйственного строительства. При отсутствии перспективной плановой директивы такое выравнивание линии развития происходит лишь на основании уроков опыта, лишь по мере того, как оказывающиеся в минимуме отрасли приводят к фактической централизации все хозяйственное целое, т. е. сопровождается громадной избыточной растратой производительных сил и государственных средств...

План дает лишь координаты той точки, какой мы, во что бы то ни стало, должны достигнуть, если желаем хозяйственно-го возрождения страны; отдельные отрезки пути к этой точке могут быть определены по величине и направлению лишь в конкретной обстановке места и времени; претендовать на сколько-нибудь точный априорный расчет погодного осуществления перспективной программы было бы или наименьшим утопизмом или прямым шарлатанством»¹.

Впрочем, такой подход не отрицал возможность проработки в аналогичных целях проблем хозяйственного роста в пяти-, десяти- и даже пятнадцатилетней перспективе, имея в виду, однако, «грубо приблизительный характер» подобных расчетов.

Как видим, логика построения плана здесь существенно отличалась от представлений Н. Д. Кондратьева. На основе целевой установки Базаров предлагал осуществлять следующие шаги к плану. Во-первых, составить перспективный и текущий балансы народного хозяйства; во-вторых, учесть изменения в области техники, которые были бы важны для достижения цели; в-третьих, определить на этой основе размеры необходимых затрат; в-четвертых, рассчитать ориентировочные данные по финансам и календарные сроки (в той мере, в какой это целесообразно). Подчеркивая необходимость балансовой проработки перспектив хозяйственного роста, В. А. Базаров уточнял, что речь не идет о «бухгалтерски-безукоризненном балансе»: «Полного баланса не будет, но необходимо создать некоторую схему балансового типа»².

Отдельные этапы на пути к коренной реконструкции советской экономики должны были характеризоваться определенными качественными признаками. Обычно выделялся один из таких рубежных моментов — переход от преимущественно восстановительного роста к реконструктивному. Отрицая необходимость последовательного решения задач первого и второго этапов, многие экономисты подчеркивали переплетение обоих процессов в реальной жизни и крайнюю условность разграничения их во времени. Однако надо было ответить на следующий вопрос: когда наиболее целесообразно отказаться от политики стимулирования именно восстано-

¹ Базаров В. А. К методологии перспективного планирования. С. 10–11.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 138. Л. 102, 113.

вительных тенденций и переключиться на поддержку реконструктивных задач? От этого зависела и стратегия экономической политики, поскольку закономерности обоих процессов противоположны. Экономический рост, осуществляющийся под воздействием восстановления, с течением времени замедляется, а реконструктивного — возрастает.

Проведя подобный анализ, И. Г. Александров доказывал, что наиболее выгодным моментом перехода от восстановления к реконструкции является тот, когда вклад обоих процессов в темп экономического развития оказывается примерно равным. Если реконструкция начинается раньше или позже, то государство может понести крупные убытки из-за совершенно излишней и невосполнимой растраты производительных сил¹.

Данный методологический подход не отрицал важности изучения реальных тенденций и закономерностей хозяйственной жизни. Кроме того, он содержал в себе еще один важный принцип, который был призван конкретизировать методологию планирования, опираясь на особенности советского хозяйства, и одновременно явился базой для политических спекуляций конца 1920-х годов.

Работая над проблемами методологии планирования, В. А. Базаров в 1923 году выступил с идеей разграничения двух подходов — «генетического» и «телеологического». Пользуясь этой терминологией, изложенные выше взгляды Н. Д. Кондратьева следует характеризовать как генетические. Под этим термином понималось выведение контуров будущего из тенденций настоящего и прошлого. Напротив, телеологический подход предполагал построение плана, отталкиваясь от стоящих перед обществом целей путем осуществления таких преобразований, которые являются наиболее желательными и выражают «тенденции здорового и прочного развития».

В. А. Базаров предложил четко разграничивать значение обоих подходов по секторам народного хозяйства. Телеология связывалась им с развитием промышленности и вообще национализированных отраслей. Генетика же относилась к необобществленному хозяйству, и особенно к сельскому, поскольку «здесь государство не является хозяином и может лишь косвенно стимулировать те или другие естественно намечающиеся

¹ См.: Александров И. Г. Восстановление производства в России. М.: Госплан, 1924. С. 1–3.

тенденции мерами экономической политики»¹. В более общем виде Базаров формулировал этот тезис следующим образом: «Основная задача перспективного планирования приводит к необходимости сочетать генетический и телеологический методы на почве отыскания оптимального пути развития... Поле телеологического конструирования тем сильнее расширяется за счет генетического прогноза, чем полнее охвачена данная отрасль хозяйства непосредственным оперативным влиянием государства... Государственный сектор является областью телеологических построений по преимуществу»².

Данное рассуждение можно принять двояко. С одной стороны, оно выступает ограничителем государственного произвола, ориентирует на учет объективных тенденций при разработке народнохозяйственных планов. Однако с другой стороны, этот подход указывает и на способы выхода за рамки экономических трендов (и в этом смысле экономической рациональности) — надо лишь активнее идти по пути огосударствления экономики. И вскоре, столкнувшись с препятствиями на пути ускоренного роста, советское руководство решительно пойдет на огосударствление, видя в нем источник «большого скачка».

В. Г. Громан, в то время тесно сотрудничавший с Базаровым, определял соотношение генетики и телеологии более решительно: «Учет объективных тенденций не равнозначен пассивному преклонению перед ними. Можно и должно противопоставлять этим тенденциям определенные телеологические цели, но лишь при условии, если в самой жизни могут найтись элементы, развитию которых можно оказать содействие, и которые объективно изменят указанные тенденции, можно рассчитывать на успех в осуществлении и поставленных телеологических задач. Пока таких объективных элементов нет, от данного телеологического намерения надо отказаться»³.

Базаров признавал условность своего разграничения и вместе с тем приходил к заключению об определяющей (из-за аграрного характера российской экономики) роли генетически выведенного плана сельского хозяйства как осно-

¹ См.: Базаров В. А. К методологии перспективного планирования. С. 8.

² Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9–10.

³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 191. Л. 241.

вы телеологических мероприятий в других отраслях¹. В этой логике уже содержался искусственный разрыв, опасность противопоставления одного другому, на что несколько позднее обратили внимание экономисты. Однако если бы все дело ограничилось здесь чисто научной полемикой, то никаких особых сложностей и трагедий в анализе методологических проблем вообще и соотношения генетики и теологии, в частности, наверное, и не возникло бы.

Кстати, и в более широком смысле рассмотренные два общих методологических подхода, хотя и были качественно различны, оставались доступными для принципиального соглашения. Взятые в чистом виде, они не содержали в себе еще идеологической несовместимости. Естественным и желательным являлось совмещение прогноза объективной ситуации и поиска оптимального пути социально-экономического роста. Важным фактором согласования обоих подходов могло стать изучение объективных закономерностей восстановительного процесса, которое действительно началось на рубеже 1922–1923 годов. Наконец, нельзя не заметить, что они дополняли друг друга даже в осмыслении тех признаков планового фетишизма, которые угрожали системе централизованного планового руководства народным хозяйством. Н. Д. Кондратьев предостерегал от увлечения формальной, количественной стороной дела, В. А. Базаров — от увлечения имеющими столь же формальное значение календарными сроками. Плановый фетишизм, действительно, особенно ярко проявился вскоре именно в этом.

Однако в научную дискуссию вскоре вмешались политика и идеология. Это оказалось губительным и для исследований, и для исследователей. Концептуальные и методологические расхождения оказались непримиримыми.

¹ Стоит подчеркнуть, что с этим подходом к планированию аграрного (необобщественного) сектора соглашался вплоть до 1927 года и председатель Госплана. Г. М. Кржижановский писал тогда: «По отношению к громадному разделу народного хозяйства, именуемому сельским хозяйством, система прямого планирования должна быть сведена в существенных чертах лишь к выработке правильных мероприятий косвенного регулирования. Как раз в этой области пока что доминирует закон больших чисел, и целевые установки как во времени, так и в пространстве резко отличаются по своему качеству от наших целевых установок в области промышленности и транспорта». (Кржижановский Г. М. Сочинения. Т. III. М. – Л.: ОНТИ, 1936. С. 223–224.)

ГЛАВА 8

Институциональный разрыв: Госплан и Наркомфин в 1922–1925 годах

8.1. Дискуссия ведомств как дискуссия политическая

Важной особенностью экономической жизни начала 1920-х годов было отсутствие монополизма и жесткой иерархии в планово-экономической деятельности. Помимо основных общехозяйственных органов (Госплана, Народного комиссариата финансов), различные отраслевые и региональные органы также разрабатывали плановые гипотезы, выходившие, как правило, за рамки подведомственного хозяйства. В этой деятельности не обходилось, разумеется, без противоречий и ведомственных амбиций. Но очень быстро выделилась одна проблема, занявшая ключевое положение и выражавшая глубинное, сущностное противоречие.

В основе регулирования хозяйственной жизни лежат два принципиально важных элемента, трудно согласуемых на практике, но одинаково необходимых для выработки и осуществления экономической стратегии. С одной стороны, это текущее регулирование народного хозяйства, поддержание в нем постоянного рыночного равновесия — подвижного, динамичного и в то же время

устойчивого. Здесь заключено основное условие управляемости хозяйственно целого, то есть действенности мер экономической политики и адекватной реакции на них производителей и потребителей. С другой стороны, существуют и проблемы собственно планирования, определения целевых установок народнохозяйственного роста, механизмов и путей их достижения. Оба элемента не могут существовать друг без друга.

В советской экономике решение этих двух задач не было институционально согласовано. Регулированием текущей хозяйственной жизни занимался в основном Наркомфин, а проработка общехозяйственных перспектив вменялась в обязанность Госплану. В этом конфликте отразились более глубокие противоречия социального и методологического характера, имевшие долгосрочные последствия для советской экономической системы. В данном случае мы сосредоточим внимание именно на институциональной стороне дела.

Характерная черта первых лет нэпа — доминирование Народного комиссариата финансов в планово-регулирующей деятельности. И это вполне объяснимо. Оздоровление финансовой системы, стабилизация денежного обращения и кредита, возвращение деньгам их нормальных функций создавали необходимые предпосылки для устойчивого, поступательного развития экономики. Возможности восстановления и реконструкции в условиях рыночного хозяйства напрямую зависели от выделения соответствующим отраслям и предприятиям ассигнований. Кредитная же система и бюджет находились с началом проведения денежной реформы под жестким контролем НКФ и лично его руководителя Г. Я. Сокольникова, для которого обеспечение устойчивости новой советской валюты (червонца) являлось основой его политической позиции в партийной и государственной элите.

От деятельности НКФ по существу зависел весь ход развития народного хозяйства, его отдельных отраслей и сфер. Разрабатываемые им контрольные цифры государственного бюджета становились наиболее важным плановым документом — на практике реализовалось лишь то, что могло быть профинансировано. Основным же критерием для принятия решений в НКФ являлось недопущение обесценивания валюты, поддержание устойчивости государственного бюджета, исчисленного в червонцах.

Особую и чрезвычайно важную роль Наркомфина и вообще финансово-кредитной системы в становлении планирования признавали в то время и руководители Совета Труда и Оборона, и Госплан. «Контрольные цифры НКФина явились прецедентом для контрольных цифр Госплана», — отмечал Г. М. Кржижановский. А как писал в начале 1925 года председатель СТО Л. Б. Каменев, «централизованный в руках пролетарского государства кредит является решающим фактором регулирования хозяйства, фактором, вносящим решающие коррективы, способные вызывать и предотвращать кризисы»¹.

Хотя формально Наркомфин существовал на протяжении всего периода военного коммунизма и как бы был унаследован от него нэпом, на самом деле очевидно решительное размежевание между одноименными ведомствами в эти совершенно различные периоды. В 1918–1920 годах руководители финансов не прочь были подчеркнуть в своих выступлениях неизбежность постепенного отмирания их органа по мере укрепления нового хозяйственно-политического режима. Еще в марте 1921 года, в дни работы X съезда РКП(б), «Экономическая жизнь» публиковала статью Р. Альского, считавшего актуальным в ближайшее время переориентировать НКФ в подобие гигантской бухгалтерии единой фабрики². Но последовательное проведение принципов нэпа потребовало крутого поворота, который и был осуществлен с приходом к руководству финансовым ведомством Г. Я. Сокольникова. На работу в НКФ были приглашены многие крупные российские экономисты безотносительно к их партийной принадлежности и политической ориентации. Они просто знали существо рыночного хозяйствования и умели решать вопросы его стабилизации и регулирования. Именно рынок с его тенденциями и законами стал основным полем планово-регулирующей деятельности НКФ. И понятно, что ведущее положение этого органа в плановом регулировании должно было повлечь за собой углубление рыночной (экономической) ло-

¹ Каменев Л. Б. Наши достижения и задачи в области овладения стихией рынка // Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 19.

² См.: Альский Р. Нужны новые методы работы // Экономическая жизнь. 1921. 11 марта.

тики в процессе формирования системы народнохозяйственного планирования.

Иное положение занимал Госплан — и логически, и исторически. Одной из весьма популярных в советской экономической науке догм стала увязка возникновения этой организации с переходом к нэпу. Такие представления должны были доказывать изначальную гибкость Госплана, его способность эффективно сочетать в своей деятельности административно-директивные рычаги управления с косвенными, рыночными. Однако подлинное развитие событий было совсем другим.

Во всех отношениях Госплан явился порождением военного коммунизма периода его наибольшего расцвета и глубокого кризиса. Образование Государственной общеплановой комиссии приходится на февраль 1921 года, когда сама идея возвращения рынка для правящих кругов страны была Крамольной. Госплан создавался на базе Комиссии ГОЭЛРО с целью продолжения и расширения начатого ею дела. То было время неколебимой уверенности высшего руководства (и прежде всего В. И. Ленина) в том, что ГОЭЛРО является наиболее важным шагом к построению единого хозяйственного плана, если не самим этим планом. Между тем результаты работ Комиссии по электрификации были далеки от анализа экономических проблем развития России вообще и достижения намечавшихся ею целей в частности.

Выросший из ГОЭЛРО Госплан не мог не воспринять всех иллюзий и противоречий своего предшественника, что нашло отражение и в первом положении о Государственной общеплановой комиссии (декрет СНК от 22 февраля 1921 года). Возлагая на нее задачу разработки на базе плана электрификации «единого общегосударственного хозяйственного плана, способов и порядка его осуществления», Совнарком вменял в обязанность Госплану согласование ведомственных и территориальных программ и предложений по всем отраслям народного хозяйства и установление очередности работ, разработку общегосударственных мер по развитию исследований, пропаганду сведений о плане и путях его выполнения. Из этого краткого перечня проступает административно-пропагандистская природа данного органа, что в дальнейшем оказывало существенное влияние на положение его в системе

общеэкономических учреждений правительства, на его будущую роль в организации хозяйственной жизни.

Преемственность Госплана и ГОЭЛРО проявилась отнюдь не однозначно. Сохранилась тенденция видеть в плане в первую очередь технико-экономический расчет, а уж потом дополнять его финансовой программой, комплексом мер экономической политики. В то же время, несмотря на многочисленные декларации о преемственности между ГОЭЛРО и Госпланом, о стратегическом характере разработок последнего, призванного конкретизировать программу электрификации и намечать общие перспективы развития советской экономики, с самого начала функционирования этого органа на него настойчиво возлагалось решение текущих задач, требовавших принятия директивно-распределительных решений. Сперва Госплану поручили оперативно заняться ликвидацией острейшего топливного кризиса весны 1921 г. и разработкой плана распределения топлива на год. Через полтора месяца председатель СТО потребовал в срочном порядке провести предварительные расчеты распределительных планов по всем «минимальным ресурсам». Так, постепенно центр тяжести в деятельности Госплана переносится на вопросы организации распределения и составления оперативных планов государственного хозяйства, на утверждение программ развития отдельных отраслей и территорий.

Даже беглое знакомство с протоколами президиума Госплана в 1920-е годы, не говоря уже о заседаниях его секций, позволяет увидеть обилие частных вопросов развития отраслей и подотраслей и даже отдельных производств. И хотя руководители Госплана постоянно жаловались на чрезмерную загруженность своего учреждения «вермишелью», ни они, ни руководители правительства не были склонны решительно изменить положение дела. В сознании у многих сохранялось представление о превращении в будущем Госплана в центральный штаб, мозг той единой фабрики, светлый образ которой оставался слитым с грядущим социализмом.

Другая сторона вопроса связана с тем положением в хозяйственной системе, которое занимал Госплан. Ориентация по преимуществу на долгосрочные перспективы при отсутствии на деле возможности через экономические рычаги влиять на состояние рынка и, следовательно, несвязанность

ответственностью за него делали Госплан в какой-то мере заложником стратегических решений. Последние же находили и находят выражение не в категориях рыночного равновесия. Физические результаты прогресса — вот ориентир перспективного плана, а ради этого можно пренебречь и текущими проблемами, рассматривать их как неизбежные тернии на пути к звездам.

Правда, недооценка текущих проблем рыночного равновесия, выражавшаяся особенно ярко в подходе к финансово-кредитным вопросам воспроизводственного процесса, не всегда являлась осознанной и тем более не была примитивной военно-коммунистической. Хотя представление, согласно которому такая позиция может дать долгосрочный стратегический выигрыш, было довольно распространенным. Еще в первые месяцы существования Госплана своеобразное понимание роли финансово-экономических проблем плановой работы с предельной откровенностью выразил один из его руководителей, а в прошлом видный участник проекта ГОЭЛРО, П. С. Осадчий: «К числу благоприятных условий для проведения начинаний в области электрификации следует отнести упразднение у нас бюджетных рамок, препятствовавших в прежнее время осуществлению многих полезных начинаний». Словом, дезорганизация финансовой системы рассматривалась как благоприятный фактор для налаживания планового хозяйства и стратегического планирования¹.

По мере становления нэпа подобные откровенно антиэкономические постановки станут уже невозможны, однако отношение к финансовой стороне воспроизводства как к проблеме вторичной, полностью подчиненной задачам собственно производственным, будет сохраняться и постоянно проявляться

¹ Научно-технический вестник. 1921. № 3. С. 12. Отвечая на эти слова П. С. Осадчего, видный российский экономист Н. Шапошников иронически замечал: «В нормальных условиях приход хозяйства определяет его расходы, но в условиях свободной денежной эмиссии нет никакого такого предела. Здесь хозяйственные возможности ограничены только производительностью печатного станка. В меру этой производительности, с бюджетной, по крайней мере, точки зрения, все возможно: и по университету в каждом уездном городе, и немедленная электрификация всей России. Здесь никогда не сводятся концы с концами, здесь нет и не может быть нормального бюджета» (Экономист. 1922. № 4–5. С. 51–52).

в многочисленных дискуссиях, которые вели сотрудники Госплана с представителями Наркомфина и Госбанка.

Было бы неверно, впрочем, понимать дело так, будто с самого начала своего существования Госплан являлся оплотом антирыночных сил. Все было гораздо сложнее. После первых месяцев ставки исключительно на опыт ГОЭЛРО, к работе в Госплане стали привлекать многих видных экономистов (правда, в отличие от Наркомфина, Наркомзема, ЦСУ — почти исключительно социал-демократической или коммунистической ориентации). Предложения, высказывавшиеся в ходе разнообразных дискуссий в его рамках, нередко были внутренне (идеологически) противоречивыми, что отражало реальные сложности хозяйственной политики и хозяйственной идеологии периода нэпа. Стремление увязать всю государственную экономику в единую фабрику соседствует с предложениями о существенном расширении самостоятельности госпредприятий. Предложения об отделении от предприятий функций сбыта и монополизации их в руках центра уживаются с призывами бороться с монополистическими тенденциями в деятельности предприятий. Подход с позиций экономической эффективности переплетается с предложениями основывать хозяйственные решения на социально-политических приоритетах безотносительно к тому, как это может сказаться на состоянии производительных сил.

В результате к 1924 году в Госплане создалась ситуация, когда под крышей центрального планового ведомства сосуществовало сразу несколько пониманий существа народно-хозяйственного плана, принципиально друг с другом несовместимых. Так, предлагалось разграничить строительный (перспективный) план, основывающийся на программе ГОЭЛРО, и план эксплуатационный, объединяющий оперативные планы первичных производственных единиц. Эксплуатационный план должен был «врастать» в генеральный план реконструкции народного хозяйства. Очевидно, что подобное понимание плана, к которому тяготел Г. Кржижановский, отличалось обтекаемостью, явно выраженным «промежуточно-компромиссным» характером.

Гораздо конкретнее формулировались другие подходы. Влиятельная Топливная секция видела в плане связанное целое жестких программ с жесткими цифрами и календарными

сроками их выполнения. Идеалом здесь считали план добычи и распределения топлива, разработанный в 1921 году и выполненный почти на 100 процентов. Иного мнения придерживалась Сельскохозяйственная секция. Особое положение сельского хозяйства приводило к пониманию плана как системы и программ мероприятий по развитию отрасли и поднятию производительных сил деревни. Важная роль отводилась проработке финансово-кредитных вопросов, стимулов роста производства. Наконец, Секция районирования, считая односторонним пониманием плана как календарной программы и как системы регулирующих мероприятий, выдвигала свою идею сложного, комбинированного планирования, для которого решающее значение имеет организационная сторона дела. Поэтому основное внимание здесь уделялось созданию сети соответствующих областных плановых органов и четкому согласованию их деятельности с центром по разработке перспективных и операционных планов.

Все это находило проявление в противоречивой роли самого Госплана в хозяйственной жизни первой половины 1920-х годов. По поручению контрольных органов в 1924 году А. М. Кактынь провел анализ работы Госплана. Подготовленная им записка хранится в архивах. Она включает почти 90 страниц машинописного текста и представляет немалый интерес, поскольку ее автор не только вскрывает многие сложности и противоречия в работе Госплана, но и указывает на исторические корни возникновения и причины воспроизводства этих проблем.

Кактынь делает принципиальной важности вывод о ситуации, характеризующей положение самого Госплана. С одной стороны, многие работники Госплана (и особенно его Экономико-статистической секции, куда прежде всего были приглашены видные экономисты) уже в начале нэпа осознали и сформулировали принципы хозрасчета, которые выдвинули в качестве основных линий для новой политики зарплата, что позволило решительно отказаться от «уравнительно-собесного» подхода времен военного коммунизма. С другой стороны, «Госплан в той же Экономико-статистической секции в период развернутого нэпа, уже в формах денежного хозяйства и финансового капитала, даже после учреждения Госбанка и реорганизации потребительской кооперации и после

фактического падения реальности приемов Комиссии использования вел сложную работу по обоснованию идеологии и организации централизованного распределения материальных ресурсов, по выработке номенклатуры централизованного снабжения, по составлению общих распределительных планов, отчетов об их исполнении и учетных единиц, выражающих ценность отдельных благ и трудовых процессов в искусственно построенных измерительных единицах»¹.

Дискуссии, проходившие в первой половине 1920-х годов в Госплане, наглядно иллюстрируют приведенные замечания А. М. Кактыня, показывая и сложность идеологической и политической атмосферы, и противоречивость позиций многих его работников, включая склонность ряда из них к откровенному конформизму — качество, которое через некоторое время станет «вторым я» большинства экономистов и обществоведов в целом.

Ярким примером такой дискуссии может быть обсуждение доклада С. Г. Струмилина «К методике планирования» (с дополнениями В. Г. Громана) на заседании президиума Госплана, состоявшемся в октябре 1924 года. Председатель Экономико-статистической секции стремился вскрыть особенности экономического механизма нэпа, обуславливающие характер планово-регулирующего воздействия на народное хозяйство с целью «построения социализма в кратчайший срок». Суть централизованной политики Струмилин видел в объединении деятельности производителей как государственного, так и частного сектора, в подчинении второго первому не путем административного принуждения, а благодаря более эффективной деятельности госпредприятий, побеждающих в конкурентной борьбе на рынке. Это предполагало решительный отказ от методов революционного насилия и достижение «оптимальных производственных и финансовых результатов» — «не дубьем, а рублем». Для усиления действенности центра-

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 18–19. Любопытно заметить, что подобная противоречивость внутри самого Госплана весьма своеобразно проявилась с началом «великого перелома» и жестоких репрессий, обрушившихся на советских экономистов на рубеже 1920–30-х годов. В отличие от таких ведомств, как Наркомфин или Наркомзем, где за решеткой оказалась подавляющая часть ведущих специалистов, в госплановской среде произошел раскол, и его сотрудников арестовывали избирательно.

лизованного руководства экономикой Струмилин предложил идти по пути совмещения самостоятельности трестов (и даже предприятий) с созданием системы специальных централизованных финансовых фондов, позволяющих государственной власти воздействовать на ход реконструктивного процесса¹.

«Разрешение всех вышеуказанных проблем в смысле достаточной организационной и методологической их подготовки является чрезвычайно важной предпосылкой не только для разработки единого, в смысле целостности и внутренней согласованности, перспективного плана хозяйствования на ряд лет, но и для текущих планов — на каждый операционный год», — писал С. Г. Струмилин. Вряд ли этот осторожный человек мог ожидать, какую реакцию у коллег вызовет его доклад. Поддержанный по сути дела только В. Г. Громаном и В. А. Базаровым, он навлек на себя резкие обвинения политического характера. Идеи отказа в плановом хозяйствовании от методов принуждения, возможность допустить частные накопления и конкуренцию частника с госпредприятиями — все это было оценено не иначе, как «оппортунизм», «невыдержанность с марксистской точки зрения», как недопустимый «разрыв между экономическими и политическими моментами». Словом, твердая вера в непрочность нэпа и скорое торжество «истинного» социализма, стремление к решению текущих хозяйственных проблем в категориях вытеснения рынка планом — таковы были характерные черты мышления и деятельности немалой части госплановских работников.

По-видимому, именно в результате этого столкновения произошел перелом в позиции самого С. Г. Струмилины, который с тех пор стал трансформироваться в «несгибаемого планировщика-большевика», готового защищать любой зигзаг генеральной линии партии. Перерабатывая после обсуждения свой доклад, он весьма своеобразно изменил заголовок рукописи. Вместо «К методике планирования в СССР» появились

¹ В первой половине 1960-х годов аналогичные идеи выдвинул и подробно обосновывал В. С. Немчинов. Многими экономистами они тогда были восприняты с большим подозрением относительно их «социалистичности» и «идеологической чистоты». Эти идеи не нашли даже формального отражения в хозяйственной реформе 1965 года.

на свет тезисы «К методике преодоления нэпа». «Методика планирования» и «Преодоление нэпа», по-видимому, стали для С.Г. Струмилина понятиями тождественными¹.

Однако вернемся к тому, с чего мы начали эту главу. В системе планового регулирования советского народного хозяйства уже на первом этапе наметилось переплетение двух линий, принимавшее формы явного институционального противостояния. У обоих подходов имелись объективные основания, связанные с реальным противоречием между регулирующей и перспективной функциями планового хозяйствования. Poleмика между ними шла постоянно, хотя она и не всегда принимала открытые формы. Но по некоторым публикациям 1922–1924 годов, а еще более — по стенограммам различных дискуссий, проходивших тогда в центральных экономических ведомствах, можно проследить постоянное и напряженное противоборство.

Наркомфин активно занимался планово-регулирующей деятельностью, практическими шагами в области бюджета и кредитно-денежной политики, демонстрируя свою независимость от Госплана, не говоря уже о других хозяйственных ведомствах. Время от времени высказывались и прямые претензии НКФ на главенство в осуществлении государственного руководства народным хозяйством.

Примером такой позиции может служить статья «Задачи плановой комиссии по финансам», опубликованная в официальном органе НКФ и подписанная фамилией Григорьев. Автор, обращая внимание на изначальную недооценку госплановскими работниками финансовой стороны хозяйственных процессов, пишет следующее: «Во вновь образованном Госплане сидели главным образом техники-специалисты, которые вырабатывали и обсуждали самые широкие проекты развития производительных сил... вне всякого соображения с возможностями их осуществления для обнищавшей страны». Теперь же, в условиях активной и небезуспешной деятельности по стабилизации финансово-экономического положения, роль Наркомфина резко возрастает, в том числе и в планировании. Не только «государственный план хозяйства РСФСР

¹ РГАЭ Ф. 4372. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 218–242; РГАЭ. Ф. 219. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 12–14.

должен строиться в самом тесном контакте с НКФ», но, более того, «сам процесс государственного планирования должен принять... формы бюджетного плана». Основываясь на таких соображениях, Григорьев предлагал осуществить далеко идущие преобразования в планово-экономической деятельности: «На место существующей Финансовой комиссии Госплана, являющейся внутренним органом, призванным осуществлять финансовую разработку его предложений, должен стать новый орган самого финансового ведомства, намечающий отдельные грани работы других секций Госплана»¹.

Некоторые экономисты высказывали предостережения против попыток механического распространения «планового начала» на все сферы экономической жизни. С точки зрения ортодоксальных коммунистов, чем шире охвачено народное хозяйство централизованным планом, тем лучше. Однако логика рынка не допускает прямолинейных решений. Например, кредитная система, будучи эффективным инструментом экономического регулирования, не приемлет сколько-нибудь жесткого планирования. Это значит, что кредитную политику нельзя «привязывать» к намечаемым производственным программам. Ведь программа определяет выпуск отрасли продукции, исходя из возможностей производства, но зачастую вне четкой оценки перспектив сбыта. Кредитование же должно основываться на возможностях сбыта, а с этой точки зрения прекрасно оборудованное и полным ходом работающее предприятие в случае отсутствия сбыта может оказаться некредитоспособным. Поэтому регулирование народного хозяйства через кредитную систему, будучи всегда весьма действенным, может стать эффективным лишь при условии постоянного учета текущей хозяйственной конъюнктуры.

Вот как писал об этом в 1923 году А. Дезен:

«Кредитные учреждения путем расширения или сжатия кредита, дисконтной политики, преимущественного кредитования тех или иных отраслей промышленности оказывают слишком глубокое влияние на народное хозяйство... Недостатком наших кредитных учреждений является не от-

¹ Григорьев. Задачи Плановой комиссии по финансам // Вестник финансов. 1922. № 25. С. 8.

сутствие плана кредитования — таковой, на наш взгляд, будет нежизнен и неосуществим, а отсутствие правильной и последовательной кредитной политики. Увязка кредита с регулирующими функциями, присущими государству в период государственного капитализма, должна произойти именно в сфере этой политики.

Новая экономическая политика отвела известное место стихии рыночных отношений, и попытка сохранить это место в период развивающегося денежного хозяйства обречена на неудачу... Именно через кредитный аппарат государство и может влиять на рыночные отношения.

Руководство кредитной политикой не может быть... изъято из Наркомфина и Госбанка путем передачи хотя бы в Госплан, так как эта политика слишком тесно связана с повседневной работой кредитных учреждений. Кредитная политика есть в конечном счете разновидность финансовой политики, быть может, самая важная»¹.

Такое понимание проблем планового регулирования основывается на признании фундаментального свойства рыночной экономики — права потребителя купить или не купить произведенный продукт. Поэтому принятие в плановом порядке решения о производстве той или иной продукции должно быть дополнено механизмом, позволяющим оценить значимость ее для потребителя и всего народного хозяйства. Иной подход предполагает либо казарму, где все потребление расписано заранее, либо тотальный дефицит, когда все произведенное будет потреблено. Однако настоящая оценка этих аргументов оказалась невозможной без долгого и тяжелого опыта последующих десятилетий.

Госплан же, со своей стороны, постоянно старался «приструнить» Наркомфин и связанный с ним Госбанк, опираясь на поддержку ряда мощных хозяйственных ведомств, особенно на ВСНХ и НКПС. Последние, стремясь к возможно более быстрому восстановлению своих отраслей, требовали крупных ассигнований, выдача которых могла подорвать устойчивость червонца. Со своими жалобами они шли в Совнарком, в СТО и непременно в Госплан, где обычно нахо-

¹ Дезен А. Плановое кредитование или кредитная политика // Экономическая жизнь. 1923. 3 ноября.

дили сочувственное понимание. Аналогично обстояли дела и с региональными (республиканскими и областными) органами планирования и управления. Предпринимались различные попытки ограничения независимости НКФ, а по возможности и привязки его к Госплану. Имелось в виду обязать финансовое ведомство выделять кредиты в полном объеме в соответствии с централизованно утверждаемыми планами и программами. Для этого предлагалось, в частности, использовать некий комитет государственных заказов, проект создания которого активно обсуждался в начале 1923 года. Или путем разработки и обязательного утверждения кредитных планов Госбанка в Госплане гарантировать свободный доступ отраслей государственной промышленности к финансовым ресурсам¹.

8.2. Торжество планового администрирования

Итак, противоречие обеих линий планово-регулирующей деятельности было налицо. И оно не могло не проявиться в острой форме. За какой тенденцией будущее? Ответ зависел, с одной стороны, от тенденций развертывания самой хозяйственной жизни, а с другой — от соотношения сил в политическом руководстве страны, от приверженности его тем или иным идеологическим доктринам планового хозяйствования.

Важное значение для перспектив становления системы планирования, да и для судеб самого нэпа, сыграли события конца 1923 — начала 1924 годов, а именно — осенний кризис сбыта и избранные пути его преодоления. Затоваривание складов промышленных предприятий, не снижавших цены, несмотря на отсутствие сбыта своей продукции и огромную физическую потребность в ней населения (прежде всего крестьянства), ослабление покупательной способности деревни из-за снижения сельскохозяйственных цен в условиях хорошего урожая — так можно очень кратко охарактеризовать сложившуюся тогда ситуацию. Она стала результатом переплетения множества факторов, которые сами были порождены

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 254–255; *Кржижановский Г.* Итоги плановой работы // *Экономическая жизнь*. 1923. 9 ноября.

сложностями и противоречиями новой экономической политики.

Свою роль сыграло и положение государственных хозрасчетных трестов, монополистический характер которых был предопределен и организационными принципами их формирования, и преимущественным положением в экономике как объектов государственной собственности, и дефицитом подавляющего большинства товаров на внутреннем рынке. Ситуация усугублялась и ошибочной кредитной политикой: усиленное кредитование трестов червонцами под товарное обеспечение позволяло им продолжать производственную деятельность без реализации, поскольку они стремились максимально использовать выгодную для себя конъюнктуру.

Все это свидетельствовало о недостаточной продуманности и последовательности экономической политики, о наличии серьезных трудностей и противоречий самой хозяйственной жизни. Трудностей, с которыми можно было бороться в логике той системы, которая их порождает или, наоборот, ломая эту логику, логику рыночного равновесия и экономического стимулирования.

Государство встало на путь административных мер, близких и понятных правящей партии, да и широким слоям населения. Правда, был еще выбор — применять ли административные меры с целью демонополизации или сделать упор на административное снижение цен для быстрого преодоления товарного голода. Выбран был второй путь, принесший поначалу нужный результат и в общем-то приемлемый в тех условиях, если рассматривать эти действия как временные и тактические.

Еще оставался выбор — расценить принимаемые меры как разовые, вместо которых должны быть включены экономические (рыночные) механизмы, или увидеть в них фундаментальные черты новой экономики. Именно к последнему выводу и пришли руководители правительства, что несколько позднее оформилось и нагляднее всего проявилось в концепции, согласно которой советская власть должна противопоставить монополизму своих (государственных) трестов политику административного снижения цен.

Утверждалось, что таким путем удастся подталкивать производителей к снижению издержек, то есть получать те же

результаты, к которым при капитализме приводит конкуренция. Нетрудно заметить генетическую связь подобного решения с идеологическими стереотипами «единой фабрики», объединяющей «цеха» в гигантскую монополию и одновременно желающей, сохранив жесткий иерархический тип внутренних связей, оградить себя от монополизма «цехов». Это была новая интерпретация остро дискутировавшейся еще до мировой войны проблемы затухания конкурентного механизма и замены его механизмами прямого государственного направления и принуждения как раз в тех сферах, которые считались важнейшими элементами рыночной системы.

Такой поворот курса в Госплане восприняли отнюдь не однозначно. Например, выступая в президиуме Госплана в апреле 1924 года, В. Г. Громан, руководитель образованного недавно Конъюнктурного совета, говорил: «Если до сих пор политика цен совпадала с объективной политикой рынка и приводила к тому, что предприятия не задерживали товары на складах, потому что рынок принимал эти товары, то сейчас картина получается иная». Предлагая предоставить промышленности больше свободы маневра, он настаивал на том, что «практика снижения цен должна быть оставлена». Однако возглавлявший тогда Госплан СССР А. Д. Цюрупа немедленно отверг эти предложения, подчеркнув невозможность для государства отказаться от регулирования частного рынка в порядке административном, путем административного воздействия на товарные цены, причем ради этого, утверждал он, можно даже поступаться доходами и работать в убыток¹.

С этого времени происходит постепенное угасание нэпа и начинает усиливаться роль Госплана именно как органа, уходящего своими корнями к практике военного коммунизма. Это подметил и А. М. Кактынь, написав в своей записке, что в уже 1923 году проверка и согласование производственных программ, распределительных планов, экспертиз по техническим вопросам стали главными в работе Госплана, тогда как реконструкция народного хозяйства и взаимосвязь эко-

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Ед. хр. 182. Л. 217. На рубеже 1920-х — 1930-х годов эти оценки Громана будут оценены как «вредительство».

номических и строительных концепций плана все более ослабевали¹.

Встав на путь административного регулирования хозяйственных процессов, руководство страны продолжало и дальше действовать по этой логике. Стимулы, характерные для рыночной экономики и позволяющие гибко согласовывать интересы различных хозяйствующих субъектов, становились в новых условиях бессильными. Экономические последствия такой политики были очевидны, да они и не замедлили сказаться в течение ближайших полутора лет. В стране начал обостряться дефицит товаров. Но это была уже не физическая нехватка продуктов, порожденная войной и разрухой, а сугубо экономический феномен устойчивого превышения платежеспособного спроса над его товарным покрытием, что еще более дестабилизировало ситуацию.

Естественно, встала задача строгого регулирования материальных потоков, причем финансовая сторона регулирования уходила в тень, начинала играть пассивную роль обслуживания товарно-материальных операций. Объективно появляется потребность в едином, то есть охватывающем всю «единую фабрику», плане, не только регулирующем, но и определяющем основные параметры функционирования «цехов».

Словом, уже к 1925 году из недалекого военно-коммунистического прошлого возрождается утопия всеохватывающего плана, столь близкого большинству ортодоксальных лидеров правящей партии. А удаление из Комиссариата финансов в начале 1926 года Г. Я. Сокольникова уже формально закрепляет поражение НКФ и победу Госплана в том споре, который был, действительно, историческим по важности поставленных в нем проблем и характеру решений, определив развитие страны на несколько десятилетий вперед.

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 19–20.

ГЛАВА 9

Место и роль государственного плана. Первые контрольные цифры развития народного хозяйства СССР

С первых шагов советского планирования широкое распространение получило понимание необходимости разработки трех типов планов — годового, среднесрочного (пятилетнего) и долгосрочного (на 10–15 лет). Позже эту систему стали называть «цепочкой Кржижановского». К середине 1920-х годов над годовым планом было поручено работать В. Г. Громану, пятилетним планом должен был заниматься С. Г. Струмилин, а долгосрочным — П. С. Осадчий (один из главных участников комиссии ГОЭЛРО), а позднее — Н. А. Ковалевский¹.

Центральное место в экономической жизни середины 1920-х годов с точки зрения формирования механизма централизованного регулирования хозяйственных процессов заняла разработка «Контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1925/26 г.», а также последовавшие затем острые дискуссии политического и экономического характера. Роль первых контрольных цифр развития народного хозяйства СССР в экономической жизни 1920-годов, в судьбе нэпа и вооб-

¹ См.: Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. С. 166.

ще в истории советской экономики исключительно важна — и не поддается однозначной интерпретации. Нельзя оценить однозначно также и логику, и методологию этого документа, его способность адекватно отражать весь комплекс хозяйственных проблем и путей их разрешения в тот сложный, переломный для страны период.

Именно тогда, в середине 1920-х годов, остро встал вопрос о характере дальнейшего развития советской системы. Нужно ли сохранять нэп? Возможно ли и дальше идти по этому пути? Ответы на подобные вопросы следует искать не в политических заявлениях партийных и государственных руководителей, а в конкретных особенностях экономического механизма, существовавшего тогда в стране. И в первую очередь — в инструментах государственного регулирования народного хозяйства. Тогда закладывались основы последующих политических решений — формировался фундамент будущего «великого перелома», означавшего слом нэпа и утверждение тоталитарного сталинского режима.

Но причем здесь первые «Контрольные цифры»? Сам этот документ и в еще большей мере разворачивавшиеся вокруг них острые дискуссии стали важнейшим моментом в сложном процессе интеллектуального, а потом и политического размежевания деятелей, объединенных ранее своей приверженностью нэпу. Характер плана, с одной стороны, отражал противоречия реальной хозяйственной жизни, а с другой — он сам был способен активно воздействовать на социально-экономическую среду, преобразовывать ее в соответствии с теми или иными целями.

9.1. Роль централизованного плана

Решение о разработке годового планового документа, названного по аналогии с бюджетом НКФ «контрольными цифрами», было принято в Госплане в начале 1925 года. Для этого была образована специальная комиссия, которую возглавляли И. Т. Смилга и С. Г. Струмилин. В разработке самого документа активную роль играли также видные сотрудники Госплана В. Г. Громан, В. А. Базаров, З. Л. Миндлин. Свою задачу комиссия видела в том, чтобы «дать на предстоящий год контуры важнейших народнохозяйствен-

ных элементов, установить их взаимную связь и обрисовать то состояние народнохозяйственного целого, которое по всей вероятности будет достигнуто в грядущем году, т. е. построить ориентировочный баланс народного хозяйства». Одновременно предполагалась «система экономических мероприятий, потребных для осуществления тенденций и плановых заданий, лежащих в основе перспективного народнохозяйственного баланса». «Контрольные цифры» в единстве с системой экономических мероприятий и рассматривались в качестве плана, содержащего в себе «те задания, которые должна поставить государственная власть в области народного хозяйства»¹.

Примечателен сам факт, что первый документ, претендовавший на роль целостного хозяйственного плана, был годовым. Это не соответствовало заявлениям, с которыми неоднократно выступали руководители Госплана, их представлениям о логике планирования, когда краткосрочный план должен был формироваться на базе долгосрочных.

Можно упрекнуть эту систему в некотором упрощении реальных экономических процессов, но в последовательности и внутренней логике ей не откажешь. Особенно если принять во внимание ставшую популярной тогда идею перспективного плана как стратегического документа, не привязанного строго к определенному временному интервалу, но вместо этого намечающего целевое состояние и пункты продвижения к нему.

Появление годового плана (хотя бы даже и в форме «контрольных цифр», чем подчеркивали его приблизительный характер) меняло первоначальный замысел. Конечно, годовой план разработать легче, и потому он появился раньше. Но верно и то, что годовой план разрабатывать легче, когда он имеет тенденцию быть расписанием «кому что произвести и куда поставить продукцию», а не конкретизацией общего стратегического курса применительно к текущим хозяйственным процессам. Народное хозяйство, в котором не действуют экономические стимулы, нуждается в механизме, способном иным (неэкономическим) путем стягивать отдельных субъектов в некоторую целостность. Эту роль и должен вы-

¹ Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 г. М. – Л., 1925. С. 7.

полнять государственный план, причем перспективным он быть не может.

Такой поворот, однако, произошел не сразу. Приступая к разработке первых контрольных цифр и представляя их в Совете труда и обороны (СТО), экономисты Госплана не ставили перед собой задачу подготовки плана-расписания. Наоборот, идеологические позиции большинства авторов этого документа были диаметрально противоположны военнoкоммунистическим, что привело в дальнейшем к трагическим развязкам, усиленным конкретными обстоятельствами «великого перелома».

«Контрольные цифры на 1925/26 год» появились в сложной ситуации. В середине 1925 года остро дал о себе знать товарный голод. В числе дефицитных оказалось еще не очень много продуктов, но как раз те, которые были необходимы не только городу, но и деревне — строительные материалы, ткани, кожаные изделия, сельскохозяйственные орудия. Тем самым подрывалась заинтересованность крестьян в реализации своих товаров. Под угрозой оказались важнейшие достижения нэпа — товарообмен между промышленностью и сельским хозяйством, дестабилизировался червонец и т. д. Возникал риск повторения ситуации 1916 и 1921 годов, когда крестьяне отказывались реализовывать продукцию. Однако тогда это было связано или с недовольством закупочными ценами (в 1916-м), или неприятием военно-коммунистических реквизиций (начало 1921-го). Теперь причина была в дефиците товаров.

Товарный дефицит требовал глубокого осмысления. Необходимо было ответить на вопрос о факторах, его обуславливающих, о случайности или закономерности его возникновения. В конечном счете, все упиралось в главный вопрос: является ли товарный голод результатом простого стечения обстоятельств, неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры, стал ли он следствием ошибок текущей экономической политики, или же, наконец, причины его надо искать в самой практике реализации нэпа, противоречивости и непоследовательности доктрины новой экономической политики?

Проблема стояла тем более остро, что, как показывала статистика, к концу подходил восстановительный период, и надо было определяться относительно модели дальнейшего развития страны. Обострялись дискуссии и политического про-

тивоборства внутри правящей партии, что накладывало отпечаток на характер обсуждения и решение экономических вопросов. В этой ситуации проблемы государственного регулирования вообще и контрольных цифр в особенности становились объектом повышенного внимания, они оказывались в центре жесткой полемики — не только экономической, но и политической.

Итак, после тщательного обсуждения в Госплане «Контрольные цифры» были внесены в Совет труда и обороны. 20 августа 1925 года состоялось заседание СТО во главе с Л. Б. Каменевым. Дискуссия продемонстрировала все проблемы и ограничения экономической политики в условиях доминирования государства в экономике. Началась ведомственная «борьба за план», перетягивание претендующего на значение надведомственного документа каждым в свою пользу. ВСНХ утверждал, что в «Контрольных цифрах» недооцениваются возможности промышленного роста и преувеличиваются размеры товарной части продукции аграрного сектора. Наркомзем, напротив, обвинял авторов проекта в чрезмерном индустриальном уклоне, в забвении нужд сельского хозяйства. Наркомфин, естественно, резко критиковал финансовые разделы документа. Подчеркнем еще раз, что полемика носила по преимуществу ведомственный характер, причем с явным отпечатком начинающих по мере приближения XIV партсъезда политических баталий.

На этом заседании Совета труда и обороны особенно ярко проявилось, как и предостерегали некоторые экономисты, что СТО не смог стать реальным, надведомственным планово-экономическим центром страны, а остался, как и во времена военного коммунизма, межведомственной комиссией. В таких условиях на роль надведомственной инстанции стал претендовать Госплан. Однако в дальнейшем, получив такие полномочия, Госплан сам быстро превратится в комиссию по увязке ведомственных интересов. Но это произойдет уже позднее.

Л. Б. Каменев, отметив ценность проделанной Госпланом работы, счел невозможным признать предложенную концепцию директивой экономической политики. По его мнению, «Контрольным цифрам» не хватало целостности, взаимной согласованности. «Это ряды цифр, а не система их», — такой

упрек получил довольно широкое распространение. Было предложено создать комиссию по определению роли «Контрольных цифр» в руководстве народным хозяйством, а пока ведомства предложили использовать их данные при составлении собственных годовых программ в той мере, в какой это окажется возможным.

Госплан упрекал СТО и лично его председателя в том, что он пошел на поводу у ведомств. Формальные основания для таких выводов были. Несмотря на развернувшееся во второй половине 1925 года широкое обсуждение «Контрольных цифр», официально к ним уже почти не возвращались. Обострялась политическая борьба. Обострялась хозяйственная ситуация. Высшему руководству вскоре стало не до Контрольных цифр. А конкретные экономические проблемы осени 1925 года потребовали существенного пересмотра госплановской концепции.

Что было действительно выполнено, так это рекомендация учитывать «Контрольные цифры» при разработке ведомственных программ. Хозяйственные наркоматы стремились максимально использовать документ в своих интересах, для обоснования собственных заявок на ресурсы, претензий к центру и контрагентам. И одновременно они резко критиковали проект в тех пунктах, которые их не устраивали. «В результате СТО не использовал проделанную Госпланом работу совершенно. Но ведомства использовали ее, причем в своих интересах, выпячивая те части цифр, которые шли по линии их интересов, и замалчивая те, которые им не нравились», — писал И. Т. Смилга. Он так характеризовал работу своего учреждения: «Основной задачей Госплана, в отличие от ведомств, является наблюдение за хозяйственным равновесием, что для ведомств является в значительной степени абстракцией. В этой работе Госплан имел все основания рассчитывать на поддержку СТО, однако, этой поддержки он не получил; ведомства же при отстаивании своих интересов были чрезвычайно активны»¹.

¹ Смилга И. Т. Наши хозяйственные затруднения // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 31–32. См. также: Пересмотр контрольных цифр народного хозяйства на 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 44–45.

Госплан в то время, действительно, еще не особенно грешил ведомственными пристрастиями, стремился быть объективным и независимым при формировании своей концепции экономического роста. Но основная проблема здесь заключалась в другом: насколько реалистична и насколько эффективна была заложенная в «Контрольных цифрах» концепция? Могли ли они сыграть роль общегосударственного ориентира, выводя экономику страны из обстановки начинающегося кризиса на новые рубежи хозяйственного развития? Ответы на эти вопросы зависели от того, как, в какой мере разработанный документ будет решать задачи увязки развития отраслей в некоторую хозяйственную целостность, а также формирования реалистичной концепции выхода из экономических затруднений при определении перспектив развития страны. Обе эти задачи тесно взаимосвязаны в теории и практике планирования. Но вместе с тем они имеют и самостоятельное значение, свою логику развития. Их анализ показывает особенности и возможности планового регулирования государственно-рыночного хозяйства, а также характер теоретической дискуссии и политической борьбы, которые разворачивались вокруг него.

Роль централизованного плана вытекала из общего положения Госплана в народном хозяйстве СССР и из фундаментальных принципов организации этого хозяйства. Ряд крупных хозяйственных руководителей и экономистов, связывавших построение социалистической экономики с внедрением в нее твердого плана для оперативного централизованного руководства народным хозяйством, были явно разочарованы «Контрольными цифрами» уже по самой их форме. Наиболее концентрированно эту позицию выразил заместитель председателя ВСНХ Ю.Л. Пятаков, отмечавший, что предложенный документ содержит слишком «суммарные» показатели и не дает конкретных заданий отдельным отраслям промышленности и производствам. Фактически это означало, что от централизованного плана ждали развернутых оценок перспектив отдельных производств, вплоть до предприятных, в масштабах предстоящего года.

В экономической литературе подобная точка зрения была подробно развита В. Шарым. Он подчеркивал необходимость централизованно выработать «вполне развернутый баланс

и хозяйственный план», в котором наркоматы «получат из рук Госплана без всяких усилий со своей стороны готовый план с детальнейшими заданиями по каждой группе производств и по каждому тресту», поскольку «настоящий план народного хозяйства должен быть выявлением того, “достаточно обширного” государственного ума, перед которым, как хотел когда-то Лаплас, не оставалось бы ничего, что не было бы для него недостоверно, и будущее, как прошедшее предстало бы перед его взором». Такая позиция объяснялась не просто идеологической детерминированностью автора, стремившегося к скорейшему утверждению тотального централизованного плана, отождествляемого с социализмом.

В. Шарый обращал внимание и на практическую сторону дела. Его аргументы в основном прагматического свойства: он убежден, что никакие иные плановые органы не смогут лучше Госплана выполнить эту задачу — ни по своему кадровому составу, ни по состоянию методологической и статистической базы планирования. Кроме того, ситуация на местах и перспективы их развития в решающей мере зависят от политического курса центральных органов планирования и управления, являясь для нижестоящих как бы «внешним фактором».

Принятие этих аргументов неизбежно влекло за собой фетишизацию народнохозяйственного плана и роли планирующего центра. Для В. Шарого сам централизованный государственный план становится критерием оценки положения дел в экономике страны. План априорно определяется как оптимальный, ошибка в расчетах Госплана исключается, и достижение на практике заданных параметров свидетельствует об успехе или неудаче всего хозяйственного развития за истекший период, а также о преодолении анархического начала и соблюдения дисциплины ведомствами¹.

Экономисты Госплана решительно, хотя и несколько двусмысленно, отводили эти упреки и аргументы. Особенно за-

¹ См.: Шарый В. План, баланс, контрольные цифры // Бюллетень Госплана РСФСР. 1926. № 4. С. 14–16. Как видим, такой подход прямо противоположен логике В. А. Базарова, для которого лишь анализ практического хода развития хозяйства является источником оценки — как плана, так и достигнутых результатов.

метно это по работам С. Г. Струмилина, являвшегося в то время членом Президиума Госплана. Именно он сосредоточился на противодействии критикам¹. В Госплане выдвигали аргументы двоякого рода, причем между ними нетрудно заметить противоречие принципиального, идеологического характера.

С одной стороны, предложения о разработке всеобъемлющих плановых документов, задания которых, разрабатываемые в центре, доводились бы до отдельных промышленных трестов, авторы «Контрольных цифр» отвергали, квалифицируя их как верный путь к бюрократизации планирования. «Легко себе представить, что это за архибюрократическое произведение получилось бы, если бы Госплан СССР, сидя у себя, здесь в Москве, на Воздвиженке, вздумал взять на себя роль всесоюзной няньки или какого-то попечительного проведения по отношению к каждому захоластному тресту, до которого в три года не доскачешь», — писал С. Г. Струминин. Роль «Контрольных цифр» в многоукладном хозяйстве виделась их авторам совершенно иначе. Акцент делался на задачи макрорегулирования. «Мы имели в виду динамическое равновесие бескризисного развития важнейших отраслей нашего народного хозяйства и прежде всего земледелия и промышленности». Существенным моментом тут являлось стремление к выработке целостной экономической политики по отношению ко всему народному хозяйству безотносительно к его социальным формам, не ограничиваясь только государственным сектором. «Контрольные цифры», по замыслу Госплана, «дают такие рамки, в которые можно уложиться — в пределах возможного предвидения — не только государственный бюджет и все конкретные хозяйственные планы отдельных ведомств, но и все стихийные процессы хозяйственной жизни страны, предучтенные на целый год вперед»².

¹ Позднее С. Г. Струминин весьма преуспел в противодействии разного рода критика советского планирования и генеральной линии партии — его выступления приобрели характер «разоблачений вражеских вылазок на плановом фронте». Пока же полемика ограничивалась резкими отповедями оппонентам, хотя уже в тут можно почувствовать железные нотки борца за «генеральную линию».

² См.: *Струминин С. Г.* В защиту контрольных цифр Госплана // *Плановое хозяйство*. 1925. № 10. С. 7–9.

Понятие «директивность» активно использовалось при определении места годовых «Контрольных цифр» в хозяйственной системе СССР. Однако смысл его существенно отличался от того, что принято обозначать термином «директивное планирование». В первых «Контрольных цифрах», включавших в себя особый — директивный — раздел, речь шла о директивах экономической политики, выдвигаемых перед государственными органами и формулирующих основные моменты концепции хозяйственного роста, осуществляемой государством. Директивность, по первоначальному замыслу, не должна была стать источником чрезмерной жесткости самой экономической политики. При подобной постановке задачи «Контрольные цифры» Госплана по отношению к государственным хозяйственным органам должны были и могли выступать лишь как «связная система индексов предполагаемого развития нашего народного хозяйства на 1925/26 г., с тем, чтобы отдельные ведомства, работая каждое в своей области, имели в виду и общую увязку всего народного хозяйства». Сам С. Г. Струмилин в конце десятилетия отойдет от соображений такого рода.

А в начале 1926 года с развернутой интерпретацией недирективного характера госплановских «Контрольных цифр» выступил В. Г. Громан. В его дискуссионных тезисах проводится четкий водораздел между военнотроцкистским и нэповским госрегулированием, между планом-расписанием и планом-регулятором хозяйственной жизни. Это — согласование разнородных и разнонаправленных интересов различных субъектов экономического процесса, причем как частных производителей, так и государственных предприятий, а также ведомств. Все они (частный сектор, трудовые коллективы, имеющие собственные интересы ведомства и местные органы управления) являются, по мнению Громана, источниками стихийности в народном хозяйстве, которому может противостоять плановое начало, учитывающее эти интересы и объективные тенденции, соподчиняющее их в форме плана и системы регулирующих мероприятий¹.

¹ См.: Громан В. Г. Тезисы к пересмотру контрольных цифр на 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 83.

Состоявшийся в марте 1926 года I съезд плановых органов даже официально закрепил эту позицию в своей резолюции, отвергнув трактовку «Контрольных цифр» как плана-расписания: «Контрольные цифры по своей сущности представляют собой связанную систему цифр, дающую попытку отображения реального динамического равновесия народного хозяйства в органической связи с определенной экономической политикой, и ни в коем случае не могут быть рассматриваемы как цифровое расписание на будущий год»¹.

Но была и другая сторона в позиции Госплана. Отказ от всеобъемлющего плана-расписания объяснялся не только объективной потребностью разработки документа, играющего регулятивную роль, но и отсутствием технических и организационных предпосылок, слабой статистической базой и рядом других факторов, не позволяющих пока разрабатывать подробный операционный (фактически директивный) план. Понятно, что механизм реализации такого плана должен был бы качественно иным, предполагая иные процедуры планирования и управления, иное положение в народном хозяйстве объектов и субъектов планирования — соответственных, предприятий и плановых органов.

В общем, такая неоднозначная интерпретация роли «Контрольных цифр» с акцентом на формирование «основных линий экономической политики» была встречена в экономической среде с пониманием. Аналогично рассуждали многие экономисты, в том числе и те из них, которые сами же резко критиковали содержание госплановского документа. Так, разделяя широко распространенные иллюзии относительно необходимости плана-расписания в будущем, Б. Бажанов писал, что предложенный проект не является планом народного хозяйства (поскольку плановое хозяйство отрицает рынок), но он может рассматриваться как план нашей хозяйственной деятельности, важность которого в современных условиях неоспорима².

Однако вставал естественный вопрос: каким должен быть план, при каких условиях он обеспечивает реализацию на-

¹ Проблемы планирования. М., 1926. С. 323.

² См.: Бажанов Б. Критические замечания к контрольным цифрам Госплана на 1925/26 г. // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI. С. 69.

меченных задач? Осенью 1925 года эти проблемы были заострены Г. Я. Сокольниковым. В его резко критических выступлениях по поводу «Контрольных цифр» содержались предостережения против излишней жесткости плановых установок в условиях рыночной экономики¹. Для руководителя Наркомфина такое отношение к госплановскому документу было совершенно естественным — и с содержательной точки зрения, и с ведомственной.

Сокольников исходил из признания того факта, что план, учитывающий все элементы хозяйственного процесса, на данном этапе социально-экономического развития СССР нереален. А потому глава Наркомфина постоянно подчеркивал, что преувеличение значения плановых документов, в какой бы форме они ни выступали (как указание или как прогноз), а также попытки связать экономическую политику директивами, является делом не только невозможным, но и опасным. Это невозможно в силу самой специфики многоукладной экономики: когда «огромное количество элементов находится вне нашей плановой воли», а единому государственному плану противостоит «целый ряд мельчайших стихийных планов и рыночных конъюнктур» (и прежде всего потребности 22 миллионов крестьянских дворов — носителей собственных «крестпланов»), народнохозяйственный план должен «уметь приспособляться к рыночной обстановке или непременно будет опровергнут». И одновременно было бы опасно считать, что само по себе наличие плана способно упорядочить хозяйственную жизнь, хотя бы в какой-то мере организовать ее и преодолеть стихию вопреки объективной логике хозяйствования; наоборот, основывающийся на таких иллюзиях государственный план может быть вреден, поскольку сам становится дополнительным источником стихийности в народном хозяйстве.

Укрепление планового начала как преобразующего, активного принципа экономической жизни являлось для Г. Я. Сокольникова функцией «достаточно высокого хозяйственного

¹ См.: Обсуждение контрольных цифр Коллегией НКФ // Финансовая газета. 1925. 18 сент.; Сокольников Г. Я. Пройденный путь и новые задачи // Вестник финансов. 1925. № 10; Сокольников Г. Я. Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания // Вестник финансов. 1925. № 11–12 и др.

подъема», означающего накопление необходимых ресурсов в руках пролетарского государства. В условиях «минимальных ресурсов планирование становится чрезвычайно трудным и, следовательно, должно быть в минимальной степени связывающим». «Тот, кто не имеет резервов, тот составляет планы, висящие в воздухе», — этот афоризм Сокольникова получил широкую известность в середине 1920-х годов.

Отсюда следовал еще один важный вывод: в обстановке общей нестабильности, когда страна только возрождается, а экономический центр еще не овладел в полной мере рычагами тонкого управления хозяйственными процессами, резко возрастает роль текущего регулирования (по сравнению с перспективным государственным планированием), возможности активного маневрирования на рынке в целях обеспечения большей стабильности и управляемости хозяйственной системы. «Тот, кто лишает себя свободы маневрирования..., если и не будет разбит наголову, то во всяком случае должен будет по целому ряду пунктов отступить... Мало составлять планы, надо уметь действительно хозяйствовать и понимать, где кончается применение плановой схемы и где наступает ответственность оперативного руководителя, живая хозяйственная работа».

Что касается конкретной практики составления планов, Сокольников полагал целесообразным в сложившихся условиях строить для первого полугодия планы более конкретные с тем, чтобы обеспечить накопление реальных ресурсов, на которые можно опираться в начале следующего полугодия. В этой связи он ссылаясь на опыт Наркомфина, именно так разрабатывающего бюджет.

Словом, противоположность «перспективных» и «регулятивных» функций планового хозяйствования приняла вполне оформленный вид. Причем, как и следовало ожидать, разграничение позиций экономистов произошло именно по линии Госплан — Наркомфин. Однако вскоре обнаружился и еще один, дополнительный фактор этого противостояния, придававший ему новую направленность и особую остроту.

Речь идет об участии Г. Я. Сокольникова в «новой оппозиции», резко полемизировавшей со сталинским руководством ЦК накануне и во время XIV съезда партии (1925 год). В результате вместо содержательного анализа проблемы со сто-

роны некоторых представителей Госплана посыпались политические обвинения. Утверждалось, что глава НКФ выступает «не только против данных контрольных цифр, а против планового хозяйства вообще» (В. П. Милютин), а его суждения о планировании квалифицировались как «жалкая мещанская утопия». Именно здесь жестко и довольно неожиданно для ряда высокопоставленного сотрудника Госплана прозвучало противопоставление плановых мероприятий рыночным механизмам и тенденциям. «Нет, не приспособляться к ней (рыночной обстановке — В. М.), а сознательно приспособлять ее самое к нашим плановым устремлениям, вот единственный надежный путь к наиболее безболезненному и бескризисному развертыванию нашего социалистического хозяйства», — это вновь слова С. Г. Струмилина¹.

Как видим, некоторые работники Госплана параллельно с защитой своего детища оказались на этой почве вовлеченными уже в политическую борьбу. Логика этой борьбы неизбежно заставляла делать новые шаги на пути утверждения в центральном плановом органе антирыночной идеологии, которая позволяла обеспечивать продвижение Госплана к верхним ступеням иерархической структуры управления народным хозяйством СССР. Однако это будет делом следующих нескольких лет, причем жертвами возвышения Госплана станут и многие его сотрудники, не пожелавшие изменить своим экономическим убеждениям.

Будущий раскол Госплана наглядно прослеживается в этой дискуссии не только самим фактом двойственного толкования роли «Контрольных цифр», но и конкретными позициями его сотрудников по обсуждавшимся вопросам. И здесь у Сокольникова было немало идейно близких ему людей. Так, например, с размышлениями о крестплане, вызвавшем столько резких обвинений, выступал почти тремя годами ранее П. И. Попов — один из руководящих работников Наркомзема и Госплана. Он говорил на заседании Президиума Госплана в феврале 1923 года: «Вообще является большой ошибкой видеть в крестьянском хозяйстве не крестьянское хозяйство, а хозяйство трестов, которые составляют чуть ли не ежедневно свой хозяйственный план, и хотя крестьянин не имеет ни-

¹ Струмилин С. Г. На плановом фронте // Плановое хозяйство. 1926. № 1. С. 35.

какого представления о так называемом организационном плане, тем не менее он его фактически проводит куда лучше директоров многих наших трестов и синдикатов»¹. В принципе аналогично подходил к оценке роли плана сельского хозяйства в общей системе планирования и В. А. Базаров, когда утверждал, что генетически выведенный план аграрного производства составит базу промышленного общегосударственного плана.

Однако пока политический уклон в плановой дискуссии оставался довольно ограниченным. Искусственность подобного противопоставления плана и рынка была очевидна многим экономистам, включая, наверное, и С. Г. Струмилина, который только что сам разрабатывал плановый документ, в значительной мере опирающийся на данные рыночной конъюнктуры.

Вообще, метафизическая постановка вопроса: «Что первично — план или рынок?» — не получила на том этапе социально-экономической жизни страны доминирующего звучания. Вопрос чаще ставился иначе: «Какой план? Какая стихия?». И при ответе обращалось внимание, что в самих стихийных силах имеются тенденции, ведущие в желательном (как с экономической, так и с социальной точек зрения) направлении. В стихийных процессах, утверждал тогда В. Н. Сарабьянов, содержится искомая «социалистическая составляющая», опора на которую была бы чрезвычайно важна в планировании². Кроме того, сам план должен нести в себе противоречивое взаимодействие как стихийных, так и организованных элементов.

По словам Б. Бажанова, план нашей хозяйственной деятельности «будет реален настолько, насколько правильно в нем учтены характер хозяйственных связей и действительный эффект тех или иных экономических явлений; учтены не только действительные следствия наших экономических мероприятий на неорганизованную часть народного хозяйства, но и действительные следствия влияния неорганизованной хозяйственной степени на организованную и скон-

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 339.

² См.: Сарабьянов В. Основные проблемы НЭПа: план, регулирование, стихия. М.: Московский рабочий, 1926. С. 93.

центрированную в наших руках». Развивая эти соображения, Б. Бажанов связывал директивность плана с его концептуальной целостностью, с его способностью четко сформулировать стройную систему экономической политики, обеспечивающую динамичное равновесие народного хозяйства благодаря «умному маневрированию», проведению необходимых мероприятий.

9.2. Плановые расчеты и хозяйственные реалии

Другой проблемой, активно обсуждавшейся в связи с проектом первых «Контрольных цифр» Госплана, стала, естественно, содержательная сторона документа — концепция экономического роста и методологические принципы ее формулирования.

Перед страной встали две задачи, решение которых и составляло ядро разрабатываемой концепции. С одной стороны, подходил к концу восстановительный период — объемы производства основных видов продукции приближались к показателям 1913 года. Правда, это означало, что так и не удалось обеспечить развитие народного хозяйства по наиболее эффективному пути, предполагавшему «наложение» процессов восстановления и реконструкции. Однако политиков и экономистов не особенно расстраивал данный факт, поскольку восстановление удалось завершить значительно быстрее, чем предполагалось поначалу.

С другой стороны, надо было решать проблему обострившегося товарного голода. Власти предприняли летом 1925 года ряд шагов по преодолению возникших затруднений, но все дело свелось к различным мерам административного воздействия на производителей и торговлю: был ужесточен контроль за ценами, запрещено продавать продукцию частным торговцам, введены планы распределения продукции («планы завоза») по отдельным областям и республикам. Свою деятельность по снабжению рабочих товарами активизировали и профсоюзы, однако и здесь все дело свелось к требованиям борьбы с частником и административного снижения цен, невзирая на дефицит товаров. В общем, преодоление товарного дефицита виделось на путях административных, а не экономических.

В представлении экономистов Госплана преодоление товарного дефицита и завершение восстановительного процесса были взаимосвязанными задачами, для решения которых от государства требовалось осуществить одни и те же мероприятия экономической политики. Объяснялись они той методологической базой, на которой анализировалось реальное состояние народного хозяйства и выводились контрольные цифры его развития в ближайшем году. Речь идет о так называемых закономерностях восстановительного процесса.

Исследование восстановительных закономерностей, начавшееся еще в 1922–1923 годах, велось по двум взаимосвязанным направлениям. В. А. Базаров рассматривал общий закон восстановительного процесса, получивший название «затухающая кривая» (имелось в виду, что по мере исчерпания восстановительных возможностей скорость хозяйственного роста замедляется, если процесс восстановления в данной отрасли совершается в «чистом виде»), а также влияние на этот закон различных факторов роста и модификации его в конкретных условиях¹. Одновременно В. Г. Громан и возглавляемые им работники Конъюнктурного совета Госплана исследовали эмпирические закономерности восстановления; они прослеживали в советской экономике наличие тенденций к определенным стоимостным пропорциям, аналогичным дореволюционным. Это объяснялось тем, что при одинаковом материально-техническом базисе (при той же технологической базе) равновесное состояние требует аналогичных стоимостных соотношений, достижение которых в современных условиях является естественной ступенью на пути к дальнейшим прогрессивным народнохозяйственным сдвигам².

Суть восстановительного роста состоит в том, что происходит он в результате посткризисной политической и макроэкономической стабилизации, при наличии значительного

¹ См.: Базаров В. Текущая хозяйственная конъюнктура // Экономическое обозрение. 1923. № 1. С. 5; Базаров В. О «восстановительных процессах вообще» и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1; Базаров В. Перспективы нашего народнохозяйственного развития на 1925/26 год // Экономическое обозрение. 1925. № 8, и др.

² См.: Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1, 2.

объема незадействованных мощностей и за счет этих мощностей. Иными словами, восстановительный рост в чистом виде не требует инвестиций — или, по крайней мере, требует значительно меньше инвестиций, чем рост, основанный на создании новых производственных мощностей.

Результаты этих исследований и были в значительной мере использованы в качестве «регулятивных принципов» при определении коэффициентов, характеризующих динамику на 1925/26 год. Среди этих принципов следующие¹.

Первое. Все сектора достигают докризисного уровня примерно одновременно, что является условием пропорционального развития экономики. Иными словами, восстановление докризисного уровня означает также восстановление докризисной пропорциональности, у которой существуют определенные закономерности. Это означает, что отрасли, испытывавшие более глубокий спад, растут быстрее, чем отрасли менее пострадавшие.

Второе. В экономике существуют некоторые устойчивые коэффициенты, стремление к которым объективных тенденций роста позволяет установить «не только для текущего времени, но и для ближайшего будущего динамическую систему равновесия, т. е. такие количественные соотношения между отдельными сторонами народнохозяйственного целого, осуществление которых необходимо для того, чтобы грядущее развитие совершалось возможно безболезненное и при наименьшей затрате сил давало оптимальные результаты». В частности, наблюдения свидетельствовали о стремлении ценностных соотношений товарных масс промышленности и сельского хозяйства к пропорции 63:37, что позволяло делать вполне конкретные выводы относительно динамики цен на эту продукцию в зависимости от изменения объемов производства.

Третье. В период разрухи сильнее страдают наиболее сложные (в техническом или организационном отношении) виды хозяйственной деятельности (отрасли) и меньше — примитивные (сельское хозяйство, некоторые ремесла). Отрасли, обслуживающие первичные потребности (пища, топливо) были

¹ См.: Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 г. М. — Л.: Плановое хозяйство, 1925. С. 9–10.

дезорганизованы относительно меньше, чем производство средств производства.

Четвертое. Восстановительный процесс захватывает раньше ту отрасль, потребность в деятельности которой является наиболее настоятельной, и поначалу восстановление в ней начинается раньше.

Пятое. Финансовые параметры также закладываются в восстановительную модель. То есть в момент восстановления монетизация ВВП достигает примерно докризисного уровня. На финансовые процессы распространяются, таким образом, те же закономерности, что и применительно к производственным отраслям.

Шестое. Все сказанное предопределяет более быстрый рост доходов и потребления по сравнению с производством.

Седьмое. Восстановительный рост имеет затухающий характер, так как по мере продвижения вперед очень быстро исчерпываются ресурсы, этот рост питающие. Затухающий характер роста связан как раз с его неинвестиционным характером. Поскольку задействование мощностей происходит от более эффективных к менее эффективным, то, соответственно, с приближением к докризисному уровню должны замедляться темпы роста и остановиться рост производительности труда.

Разумеется, все эти ограничения справедливы для восстановительного роста в чистом виде. В реальности более естественной является параллельное с введением в строй действующих мощностей создание новых, то есть инвестиции в новое производство, сопровождаемое повышением производительности труда и фондоотдачи. Это существенно трансформирует реальный хозяйственный процесс, делая восстановительные закономерности хотя и важным, но лишь одним из ориентиров при прогнозировании и планировании экономического развития.

Из сформулированных в Госплане восстановительных закономерностей их авторы сделали очень жесткие выводы относительно перспектив хозяйственного роста. Поскольку к концу 1925/26 года восстановительный процесс, как ожидалось, должен в основном завершиться, темп роста отдельных отраслей и сфер экономики проектировался таким, чтобы в конечной точке все они достигли примерно состояния

1913 года. Признавалась необходимость сделать поправку на произошедшие социально-экономические (структурные) сдвиги, но в конкретных расчетах эти сдвиги учитывались весьма слабо.

Это означало, что при общем замедлении темпов по сравнению с 1924/25 годом рост промышленности будет опережать (и по ряду отраслей весьма существенно) показатели по сельскому хозяйству. Последнее, наименее деформированное за годы войны и ранее всего приступившее к восстановлению, опередило на этом пути промышленность, что и привело к значительному превышению крестьянского спроса над предложением производимых в городе товаров. Для изживания диспропорции и в полном соответствии с логикой восстановительного процесса повышенное внимание в предстоящем году Госплан предлагал уделить промышленности, направив в нее основной поток инвестиций. При общем росте индустрии по плану на 50% по учтенным отраслям динамика производства средств производства с учетом неодновременности начала восстановления намечалась выше, чем по производству предметов потребления, в большей мере захваченных уже «затухающей кривой».

Курс на преодоление товарного голода ускоренным развитием промышленности предполагалось подкрепить мерами, которые вызвали шок у многих экономистов. В соответствии с восстановительными закономерностями, достижение равновесного состояния, близкого к 1913 году, ожидалось не только в отраслевом разрезе, но и для финансово-кредитных проблем.

Исходя из единства материально-вещественной и товарно-стоимостной структуры производства, авторы «Контрольных цифр» ожидали к концу 1925/26 года достижения и в этих сферах параметров предвоенной России. Поскольку же, как свидетельствовала статистика, денежная масса в 1925 году отставала от товарооборота в сравнении с пропорцией 1913 года, а кредит отставал от денежной массы, то, соответственно, делался вывод о целесообразности превышения, причем весьма значительного, темпов роста кредита над денежной массой и последней — над товарооборотом. Тем самым решались бы и финансовые проблемы преодоления товарного голода через рост промышленности — она получала практически неограниченные возможности для кредитования.

Авторы «Контрольных цифр» сделали ошибку, которая потом будет повторяться многими экономистами, имевшими дело с проблемами кризисного и посткризисного хозяйства. В условиях кризиса (и особенно при высокой инфляции) монетизация экономики резко снижается — это, как было показано выше, вообще является одной из закономерностей революционного экономического цикла. Восстановление же монетизации происходит асимметрично. Это очень сложный и длительный процесс восстановления доверия к национальной валюте, который отнюдь не привязан в восстановлению докризисных объемов ВВП¹.

С учетом этих обстоятельств следует анализировать ситуацию, сложившуюся при разработке первых «Контрольных цифр». Она являет собой чрезвычайно интересный феномен формализации плановой логики и возникающего на этой почве фетишизма цифр и статистических выкладок, жертвами которого стали действительно незаурядные экономисты.

Само по себе исследование закономерностей хозяйственного роста — проблема очень важная. Идея построения планового документа на базе некоторых объективных закономерностей развития экономики, вытекающих из количественного и качественного анализа определенного периода, является крупным методологическим приобретением 1920-х годов. Она была практически утеряна на последующих этапах развития планирования, а вернее, превратилась в свою противоположность — в пресловутое «планирование от достигнутого». Между тем, изучение реальных закономерностей функционирования хозяйственной системы могло бы быть надежной методологической основой при принятии социально-экономических решений стратегического характера.

Однако закономерности могут при определенных условиях оказаться опасным орудием в руках аналитика, а еще более — руководителя. Применение жесткой схемы в экономическом

¹ Подобного рода ошибки вновь будут воспроизводиться в 1990-е годы, когда именно низкой монетизацией постсоветской экономики ряд экономистов будет мотивировать возможность мощных финансовых вливаний для преодоления спада и обеспечения роста. Впрочем, российские посткоммунистические правительства не будут следовать подобным рекомендациям.

исследовании, и особенно опирающейся на централизованную хозяйственную систему, способствует догматизации формулируемых решений, игнорированию многих других факторов, а иногда и очевидных экономических реалий. Догма, оказавшись привязанной к закономерности, становится самодовлеющим феноменом экономической политики со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И методологическая база «Контрольных цифр», и содержащаяся в них концепция экономической политики были подвергнуты жесткой критике со стороны видных экономистов страны. Полемика продолжалась на протяжении всего 1925/26 года, а отдельные отзвуки ее заметны и позднее. Реальное развитие народного хозяйства сопоставлялось с намечавшимся, обсуждались причины существенных отклонений от первоначально определенного курса, а также причины усугублявшихся трудностей и пути выхода из них.

Обобщая многочисленные высказывания относительно концепции первых «Контрольных цифр», можно выделить три наиболее важных и взаимосвязанных друг с другом направления критики. Во-первых, выдвинутые закономерности очень упрощают реальные тенденции, преувеличивая нормативную роль довоенного равновесия. Во-вторых, предложенная программа является по сути своей инфляционной. В-третьих, намеченный экономический рост не подкрепляется соответствующими расчетами, обеспечивающими сбалансированность расширенного воспроизводства.

Методологическая критика госплановского документа сводилась к следующему. Прежде всего отмечалась абстрактность «восстановительных закономерностей» для использования их в качестве основных регулятивных принципов планирования. На практике процессы восстановления и реконструкции переплетаются гораздо сильнее, не говоря уже о крупных социальных сдвигах, происшедших после 1917 года и оказавших огромное влияние на изменение характера хозяйственных взаимосвязей. Так, например, достижение довоенных объемов производства всеми отраслями народного хозяйства вовсе не должно сопровождаться восстановлением денежной массы в прежних размерах, так как земля теперь выведена из сферы товарного обращения, а многочисленные платежи крестьянства государству отменены.

Эти и другие особенности советской экономики по сравнению с дореволюционной не давали оснований ни для осуществления восстановительного процесса в чистом виде, ни для утверждений о том, что на данном этапе народное хозяйство однозначно стремится к достижению пропорций 1913 года. Особенно резко отнеслись многие экономисты к идее выявления устойчивых коэффициентов типа 63:37 между продукцией сельского хозяйства и промышленности. В нем увидели какой-то магический смысл, якобы препятствующий индустриализации, которая означает структурный сдвиг в пользу промышленности.

Далее выдвигалось соображение, что получаемые на основе закономерностей восстановительного процесса динамические коэффициенты не могут служить достаточно надежным обоснованием для экстраполяции, поскольку сами они опираются не на анализ внутренних причинно-следственных связей, а на эмпирические данные, которые вовсе не обязательно будут устойчивы даже в ближайшем будущем.

Наконец, резкой критике было подвергнуто стремление Госплана рассмотреть тезис о «более быстром развитии более разрушенных элементов» не только применительно к отраслям, но и в связи с отдельными сферами экономической жизни, включая денежное обращение и кредит. Ошибочность такого подхода объяснялась как особым характером исторического процесса развития этих сфер (они пострадали не просто вследствие общей разрухи, а в результате сознательного курса на их ликвидацию, и восстановление их в значительной мере проходило под прямым контролем государственной власти, причем на отличных от довоенного времени социальных основаниях), так и их особым положением в народнохозяйственной системе, автономностью по отношению к осуществлению материальных процессов.

Позднее именно «восстановительные закономерности» и «затухающая кривая» стали поводом для политических обвинений против В. А. Базарова и В. Г. Громана. Хотя их финансовые новации фактически были задействованы в стратегии индустриализации — правительство пошло по пути инфляционного финансирования, — сами они были обвинены в стремлении принизить экономические возможности диктатуры пролетариата.

Практика, действительно, не подтвердила в полной мере наличие «затухающей кривой» — темпы роста не снизились по мере приближения к докризисному уровню. Правда, сам Базаров дал объяснение этого феномена: в капиталистической экономике никогда не задействовано 100% мощностей, то есть достижение докризисного уровня не означает исчерпания запаса свободных производственных фондов. Оставался еще некоторый резерв, который и стал одним из источников роста в 1927–1928 годах¹. Подтверждением этого вывода служит, по мнению Базарова, и некоторое торможение производительности труда, поскольку по мере исчерпания мощностей вводятся в строй менее эффективные.

Однако к тому времени, когда начался поиск «врагов народа» в среде экономистов и инженеров, тонкости воспроизводственной статистики уже никого не интересовали². Более того, ошибочный прогноз, основанный на гипотезе о «затухающей

¹ Объяснения В. А. Базарова причин высоких темпов роста после 1926 года: «Вы здесь говорили, что в 1926/27 г. восстановительный период исчерпывается. Но вот 1927/28 г. дал еще больший рост. Конечно, тут обстоятельства конъюнктурные, но дело в том, что этот тип роста продукции без новых сооружений, путем большей нагрузки старых сооружений не прекратился. При капитализме никогда не может быть технически предельной нагрузки. Всегда экономический предел загрузки при капитализме меньше технически возможного. А у нас в наших специальных условиях это имеет место». (Плановое хозяйство. 1928. № 6. С. 152.)

² Обвинения авторов гипотезы о «затухающей кривой» в недооценке мощи пролетарского государства и во вредительстве тем более бессмысленны, что тезис о замедлении темпов роста по мере завершения восстановительного периода получил отражение в документах XV конференции ВКП(б) осенью 1926 года: «С завершением восстановительного периода дальнейшее развитие народного хозяйства упирается в недостаточность и отсталость унаследованной от буржуазного общества производственно-технической базы. Народное хозяйство вступает в полосу, когда темп его развития сильно замедляется сравнительно с истекшими годами... Развитие индустрии промышленности на основе расширения основного капитала никогда не могло и не может идти с такой быстротой, с какой происходило развитие промышленности на старой базе в восстановительный период». Более того, сами представления о замедлении темпов роста как угрозе советской власти отвергались тогда как пораженческие — «Совершенно неправильно пораженческая идеология, которая проявлялась в выступлениях оппозиции, связывающей с этим замедлением темпа срыв индустриализации и угрозу диктатуре пролетариата». (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 174–175.)

кривой», стал дополнительным аргументом в пользу отказа от ответственных экономических расчетов и развертывания «плановой вакханалии» эпохи великого перелома.

9.3. «Контрольные цифры» Госплана

«Контрольные цифры на 1925/26 год» так и не были приняты официально, но ряд решений и действий государственной власти во второй половине 1925 года соответствовали предложенной Госпланом концепции. Благоприятные виды на урожай вселили надежду на расширение хлебного экспорта, выручка от которого могла бы быть использована на закупку необходимых для роста промышленности сырья и оборудования. Под это были выделены значительные кредиты заготовительным организациям. Одновременно уже к середине 1925 года усилилось кредитование тяжелой промышленности, что сопровождалось увеличением спроса не только на средства производства, но и на предметы потребления со стороны вовлекаемых сюда рабочих. Дефицит на потребительском рынке возрастал.

Осенью ситуация обострилась: хлебозаготовительная кампания не оправдала связывавшихся с ней ожиданий. Урожай оказался ниже, чем предполагалось (во время уборки прошли дожди), а крестьяне из-за отсутствия нужных им товаров не были заинтересованы продавать хлеб. Между тем, в соответствии с намеченными планами осуществлялось щедрое кредитование государственных заготовителей, которые имели свои задания по закупкам и стремились их выполнить. Существенное превышение спроса над предложением и конкуренция государственных хлебозаготовителей друг с другом, принимавшая иногда дикие формы (порча мостов, перекапывание дорог, чтобы помешать «сопернику»), вели к росту цен на зерно. Невозможность отоварить свои деньги вынуждала крестьян придерживать хлеб. В результате снижались объемы и рентабельность экспорта. Объемы импорта также должны были сократиться. Наконец, общий рост цен негативно влиял на курс червонца — важнейшую предпосылку устойчивого функционирования рынка и эффективности планового регулирования.

Авторы «Контрольных цифр» продемонстрировали в этих условиях заикленность мышления, свойственную, как ока-

залось, даже крупным экономистам в ситуации, когда они оказываются погруженными в стихию абсолютной плановой идеи. Они убеждали научную общественность и хозяйственных руководителей, что все проблемы объясняются неожиданно пошедшими дождями, которые нельзя было предвидеть на стадии разработки документа. Даже принимая эти аргументы, нельзя не заметить, что остается открытым вопрос: как добиться, чтобы план не усугублял проблемы в случае неожиданного изменения ситуации, а, напротив, помогал бы быстро решать их.

Но дело этим не ограничилось. В Госплане продолжали пропагандировать курс на рост кредитования промышленности (хотя и в меньших объемах, чем предполагалось первоначально). Опираясь данными своих статистических исследований, здесь доказывали, что, несмотря на рост цен, у многих предприятий обнаруживается острый недостаток финансовых ресурсов. А, следовательно, для бесперебойного роста промышленности и преодоления дефицита надо предприятиям эти средства дать. Вовсе не инфляция порождает хозяйственные трудности, утверждал, например, С. М. Киселев, а дефекты планового снабжения, крупный спрос на строительные материалы и различные фабрикаты, чрезмерные поступления в госбюджет прибыли предприятий при усилении потребительского характера расходной части бюджета. Отсюда следовал вывод о необходимости и возможности расширения масштабов кредитования промышленности как условия роста предложения ее продукции на рынке при одновременной реформе государственного бюджета, направленной на ограничение потребительского спроса госорганов и кооперации. Для этого предлагалось использовать как методы жесткого (административного) планирования, так и налоговое регулирование покупательной способности населения¹.

Подобные рассуждения и предложения вызывали решительный протест у многих экономистов. Они подчеркивали, что мероприятия 1925 года уже нарушили важнейшую предпосылку нормального функционирования рынка — суще-

¹ См.: Киселев С. М. Оценка текущего состояния денежного обращения // Плановое хозяйство. 1926. № 6. С. 47–48.

ствование только того спроса, который вытекает из системы производства и обмена. Именно нарушение указанной предпосылки «повело к нарушению необходимого соотношения в отраслях промышленности, производящих средства производства и предметы потребления. Эти два условия привели к зарождению товарного голода на городском рынке. А все это вместе взятое послужило толчком к расстройству сельскохозяйственного рынка»¹.

Расширение объемов кредитования становилось опасным, даже если бы кредиты направлялись на производство предметов потребления. Ведь появлению новых товаров предшествует дополнительный спрос, способный обострить дефицит как непосредственно, так и по причине ускорения обращения денег. «В результате мыслим теоретически такой исход, что выброшенные по окончании производственного цикла на рынок новые массы товаров будут не только недостаточны для удовлетворения обострившегося товарного голода, но создают положение еще худшее, чем было до эмиссии новых денег», — писал А. Л. Вайнштейн².

Такая ситуация позволила некоторым экономистам высказать «Контрольным цифрам» Госплана упрек в слабой проработке вопросов сбалансированности макроэкономических пропорций, то есть соответствие между ростом национального дохода, накоплениями и инвестиционной программой.

В результате, не завершив еще восстановительного процесса, советская экономика столкнулась с перенакоплением («пузырем» или «перегревом», если использовать термины начала XXI века). Хотя Госплан и возражал на словах против чрезмерного роста нового строительства в 1926 году, его денежно-кредитная концепция была прямо противоположной. Но дело было даже не в концепциях и не в идеологии. Уже проявилось стремление предприятий к усиленному экстенсивному росту. Нередко они брали краткосрочные кредиты,

¹ Кондратьев Н. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI. С. 61.

² Конъюнктура народного хозяйства СССР и мирового в 1925/26 г. М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1927. С. 6.

высвобождая для капитальной работы те собственные средства, которые были помещены в товары. Все больше векселей предъявлялось к учету. Однако если госплановские экономисты видели в этом признаки нехватки денежной массы в обращении, то их оппоненты (например, Л. Н. Юровский) — опасный признак отсутствия у предприятий достаточных стимулов к осторожному и обоснованному использованию капитальных средств (перегрев)¹. Кроме того, расчеты показывали, что потенциальная товарность деревни еще не достигла довоенных показателей. Это лишало смысла исходный тезис об отставании промышленности от сельского хозяйства.

Подобные рассуждения приводили исследователей к выводу, что главной причиной кризисных явлений выступает несбалансированность роста всех отраслей и сфер народного хозяйства. Ставился вопрос о более осторожном определении размеров инвестиционной деятельности и более равномерном распределении капиталовложений между различными отраслями.

Признание факта перенакопления и необходимости обеспечения реальной сбалансированности воспроизводственного процесса (иначе говоря, наличие перегрева и макроэкономических дисбалансов) требовало определенных мер экономической политики, направленных на обеспечение рыночного равновесия, что и позволило бы преодолеть товарный голод. Именно на эти моменты делал упор Г. Я. Сокольников. Устойчивость курса червонца — центральный пункт его политики. Он прибегал к широкомасштабной валютной интервенции, настаивал на активном использовании импорта потребительских товаров и вообще товаров крестьянского спроса для поддержания рыночного равновесия. Сокольников выступал за усиление налогообложения зажиточных слоев населения, видя в этом фактор как смягчения рыночной напряженности, так и политического ослабления позиций деревенской «верхушки». Не менее важным способом обеспечения сбалансированного роста он считал «рестрик-

¹ Юровский Л. К пересмотру хозяйственного плана // Экономическая жизнь. 1925. № 262.

цию кредита» — ограничение выпуска в обращение новых платежных средств¹.

То был новый, драматичный этап противостояния обеих линий планового хозяйствования — директивной программы роста и системы рыночного регулирования. Точнее, это противостояние стало одним из стержневых моментов экономической политики, хотя ее содержание было, разумеется, гораздо шире.

На практике проводился непоследовательный курс, и обе стороны имели в дальнейшем основания обвинять друг друга в том, что именно мероприятия их оппонентов и обусловили все последующие сложности хозяйственной жизни. Прежде всего росли инвестиции в промышленность, что лишь подстегивало усиление спроса, опережающего возможности товарного предложения. Напряженность на рынке, понятно, не ослабевала.

Однако и курс на регулирование рынка оказался столь же неэффективным, как и попытки решения проблем через рост промышленного производства. Провалилась валютная интервенция: поглотив немалые запасы золота и иностранной валюты, она не смогла удержать курс червонца. Причиной этого во многом явилось усиление политической нестабильности на рубеже 1925–1926 годов, а также попытки решения экономических проблем административным путем — вытеснением частного капитала из сферы обращения товаров, из-за чего он устремился на валютный рынок. Идеологизация экономической жизни не могла не сказаться отрицательно на попытках действий через налоговую систему: усиление обложения деревенской «верхушки» оказало дестимулирующее воздействие на крепких крестьян, хозяйство которых выделялось наибольшей товарностью.

Одновременное снижение налога на беднейшие слои деревни сделало экономически бессмысленной первую акцию — покупательный спрос не ослаб, но лишь еще более сместился в область потребительских товаров. Ориентация на бедняка как на опору Советской власти давала наглядные хозяйствен-

¹ См.: Вестник финансов. 1925. № 10. С. 3–22; Вестник Коммунистической Академии. 1926. Кн. XVII. С. 200–205.

ные результаты. Противоречивость задач экономического роста и социальных ограничений выступала как непреодолимый фактор при поиске путей выхода из трудностей и разработки эффективного курса экономической политики. С этим феноменом еще предстоит столкнуться при рассмотрении проблем перспективного планирования.

Словом, отсутствие экономических механизмов, способных обеспечивать сбалансированность и динамичное развитие народного хозяйства, вело к повышению роли административно-директивного начала в планировании в ущерб рыночному регулированию и поддержанию равновесия хозяйственной системы.

Реальная ситуация была сложнее, чем это представлялось не только плановикам Госплана, но и многим деятелям Наркомфина. Она была связана не с принятием решений относительно перспективных параметров хозяйственного роста и не с тем или иным курсом в области текущего регулирования — при всей важности и того, и другого социально-экономическая система так и не смогла сформировать субъектов, заинтересованных в долгосрочном и эффективном развитии своих предприятий. Политическая и экономическая ситуации в стране отнюдь не интересовывали в таком росте, а, следовательно, в накоплении средств частными производителями вообще и крестьянами в особенности. Государственные же предприятия, независимость которых от управленческих органов неуклонно сходилась на нет, оказывались в противоречивом положении — будучи заинтересованными в своем росте за счет бюджетных ассигнований, они оставались безразличными к эффективности использования выделенных им ресурсов.

Все это означало, что плановое хозяйствование (как директивное, так и рыночное регулирование) лишается возможности опираться на интересы производителей, на что еще недавно возлагались надежды при обосновании взаимосвязи плана и рынка. В такой ситуации план во все большей мере должен был ориентироваться на административную увязку хозяйствующих субъектов друг с другом, а, следовательно, на физические (материальные) показатели в ущерб рыночному равновесию. И это положение нельзя было исправить

ни увеличением выпуска товаров, ни регулированием рыночной активности.

Хотя оба подхода не дали нужных результатов, административный нажим и партийно-политический диктат оставляли надежду на стабилизацию в экономики и обеспечение высоких темпов роста. Для этих же целей, естественно, больше подходил Госплан, способный обрисовать общедоступную картину «светлого будущего» и путей движения к нему, нежели Наркомфин с его постоянными заботами о рынке и конъюнктуре. И действительно, если с 1924 года соотношение сил постепенно меняется в пользу Госплана, то в 1926 году происходит окончательное поражение Наркомфина. Сменилось и его руководство: в январе с поста народного комиссара финансов был смещен Г.Я. Сокольников — политик, способный противостоять массированному давлению на финансовую систему партийной и государственной бюрократии.

Правда, именно в это же время появляются работы, авторы которых заявляют о необходимости углубить первоначальную концепцию нэпа в направлении последовательной реализации принципов функционирования рыночного хозяйства. В.В. Новожилов, Л.Н. Юровский, Я.Х. Репше публикуют статьи, в которых, отталкиваясь от анализа «Контрольных цифр» или текущих проблем экономической политики, начинают важный разговор о природе хозяйственного строя нэпа, о механизме его функционирования и направлениях совершенствования (или эволюционирования)¹. Ниже мы подробно изложим аргументы Я.Х. Репше, у которого логика рыночного регулирования в условиях советской экономики получала на тот момент наиболее подробное изложение.

Рассматривая сложившуюся к началу 1926 года ситуацию в народном хозяйстве, Репше соглашается с тем, что необходимы централизованные меры, включающие и соответствующую кредитную политику, и рыночное регулирование, и уравнивающие спрос и предложение цены. Но положи-

¹ См.: Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2; Репше Я.Х. Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1926. № 2; Юровский Л.К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12.

тельный результат они дадут лишь в том случае, если не будут идти «вразрез с реальной установкой наших хозяйственных организаций и их движущими силами». Поэтому, доказывалось автором, нужны серьезные изменения в самом механизме хозяйствования в направлении решительного отказа от прямого административного вмешательства в процесс производства и обмена товаров. И прежде всего это касается государственных предприятий, статус которых не может служить основанием для игнорирования их прав и интересов вышестоящими органами управления.

Подчеркивая принципиальную несовместимость принудительного плана и хозрасчета, Репше ставил задачу «перехода от административного к экономическому планированию»: «Каждая хозяйственная организация должна быть поставлена в такие экономические условия, чтобы, руководствуясь исключительно своей выгодой, она выполняла волю народного хозяйства». Экономическое принуждение эффективнее административного, а там, где первое само по себе не действует, государство должно создать соответствующую систему рычагов, позволяющую согласовывать интересы целого и отдельных его частей. Преодоление же администрирования должно быть доведено до логического результата — отказа от формальной плановой привязки потребителей к производителям и создания предпочтений одной (государственной) форме собственности перед другими.

Анализ последствий сохранения сложившейся к 1926 году ситуации, в которой административный уклон в планировании является явно преобладающим, приводил Я. Х. Репше к весьма неутешительным выводам относительно недалеких перспектив советской плановой системы. Во-первых, директивное задание воспринимается предприятием как нечто чуждое, враждебное его интересам и вместе с тем как нечто такое, «что можно обойти, устранить при некоторых манипуляциях и некоторой борьбе с регулирующими органами». Отсюда — неизбежность рассогласования интересов плановых и хозяйственных органов, стремление производителей к занижению своих возможностей под видом «борьбы за план». Во-вторых, в конечном итоге «мы останемся без всякого планирования», поскольку растущая мощь хозяйственных орга-

низаций (трестов) позволит им легко игнорировать требования плановых органов и руководствоваться исключительно собственной выгодой безотносительно к запросам центра и потребителей.

Однако к преобразованиям такого рода политические руководители страны не были готовы, а резкая отповедь, последовавшая вскоре после публикации статей Я.Х.Репше и В.В.Новожилова, также не способствовала углублению анализа в этом направлении.

Практика планового хозяйствования уже взяла иной курс. Постепенно расшатываются рыночные механизмы — свертывается самостоятельность предприятий, вместо конкурентной борьбы происходит удушение частного сектора мерами прямого принуждения, червонец теряет былую устойчивость, хозяйственное право практически бездействует. По мере этих изменений в сфере реальных хозяйственных отношений происходили неуклонные изменения и собственно в планировании — как в характере дискуссий, так и в плановой практике. «Контрольные цифры» и планы становятся директивными документами, в чем видят важнейший показатель укрепления планового хозяйства¹.

¹ «От контрольных цифр 1925/26 г. до контрольных цифр настоящего года (речь идет о 1927/28 г. — В.М.) — опять-таки крупная дистанция и в методологии планирования, и в целях его. Если в 1925/26 г. Контрольные цифры Госплана могли быть приняты только «к сведению», то цифровые лимиты и экономические директивы контрольных цифр 1927/28 г. уже предугадываются в качестве основной директивы для всех наркоматов при составлении ими оперативных хозяйственных годичных планов. Операционные планы, соответствующие утвержденным контрольным цифрам, могут быть утверждены и проведены в жизнь главами соответствующих ведомств. Пример наших контрольных цифр показывает, каким образом в области плановой работы мы перешли к развернутому плановому наступлению» (*Кржижановский Г.М. Сочинения. Т. III. С. 224*).

ЧАСТЬ IV

Пятилетний план и формирование советской модели хозяйствования

ГЛАВА 10

Перспективный план: появление официальной модели

10.1. Почему пятилетка?

Создание плановых документов, охватывающих продолжительный временной период, всегда привлекало внимание советских лидеров. О перспективном планировании шла речь в годы гражданской войны и военного коммунизма. С началом нэпа решение этой задачи, казалось бы, становится более реальным, и к 1927 году вокруг нее сосредоточивается центр дискуссий по вопросам централизованного руководства народным хозяйством. Тому было несколько причин.

Завершение восстановительного процесса потребовало определения концепции дальнейшего развития страны, и рост масштабов государственного инвестирования — координации хозяйственной деятельности во времени¹. Восстановление

¹ «Если в настоящее время материальные ресурсы позволяют нам уже приступить к такого рода капитальным затратам, к такого рода строительству, которое входит в хозяйственный оборот лишь по истечении 3–5 лет со времени своего начала, если общая ситуация, сопровождаемая ростом такого строительства, все с большей и большей остротой дает нам чувствовать необходимость перспективного планирования на такие же сроки, то, с другой стороны, самый масштаб всего нашего хозяйства в его целом, взятый сам

оказалось менее продолжительным, чем ожидалось в начале 1920-х, но осуществлялось без сколько-нибудь значительных реконструктивных мероприятий. Если восстановительный процесс в силу собственной внутренней логики мог развиваться как бы сам по себе, без четко выбранных стратегических ориентиров, то с выдвиганием на первый план задач реконструкции (модернизации) ситуация становилась иной. Реконструкция, даже при примерно одинаковом понимании всеми ее общей цели, может происходить различными путями, при разных (как по объему, так и по структуре) затратах и издержках — материальных, финансовых, а также социальных. Мало кто сомневался, что народное хозяйство СССР должно встать на путь индустриализации, то есть продолжить те тенденции, которые уже начали осуществляться на рубеже XIX — XX веков и особенно перед мировой войной. Но надо было выбрать путь и механизм решения этой задачи из имевшихся альтернатив.

Другая причина актуализации перспективного планирования была связана с изменением соотношения сил между центральными планово-регулирующими ведомствами, что в свою очередь отражало сдвиги в восприятии реальных проблем хозяйственной практики высшим политическим руководством. Как уже отмечалось, в 1926 году произошел окончательный перелом в пользу Госплана, который начал фактически (а не только формально) играть роль главного авторитета в планировании. Соответственно, вопросы текущего рыночного регулирования отходили на второй план. В 1926 году была свергнута столь ненавистная многим хозяйственникам «диктатура финансов», которая особенно ярко проявлялась в ограничении индустриальной экспансии более или менее жесткими кредитными рамками. Теперь финансовая сторона воспроизводственного процесса оказывалась подчиненной задаче построения социализма, отождествляемой с ростом государственной промышленности любой ценой.

по себе, уже делает невозможным ограничение работы планирования только сроками годовых операционных планов. Отсюда целый ряд попыток Госплана хотя бы временными прикидками заполнить эту брешь в сфере планирования». (Там же. С. 225.)

Это означало, что госбюджет и кредитный план теряли самостоятельное значение. Они становятся не более, чем разделами общего плана развития народного (точнее, государственного) хозяйства. Они не связаны в той мере, как раньше, проблемами текущего регулирования рынка. Не имея мощного оппонента, каким ранее был Наркомфин, Госплан смог, наконец, активно приступить к выполнению своей главной задачи — к выработке перспективного директивного плана. Тем более что к этому его толкали и решения партийных органов, и общественное мнение, для выразителей которого понятия «социализм», «светлое будущее» и «перспективный план» были слиты в единое целое.

После завершения работы над первыми Контрольными цифрами Госплан сосредоточивается на проблемах перспективного планирования. Именно в это время «цепочка Кржижановского» приобретает четкий и законченный вид: «Годовой план — это больше всего план эксплуатационный... Генеральный план, охватывающий 10–15-летний период, прежде всего имеет строительную концепцию, план пятилетний представляет и часть эксплуатационного плана, и часть плана строительства»¹.

В соответствии с решениями Первого съезда плановых органов была сформирована комиссия по генплану под руководством П. С. Осадчего. Она вскоре приступила к работе, начав сбор материалов по отдельным отраслям народного хозяйства. Усилия в этом направлении рассматривались как продолжение дела, начатого комиссией ГОЭЛРО. Очевидно, что

¹ Кржижановский Г. М. Сочинения. Т. II. М. – Л.: ОНТИ, 1934. С. 364–365.

Г. М. Кржижановский следующим образом объяснял логику советской плановой работы: «Сама наша плановая работа в своей совокупности представляет своеобразный диалектический процесс. Как мы начали? Мы начали с генерального плана, с плана ГОЭЛРО. По обстоятельствам времени мы должны были перейти как бы к партизанской плановой работе на отдельных хозяйственных фронтах: этого требовала борьба с разрухой, наступившей в послевоенный период. Через несколько лет такой работы мы приступили к составлению первых опытов по контрольным цифрам. Лишь пятилетняя работа над контрольными цифрами приблизила нас в этом отношении к некоторому стандарту, базируясь на опыте контрольных цифр, мы приступили к компоновке пятилетнего плана. Профиль плана нам удался, но до стандарта мы еще далеки». (Кржижановский Г. М. Сочинения. Т. III. С. 281.)

и здесь речь шла прежде всего о некотором глобальном проекте развития производительных сил страны. Недаром дело возглавил П. С. Осадчий — видный инженер, активный участник разработки плана электрификации, искренне веривший в приоритет инженерных задач по отношению к финансовым и экономическим.

Работа над генеральным планом затягивалась. Первую комиссию сменила вторая (во главе с Н. А. Ковалевским, 1928–1930 годы), а ее — третья (Г. И. Ломов, 1931–1933 годы). В этих комиссиях разворачивались интересные прогнозные исследования, собирался богатый материал, выдвигались новые подходы к анализу, включая опыты экономико-математического моделирования развития народного хозяйства¹.

Методологическая дискуссия в основном разворачивалась по вопросу о соотношении экономических и технологических факторов в качестве основы определения перспектив. С учетом опыта ГОЭЛРО была популярна идея рассмотрения генерального плана прежде всего как плана развития техники (или научно-технического прогноза), что особенно подчеркивал Г. М. Кржижановский. Это было тем более актуально, что под влиянием жесткой пропаганды и еще более жестких репрессий качество экономических дискуссии быстро деградировали, сводясь к популистским лозунгам и не требовавшим особого обоснования фантазиям.

Так, в представленном в комиссию Генерального плана в 1929 году докладе Л. М. Сабсовича «СССР через 15 лет» автор выступил с обоснованием тезиса, что в противовес маловерам — авторам первых проектов пятилетнего плана, темпы экономического роста по мере развития страны будут не сокращаться, а, напротив, повышаться. Эту смелую гипотезу автор основывал на способности обобществленной экономики радикально улучшить использование производственных фондов, рационализировать все и вся — иными словами, на тех «поистине гигантских преимуществах, которыми обладает,

¹ Особенно известны в этой связи разработки Г. А. Фельдмана, осуществленные в рамках комиссии Ковалевского. (См.: *Фельдман Г. А. К теории темпов народного дохода* // *Плановое хозяйство*. 1928. № 11, 12; *Фельдман Г. А. Аналитический метод построения перспективных планов* // *Плановое хозяйство*. 1929. № 12).

и чем дальше, тем все в большей степени будет обладать, планово организованное хозяйство»¹. Л. М. Сабсович утверждал, что «через 15 лет продукция легкой индустрии увеличится в 22 раза, а тяжелой индустрии — в 35 раз; через 20 лет продукция легкой индустрии увеличится примерно в 40 раз, а тяжелой индустрии — примерно в 185 раз». В 1942/43 хозяйственном году будет развернуто строительство, равное по своей мощности 240 Магнитостроям, а только по электростроительству за один годы «мы дадим 48 Днепрогэсов», причем считал эти прогнозы «сильно преуменьшенными». Тем самым «по масштабу промышленного производства мы уже через 15 лет значительно превзойдем нынешний уровень развития самой передовой капиталистической страны — САСШ, а через 18–20 лет оставим далеко позади тот ее уровень, которого она сможет достигнуть к этому времени, если она будет развиваться в капиталистических условиях, т. е. если там не произойдет за этот период социалистической революции»².

Н. А. Ковалевский тогда же делал расчеты, согласно которым в 1937 году объем производства в СССР вдвое превысит нынешний уровень США. А к 1943 году объем производства будет превосходить американский в шесть раз, при двойном превышении технологической базы (фондов). Именно таким прогнозам Г. М. Кржижановский пытался противопоставить «технико-экономическую обоснованность экстраполяции»³.

Однако сколько-нибудь существенных практических результатов получено не было. В какой-то мере это объясняется сложностью работы, требовавшей немалых усилий и времени. А ни того, ни другого в тот период не хватало.

Однако общественно-политическая ситуация все более дестабилизировалась. Руководители комиссий вместе со многими своими сотрудниками последовательно оказывались жертвами репрессий. И генеральный план, как несколько раньше

¹ Сабсович Л. М. СССР через 15 лет: гипотеза генерального плана, как плана построения социализма в СССР. М.: Плановое хозяйство, 1929. С. 27. Здесь же подробно описываются преимущества этой модели, как они виделись до начала ее практической реализации.

² Сабсович Л. М. СССР через 15 лет. С. 31–33, 155.

³ Кржижановский Г. М. Сочинения. Т. III. С. 285.

и план ГОЭЛРО, не смог сыграть той роли, которая предназначалась ему в официальных заявлениях¹.

Причины этого подобны тем, о которых речь шла в связи с вопросом о соотношении годовых и перспективных планов. Генеральный план не только было сложно разрабатывать. Быстро прогрессирующей административно-директивной системе он был объективно и не нужен. Правда, в середине 1920-х годов вопрос о характере системы еще не совсем прояснился. Но в ходе «великого перелома» потребность в генеральном плане практически отпала, и после 1933 года о нем вспоминали очень редко: обычно в связи с политическими амбициями некоторых руководителей или в целях пропаганды успехов социалистического строя и его устремленности в будущее. Практической же пользы Генплан не мог принести, когда жизнь строилась по логике административно-обязательного плана-расписания. Повторим лишь, что центральное положение в ней занимает связывающий хозяйствующих субъектов годовой (или даже квартальный) план, а для общего концептуального оформления идеи планомерности достаточно иметь план среднесрочный (пятилетний).

Такая судьба и была уготованная пятилетнему плану. Благодаря пропаганде, эстафета которой была подхвачена и в дальнейшем, слово «пятилетка» стало в те годы популярным, причем не только в самом СССР. Однако факт остается фактом: сколько бы ни принималось самых высоких и строгих постановлений, обязывавших сделать пятилетку основным звеном в системе планирования, они так и остались невыполненными. В этом нельзя видеть глупость или злой умысел: функционирование народного хозяйства имеет свою внутреннюю логику, и в соответствии с ней определенные предпосылки «на входе» дают соответствующие результаты «на выходе». Предпосылки же формировались и укреплялись неуклонно, как неуклонно шел к неограниченной власти И. В. Сталин. По сути, торжество плана как закона совпадает с утверждением

¹ Генеральному плану в этом отношении особенно не везло. Два десятилетия спустя за работу над ним активно взялся влиятельнейший деятель сталинского иерархии — член политбюро ЦК ВКП(б) и председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский. Но работа осталась незавершенной — ее инициатор погиб по сфабрикованному обвинению.

этой неограниченной власти. Ему же для оперативного контроля нужен был *текущий и выполняющийся* план, за выполнение которого можно спрашивать постоянно (максимум — ежегодно) и со всех.

Основные силы Госплана во второй половине 1920-х годов были сосредоточены именно на пятилетнем плане. Ему уделяли значительное внимание и другие хозяйственные ведомства, среди которых выделяется ВСНХ.

Выбор пятилетия в качестве основы перспективного планирования требовал определенных разъяснений. По этому поводу Г.М.Кржижановский выдвинул ряд аргументов, ставших в литературе по планированию классическими. «Во-первых, потому, что пятилетний срок является достаточно охватывающим для строительства крупных хозяйственных сооружений... Во-вторых, потому, что в нашем сельском хозяйстве наблюдается известная цикличность, позволяющая именно для периода в 5 лет положить в основу перспективного учета среднюю урожайность... И наконец, в-третьих, что разбивка генерального плана на пятилетние циклы имеет свои удобства в подразделении общих хозяйственных заданий на крупные строительные этапы, позволяющие сконцентрировать мысль проектирующих на основных, важнейших моментах хозяйственного строительства».

Работа в области пятилетнего плана основывалась на результатах методологических дискуссий и накопленном к тому времени практическом опыте. Госпланом, ВСНХ, Наркомземом, Народным комиссариатом путей сообщения в 1920-х годах предпринимались попытки выработать соответствующие проекты. Так, уже в 1923 г. Промсекция Госплана под руководством И.А.Калинникова подготовила промышленный план по 30 отраслям до 1927/28 года. Тогда же пятилетний план развития металлургии был составлен в Главметалле ВСНХ. Пятилетний план развития сельского и лесного хозяйства разрабатывался под руководством Н.Д.Кондратьева в Наркомземе. Наркомпуть от «пятилетнего плана ремонта паровозов» приступил к более тонкой проработке перспектив дальнейшего развития своей отрасли. Большой и интересный материал собрала Особая комиссия по восстановлению основного капитала (ОСВОК) при ВСНХ; в ее рамках под руководством А.М.Гинзбурга были подготовлены гипотезы относительно

пятилетних перспектив (до 30 сентября 1930 года). Однако именно с 1926 года подобная работа приобретает широкий размах и систематический характер. Совет труда и обороны 24 марта 1926 года принял решение, в соответствии с которым перспективные планы по отдельным отраслям должны были разрабатываться, как правило, на пятилетний период.

10.2. Выбор пути, или Концепция перспективного плана

В этот же период разворачивалась острая дискуссия по общей концепции дальнейшего развития народного хозяйства СССР. В общем виде речь шла об определении путей индустриализации страны. Однако требовалась конкретность, и прежде всего в вопросах накопления, перераспределения и использования капитала. От этих решений зависели темпы развития советской экономики и социальный облик недалекого будущего.

Дискуссии о перспективах развития советского народного хозяйства, об источниках и механизме этого развития были тесно связаны с проходившим в то время обсуждением проектов «Контрольных цифр». Одно естественным образом вырастало из другого. Собственно, проблемы альтернативных вариантов экономического роста первоначально рассматривались в рамках концепции «Контрольных цифр». Именно здесь был впервые поставлен фундаментальный вопрос стратегического планирования — о механизмах накопления и инвестирования как предпосылке эффективного развития производительных сил.

«Основной проблемой «Контрольных цифр» должен быть ответ на вопрос о том, как возможно расширенное воспроизводство в народном хозяйстве СССР... Капиталонакопление, его источники и формы и те же вопросы для капиталовложений — вот центральные вопросы, на которые должны направлять свое внимание контрольные цифры», — писал Н. П. Макаров. Приведенные слова можно отнести не только и даже не столько к контрольным цифрам. Они имеют ключевое значение для понимания существа стоявшей перед центральными хозяйственными учреждениями плановой задачи¹.

¹ Макаров Н. Являются ли «Контрольные цифры» Госплана контрольными // Экономическое обозрение. 1926. № 10. С. 66.

Выявились два принципиально различных подхода к решению этих проблем. Один из них предполагал начинать индустриализацию с создания благоприятных условий для роста сельского хозяйства и связанных с ним отраслей промышленности (производителей направляемых в деревню изделий и переработчиков сельхозпродукции). Высокая скорость оборота капитала в этих отраслях, экспортный потенциал сельского хозяйства, накопление на этой основе достаточных запасов потребительских товаров, создание благодаря этому необходимых стимулов к труду (через насыщение покупательского спроса) — все это позволило бы подготовить необходимые предпосылки для быстрого роста в будущем тяжелой промышленности, и особенно машиностроения. Утверждалось, что такой путь позволит гораздо быстрее, чем «лобовая» атака, осуществить намеченные цели индустриализации.

Ярким примером такого подхода является позиция Л. Шанина, изложенная им в статье «Экономическая природа нашего бестоварья». Суть ее отражает следующий тезис: «Диспропорция... заключается в том, что основной капитал промышленности развертывается слишком быстро и что развертываются не те отрасли промышленности, какие могли бы удовлетворить созданный развертыванием промышленности спрос на предметы широкого потребления». Он полагал, что, лишь накапливая товарные запасы, можно будет осторожно и постепенно производить инвестиции и в тяжелую промышленность. Развернутое изложение этой концепции содержалось и в работах многих экономистов-аграрников, подчеркивавших значение бездефицитности и сбалансированности курса на индустриализацию¹.

При другом подходе упор делался на необходимость осуществления ускоренной индустриализации. Его обычно принято связывать с именами видных партийных деятелей, близких к Л. Д. Троцкому. Их обвиняли впоследствии в стремлении развалить промышленность чрезвычайно высокими темпами ее роста и за счет сверхэксплуатации деревни, но на практике они якобы оказались «минималистами». Что же было в реальности?

¹ Шанин Л. Экономическая природа нашего бестоварья // Экономическое обозрение. 1925. № 11. С. 35–39.

Проблемы, которым эти экономисты уделяли повышенное внимание, были реальны и напрямую связаны с противоречиями теоретической доктрины и политической практики большевиков, провозгласивших «диктатуру пролетариата» при отсутствии к тому объективных (экономических и социальных) предпосылок. Индустриализация рассматривалась как путь к созданию и укреплению именно этих предпосылок, поскольку тем самым в руках государства концентрировалась бы вся мощь новых предприятий и одновременно формировался бы многочисленный рабочий класс как социальная опора власти. Здесь была своя логика. Ведь крестьянство-собственник, не говоря уже о предпринимателях, не могло стать подлинной опорой режима. Для него требовались миллионы лишенных средств производства рабочих с невысоким уровнем культуры: не имея собственности, они всецело зависели бы от государства.

Хозяйственная практика не давала надежд на безболезненное решение этой задачи. Частный сектор демонстрировал большую эффективность. В нем (включая крестьянство) накапливались немалые средства, которые не могли быть использованы на развитие собственного производства. Государственная промышленность не давала для этого необходимых товаров (средств производства и предметов потребления), не говоря уже об административных ограничениях на сделки с частным сектором и реальной опасности политических, административных и уголовных репрессий, которые применялись к частнику, посмевшему эффективно хозяйствовать и богатеть. Перелив капитала из частного сектора в отрасли, находившиеся в ведении государства, также был практически невозможен. Прямое участие частного капитала в этих отраслях, как правило, не разрешалось, а инвестирование через кредитную систему было невыгодным из-за низкой рентабельности госпромышленности.

«Частно-капиталистическое хозяйство Советского Союза уже теперь имеет значительные накопления, которые, при сохранении частной собственности в крупной промышленности, влились бы в нее... Путь же в государственную промышленность этим частно-капиталистическим накоплениям прегражден социальными препятствиями, они должны были бы перейти на другие формы собственности, должны были бы

подвергаться коренному изменению своей социальной сущности, терять основные свои качества, превратиться (добровольно?) из частной собственности в государственную», — говорил тогда Я. Оссовский¹.

При всей сомнительности выдвинутых аргументов, здесь подмечен важный момент: монополия государства на подавляющее большинство отраслей промышленности и особый режим функционирования госпредприятий (т. е. ограниченная рыночная ответственность или, говоря современным языком, мягкие бюджетные ограничения), действительно разрывали целостность народнохозяйственного организма, лишая его гибкости и подвижности.

Все это накладывало отпечаток на обстановку конца восстановительного периода, когда возможности быстрого роста промышленности оказались исчерпанными, но, не будучи реконструированной, она еще не могла давать необходимых средств для собственного расширенного воспроизводства высокими темпами. «Мы на следующий год проектируем на 15% развитие промышленности... Можно будет говорить всего лишь о 5–7% развития хозяйства в 1927/28 году», — с тревогой говорил в сентябре 1926 г. И. Т. Смилга². Тем самым, по мнению Е. А. Преображенского, И. Т. Смилги, Ю. Л. Пятакова, над социалистической перспективой нависла серьезная опасность. Отвести ее можно было лишь путем роста индустрии высокими темпами.

Здесь ярко и довольно неожиданно проступает логика, характерная для государственного планирования в прошлом и в будущем: резервов нет, но по внеэкономическим соображениям задача во что бы то ни стало должна быть решена. И для ее решения предлагалось использовать разнообразные экономические и административные рычаги, причем последним отводилась существенная роль.

Особенно настойчиво обсуждались возможные пути перекачивания средств из деревни в город. Речь шла об использовании в этих целях превышения промышленных цен над

¹ О проблеме диспропорции и темпе развития хозяйства СССР // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVI. С. 233–234.

² Перспективы хозяйственного развития СССР // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII. С. 197.

сельскохозяйственными (пресловутые «ножницы», о чем говорил Е. А. Преображенский) или усиленного налогообложения деревенской «верхушки». Иных способов решения проблем индустриализации не видели, да их, пожалуй, и не было, если принять во внимание социально-экономические ограничения, которые содержались в условии поставленной задачи.

Те же социально-экономические рамки не могли преодолеть и сторонники «умеренного» курса в руководстве страны, делавшие ставку на сбалансированный рост промышленности и сельского хозяйства. Ведь сбалансированный рост предполагает и «сбалансированную» эффективность, т. е. тесную экономическую взаимосвязь отраслей, не требующую искусственного (или, точнее, насильственного) перераспределения накоплений. Но этой предпосылки не было.

Словом, противоречие между экономическими (высокая эффективность) и социальными критериями роста остро проявилось уже на самых первых стадиях формирования концепции государственного пятилетнего плана. И оно не могло не оказать значительного влияния как на сам план, так и на его практическую реализацию.

На противоречивость политических и экономических факторов развития советской системы указывали не только влиятельные деятели внутри страны, но и многие видные экономисты, оказавшиеся к тому времени в эмиграции. Характерны в этом отношении размышления С. Н. Прокоповича, которые оказались близки выводам «троцкистской оппозиции». Только, в отличие от последних, он не предлагает путь эксплуатации деревни городом, а прямо констатирует реальность такого положения дел, когда государственный монополизм в производстве и управлении заводами ставит крестьянство в политически и экономически зависимое от властей положение. С. Н. Прокопович писал о положении крестьян после некоторого ослабления налогового бремени, в середине 1920-х годов: «Отказавшись от их эксплуатации в порядке налогового, советская власть прибегала к их эксплуатации в порядке частногохозяйственном. Обладая национализированною промышленностью, монополией внешней торговли и огосударствленною кооперацией, ей легко было это сделать».

Прокопович утверждал, что крестьянство делает политические выводы из такого развития событий. И поскольку оно

экономически крепнет, то вряд ли будет долго мириться с подобным положением дел. Он, как и Преображенский, ожидал изменения характера политического режима, оставаясь в своих оценках, правда, на относительно нейтральных, объективистских позициях: ведь о неизбежности политического перерождения большевистского режима писали многие видные социал-демократы. «Дальнейшее сохранение нэпа грозит создать совершенно невыносимое для советской власти положение. Крестьянское хозяйство будет крепнуть и расти, быстро умножая свой капитал; крупная промышленность замрет на нынешнем низком уровне, работая с изношенными и устарелыми машинами. Но экономическая мощь рано или поздно приведет к овладению политической властью»¹.

Это был, действительно, вопрос о реальных перспективах русской революции. Если с экономической точки зрения проблема идеологии дирижизма сомнений не вызывала, что в общем соответствовало глобальным тенденциям развития экономической идеологии, то вопрос о политических точках революционного взрыва однозначно решен еще не был.

С. Н. Прокопович, как и многие другие социал-демократические и либеральные деятели, был убежден в неизбежности политической победы частнособственнических отношений вслед за их экономической победой. Таков был один из возможных итогов революции. Но не единственный.

Откат революционного экстремизма и приход к политической власти нового собственника (в данном случае — буржуазии) был бы вполне естественным результатом предшествующих событий. Однако он не мог произойти мирно, так как у власти уже находилась партия, признававшая политический экстремизм и не способная к своей трансформации в демократически-рыночном направлении. Для насильственного же свержения утвердившегося режима в стране уже не было политически активных слоев и группировок.

Это означало, что формирование нового слоя реальных собственников может и, скорее всего, будет происходить в рамках сложившейся системы власти. Практически неустранимыми атрибутами этой системы становились госмонополизм, отсут-

¹ НЭП. Взгляд со стороны: Сборник / Сост. В. В. Кудрявцев. М.: Московский рабочий, 1991. С. 47, 54.

ствие развитого гражданского общества, тоталитарный политический режим. Разумеется, эта система имела мало общего с традиционными теоретическими воззрениями на социализм, но она радикально отличалась и от буржуазных порядков.

Перспективы формирования и укрепления подобной государственно-монополистической системы напрямую зависели от того стратегического курса экономической политики, который выберет власть в ближайшее время после завершения восстановительного процесса.

Варианты пятилетнего плана, разрабатывавшиеся с середины 1920-х годов, представляют в этом отношении особый интерес. Уже в самих концептуальных основах этих документов, в системе целей и методологии их разработки содержались достаточно определенные указания на те социально-экономические и политические результаты, которые будут получены после окончательного слома нэпа на рубеже 1920-х — 1930-х годов. Именно тогда происходило завершение основных процессов революции и окончательно утвердилась экономико-политическая модель, формировавшаяся на протяжении трех предшествующих десятилетий.

10.3. Пятилетние проектировки Госплана: концепция и методология

Во второй половине 1920-х годов Госпланом СССР было подготовлено несколько вариантов пятилетнего плана. Вся сложность и противоречивость хозяйственно-политической ситуации тех лет непосредственно отражалась на дискуссиях вокруг первой пятилетки, что в конечном счете и определило ее исход.

Последовательность во времени восстановительного процесса и реконструктивного¹, товарный голод и низкая эффективность государственного сектора (крупных промышленных предприятий), острая политическая борьба в партийной элите

¹ Напомним, что поначалу власти и экономисты рассчитывали на то, что реконструктивный (инвестиционный) этап развития начнется еще до завершения восстановительного, то есть довоенная структура экономики восстановлена не будет — параллельно с восстановлением народного хозяйства начнется и индустриализация. На практике этого не произошло: нэп обеспечил высокие темпы восстановления еще до того, как были изысканы средства на индустриализацию.

и опасения всей этой элиты социально политической дестабилизации и, как следствие, отсутствие в экономике устойчивых *внутренних стимулов* роста для производителей — все это непосредственно влияли на развитие теории и практики перспективного планирования.

Обсуждение госплановских проектов велось на фоне усиления диктата в экономике партийно-государственных структур, внеэкономического вытеснения частника, постоянных преследований и ограничений зажиточных крестьян в деревне. Свою роль сыграли и события зимы 1927/28 года, связанные с хлебозаготовительным кризисом и политикой чрезвычайных мер, за которыми последовала борьба с «правым уклоном» со всей ожесточенностью последнего шага И. В. Сталина к безграничной власти. И еще один, сугубо экономический, феномен стал важным фактором проходившей дискуссии, переросшей в политические процессы, — реальные показатели 1926–1929 годов не выявили признаков снижения годовых темпов роста объемов производства¹, что порождало новые вопросы и обуславливало соответствующие решения, в том числе политического и административного характера.

В общем виде комплекс проблем планирования проявлялся как противоречие между необходимостью, с одной стороны, создания оптимальных условий для эффективного развития отдельных производителей и всего народного хозяйства, а с другой — наиболее экономного, рационального использования крайне ограниченных средств, для чего многие экономисты и политические лидеры считали необходимым максимально сконцентрировать наличные ресурсы в руках центра. Весьма характерно в этом отношении следующее утверждение А. И. Рыкова — представителя умеренного (и даже отчасти рыночного) крыла советского и партийного руководства, известного своей позицией по защите последовательного развития нэпа, сосуществования различных секторов экономики и т. п. Он обосновывал необходимость и значение пятилетнего плана тем, что стихия в деле реконструкции представляет собой «величайшую опасность, ибо ограниченность наших ресурсов сравнительно с потребностями заставляет ставить это

¹ Как было показано в главе 9, феномен отсутствия затухания нашел позднее достаточно убедительное объяснение, однако это уже мало кого интересовало по причинам чисто политическим.

дело так, *чтобы ни одна копейка не расходовалась без плана*»¹. Понятно, что наличие централизованного плана-директивы должно было рассматриваться с таких позиций в качестве одного из решающих условий рациональности хозяйственной (инвестиционной) деятельности.

Первый проект народнохозяйственного пятилетнего плана был представлен Госпланом в начале 1926 года. Тогда же примерно были опубликованы и материалы ОСВОК при ВСНХ. Концентрируя основное внимание на идее индустриализации, проект констатировал, что решительная реконструкция аграрного сектора выходит за рамки текущего пятилетия. В результате проработка специальных мер, нацеленных на глубокие преобразования в промышленности, сочеталась с экстраполяцией динамики крестьянского сельского хозяйства. В течение первых двух лет предполагалось замедление более высоких темпов роста промышленности, а затем и их стабилизация. С 1924/25 по 1929/30 год намечались следующие годовые показатели прироста в индустрии: 46, 34, 15, 10,8 и 10,8%. Это связывалось с исчерпанием восстановительных ресурсов при достижении к 1927 году довоенных объемов производства. Одновременно намечался некоторый рост инвестиций. Характерной чертой проекта был заложенный в него дефицит внутрипромышленных накоплений по отношению к направляемым в эту отрасль инвестициям и предложение о компенсации этого дефицита за счет сельского хозяйства.

По сути, это был план для государственного сектора экономики. Инвестиционная программа — ключевой элемент перспективных расчетов — не прорабатывалась по отношению к крестьянскому сельскому хозяйству. Аргументация здесь была проста: данная часть производства находится вне непосредственного контроля плановых органов.

Как видим, уже в такой постановке базовой становится задача прямого регулирования хозяйствующих субъектов посредством плана. Пока это проявлялось в выведении частного сектора экономики из плановых документов. А позднее — в ускоренном преобразовании частного сектора в форму, удобную для прямого, директивного руководства-командования. Иными словами, уже в первоначальном госплановском проекте пятилетки в логике его построения содер-

¹ Плановое хозяйство. 1926. № 3. С. 7. (Выделено мной. — В.М.)

жались зачатки будущих коллизий рубежа 1920–30-х годов. Конечно, для этого нужны были политические условия, которые позволили бы взять курс на быструю ликвидацию частного сектора. Но предпосылки такого крутого поворота с самого начала незримо стояли за спиной разработчиков пятилетнего плана.

Обратим внимание на такую небезынтесную деталь. С.Г. Струмилин, подчеркивая внимание, которое было уделено в проекте промышленности, говорил, что «этот сектор наиболее интересен нам», хотя и выступал пока за относительно умеренные темпы его роста.

Иначе рассуждал Г.Я. Сокольников, ставший после отставки с поста наркома финансов заместителем председателя Госплана. Его социально-политическая концепция была жестко ориентирована на ускоренный рост промышленности в качестве оплота социализма. Но в отличие от своих коллег из левой оппозиции он видел предпосылку этого в быстром росте сельскохозяйственного производства. Критикуя проект пятилетки на Первом съезде плановых органов, Сокольников выступил с таким тезисом: если мы обеспечим рост сельского хозяйства не на 20, а на 50–60%, то промышленность сможет дать гораздо больше, чем намечается по проекту Госплана. Впрочем, как добиться такого роста аграрного сектора и почему развивающаяся на этой основе промышленность будет эффективной, оставалось неясным. Априорная уверенность в прогрессивности государственного хозяйства вообще и госпромышленности в особенности была характерной чертой мышления практически всех экономистов-большевиков.

Дальнейшая работа над проблемами пятилетнего плана позволила подготовить его новые варианты, которые были представлены весной (второй вариант Госплана) и осенью (третий вариант) 1927 года, а также последующие проекты 1928–1929 годов, приведшие к окончательному варианту, утвержденному XVI Всесоюзной конференцией ВКП(б) и VI съездом Советов СССР (апрель — май 1929 года). Параллельно свои проекты готовила и специальная комиссия ВСНХ: они были опубликованы в 1927–1928 годов.

Итак, в течение всего 1926 г. напряженно работала комиссия Госплана во главе с С.Г. Струмилиным, разрабатывавшая новый, и на этот раз весьма подробный, проект пятилетнего плана — «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР

на 1926/27–1930/31 года». В октябре об этом шла речь на XV конференции ВКП (б), а затем, в феврале 1927 года, пленум ЦК потребовал ускорить работу над ним. К марту, когда состоялся II съезд плановых органов, проект пятилетки был готов. Представленный документ стал основой для широкой научно-практической дискуссии — пожалуй, единственного в нашей истории достаточно свободного и критического анализа официального (или почти официального) проекта перспективного плана. На последующих стадиях работы над планом первой пятилетки, как и в дальнейшей практике планирования, подобных обсуждений не было. В ходе дискуссии 1927–1928 годов высказывалось много важных и интересных идей по вопросам как собственно планирования, его организации и методологии, так и характера и тенденций развития народного хозяйства.

Концепция и методологическая база госплановского документа оставались в общем-то неизменными для всех последующих проектов. Вносившиеся уточнения касались по преимуществу количественной стороны дела. И хотя последнее тоже весьма важно, поскольку за известными пределами количественные сдвиги перерастают в качественные, идеология хозяйственного роста и его планового регулирования была представлена уже в полном объеме во втором проекте Госплана (начало 1927 года). Отталкивались от нее и более поздние дискуссии по вопросам планирования.

Построение перспективного плана мыслилось его авторами как конкретизация некоторой системы «регулятивных идей, представляющих собой в совокупности целостную систему экономической политики»¹, изложенную в постановлениях директивных органов.

На этой основе была сформулирована целевая установка пятилетки, содержащая основные критерии прогрессивного роста советского хозяйства: «В наиболее общей форме задача построения перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу и материальные ресурсы страны, которое в оптимальной степени обеспечивало бы бескризисное расширенное воспроизводство этих

¹ Струмилин С. Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27–1930/31 гг. // Плановое хозяйство. 1927. № 3. С. 23.

производительных сил возможно быстрым темпом в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма»¹. Стремление к воплощению этих задач в плане оказало определяющее влияние не только на концепцию, но и на методологию «Перспектив развертывания», на понимание роли и места плана в хозяйственной системе страны.

В исходном пункте проект продолжал традицию «Контрольных цифр»: перед ним ставилась задача сформулировать определенную концепцию экономической политики, проведение которой обеспечило бы достижение намеченных целей. Именно этим, а отнюдь не признаваемой самими авторами недостаточной проработанностью многих положений проекта, объяснялся ориентировочный характер заложенных в него данных.

В проекте отмечалось, что директивами, которые утверждаются и подлежат исполнению, могут быть только цифры капитальных вложений, тогда как все остальные данные не имеют самостоятельного значения и являются лишь обоснованием, балансовой увязкой директив, конкретизируемых в годовых планах. Уже в этом исходном пункте содержалось противоречие. Ведь перспективные инвестиции являются не только предпосылками будущего роста, но и результатом его.

Директивный характер инвестиций в перспективном плане может порождать двоякого рода следствия — противоположные по форме, но друг друга дополняющие по существу. С одной стороны, превращение в директивы всех показателей планового документа, поскольку в силу естественных взаимосвязей это необходимо для осуществления капиталовложений в намеченных масштабах. С другой стороны, отрыв инвестиционной программы как стержня и «единственной директивы» от реальных накоплений со всеми вытекающими последствиями для сбалансированности и устойчивости экономической системы.

Фетишизация плана, неизбежно проявляющаяся через стремление во что бы то ни стало получить в отчете цифры, которые свидетельствовали бы о выполнении задания, естественно, заставляет подчинять этой формальной цели весь

¹ Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг. М.: Госплан СССР, 1927. С. 1.

механизм функционирования хозяйства, включая финансово-кредитные и денежные процессы. Уже здесь содержится основа будущих экономических неурядиц и потрясений. Для государства-собственника, как кажется, нет ничего невозможного — и электрификация за десять лет, и университет в каждом уездном горда (как писал в 1922 году Н. Шапошников¹).

Но если накоплений нет, причем стимулы к накоплению подорваны, а инвестиционный план надо выполнять («осваивать капитальные вложения») — то включение печатного станка становится гарантированным. В нормальной рыночной экономике подобная ситуация быстро приведет к кризису и потребует восстановления «хозяйственного реализма». В условиях же тотальной государственной монополии возникающие кризисные явления могут в течение длительного времени накапливаться, не находя адекватного разрешения. Наконец, все это вместе взятое снижает роль текущего рыночного регулирования, лишает его самостоятельного значения, превращая в придаток инвестиционных программ и других позиций перспективного плана.

Противоречивость исходных моментов пятилетки в конкретных случаях проявлялась по-разному — как в методологии «Перспектив развертывания», так и в предлагаемой ими концепции народнохозяйственного роста.

При разработке методологической базы проекта в основу был положен тезис о противоположности и противоборстве двух факторов: «независящих от нашего планового воздействия объективных обстоятельств» и «свободных творчески-реконструкционных идей социального организатора»². По сути, это была новая интерпретация тезиса В. А. Базарова о соотношении генетики и телеологии, разграничение которых теперь оказалось проведенным не по формам хозяйственной организации, а по этапам перспективного плана. С расширением временного горизонта, утверждал С. Г. Струмилин, ослабевает необходимость учета в плановой деятельности текущих хозяйственных проблем и усиливаются возможности свободного творчества, «планового искусства».

¹ См.: гл. 8, п. 1 настоящей книги.

² Струмилин С. Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27–1930/31 гг. С. 21.

Впрочем, в самих «Перспективах развертывания» нашли отражение оба подхода. Приведенная позиция Струмилина не помешала включить в написанное здесь же Г.М. Кржижановским «Введение» базаровское понимание этой методологической проблемы: «Есть огромная область хозяйственной деятельности, а именно область всего нашего сельского хозяйства, в которой наша целевая установка подвергается наиболее жестким ограничениям и при которой закон больших чисел и метод экстраполяции отбрасывает для себя гораздо большие права... При наших работах в области промышленности и транспорта мы с необходимостью и с достаточно полновесными аргументами можем занять позицию предубеждения, тогда как при планировке сельского хозяйства мы по преимуществу должны ограничиваться той областью предвидения, к которой мы можем апеллировать в меру наличности соответствующего научно-технического материала»¹.

Иными словами, к 1927 году произошло жесткое размежевание в вопросе о соотношении генетики и телеологии, который вдруг оказался одним из центральных. Тому были свои причины, весьма показательные для складывавшейся ситуации и характеризующие эволюцию плановой идеи в процессе ее практической реализации. Поначалу вопрос о генетике и телеологии развивался в сторону все большего признания тесной взаимосвязи обоих подходов, условности их разграничения, признания чрезвычайной опасности выпячивания телеологического принципа и преувеличения возможностей советского государства. Об этом говорили все — от «правого» Кондратьева до «левого» Смилги. Последний, как и меньшевистские экономисты, предостерегал и против «преклонения перед стихийными процессами», и против «гипертрофии плана», критикуя «плановых максималистов», для которых планирование сводится к неограниченному декретированию. К подобной позиции склонялся и Базаров.

Однако уже в 1926 году ситуация начала меняться. Все громче заявлял о себе подход, приверженцы которого придавали первостепенное значение разграничению генетики и телеологии. Это разграничение становится своеобразным «моментом истины», вопросом философии планирования. Первоначально

¹ Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг. С. XVIII.

постановки такого рода были единичны и отражали политическую борьбу вокруг XIV съезда партии. Именно тогда прозвучало первое резкое выступление на данную тему — один из руководителей Госплана И. Т. Смилга, перешедший в ряды оппозиции, был подвергнут жесткой критике со стороны малоизвестного экономиста С. И. Шарова, большую статью которого опубликовал журнал «Плановое хозяйство». Это была концептуальная статья, во много многом задавшая тон дальнейшей полемике, и поэтому мы остановимся на ее аргументах и выводах несколько более подробно.

Утверждая, что «само составление плана представляется... работой не научно-исследовательской, а административной», Шаров сделал акцент на особой роли «советской государственности», которая «имеет право, долг и возможность рассматривать себя и действовать в качестве действительного организатора народного хозяйства»¹. Такой подход, возможно, и не вызывал бы возражений, если бы не общий контекст статьи, резко противопоставляющий роль власти другим факторам экономического развития и абсолютизировавший возможности этой власти. Тем самым оформлялась новая позиция, заявившая годом позже о себе во весь голос.

Принижая роль «генетической» методологии, такой подход означал признание рыночного фактора в планировании малосущественным. Это, в свою очередь, переводило анализ планово-экономических проблем в логику, отличную от нэповской. Не рынок и рыночное равновесие становятся важнейшими ограничениями в плановой задаче, а общие физические (материально-вещественные) параметры роста. В этом пункте пересеклись позиции и троцкиста Г. Л. Пятакова, и сталиниста В. В. Куйбышева, и пожизненного борца за «генеральную линию партии» С. Г. Струмилина. Последний четко отразил данный подход в методологии и тексте «Перспектив развертывания» и еще больше ужесточил позицию в последующей полемике с критиками госплановского проекта.

Прежде всего, Струмилин имел в виду, что изучение статических и динамических коэффициентов, т. е. текущих проблем и тенденций хозяйственной жизни, играет незначительную роль в перспективном планировании страны, строящей

¹ Шаров С. Цель в плане и задачи нашего хозяйства // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 60–62.

новую общественную систему. Центральное же положение здесь занимают «методы инженерной проектировки новых социальных конструкций на основе тех или иных плановых заданий». Подобная постановка проблемы объяснялась тем, что в экономической жизни страны сформировалась новая сила, способная активно и независимо от других факторов, а зачастую и вопреки им, влиять на движение общества от старого состояния к новому. «Мы вступаем в новую полосу развития, когда между нашим прошлым и будущим властно вклинивается творческая воля революционного пролетариата», — подчеркивал С.Г. Струмилин. И именно поэтому теперь настало время и появилась возможность переходить от «гаданий и предсказаний» (точнее, от экономических прогнозов) к «определенной системе хозяйственных заданий в области социалистического строительства»¹. Таким образом, «предсказания» должны были уступить место «заданиям» и «предуказаниям», а проблема планирования из поиска экономического оптимума превращалась в особый вид инженерного искусства, который не является наукой в строгом смысле этого слова.

Большое значение при построении госплановского проекта имел балансовый метод, на основе которого осуществлялась увязка разделов и отдельных параметров в процессе вариантных приближений. И хотя методологическая база документа в основном оказывалась подчиненной «методам инженерной проектировки» (то есть намечаемому нормативному состоянию общества), роль балансового метода нельзя недооценивать. В ряду собственно экономических инструментов плановой работы он занимал в Госплане, безусловно, первое место. Авторы стремились увязать все цифры друг с другом, видя в этом важнейшее доказательство обоснованности своего проекта. Однако упор делался здесь на материально-вещественную сбалансированность. Обоснованность воспроизводственных пропорций, зависящая от эффективности развития производства и использования накоплений, по сути дела объяснялась ссылками на особые преимущества «государства диктатуры пролетариата», являющегося выразителем «несгибаемой воли» этого «самого передового класса». Особый акцент делался на способность советского государ-

¹ Струмилин С. Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества // Плановое хозяйство. 1927. № 7. С. 10–13.

ства рационально организовать социалистическое народное хозяйство. Вот как характеризовал этот тезис Л. М. Сабсович; «Мы можем значительно лучше использовать наши фабрики, чем их использовал капиталист, мы можем полностью загрузить оборудование, переведя его на работу в две и три смены, а там, где можно, и на непрерывную работу; путем расширения и переоборудования существующих предприятий, путем рационализации и правильной организации процесса производства, путем стандартизации изделий и специализации фабрик и тому подобными мероприятиями мы можем в громадной степени увеличить производственную мощность существующих предприятий и получить от них гораздо больше, чем это предполагалось ранее, массу продукции»¹.

Принципиальные соображения о методологии госплановского документа начала 1927 года не следует упрощать и вульгаризировать, сводя все к абсолютизации «творческой воли революционного пролетариата». Авторами проекта изучались и прорабатывались различные экономические, социальные, демографические, политические, организационные, технические, культурные факторы, влияющие на развитие тех или иных отраслей и всего народного хозяйства. Среди них: тенденции роста населения и трудовых ресурсов с учетом их социальной структуры, перспективы урожаев, возможности получения внешних кредитов, перспективы рационализации производства и многое другое.

С точки зрения техники планирования «Перспективы развития народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг.» представляли собой сочетание проектировок по отдельным отраслям с их взаимной увязкой в единое целое на базе предварительно проанализированных демографических и социальных тенденций. Учитывая характер взаимосвязи различных разделов народнохозяйственного плана, наиболее рациональной была признана такая последовательность дальнейших проектировок: (1) промышленность; (2) сельское хозяйство; (3) транспорт; (4) строительство; (5) торговля; (6) кредит; (7) бюджет; (8) воспроизводство рабочей силы. Как видно уже из этого перечня, ключевое положение занимали проблемы промышленности, поскольку именно курс на индустриализацию являлся фундаментальной цементирующей идеей пятилетки. Инду-

¹ Сабсович Л. М. СССР через 15 лет. С. 23.

стриализация должна была «стать тем передовым и ведущим звеном нашей экономики, движение которого будет определять собой динамику и всех других, связанных с ним звеньев».

Курс на индустриализацию оказывал глубокое воздействие на построение всех частей проекта. *Бесспорный тезис о том, что индустриализация означает превращение промышленности в ключевое звено развития всех других отраслей народного хозяйства, оказался, однако, подмененным представлением, по которому в плане, конституирующем индустриализацию, промышленность уже играет определяющую роль.* На самом же деле высокий темп и характер развития промышленности в этих условиях в большой мере определяются темпом и характером развития отраслей, доминирующих в экономике страны, то есть являющихся ключевыми источниками спроса на продукцию промышленности — в данном случае такую роль играло сельское хозяйство. Между тем, у Госплана промышленность выступала как самодовлеющий фактор, опирающийся на собственные ресурсы, причем в значительной степени предопределяющий перспективы и сельского хозяйства, и всех других отраслей. В результате в проекте была представлена односторонняя модель взаимосвязи между отраслями («перспективы сельского хозяйства при наличии плана промышленности уже в известной мере предопределены»), и фактически упускалось из виду обратное влияние.

Правда, и здесь проявилось определенное противоречие в позиции руководителей Госплана. В начале 1927 года Г. М. Кржижановский иначе формулировал свое представление о роли перспектив сельского хозяйства в общем плане экономического роста страны: «Отдел перспективной пятилетки, трактующий вопросы сельского хозяйства, представляет для нас особо существенный интерес не только по тому относительному весу, который имеет сельское хозяйство в нашей общей экономике, но и потому, что правильная компоновка этого отдела может предохранить нас самым существенным образом от недооценок и переоценок во всех целевых установках наших перспективных хозяйственных планов»¹.

При определении перспектив развития государственной промышленности авторы проекта исходили из того, что темп

¹ Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг. С. XVIII.

ее роста должен быть, во-первых, выше темпа роста сельского хозяйства и, во-вторых, выше аналогичного показателя в капиталистических странах. Более конкретный ответ давался в результате специального анализа перспективных потребностей в промышленной продукции, двигаясь от производства предметов потребления к средствам производства, а также исходя из размеров тех капитальных вложений, которые могут быть инвестированы в промышленность.

Наибольший рост в течение ближайшего пятилетия должен был быть достигнут в строительстве (184%), создающем общую базу для коренной реконструкции экономики. Курс на индустриализацию выражался в предусматривавшемся 75%-м росте промышленности, причем для производства средств производства этот показатель приближался к 100%, а по предметам потребления — 67%. В сельском хозяйстве прирост ожидался меньший, хотя по сравнению с наброском начала 1926 года этому сектору уделялось гораздо более серьезное внимание. Валовой показатель аграрной продукции намечалось поднять на 22,7%, причем товарность — на 65%. Схожие цифры закладывались по национальному доходу.

Намечаемый рост предполагалось осуществить в значительной мере за счет внутренних накоплений в самом хозяйстве, причем капитальные накопления в промышленности должны были примерно соответствовать объему инвестиций в эту отрасль. Выполнение этой напряженной программы связывалось с модернизацией производственной базы промышленности, причем большие надежды здесь возлагались на импорт новой техники за счет валютных поступлений от экспорта сельхозпродукции, а также за счет повышения производительности труда и снижения себестоимости. Решающее значение в обосновании этой программы имел расчет на такой рост эффективности строительства, который позволил бы в среднем на 17,5% снизить здесь цены.

Определяя сельскохозяйственные перспективы, Госплан основной упор сделал на развитие производства сырьевых культур для ряда отраслей промышленности. Так, при росте всей аграрной продукции на 22,7% по табаку эта цифра составляла 48%, по хлопку — 74, по свекле — 76%.

Существенное значение имело в концепции пятилетнего плана положение о повышении товарности сельского хо-

зяйства. Однако в плане не получили должного обоснования источники этого роста. Ведь повышение товарности в первую очередь является функцией развития крупных хозяйств в деревне. Теоретически это было возможно в трех формах — частной, коллективной (кооперативной) и государственной. Развитие частных хозяйств в сколько-нибудь существенных масштабах противоречило социальным и идеологическим установкам «Перспектив развертывания», о совхозах в них мало что говорилось, а вопрос о создании широкой сети производственных кооперативов (т.е. о коллективизации) вообще выносился за рамки пятилетия.

Важным элементом рассматриваемой концепции было положение о снижении цен примерно на 17,5%, в результате чего общепромышленный темп роста по стоимости планировался примерно на 30 пунктов ниже, чем по физическому объему. Еще больше (почти на 50 пунктов) планировалось снижение стоимости строительства. Сельскохозяйственные цены предполагалось оставить неизменными. В этих выкладках отразилось стремление работников Госплана к решению проблемы «ножниц» цен, продолжавших дестабилизировать обстановку. Впрочем, на практике дестабилизирующая роль системы цен была связана не только с самим соотношением промышленных и сельскохозяйственных индексов, но и с существенным расхождением между оптовыми и розничными ценами, а также между ценами внутреннего и мирового рынка, что негативно сказывалось на курсе червонца.

Констатируя эти диспропорции, авторы проекта не прорабатывали конкретных путей их преодоления, что уже само по себе не могло не влиять на обоснованность балансов и других расчетов. Фактически аргументация не выходила за банальные рамки: цены снизятся, потому что они должны снизиться благодаря росту эффективности хозяйства в процессе индустриализации. Иного просто не дано.

Все эти идеи нашли отражение и в переработанном к осени 1927 года кратком варианте пятилетнего плана¹. Он послужил основой для обсуждения вопроса о пятилетке на XV съезде ВКП(б) в декабре.

¹ См.: Перспективная ориентировка народнохозяйственного развития СССР на 1927/28–1931/32 гг. М.: Плановое хозяйство, 1927.

ГЛАВА 11

Плановая методология: альтернативные концепции

11.1. Критика госплановского проекта

Критика госплановского проекта первого пятилетнего плана велась различными авторами, взгляды которых существенно расходились по многим проблемам организации хозяйственной жизни. Позиции экономистов ВСНХ (А.М. Гинзбург и др.), ученых, группировавшихся вокруг Конъюнктурного института (Н.Д. Кондратьев, А.Л. Вайнштейн), критиков госплановского документа внутри самого Госплана (В.А. Базаров, В.Г. Громан) отнюдь не совпадали. Однако было и нечто общее, объединявшее эти подходы и касающееся принципиальных моментов в понимании планового хозяйствования. Это общее имело свои глубокие корни в принципах экономического анализа, в его культуре.

В развернувшемся обсуждении вопрос об обоснованности пятилетней проектировки рассматривался под разными углами зрения. Во-первых, проводился содержательный теоретико-методологический анализ, т. е. вопросы сущности и роли плана, его методологической базы. Во-вторых, анализ особенностей действующего экономического механизма, его соответствия целевым установкам плана. В-третьих, анализ внутрен-

ней сбалансированности, взаимоувязанности представленных расчетов и прежде всего обеспечения пропорциональности между развитием промышленности и сельского хозяйства.

Исходным пунктом методологической критики проекта стал вопрос о понимании существа перспективного плана, точнее, о соотношении в нем директивы и прогноза. Н. Д. Кондратьев, Н. П. Макаров, М. И. Бирбраер и ряд других авторов решительно не принимали противопоставления изучения закономерностей движения и целевых установок в планировании.

Согласование заданий с ресурсами, которыми располагала страна, предполагает, как писал тогда Н. Д. Кондратьев, что «наши задачи будут реальны лишь в том случае, если они отобразят в себе именно эти действительные результаты, которые могут быть достигнуты нашими усилиями, протекающими в конкретной объективной обстановке»¹.

Говоря точнее, сам критерий (целевая установка) может быть почерпнут только «из анализа положения хозяйства и возможностей его стихийного развития, с одной стороны, и из анализа имеющихся у нас объективно средств воздействия на этот стихийный ход развития в смысле направления его по желательному руслу — с другой»². Это, в свою очередь, предполагает изучение объективных законов функционирования советской экономики, которая представляет гораздо большие трудности для теоретического анализа, чем капиталистическое хозяйство. С этих позиций были высказаны возражения против искусственного противопоставления генетики и телеологии при разработке планов вообще, и перспективных в частности.

Не пересказывая разнообразных аргументов, выдвинутых тогда в этой связи, приведем несколько выдержек из работы М. И. Бирбраера, в которой давался наиболее концентрированном виде набор аргументов критиков госплановского документа в области методологии планирования: «Между “предвидением” и “предуказанием” в жизни не может и не должно

¹ Кондратьев Н. Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. С. 671.

² Кондратьев Н. Д. План и предвидение. С. 573.

быть разрывов, иначе эволюция окажется искаженной и неизбежно испытает задержку... Ибо и само планирование, как только оно становится реальностью, немедленно включается в состав объективных факторов, определяющих их развитие. Подобно всякому другому фактору, плановое хозяйство может оказывать на развитие хозяйства, в зависимости от обстоятельств, либо положительное, либо отрицательное влияние. За короткое время нашего планирования мы имели возможность на опыте испытать и то и другое».

Критикуя противопоставление генетики и телеологии в заявлениях С. Г. Струмилина, М. И. Бирбраер приходит к неожиданному заключению, что постановка эта носит не только механистический, но и декларативно-умозрительный характер, поскольку в госплановских разработках доминируют как раз попытки «предвидения» (хотя далеко не всегда обоснованного): «Составленная под его [Струмилина] руководством пятилетка меньше всего имеет в себе элементов “предуказания”, роль “предвидения” тяготеет над ней в гораздо большей мере, чем над любым годовым планом. Достаточно для этого сослаться хотя бы на построенную перспективу динамики себестоимости и цен. Даже сумма капитальных затрат промышленности (уж где бы дать простор предуказаниям) оказалась решительно детерминированной. Роковое “предвидение” почти безраздельно властвует над перспективой безработицы, кредита, бюджета, денежного обращения, жилищного строительства, дорожного строительства, развития транспорта, сельского хозяйства; одним словом, всюду. Чем объясняется такой разрыв между теорией и практикой?»¹.

Однако в этих аргументах все-таки недооценивалась реальная опасность разрыва «генетики» и «телеологии», плана и прогноза. В экономической логике их противопоставление действительно невозможно, но совсем иначе дело выглядит, когда в него вмешивается политический фактор. Тогда уже становятся возможны любые, даже экономически абсурдные, решения.

Особое внимание было уделено критическому разбору возможностей использования в перспективном планировании

¹ Бирбраер М. К вопросу о методологии построения «перспективных планов» // Экономическое обозрение. 1927. № 6. С. 96–98.

статистических и динамических коэффициентов как основы экстраполяции и моделирования хозяйственных процессов, а также балансового метода. Ограниченность простой экстраполяции как метода излишне формального не подвергалась сомнению никем. Главный недостаток экстраполяции в данном случае — формализм. Хотя это не исключало, разумеется, необходимости тщательного изучения статистических и динамических коэффициентов как важного инструмента планирования и как одного из способов выявления закономерностей развития советской экономики.

Более того, в ходе острой методологической дискуссии было высказано, хотя и в довольно общей форме, соображение о возможности на базе тщательного изучения коэффициентов и влияющего на них сложного комплекса причин разработки математической модели роста, или, как писал Бирбраер, «алгебраической формулы роста при различных условиях со взвешиванием каждого из этих условий... Естественно, что такая алгебраическая формула должна учесть не только количественные факторы, но и ряд качественных и социальных, определяющих данное явление»¹. Такой анализ далеко уводил эти коэффициенты от использования их в целях простой экстраполяции.

Однако столь же формальным, как и экстраполяция, являлся, по мнению многих экономистов, и балансовый метод, когда он начинал играть в перспективном планировании решающую роль. Обеспечивая согласованность темпов роста отдельных отраслей, он не гарантирует, что спроектированный таким способом план в принципе осуществим. «Балансовая увязка, говоря математически, есть лишь необходимое, но не достаточное условие реальности цифрового построения, — писал тогда А.Л. Вайнштейн. — Как в строительном искусстве мы должны для постройки заданного сооружения иметь определенное количество кирпича, цемента, железа и других материалов, рабочих рук, так и в области “социальной инженерии”, выражаясь языком “пятилетки”, мы должны иметь определенные ресурсы для выполнения поставленных задач. Но будем ли мы их реально иметь, этого баланс

¹ Бирбраер М. К вопросу о методологии построения «перспективных планов» // Экономическое обозрение. 1927. № 7. С. 84.

нам не может сказать»¹. Конкретный анализ госплановских проектировок приводил к выводу о том, что, балансируя множество второстепенных параметров, авторы не нашли убедительных аргументов для обоснования сбалансированности важных воспроизводственных пропорций. Здесь проект содержал существенные неувязки.

Кроме того, как показывали жизнь и экономический анализ, балансовый метод, увязывая цифры между собой, отнюдь не обеспечивает оптимальности предполагаемых соотношений, т.е. является индифферентным по отношению к критерию плана, к его целевой установке. Наконец, отмечалось, что важным условием для широкого и активного применения балансового метода в планировании является знание объективных законов данной хозяйственной системы, чего пока нельзя сказать о советской экономике.

Понятно, что высказывавшие эти идеи экономисты критиковали то, как используется и какое место занимает балансовый метод в проектах Госплана. Авторов «Перспектив развертывания» упрекали в том, что формальная увязка пропорций без глубокой их предварительной проработки создает лишь иллюзию обоснованности плана, сводит эту сложную проблему к согласованию цифр, превращая план в подобие статистической сводки не давая ответа на вопросы об обоснованности и эффективности намечаемых параметров.

Какова экономическая обоснованность запланированных показателей? Насколько намечаемая в плане организация производительных сил обеспечит наиболее эффективное их использование? Такие вопросы задавали многие исследователи, но не получали на них удовлетворительных ответов. Широкое распространение получил вывод о недостаточной проработке качественных параметров и проблем, о принесении собственно экономической стороны дела в жертву статистической форме. «В наших пятилетках... статистические ряды занимают незаконно большое место, — писал, например, М. Бирбраер. — По существу они доминируют над всей работой. Анализ почти целиком подчинен статистическим

¹ Вайнштейн Альб. Л. К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР // Экономическое обозрение. 1927. № 7. С. 35.

рядам. При таком господстве статистики легко впасть в своеобразный пифагоризм, проглядеть все качественные моменты и подменить отношения людей пропорциями вещей»¹.

Подобная ситуация должна была негативно влиять и на предназначавшуюся плану активную преобразующую роль, на которой настаивали его составители. План превращался в обширный, но недостаточно проработанный прогноз, в котором «сами цифры в большинстве случаев основаны только... на простом факте их опубликования». Критики госплановского проекта единодушно сходились на том, что при разработке перспективного плана основное внимание надо все-таки уделять самим тенденциям экономического роста, внутреннему содержанию показателей, социально-экономическим процессам, порождающим те или иные количественные параметры.

Более целесообразным здесь считали положить в основу перспективного планирования метод установления причинных связей между хозяйственными процессами и факторами, обуславливающими их существование. Ведь эту задачу ни динамические коэффициенты, ни балансовый метод сами по себе не были в состоянии решить. И лишь в таком случае появлялась надежда сделать перспективный план инструментом эффективной экономической политики.

«Вполне возможно, — замечал Н. П. Макаров, — что результаты такой проработки плана не всегда будут иметь внешнюю табличную стройность, что, увы, в таком плане текста окажется не менее, чем таблиц, что в этом плане будет меньше предсказаний и больше указаний, что и сколько надо сделать, чтобы получить желательный эффект, и при каких условиях это должно делаться»². Автора этих слов официальные марксисты

¹ Заметим, к слову, что дискуссия о «пифагоризме» как подмене качественно-количественного анализа количественными рядами вскоре проникнет в Госплан — именно этот упрек выскажет В. Базаров своему недавнему соавтору по «Контрольным цифрам» С. Струмилину. Дискуссия о соотношении количественных трендов и качественных закономерностей вообще является одной из центральных в экономико-политических дискуссиях всего XX века. (См. ниже, гл. 12.)

² Макаров Н. П. Некоторые очередные вопросы методологии составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 44.

шельмовали как «мелкобуржуазного экономиста», но именно он упрекает своих госплановских коллег в недостатке «предуказаний» в их проектировках. Однако очевидно, что под «директивностью» здесь понимаются разные вещи — цифровые задания производителям, с одной стороны, и концепция экономической политики — с другой.

Приведем еще одну пространную выдержку из работы А.Л. Вайнштейна. Любопытно, что автор, сам будучи очень хорошим статистиком, критикует проект пятилетнего плана за избыточную цифровую детализацию. «Мы считаем нецелесообразным тот развернутый цифровой расчет, который дан Госпланом СССР в своей пятилетке. Детализация этого расчета привела к тому, что “цифирь” заслонила и подавила экономическую концепцию и перспективу. Между тем для такой детализации не было надежных статистических материалов, да, кроме того, они и не вызывались экономической необходимостью. Перспективный пятилетний план должен включать в себя основные цифры и коэффициенты роста в качестве минимума достижений. Но он должен отказаться от претензий давать детальную динамику всех элементов народного хозяйства. Центр тяжести пятилетнего плана надлежит искать в разработке основных линий экономической политики, а также в проектировке крупнейших технических сооружений реконструкционного характера, выполнение которых охватывает период в несколько лет. Для планировки и экономического анализа таких сооружений вовсе не требуется знания будущего баланса всего народного хозяйства. Для этого достаточно лишь знать, обеспечивает ли развитие народного хозяйства данного района при средних или даже наихудших условиях минимальную в данных народнохозяйственных условиях рентабельность предприятия или большую рентабельность, чем та, которая достигается при другом направлении вложений»¹.

Несовершенство методологической базы отрицательно сказывалось на обоснованности всего проекта пятилетнего плана — как отдельных его показателей, так и общей концепции социально-экономического развития страны. В ходе

¹ Вайнштейн Альб.Л. К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР. С. 37.

дискуссии приводились многочисленные примеры внутренней противоречивости госплановских расчетов, произвольной интерпретации ряда важных народнохозяйственных пропорций, несостыковки отдельных цифр. Серьезным упреком было отсутствие программы выхода из тех хозяйственных затруднений (несбалансированные и растущие цены при обостряющемся товарном голоде, диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства, низкая рентабельность экспорта и т. д.), которые крайне остро проявились уже в первой половине 1927 году.

Содержательная характеристика этой критической волны лучше всего может быть представлена двумя альтернативными госплановскими концепциями развития советского народного хозяйства, которые более или менее четко просматриваются в работах различных экономистов. Мы обозначаем их как индустриальную и аграрно-индустриальную линии. Впрочем, следует иметь в виду известную условность как самих этих названий, так и группировки вокруг той или иной линии экономистов, поскольку не все из них в ходе самой полемики считали себя единомышленниками. В рассматриваемых ниже работах содержалось альтернативное понимание основных функций государственной власти в экономике, механизма осуществления централизованного регулирования хозяйственной жизни.

11.2. Индустриальная линия

Признание индустриализации в качестве основного вызова времени сопровождалось в данной концепции требованием выдвижения такой программы ее осуществления, которая обеспечивала бы максимальный рост производительных сил. Проект Госплана подвергался критике за «поверхностную индустриальную экспансию». Во-первых, обрисовывая широкие перспективы количественного роста промышленности, он не содержал достаточной проработки качественных параметров (производительности труда, себестоимости, качества продукции). Во-вторых, не анализировал в должной мере экономические и организационные предпосылки, которые обеспечивали реализацию курса на индустриализацию наиболее эффективным (с точки зрения темпа и качества роста) путем.

На это уже обращалось внимание Второго съезда плановых органов в 1927 году, в резолюции которого подчеркивалось: «Съезд полагает, что намеченные в пятилетке темпы роста бюджета и капитальных вложений в народное хозяйство, являющиеся напряженными, сопровождаются рядом таких показателей эффективности вложений и роста производительности народного труда, которые не могут считаться оптимальными... Съезд обращает внимание на необходимость... значительно большего, чем это запроектировано, повышения эффективности капитальных вложений, производительности промышленного труда и снижения себестоимости продукции с широким переходом на путь массовой продукции, типизации и стандартизации».

Характерной чертой сторонников концепции, о которой теперь пойдет речь, было стремление найти выход из реального противоречия, выявившегося при анализе экономической ситуации второй половины 1920-х годов. С одной стороны, необходимость обеспечения максимального роста промышленности как предпосылки преодоления товарного голода и обеспечения «коммерческой заинтересованности» крестьянства в росте своего производства, в повышении его товарности, для чего надо было преодолеть и существующий разрыв в ценах (по ряду оценок, промышленные цены следовало бы понизить в 2–3 раза вместо 17% по проекту Госплана). С другой стороны, ограниченность материальных возможностей для быстрого развития промышленности, ограниченность капитальных ресурсов и низкая эффективность их использования. Подчеркивая с этих позиций важность в процессе составления перспективного плана «отыскать оптимальный темп развития промышленного производства», А. М. Гинзбург настаивал на рассмотрении вопроса с трех точек зрения. «Во-первых, с точки зрения соответствия его потребностям народного хозяйства; во-вторых, с точки зрения осуществимости его при данных ресурсах и, наконец, с точки зрения тех экономических мероприятий, которые должны быть приняты для осуществления намеченного темпа»¹.

¹ Гинзбург А. М. Некоторые предпосылки промышленной пятилетки // Экономическое обозрение. 1927. № 4. С. 11.

Ключевым являлся здесь вопрос об условиях накопления капитала, обеспечивающих высокие темпы роста производительных сил. Экономисты возражали против абстрактной апелляции к «великим возможностям» советской экономики, предлагая конкретно проанализировать факторы, влияющие в данных условиях на перспективы хозяйственного роста. Оживляющее влияние революции, уничтожение непроизводительного потребления эксплуататорских классов, прекращение платежей по долгам за границу, относительное уменьшение расходов на армию признавались ими как факторы, безусловно благоприятные с точки зрения перспектив накопления, хотя, по приводившимся приблизительным оценкам, их влияние было относительно невелико. Важным фактором индустриализации могло бы стать и само плановое хозяйство, но на практике возможности его были еще весьма ограничены.

Одновременно выделялись и факторы, задерживающие накопление, причем многие из них были связаны с принципиальными установками проводившегося экономического курса: политика жесткого государственного регулирования заработной платы, высоких непроизводительных расходов (особенно в торговле и в управлении), недостаточного привлечения иностранных капиталов и слабости кредитной системы внутри страны. Политика нивелировки личных доходов также не способствовала быстрому росту производительности труда и сочеталась с невозможностью обеспечить эффективное производительное использование средств, накапливаемых частным капиталом. В результате ограничивались возможности развития наиболее склонных к накоплению и инвестированию зажиточных слоев населения, с одной стороны, а с другой — стимулировались потребительские тенденции в функционировании народного хозяйства¹.

Баланс между положительными и отрицательными факторами роста национального накопления складывался не в пользу первых, причем даже при достижении намеченных в проекте плана размеров накопления проблематичным

¹ См., например: Гинзбург А. М. Некоторые предпосылки промышленной пятилетки. С. 17–20; Дезен А. Развитие промышленности и национальное накопление // Экономическое обозрение. 1927. № 4. С. 64–67; и др.

оставался вопрос об эффективности его реализации. Именно на этих проблемах, т. е. на разработке программы индустриализации, предусматривающей необходимые экономические и организационные предпосылки повышения эффективности всей хозяйственной деятельности, и сосредоточили свое внимание экономисты, объединенные нами как сторонники индустриальной концепции. Пожалуй, наиболее подробно соответствующие вопросы прорабатывались в статьях и выступлениях В. А. Базарова 1927–1928 годов.

Рационализация и электрификация производства рассматривались в качестве одного из основных потенциальных факторов, способных придать индустриализации исключительный размах, обеспечить рост промышленности темпами, значительно превышающими темпы капиталистических стран. Задача рационализации реконструктивного процесса мыслилась прежде всего как определение такой очередности осуществления планов индустриализации, при которой обеспечивались бы наиболее быстрая механизация и автоматизация трудовых процессов при одновременном повышении качества выпускаемой продукции.

Отрицая целесообразность осуществления индустриализации «широким фронтом», экономисты видели исходную задачу в том, чтобы выделить из государственной промышленности основные и важнейшие отрасли, которые требуют особой поддержки. «Остальные в условиях ограниченности средств должны финансироваться лишь в той мере, в какой финансирование обеспечивает безусловную рентабельность и быстроту оборота капитала»¹. Такой же подход предполагался и по отношению к новому строительству.

Речь шла о том, чтобы при проведении индустриализации концентрировать силы в отраслях, где имеется возможность сразу использовать наиболее мощные типы современной техники, позволяющие всемерно использовать преимущества централизации управления и комбинирования производства. И поскольку современная на тот период времени техника была наиболее эффективна в условиях «гигантской массовости» производимой продукции, именно массовость предлагалось рассматривать в качестве критерия при определении

¹ Гинзбург А. М. Некоторые предпосылки промышленной пятилетки. С. 29.

очередности реконструктивных начинаний. Словом, осуществлять индустриализацию предполагалось по мере появления достаточно широкого рынка сбыта для отраслей промышленности, будь то производство средств производства или производство предметов потребления. Важным элементом этой концепции был естественно вытекавший из сказанного тезис о необходимости широкого включения страны в международное разделение труда, что позволило бы приобретать те продукты, производство которых своими силами ныне представлялось экономически нецелесообразным. Была, однако, и другая причина, побуждавшая к активности внешнеторговой деятельности, — в этом видели важный фактор, способный ограничить монополистические тенденции, характерные для государственных предприятий.

В основе этой экономической политики лежала логика развития рыночного хозяйства. Логика, предполагающая анализ ситуации в категориях спроса и предложения, обеспечения равновесия между ними, стимулирования производства спросом. Предполагалось, например, что производство тракторов и других дорогостоящих сельскохозяйственных машин в течение достаточного периода времени не будет оправдываться экономически: крестьянским хозяйствам их покупка не под силу, а эксплуатация невыгодна, тогда как общественных хозяйств (колхозов и совхозов) еще слишком мало, чтобы организовывать производство специально для них — проще покупать соответствующие виды продукции за границей. То же относится и к ряду других производств, особенно к тяжелому и транспортному машиностроению. Как и ко всем производствам, которые, не имея достаточного рынка сбыта и не сталкиваясь с конкуренцией внутри страны, будут функционировать с невысокой отдачей, «выбрасывая на рынок ничтожное количество продуктов очень высокой себестоимости и очень низкого качества»¹.

Этот анализ справедлив с экономической точки зрения. Но он не учитывал, что политические решения и действия в благоприятной социально-психологической ситуации становятся самостоятельным и активным фактором хозяй-

¹ Базаров В. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1927. № 2. С. 49.

ственной жизни. Тоталитарная система сделала то, что ранее казалось совершенно невозможным. За несколько лет посредством политических решений и действий (расширение инвестиционного сектора в промышленности и массовая насильственная коллективизация в деревне) был создан практически безграничный спрос на многие виды машиностроительной продукции. Была резко изменена сама социальная среда экономической жизни, что позволило проводить совершенно новую, неописываемую в рыночных категориях долгосрочную экономическую политику.

Однако этот курс не решал проблем качества и реальной конкурентоспособности выпускаемой продукции. Но и здесь был предложен заменитель рыночного механизма — система партийно-политического принуждения. В те годы многим и в СССР, и даже за рубежом она казалась вполне удовлетворительной заменой конкуренции, которая, напоминаем, в глазах столь же многих к началу XX века уже отжила свое.

Практика функционирования советской экономики выдвигала еще один комплекс проблем, стоявших перед огосударственным, централизованно управляемым хозяйством и связанным с эффективностью использования накоплений. Речь идет о положении государственного предприятия в системе хозяйственных отношений второй половины 1920-х годов. Мы видели, что отход от первоначальных идей нэпа проявился в этой сфере ранее всего и наиболее отчетливо — тресты все в большей мере лишались предоставленных им прав и не имели стимулов эффективного хозяйствования. Понятно, что экономисты, стоявшие у истоков идеологии нэпа, видели выход из сложившегося положения, а значит, и предпосылку усиленного развертывания индустриализации в осуществлении курса на «развитие самостоятельности оперативных ячеек» (слова А. М. Гинзбурга).

Шел поиск специальной системы стимулов, способных заинтересовывать государственные предприятия и организации в эффективном использовании предоставляемых им централизованных капитальных вложений. Жизнь показывала, что при формировании планов и строительных программ выбор наиболее эффективного с народнохозяйственной точки зрения варианта роста оказывался невозможным. Вместо концентрации сил и средств для быстреего ввода каждо-

го нового объекта в строй побеждает тенденция закладывать в программу строительство многих предприятий, что значительно оттягивает начало их производственного функционирования.

В. А. Базаров, одним из первых занявшийся анализом этого явления, обратил внимание на тесную, хотя и не столь очевидную, связь его с характером утверждавшейся системы планового руководства народным хозяйством. Для решения возникающих здесь проблем предлагалось осуществить определенные преобразования в экономическом механизме функционирования советского народного хозяйства. Неумная тяга к расширению фронта строительных работ стала впоследствии характерной чертой советской экономики, в которой объем «незавершенки» был доведен до немыслимых масштабов.

Но и в те годы проблема стояла уже очень остро. В. А. Базаров, одним из первых занявшийся анализом этого явления, обратил внимание на тесную, хотя и не столь очевидную, связь его с характером утверждавшейся системы планового руководства народным хозяйством. Он писал обо всем этом с горькой иронией:

«...Раскрыв газету, читаем, например, следующие два сообщения: 1) “Батум. “Стандарт-Ойл” на основе концессионного договора приступил к сооружению керосинового завода. Постройку предполагается закончить в 4 месяца”. 2) “Иваново-Вознесенск. Состоялась закладка новой прядильни. План постройки рассчитан на три года”.

Я совершенно не представляю себе, что легче построить — керосино-очистительный завод или прядильню. Но вот, что я представляю вполне отчетливо: если бы прядильню строил концессионер, а керосино-очистительный завод — “Азнефть”, то сроки были бы как раз обратные: прядильня поспела бы в 4 месяца, а план (на то он и “план”!) постройки керосино-очистительного завода был бы “рассчитан” на три года»¹.

¹ Базаров В. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах// Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 46.

В связи с этим Базаров приводит цитату из Гейне, как нельзя лучше отражающую превращение плана в ПЛАН — Великий Фетиш Системы. В переводе цитата звучит примерно так: «Самый процесс созидания — сущие пустяки; все можно сварганить в короткий срок. Но план, но замысел творения... Вот что показывает, кто истинный артист».

Для решения возникающих проблем предлагалось осуществить преобразования в экономическом механизме функционирования советского народного хозяйства, которое все больше претендовало на эпитет «плановое».

Сравнивая капиталистическое предприятие с отечественным госпредприятием, В. А. Базаров ставил диагноз: «Концессионер учитывает как убыток каждый день, в течение которого его капитал, вложенный в новое строительство, не функционирует производительно, тогда как тресту, поскольку он строит не на заемные, а на “свои” или дотационные средства, подчас все равно, будет ли его капитал лежать втуне год, два года или несколько лет». А для преодоления подобного положения и повышения эффективности перспективного народно-хозяйственного плана, в котором инвестиционная программа замышляется как стержневой компонент, он предлагал в качестве лечения «с каждого переданного промышленности рубля... взимать известный, не слишком высокий, но все же чувствительный процент»¹.

Поиск механизма, обеспечивающего действенные стимулы развития народного хозяйства по пути индустриализации, подводил исследователей к еще одному выводу — о целесообразности создания более благоприятных условий для функционирования частного капитала. Особо выделялись две сферы: торговля, где для преодоления резкого разрыва между оптовыми и розничными ценами необходимо было вовлечь в товарооборот дополнительные, не учитываемые проектом Госплана средства, а также сельское хозяйство — в той мере, в какой зажиточный крестьянин может «вести пионерскую работу по насаждению в деревне улучшенных методов хозяйства». Ошибочным называли они проведение таких административных и налоговых мер, которые снижали интерес к накоплению у наиболее склонных к тому слоев населения, т. е. побуждали не вкладывать средства в развитие своего производства из опасения попасть в категорию социально чуждых режиму элементов².

¹ Базаров В. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах. С. 46.

² См.: Гинзбург А. М. Некоторые предпосылки промышленной пятилетки. С. 28; Базаров В. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах. С. 51; Дезен А. Развитие промышленности и национальное накопление. С. 65.

11.3. Аграрно-индустриальная линия

Важность индустриализации — ведущей идеи перспективного плана, естественной и закономерной стратегии развития страны — не вызывала сомнений и у экономистов-аграрников. «Против ставки на индустриализацию как таковой, конечно, не может быть никаких возражений», — подчеркивал Н. Д. Кондратьев, замечавший, однако, что основной вопрос в планировании состоит все-таки не в том, чтобы провозгласить цель, а в определении путей ее достижения, в придании ей «конкретного выражения»¹.

Главное экономическое условие осуществления индустриализации сторонники рассматриваемого направления видели в обеспечении равновесия промышленности и сельского хозяйства, которое является продовольственной, сырьевой и валютной базой для промышленности. Одновременно признавалось, что данная целевая установка делает аграрный сектор не столько ведущим, сколько ведомым, сильно зависящим от «командных высот». А потому государство не только может, но и должно адекватными характеру этой отрасли методами оказывать на нее плановое организующее воздействие, будучи заинтересованным в восстановлении и поддержании в дальнейшем равновесия между основными элементами советской экономики.

Эта логика экономического анализа была непонятна и неприемлема для сторонников лобовой индустриализации. Здесь речь шла о необходимости осуществления такой политики по отношению к сельскому хозяйству, в результате которой оно вносило бы более значительный вклад в реализацию целей перспективного плана — проведение индустриализации и рост благосостояния трудящихся.

«В плане сельского хозяйства должны быть найдены меры по сельскому хозяйству, позволяющие возможно быстрее и легче выйти на линию более быстрого, безболезненного и прогрессивного развития целого народного хозяйства, т.е. то, что должно дать сельское хозяйство в настоящее время. С другой стороны, перспективный план сельского хозяйства

¹ Кондратьев Н. Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства. С. 676.

должен дать те общие народнохозяйственные предпосылки для разрешения... актуальнейших народнохозяйственных задач, которые должны быть разрешены в интересах самого сельского хозяйства», — писал тогда известный экономист-аграрник А. Н. Челинцев¹.

Основным параметром, характеризующим рост сельского хозяйства в соотношении с перспективами других отраслей, является выход товарной продукции (продукции, поступающей на внедеревенский рынок). По мнению большой группы экономистов, намечаемый в проекте Госплана рост этого показателя оставался необоснованным как с точки зрения перспектив внутридеревенского потребления и накопления, так и с точки зрения тех капитальных вложений, которые намечалось направить в сельское хозяйство из государственного бюджета. Для аргументации этого вывода использовались данные различных наблюдений и обобщений по развитию аграрного сектора в дореволюционной России и в других странах с учетом, разумеется, поправок на социально-экономические особенности СССР, а именно — на необходимость обеспечения в советских условиях более высокого потребления крестьянства, на невозможность возрождения политики «не доедим, а вывезем».

Планируя относительно небольшие инвестиции в сельское хозяйство со стороны государства, госплановский проект намечал высокий (почти двойной по сравнению с дореволюционным временем и с 1925/26 годом) темп крестьянского накопления, предполагавший, что при возрастании душевого дохода сельского населения на 30% его потребление увеличится только на 11% (на 5% по продовольствию и на 36% по промтоварам). По разным же оценкам, потенциальный уровень накопления в самом крестьянском хозяйстве в предстоящем пятилетии (без амортизации) могла составить 6% или несколько большую долю национального дохода, создаваемого в деревне, тогда как исходя из расчетов Госплана эта цифра должна была превысить 11%². Если возможности нако-

¹ Челинцев А. Н. К вопросу о методах и принципах составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 54.

² См., например: Студенский Г. Сельское хозяйство СССР в перспективе пятилетнего развития // Пути сельского хозяйства. 1927. № 5. С. 50.

пления внутри сельского хозяйства действительно завышены Госпланом, то это означает наличие существенного искажения плановых расчетов товарной массы и диспропорциональности во всех остальных элементах перспективных расчетов.

Многочисленные расчеты, приводившиеся в исследованиях экономистов-аграрников подводили их к выводу о том, что намеченный в проекте пятилетки темп роста сельскохозяйственной продукции (товарной) не подкреплён соответствующими ресурсами, но вместе с тем является недостаточным в сравнении с принятым в плане темпом индустриализации и подъема благосостояния. Пятилетка Госплана предполагает, следовательно, с одной стороны, либо заметный недостаток продовольствия для города, либо заметное отставание от намеченных размеров сельскохозяйственного экспорта. Должен расти и товарный голод на промышленную продукцию, предложение которой далеко отстает от роста покупательного фонда деревни¹.

Экономисты настаивали на коренной переработке сельскохозяйственной концепции пятилетки, а тем самым — фактически — и концепции индустриализации. Руководствуясь изложенными выше методологическими принципами, представлениями о роли и задачах перспективного планирования, они сконцентрировали свое внимание не на расчетах тех или иных количественных параметров, которые должны быть достигнуты за пять лет, а на определении условий, позволяющих согласовывать интересы крестьянина-производителя и горожанина с интересами социалистического строительства².

Ставилась задача анализа комплекса экономических, политических, социальных и организационных факторов, спо-

¹ См., например: *Студенский Г.* Сельское хозяйство СССР в перспективе пятилетнего развития. С. 50; *Огановский Н.* Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // Пути сельского хозяйства. 1927. № 7. С. 80; *Вайнштейн Альб. Л.* К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР. С. 47, 54, 56; и др.

² В разных вариантах эта мысль звучала практически у всех авторов — как марксистов, так и тех, кого называли тогда буржуазными экономистами. См., например упоминавшиеся уже работы Г. Студенского, Н. Огановского, а также аграрника-марксиста В. Матюхина (Вопросы пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства в части сельского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1927. № 6–7).

собных воздействовать на рост валовой продукции сельского хозяйства и на этой основе на рост его товарности. Предполагалось наметить в плане и осуществить широкую систему мер — экономических (рациональная политика цен, снабжение крестьян качественными промышленными товарами в соответствующем количестве и ассортименте), организационно-производственных, а также мер социальной и финансовой политики, поскольку на состояние крестьянского хозяйства оказывали значительное влияние процессы дифференциации и кооперирования, налогообложения и т. д.

В конечном счете вопрос стоял о формировании экономической политики, обеспечивающей одновременно и необходимый объем государственных инвестиций в аграрный сектор (через бюджет и кредитную систему), и стимулирование внутридеревенского накопления. В первом случае приходилось сталкиваться с ограниченностью централизованных финансовых ресурсов и необходимостью определения оптимальных размеров распределения государственных средств по отраслям, которое позволило бы бескризисно осуществить индустриализацию. Во втором случае стояла задача стимулировать крестьянское накопление таким образом, чтобы, обеспечивая достаточно высокое (выше довоенного) потребление деревни, не допуская, однако, превращения крестьянских хозяйств в хозяйства преимущественно потребительного типа.

Исходным пунктом рассматриваемой концепции было положение о том, что фактическая динамика сельскохозяйственного производства в предстоящие годы будет зависеть, «во-первых, от рыночных условий, а во-вторых, от размеров снабжения сельского хозяйства орудиями и средствами производства, в особенности машинами, и соответственно — от технической реконструкции этого хозяйства»¹.

С этим положением был связан и сделанный тогда же вывод об усилении по сравнению с аналогичными условиями в дореволюционной России влияния рыночных факторов (в особенности конъюнктуры цен, а также наличия необходимых промышленных товаров) на сельскохозяйственное производство, что объяснялось ликвидацией крупного (помещичьего)

¹ Кондратьев Н. Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значение // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 109.

землевладения и превращением крестьянства в монопольного поставщика аграрной продукции.

Стимулы действуют иначе по отношению к крупным сельскохозяйственным предприятиям, личное потребление в структуре производства которых имеет значительно меньший удельный вес, чем у небольших крестьянских хозяйств. Ориентированные на длительную перспективу и располагающие необходимыми сырьевыми ресурсами, крупные производители в меньшей степени зависят от колебаний текущей рыночной конъюнктуры. Их производство определяется не столько динамикой цен предшествующего года, сколько долгосрочной оценкой перспектив своего развития, устойчивыми тенденциями урожайности и продуктивности. А это, в свою очередь, также оказывает мощное влияние на движение цен.

Учет особенностей поведения крупных и мелких сельскохозяйственных производителей был важен при формировании концепции среднесрочной экономической политики, которая и должна была получить концентрированное выражение в пятилетнем плане. Тем более, что опыт предшествующих лет, когда эти особенности игнорировались, сказался на развитии сельского хозяйства. Государственная политика цен не только не стабилизировала динамику производства в аграрном секторе, но даже усиливала ее неустойчивость: крестьяне, следуя за изменением закупочных цен, заменяли посевы технических культур зерновыми, а затем вновь возвращались к техническим, несмотря на благоприятные в основном урожаи середины 1920-х годов. Особенно ярко эти колебания проявились в 1926–1927 годах, вызывая недоумение политиков и дискуссии экономистов.

Более тонкое регулирование цен — лишь один из элементов воздействия на сельское хозяйство. Вместе с тем, отмечая важность правильного рыночного регулирования, ряд экономистов предостерегал и против его абсолютизации, поскольку при определенных условиях повышение товарности крестьянских хозяйств таким путем может быть подменено исключительно ростом внутридеревенского потребления. Вот почему речь шла и о необходимости тщательной проработки в плане возможностей госпромышленности устанавливать прямые связи с сельским хозяйством (во всяком случае, с про-

изводителями сырья), чтобы «оказывать непосредственное производственное влияние на интересующие промышленность отрасли сельского хозяйства», создавая условия для начала индустриализации аграрного сектора.

Достичь этих целей, писал Е. С. Каратыгин, помимо чисто рыночных методов, можно и нужно «главным образом с помощью контрактации посевов необходимого промышленного сырья при условии осуществления со стороны поставщиков (при посредстве кооперации) тех или иных рациональных приемов хозяйствования, путем “ввязывания” производителя в промышленность, путем стимуляции соответствующих областей сельскохозяйственного производства, а затем — путем ряда агрокультурных мероприятий, повышающих доходность сельского хозяйства и тем относительно уменьшающих стоимость промышленного сырья»¹.

Эти рассуждения подводят нас ко второму ключевому условию роста сельскохозяйственного производства вообще и его товарности в особенности. Имеется в виду необходимость проведения специальной государственной политики, обеспечивающей повышение производительности труда в аграрном секторе, в чем и выражается существо «технической реконструкции этого хозяйства».

Между тем, в проекте Госплана был взят курс на увеличение интенсивности сельскохозяйственного производства при неизменности в течение пятилетки производительности труда. Такой подход встретил возражения практически всех экономистов, доказывавших, что это означает отказ не только от индустриализации (машинизации) сельского хозяйства, но и от коллективизации и вообще от кооперирования в деревне (имелись в виду самые различные формы кооперации), поскольку эта политика должна вести одновременно к росту производительности труда. Естественно, на это указывали и марксисты, и те, кого причисляли к буржуазным экономистам. «Это ошибка уже не статистического только, а принципиального свойства... Чтобы быть последовательными, авторы плана должны были бы рекомендовать

¹ См.: *Каратыгин Е. С. Государственная промышленность и сельское хозяйство*// Экономическое обозрение. 1927. № 8. С. 49–51.

деревне пока воздержаться и от коллективизации, которая тоже ведь ведет к экономии труда. Во всяком случае странную картину являют идеологи механизации, превращаясь в противников ее перед лицом жизни», — писал Г. А. Студенский¹.

Не только социально-экономическая возможность, но и необходимость повышения производительности труда объяснялась рядом взаимосвязанных причин. Прежде всего пониманием условности и относительности самого аграрного перенаселения, которое характеризуется не столько количеством крестьян на единицу площади, сколько душевым размером валового дохода, то есть показателем, имеющим положительную динамику по мере роста производительности труда². Относительность перенаселения деревни проявлялась в том, что в рассматриваемый период в критические моменты (посев, уборка) нехватка рабочих рук становилась фактором, сдерживающим внедрение дефицитных интенсивных культур³.

Рост производительности труда должен был способствовать стабилизации всей экономической ситуации в стране, обеспечивать осуществление индустриализации бескризисным путем⁴. Этот курс предполагал проведение государством необходимых мер по снабжению крестьян машинами и ин-

¹ Студенский Г. Сельское хозяйство СССР в перспективе пятилетнего развития. С. 51–52. См., также: Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // Пути сельского хозяйства. 1927. № 6. С. 36.

Впрочем, надо иметь в виду, что провозглашенный курс на рост обобществления не нашел отражение в аграрной программе пятилетки Госплана. В этом проект был достаточно последователен.

² См.: Кондратьев Н. Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства. С. 699–700; Матюхин В. В. Вопросы пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства в части сельского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1927. № 6–7. С. 11.

³ См.: Студенский Г. Сельское хозяйство СССР в перспективе пятилетнего развития. С. 52; Матюхин В. В. Вопросы пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства в части сельского хозяйства. С. 12–13.

⁴ См., например: Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана. № 6. С. 36.

вентарем¹, землеустройству и организации переселения, разработке и реализации соответствующей системы финансовой политики. В конечном счете ставилась задача разработки программы повышения культуры (агропромышленной, производственной) крестьянского хозяйства, обеспечивающего позитивные сдвиги в качественных параметрах аграрного производства.

Наконец, важным вопросом, который нуждался в более глубокой проработке в пятилетнем плане, были социальные условия роста сельского хозяйства. При всем разнообразии точек зрения на этот счет можно выделить и некоторые общие моменты. Не видя, как и авторы госплановского проекта, ни производственных, ни экономических условий перехода в предстоящем пятилетии к доминированию крупных (советских или коллективных) форм хозяйствования, многие экономисты писали о необходимости проведения политики, во-первых, содействующей общему подъему благосостояния всей крестьянской массы, поддерживая низшие слои и не чиня никаких препятствий верхним, и, во-вторых, способствующей объективным тенденциям движения крестьянства к объединению.

Реализация этих принципов означала бы укрупнение крестьянских хозяйств (увеличение числа зажиточных и серед-

¹ Машинизации сельского хозяйства уделялось в экономической литературе особое внимание, однако решение этой проблемы не сводилось лишь к требованию включения в перспективный план пункта о создании собственной базы сельскохозяйственного машиностроения. Проблема ставилась шире — не с позиций только технических или финансовых возможностей ее решения, но как определение для этого оптимального экономического пути. В частности, Е. С. Каратыгин (как и В. А. Базаров) подчеркивал: сельское хозяйство должно иметь возможность «заглядывать на внешний рынок, так как там имеется более широкое предложение более дешевых и более хороших по действию орудий производства и необходимый ассортимент запасных частей», что благоприятно отражалось бы и на себестоимости продукции деревни. Такие закупки целесообразны не только из-за физической ограниченности собственного производства, но и для постепенного формирования широкого внутреннего рынка этой продукции. Без достаточного, предъявляющего массовый спрос потребителя отечественное производство, ограниченное относительно небольшими партиями, будет давать технику низкого качества и по чрезвычайно высокой цене. (См.: *Каратыгин Е. С. Государственная промышленность и сельское хозяйство*// Экономическое обозрение. С. 56–57.)

няцких), следствием чего должен был быть рост их товарности. Другим результатом общего подъема благосостояния деревни могло стать ослабление миграции сельского населения в города, где безработица оставалась одним из опасных социальных феноменов.

Подобные социальные проекты были в известной мере утопичны. Правильно намечая путь эффективного развития деревни 1920-х годов — укрепление товарных и, следовательно, крупных хозяйств, — многие экономисты по тем или иным соображениям пытались отделить эту динамику от процессов дифференциации. Долгосрочная тенденция развития сельского хозяйства при любом сценарии должна была состоять в уменьшении численности аграрного населения при повышении производительности труда и формировании оптимальных по размерам хозяйств¹. На это обращал внимание далекий от социального утопизма Н. Д. Кондратьев. По его мнению, четвертой части современного крестьянства было бы достаточно, чтобы удовлетворять потребности всего населения страны в продовольствии, а промышленности — в сырье. Другое дело, что требовалась такая государственная политика, которая обеспечила бы максимальную безболезненность этого процесса и для сельских жителей, и для горожан.

* * *

Рассмотренные линии критики госплановского проекта являются одновременно и его альтернативами. Однако анализируя концепцию пятилетки под разными углами зрения и с разных позиций, эти две линии сами не являются альтернативными друг другу. Если анализировать узловые моменты логики экономического развития, то они (эти линии) методологически и идеологически близки.

¹ Об этом писал, например, В. В. Матюхин: «Можно быть уверенным, что к 1930/31 году концентрация товарной массы в высоких группах деревни будет еще более высокая, чем теперь». Он подчеркивал необходимость учета в плане мероприятий, укрепляющих маломощные группы. (Матюхин В. В. Вопросы пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства в части сельского хозяйства. С. 15.)

ГЛАВА 12

Советское планирование: окончательный выбор модели

12.1. Определение критерия развития

В дискуссиях по проблемам перспективного (пятилетнего) плана ключевым вопросом было определение критерия прогрессивного развития общества.

Проект Госплана ставил вопрос о критерии, но не дал последовательного решения. Перечисленные в нем установки могли и должны были на практике вступить друг с другом в противоречие. Обращалось внимание на то, что «составители не указывали, какой из этих критериев они считают основным и какой критерий получил примат при рассмотрении различных вариантов развертывания»¹. В альтернативных моделях такой приоритет («примат») отводился росту производительных сил как предпосылке решения всех других социальных и экономических проблем. Это, конечно, не означало отрицания и обратного влияния процессов социализации и повышения благосостояния на производительные силы общества.

¹ См.: *Вайнштейн Альб.Л.* К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР. С. 33.

Количественную меру прогрессивного развития видели в возрастании объема благ, приходящихся в среднем на одного члена общества, или в росте национального (народного) дохода на душу населения при повышении производительности труда¹. Подчеркивая, что противоречие между различными критериями прогресса не является абсолютным и разрешается в стратегическом плане, В. А. Базаров предостерегал, однако, от представления, согласно которому темпы роста всех трех элементов должны быть одинаковы или пропорциональны. Особенно опасными он считал возможные попытки преодоления текущих хозяйственных сложностей путем социализации не созревших для этого отраслей, т. е. тех отраслей, в которых «обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда». Последнее «значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, подготавливать в грядущем частичное поражение и отступление социализма тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение»². Это была позиция, характерная для классического марксизма.

Впрочем, сказанное не следует понимать так, будто все экономисты, разрабатывавшие альтернативы госплановскому проекту, однозначно связывали будущее советской экономики с активным развертыванием процессов обобществления.

Н. Д. Кондратьев, например, изначально сомневался в более высокой эффективности коллективного социалистического производства по сравнению с частным. Однако, при достаточно серьезных различиях, важным, объединяющим всех этих экономистов тезисом было признание возможности замедления роста обобществления, если того требует развитие производительных сил, но никак не наоборот. В тех исторических условиях острота этой позиции было направлено против форсированного насаждения социализма (или госсобственности) с помощью мер административно-правового характера, что уже происходило в промышленности и сфере услуг, а с 1928 года все больше охватывало и сельское хозяйство.

¹ См., например: там же. С. 34; Базаров В. Принципы построения перспективного плана. С. 42.

² Базаров В. Принципы построения перспективного плана. С. 42.

Альтернативное понимание критерия общественного прогресса предполагало курс на расширение частного хозяйствования, поскольку его функционирование содействует росту производительных сил, демонстрируя более высокую эффективность, чем в государственном хозяйстве.

Акцент на согласование интересов основных хозяйственных субъектов — в этом состоял еще один важнейший методологический принцип народнохозяйственного планирования, который многие экономисты не находили в разработках Госплана.

Сбалансированность, пропорциональность плановых расчетов, обеспечение равновесного продвижения к намеченным целям являются предпосылкой такого согласования интересов, которое, в свою очередь, становится основным фактором, обеспечивающим поступательное (а в 1920-е годы верили, что и бескризисное) развитие общества. Анализ и согласование интересов было в этой логике для перспективного плана важнее, чем многостраничные таблицы с плановыми показателями.

Признание наличия разнонаправленных интересов и необходимости их согласования было принципиальным в идеологии также и концепции новой экономической политики, и отказ от экономического подхода означал бы и выход за рамки нэпа.

Н. Д. Кондратьев связывал принятие необоснованного плана, и тем более превращение его в директиву, с возможностью наступления драматических последствий. Подчеркивая, что предложенная Госпланом концепция не дает эффективного решения задач индустриализации и реконструкции, он считал ее не только теоретически спорной, но и практически опасной: «Опасность ее вытекает из того, что она обрекает народное хозяйство на путь явных и глубоких кризисов»¹. Возможно, в этом выводе содержалось осознание опасности выхода из кризиса внеэкономическими методами.

Этот процесс не заставил себя долго ждать. Экономическая политика 1925–1926 годов, в основу которой уже отчетливо была заложена идея инфляционного финансирования роста

¹ Кондратьев Н. Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства. С. 700.

промышленности, осенью 1927 года столкнулась с противоречиями в самой чувствительной для российского народного хозяйства сфере. Проблема взаимоотношений города и деревни вновь вышла на первый план. В отличие от 1917 и 1921 годов, когда она изначально вставала как политическая, осенью 1927 года события выглядели поначалу как чисто экономический кризис. Или, точнее, как кризис экономической политики.

Но политическое руководство страны почувствовало угрозу своему положению. Получалось, что в СССР существует многомиллионный слой людей, фактически (экономически) находящихся вне сферы влияния властей: крестьянство может продать зерно государству, а может и не продать. Это выходило за рамки плана, становящегося высшим законом хозяйственной жизни. А поэтому всякое сопротивление этому плану, пусть даже и сопротивление на нижнем уровне хозяйственной жизни, приобретало несомненное политическое звучание и подлежало решительному искоренению.

Зимой 1927/28 года произошел фактический возврат к военно-коммунистическим методам, когда у крестьян вновь насильственными мерами стали отбирать запасы хлеба. Начавшаяся вскоре кампания массовой коллективизации означала создание государственного механизма принуждения к труду при одновременном ограничении потребления населения, вплоть до голода в деревне в начале 1930-х годов. За этим стояла цель получения средств (включая валютные) для проведения ускоренной индустриализации, то есть для выполнения плановых директив.

Конечно, было бы неправильно выводить слом нэпа непосредственно из госплановской концепции пятилетки. Но связь между ними несомненна. В проекте плана был сделан серьезный шаг к формированию административной модели хозяйствования. Административный фактор под видом «воли пролетариата» занял решающее положение в обосновании перспектив экономического роста. Пятилетний план и «великий перелом» идеологически связаны, хотя авторы проекта Госплана вряд ли могли думать о тех поворотах, которые вскоре будут происходить в стране.

12.2. Первая пятилетка: плановое ускорение

Дискуссия 1927–1928 годов о пятилетнем плане стала последним действительно научным и почти свободным обсуждением экономических проблем. Состоявшийся в декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) был завершающим актом в развитии теории и практики планирования в рамках реалистического видения стоящих перед страной задач. В его документах со всей остротой выявились противоречия доктрины нэпа и практики ее осуществления.

Сбалансированный рост потребления и накопления, промышленности и сельского хозяйства, тяжелой и легкой индустрии рассматривался XV съездом как неперемнное условие динамичного хозяйственного роста в направлении к социализму. «В вопросе о темпе развития необходимо равным образом иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития»¹.

Это было совершенно справедливое, хотя и достаточно общее положение резолюции «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства». В нем как будто бы был провозглашен курс на постепенный, плавный хозяйственный рост, ориентирующий на достижение высоких конечных результатов и отвергающий эксплуатацию сельского хозяйства промышленностью при осуществлении пятилетнего плана. Однако съезд так и не смог предложить сколько-нибудь четкой концепции достижения намеченных целей — проведения индустриализации и повышения роли тех социалистических экономических форм, которые считались тогда наиболее прогрессивными.

Подобная недосказанность не была случайной. Она отражала реалии своего времени. Ситуация не могла быть устойчивой, что и показали события, последовавшие вскоре после XV съезда ВКП(б). Предпринятые вскоре шаги в направлении слома нэпа создали принципиально новые условия в об-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 4. М.: Политиздат, 1984. С. 277.

ществе, которые оказали существенное влияние на ход и результаты дискуссии о пятилетнем плане.

Прежде всего произошла резкая политизация дискуссии, в значительной степени связанная с обострением внутрипартийной борьбы, — началась кампания против «правого уклона». Акцент все настойчивее переносится на «революционно-преобразующую роль» плана как главного источника экономического роста. В большевистской экономической литературе того времени план рассматривается как категория, приходящая на смену объективным экономическим законам прошлого. По сути дела сам факт директивности плана, его государственное происхождение рассматривались в качестве важнейшей предпосылки его выполнения. Подобные выводы получают идеологическое оформление в выдвинутом в конце 1920-х годов тезисе о народнохозяйственном плане как экономическом законе социализма или даже «законе движения» нового способа производства¹.

Догма о самодовлеющей роли социально-политической природы плана («план диктатуры пролетариата») как основного фактора его реализации оказала решающее влияние на развитие дискуссии о критериях социального и экономического прогресса. В этой связи по-новому зазвучала тема соотношения развития производительных сил и трансформации формы собственности, а в практически-политических терминах — соотношения экономического роста и обобществления. Традиционное марксистское представление состояло в том, что рост производительных сил приводит к росту обобществления, а потому правительство должно способствовать экономическому росту. Среди экономистов-защитников официальной линии утверждается идея, что определяющее значение в решении задач пятилетки имеют процессы социализации — насаждение определенных хозяйственных форм. Все чаще можно услышать заявление, что, ради вытеснения частных (индивидуальных) производителей как в городе, так и в деревне можно и нужно идти даже на временное падение

¹ См., напр.: *Гатовский Л.* О народнохозяйственном плане: К вопросу о регулировании советской экономики // *Большевик*. 1929. № 19; *Стецкий А.* Ленин и социалистический план. М.: Партиздат, 1933; *Стецкий А.* В борьбе за ленинскую теорию. М., 1938.

производительных сил: ведь крупные коллективные формы являются по определению наиболее передовыми и в будущем обеспечат лучшие условия для собственно экономического прогресса.

Это был серьезный сдвиг по сравнению с итогами Второго съезда плановых органов и положениями «Перспектив развертывания». Их авторы учли критику в свой адрес по поводу противоречивости критериев плана и заняли вполне определенную позицию. Содержательная сторона планового хозяйствования, равно как и вообще социализма, тем самым приносилась в жертву формальным признакам нового хозяйственного строя. А ответом на возражения оппонентов стало наклеивание ярлыков.

Так, выдвижение на первое место задачи роста производительных сил было названо С. Г. Струмилиным «струмизмом». Он заявлял по этому поводу: «Ведь мы не мальчики, мы прекрасно понимаем, что если мы идем на социальную революцию, то мы тем самым идем в течение ряда лет на понижение, на разрушение производительных сил, на попятное движение в этой области. Во имя чего же мы это делаем? Во имя социализма». Л. Шанин, резко пересмотрев свои прошлые взгляды, считал вполне допустимым, чтобы «для нынешней стадии развития усиление социалистических тенденций в сельском хозяйстве и в некоторой части сельскохозяйственных заготовок протекало в некотором временном конфликте с интересами максимального сегодняшнего развития товарности»¹.

В этих политических и интеллектуальных условиях В. А. Базаров пытался убеждать коллег в сомнительности тезиса о приоритете социализации над экономическим ростом. Он писал: «Возможно такое стечение обстоятельств, при котором требуется на некоторое время замедлить количественный рост зарплаты или социализации и, так сказать, закрепить на достигнутых позициях именно для того, чтобы расчистить путь для дальнейшего интенсивного роста производительных сил. Но невозможно представить себе обратное, то есть необходимость временного замедления роста производительных сил в целях форсирования народно-

¹ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. М., 1928. С. 36–38, 84.

го благосостояния или процессов социализации. Развитие производительных сил есть ведущее звено. В оптимальном плане этот показатель должен обнаруживать плавный рост. Всякие перебои, срывы или замедления свидетельствовали бы в данном случае о дефективности плана»¹. Как показали дальнейшие события, рост благосостояния действительно не рассматривался в качестве оптимизируемого в плане показателя. А вот социализация как раз и была поставлена в центр развития.

В условиях политической борьбы и уже ставшего за годы нэпа очевидным конкурентного преимущества частного сектора перед государственным, И. В. Сталин сформулирован принципиально иное понимание этой проблемы, которое не укладывалась в сознание большинства профессиональных экономистов, и тем более экономистов-марксистов. В разгар дискуссии о пятилетнем плане, выступая на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 года, Сталин сделал решительное заявление: «Верно ли, что центральную идею пятилетнего плана в *Советской стране* составляет рост производительности труда? Нет, неверно. Нам нужен ведь не *всякий* рост производительности труда. Нам нужен определенный рост производительности народного труда, а именно такой рост, который обеспечивает *систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим...* Пятилетний план, забывающий об этой центральной идее, есть не пятилетний план, а пятилетняя чепуха. В росте производительности труда заинтересовано вообще всякое общество, и капиталистическое и докапиталистическое. Отличие *советского* общества от всякого другого общества в том именно и состоит, что оно заинтересовано не во всяком росте производительности труда, а в таком росте, который обеспечивает перевес социалистических форм хозяйства над другими формами и прежде всего над капиталистическими формами хозяйства, который обеспечивает таким образом преодоление и вытеснение капиталистических форм хозяйства»². Это было теоретическим новшеством, поскольку официальная

¹ Базаров В. А. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 42–43.

² Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 79–80.

доктрина считала социалистические отношения *по определению* более передовыми по сравнению с капиталистическими, а потому именно социализм предполагал более высокую производительность труда.

Соответствующим образом менялись и сами плановые документы, и характер их обоснования. Собственно, направление всех изменений вполне определенно выразил Сталин, квалифицировавший представленные на XV съезд документы по пятилетке как «черновую и значительно преуменьшенную наметку».

Начиная с 1928 года, от проекта к проекту количественные показатели пятилетних планов начинают быстро нарастать (см. таблицы 12.1 и 12.2). Темп роста социалистического (прежде всего государственного) производства становится решающим критерием при оценке как качества самого плана, так и политической благонадежности его составителей. Взвешенные позиции по вопросу о темпах стали вскоре причиной гонений на многих видных экономистов, которых сперва ругали за «узость кругозора», а потом обвинили во «вредительстве».

В это время Госплан оказался в атмосфере своеобразной конкуренции с ВСНХ, возглавлявшимся В. В. Куйбышевым. Он постоянно выступал с резкими заявлениями о необходимости установления более высоких темпов роста промышленности, чем те, которые предусматривались выдвигавшимися проектами. Пятилетние проектировки самого ВСНХ (во главе этой работы вместо А. М. Гинзбурга был поставлен В. И. Межлаук) отличались высокой степенью «индустриальной экспансии», да и они постоянно пересматривались в сторону увеличения. Попытки, хотя и не очень настойчивые, противодействовать этим амбициям предпринимал даже Г. М. Кржижановский: он жаловался, что ВСНХ следовало бы быть Наркоматом промышленности и не дублировать работу Госплана¹. Но политический вес Куйбышева — члена Политбюро ЦК ВКП(б) и близкого Сталину человека, выражавшего интересы победившей группировки в руководстве страны, — позволил именно ему задавать тон в развернувшейся гонке проектов пятилетки, которую можно назвать «плановым ускорением» или «плановой вакханалией».

¹ См.: Информационный бюллетень Госплана СССР. 1928. № 3–4. С. 29.

Однако было бы неправильно объяснять начавшуюся погоню за высокими цифрами в плане лишь политическими факторами: борьбой в партийном руководстве, давлением на экономистов Госплана и ВСНХ и т. д. Дело не сводится и к субъективистским увлечениям послереволюционной эпохи, вере в чудодейственность государства диктатуры пролетариата, которому якобы все подвластно. Свою роль здесь сыграли и конкретные особенности экономического развития страны во второй половине 1920-х годов.

Таблица 12.1. Годовые темпы роста крупной промышленности (валовая продукция) в проектах пятилетнего плана, %

Проекты	1926/27	1926/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
1 Госплан, весна 1927 г. («Перспективы развертывания»)	19,1	13,2	10,6	9,9	9,2	–	–
2 ВСНХ, середина 1927 г. (проект А. М. Гинзбурга)	–	16,3	13,1	13,7	10,5	10,0	–
3 ВСНХ, конец 1927 г.	–	18,1	16,6	17,6	13,8	12,8	–
4 Госплан, конец 1927 г.: отправной вариант	–	16,4	14,0	14,1	12,9	12,3	–
оптимальный вариант	–	18,1	16,6	17,6	13,8	12,8	–
5 ВСНХ, август 1928 г.	–	–	19,7	17,3	17,7	17,5	14,4
6 ВСНХ, ноябрь 1928 г.	–	–	19,2	18,9	18,1	19,4	17,6
7 ВСНХ, декабрь 1928 г.	–	–	21,9	20,2	21,8	22,6	22,4
8 Госплан, весна 1929 г.: отправной вариант	–	–	21,4	18,8	17,5	18,1	17,4
оптимальный вариант (утвержден)	–	–	21,4	21,5	22,1	23,2	25,2

Источник: *Jasny N. Soviet Industrialization 1928–1952*. Chicago, 1961.

Таблица 12.2. Рост крупной промышленности за пятилетия, %

Проекты	1925/26–1930/31	1926/27–1931/32	1927/28–1932/33
1 Госплан, весна 1927 г. («Перспективы развертывания»)	79,5	–	–
2 ВСНХ, конец 1927 г. (проект А. М. Гинзбурга)	–	82,0	–
3 ВСНХ, конец 1927 г.	–	108,0	–
4 Госплан, конец 1927 г.: отправной вариант	–	92,0	–
оптимальный вариант	–	108,0	–
5 ВСНХ, август 1928 г.	–	–	121
6 ВСНХ, ноябрь 1928 г.	–	–	135
7 ВСНХ, декабрь 1928 г.	–	–	167,7
8 Госплан, весна 1929 г.: отправной вариант	–	–	135
оптимальный вариант (утвержден)	–	–	179

Источник: *Jasny N. Soviet Industrialization 1928–1952*. Chicago, 1961.

Как мы видели, восстановительный процесс описывался многими экономистами в виде «затухающей кривой», означавшей замедление темпа роста по мере приближения народного хозяйства к довоенному состоянию. Это положение было общепризнанным. Оно не отрицалось ни в научной литературе, ни в политических документах. «Народное хозяйство вступает в полосу, когда темп развития его сильно замедляется сравнительно с истекшими годами», — отмечалось в резолюции XV партконференции осенью 1926 года. Наряду с критикой «левых» (сторонников Троцкого), здесь особо подчеркивалось, что «развитие индустрии на основе расширения основного капитала (нового капитального строительства) никогда не могло и не может идти с такой быстротой, с какой происходило развитие промышленности на старой базе в восстановительный период за последние годы»¹. На тезис о завершении

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 71–72.

в 1926 году восстановительного периода опирались и годовые контрольные цифры, и проекты пятилетки 1926–1927 годах.

Действительность не подтвердила эти расчеты. Как в прогнозах первых лет восстановления недооценивался реальный темп восстановительного процесса, так и в документах середины 1920-х годов оценки в основном оказывались чересчур пессимистичными. В 1927 году объемы довоенного производства в основном были достигнуты, а темп роста не снизился и даже несколько возрос, оставаясь высоким и в 1928, и в 1929 годах. Сталинская группа не могла не воспользоваться такой ситуацией, развязав борьбу с буржуазным уклоном «правых» и «вредительством» близких им по духу экономистов, работавших в хозяйственных ведомствах. В сохранении высоких темпов роста объемных показателей увидели практическое подтверждение идеи о необходимости основывать плановые расчеты на особых возможностях самого советского строя.

Между тем, данный феномен получил уже тогда вполне определенное экономическое объяснение. Достижение 100%-го объема производства по сравнению с 1913 годом оказалось нетождественным полной загрузке довоенных производственных мощностей. Вовлечение последних в производственный процесс позволило еще некоторое время сохранить высокие темпы роста. О справедливости этого вывода свидетельствовала и динамика качественных показателей, которые уже начали снижаться. Ведь на последнем этапе восстановления используются обычно наименее эффективные средства производства, которые по этой причине не были использованы ранее. В результате в течение некоторого времени возможно сохранение «восстановительных» темпов роста объемных показателей при снижении показателей себестоимости и производительности труда.

Количественный анализ, проведенный тогда В.А.Базаровым, очень скоро подтвердился. Он предполагал, что в дореволюционной России загрузка производственных мощностей составляла примерно 70% их полного объема. Освоение 30%-го разрыва могло занять еще примерно двухлетний период, что означало неизбежное падение темпов к 1930 году. Так оно и произошло на самом деле. Однако в 1928 году получалось, что практика как бы дает санкцию на игнорирова-

ние объективных законов функционирования народного хозяйства. Хотя, по большому счету, никаких санкций властям для этого не требовалось.

Сказанное является еще одним аргументом в пользу важности изучения закономерностей и тенденций хозяйственной динамики, но при необходимости осторожного использования их в практической экономической политике. Любая догматизация опасна, поскольку экономическая жизнь богаче любой «объективной тенденции». А догма, возведенная в ранг политической директивы, опасна вдвойне. И не только из-за вероятности использования ее в целях уничтожения оппонента — это, в конце концов, зависит от конкретных обстоятельств времени и места. Но ставшие догмой закономерности (или «объективные тенденции») не позволяют видеть иных, не учтенных ранее факторов и альтернатив, которые могли бы оказаться полезными при формировании оптимального экономико-политического курса.

В анализируемой нами ситуации второй половины 1920-х годов политика как бы давала санкцию на игнорирование закономерностей экономической динамики. Хотя на самом деле никаких санкций для советского руководства и не требовалось, поскольку главными были законы политической борьбы — они и диктовали логику развития событий. А в соответствии с ней сталинской группе потребовалась впечатляющая картина недалекого будущего, чтобы своих оппонентов заклеить как «маловеров» и отбросить. Отсюда — усиление пропагандистско-мобилизующего значения перспективного плана, столь характерное для времен военного коммунизма. Здесь же можно увидеть и как основные черты плановой системы последующих советских десятилетий, в которой пятилетний план играл в значительной мере агитационно-пропагандистскую и мобилизующую роль.

Главное же, что должен был теперь содержать перспективный план, — это четкое задание, директиву, обращенную к конкретным исполнителям и административно обязательную для них. В обстановке борьбы с «правым уклоном» вопрос директивности плана был поставлен сквозь призму соотношения генетики и телеологии. Причем он трансформировался в непримиримое противостояние обязательного для исполнения плана и ориентировочного прогноза. Более того,

противостояние приобретало здесь ясно выраженные личностно-политические очертания. «Наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для руководящих органов», — заявил И. В. Сталин на XV съезде партии¹. С ним в статье «Заметки экономиста» Н. И. Бухарин вступит в прямую полемику, подчеркивая, что наш план является «и предвидением (прогнозом), и директивой одновременно»².

Происходят существенные изменения и в методологической базе планирования. Прежде всего они касаются оценки роли баланса при разработке планов вообще и перспективных в частности. Формально значение сбалансированности плановых параметров не отрицалось и не могло отрицаться. Напротив, когда важнейшее условие выполнения планов видели в наличии «объединенной воли пролетариата», балансовая увязка при построении пятилетки становилась по сути дела главным требованием, предъявлявшимся к проектам. Правда, здесь в первую очередь имелась в виду сбалансированность натурально-вещественная. Более глубокий анализ внутренней увязки различных параметров воспроизводственного процесса был фактически отвергнут.

Политической обструкции подвергся сам тезис о необходимости изучения проблем рыночного равновесия и их учета при построении концепции хозяйственного роста. Приближающаяся победа социализма, как полагали, будет означать преодоление рыночных отношений. А понятие «равновесие» было тогда же привязано к идеологии бухаринской школы и уже только поэтому не могло не считаться по меньшей мере ошибочным. И вот постепенно, по мере удаления от XV съезда ВКП(б), указавшего в своей резолюции на необходимость согласованного роста отраслей и секторов народного хозяйства, в печати все чаще звучат предположения о неизбежности длительного сохранения диспропорций в советской экономике, и особенно диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством.

Причины гонений на равновесие вполне очевидны. Ведь достижение его предполагало взвешенный, реалистичный

¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. С. 369.

² Бухарин Н. Заметки экономиста // Правда. 1928. 30 сентября.

подход, увязывающий не только развитие отдельных отраслей, но также и важнейшие параметры производства: национальный доход, инвестиции и их эффективность. Это никак не отвечало задаче сформированной индустриализации или мобилизационной модели экономического роста.

Мы помним, что госплановские проекты вызывали недоумение многих экономистов. Включая огромное число цифр, конкретизированных до невероятности (вплоть до среднего количества слов в телеграмме в последнем году пятилетки), они были полны неувязок по крупным воспроизводственным проблемам. В ответ на эту критику центральное плановое ведомство получило фактическое благословение партийного руководства на то, чтобы объявить проблемы достижения равновесия вообще излишними. Они были квалифицированы как попытка ограничить перспективы социалистического роста «узкими местами» — наиболее слабыми звеньями производства. Официально эта позиция была закреплена в выступлении И. В. Сталина в конце 1929 года, отвергшего «так называемую теорию “равновесия” секторов нашего народного хозяйства»¹. А исследования в области народнохозяйственного баланса были квалифицированы как «игра в цифири».

Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, баланс провозглашался важнейшим методом социалистического планирования. Количественная сторона планов прорабатывалась очень подробно, проекты содержали множество цифр, призванных демонстрировать обоснованность подготовленных документов. Здесь в пору было даже говорить о фетишизме цифр — показателей плана. С другой стороны, сама сбалансированность приобретала откровенно формальные черты. Признание необходимости балансовой проработки плана уживалось с яростными нападками на попытки серьезного исследования проблем балансового равновесия. Последнее было провозглашено фетишем, за который цепляются буржуазные и оппортунистические деятели, неспособные оценить всех преимуществ советской системы.

Как было показано нами выше (см. п. 7.4), на фетишизацию цифр обращали внимание многие экономисты, в том числе

¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 143.

Н. Д. Кондратьев¹ и В. А. Базаров. Показывая бессмысленность политических обвинений со стороны С. Г. Струмилина в адрес экономистов, критически отзывавшихся об официальных директивах и госплановских разработках, Базаров говорил:

«Есть, однако, в докладе Струмилина один афоризм....: “Но что такое качество? Не что иное, как недостаточно осознанное количество”... Это возрождение пифагорейства. И если бы я захотел вышивать на этой гносеологической канве политические узоры, я мог бы без большого труда, — во всяком случае, с большей убедительностью, чем это сделал Струмилин по отношению ко мне и к Громану, — “обосновать” политическую ретроградность автора совпифагорейской теории познания. Можно было бы показать, что в Древней Элладе пифагорейство всегда выступало на защиту аристократической ретроградской традиции, что связь эта далеко не случайна; но, товарищи, мне не хочется заниматься этим вздором. Ведь совершенно очевидно, что Станислав Густавович впал в пифагорейство не под давлением его классовых интересов, а в силу, так сказать, гипертрофии профессиональных навыков мышления. Он прежде всего статистик. А статистику всякая вещь кажется “неосознанной”, туманной и неотчетливой, раз она не получила цифрового выражения. И как в глазах сапожника производство обуви есть занятие наиболее достойное человека, так в глазах статистика — сущность мира есть цифра»².

В вопросах же формализации балансовых расчетов показательной является резкая критика взглядов Н. И. Бухарина. Когда он в «Заметках экономиста» обратил внимание на вопиющие неувязки плана на 1928/29 год, свидетельствовавшие о серьезной диспропорциональности и напрямую связанные с проблемами пятилетки, в ответ раздались обвинения в «фетишизации» самого баланса.

«Баланс для нас должен являться не фетишем, “его же не преjdeши”, а одним из методов проверки расстановки отдельных элементов народного хозяйства, но не для равнения на “узкие” места, а для их преодоления, не для пассивного к ним приспособления, а для активного на них воздействия

¹ См.: Кондратьев Н. Д. План и предвидение. С. 597.

² О пятилетнем плане народнохозяйственного развития СССР. С. 81–82.

и их устранения», — писал в редакционной статье официальный орган ВСНХ «Торгово-промышленная газета»¹.

Словом, проблема была поставлена как бы с ног на голову. Реальная сбалансированность отвергалась, а на ее место приходили разного рода манипуляции с плановыми показателями и надежды на то, что само плановое начало, соединенное с мощью советского государства, сможет найти выход из неувязок хозяйственного роста. Отказ от так называемого фетишизма балансов обернулся на деле подлинным фетишизмом плана, который наделялся сверхъестественным свойством «строительства сегодняшних фабрик из завтрашних кирпичей» (по выражению Бухарина)².

Плановый фетишизм сформировался вполне — экономический анализ и сложный поиск эффективных хозяйственных решений подменялись составлением планов, включающих желаемые показатели развития народного хозяйства. По мере движения от одного варианта плана к другому этот феномен приобретал все более законченные очертания. Ведь рост целевых показателей, достижение которых предусматривалось к концу пятилетия, не сопровождался никакими реальными экономическими обоснованиями. Просто появлялось «мнение» (обычно от В. В. Куйбышева), что заложенные в предыдущем варианте темпы не являются достаточными для решения задач социалистического строительства.

Наконец, глубокие изменения претерпевала атмосфера внутри самой экономической науки. Если в начале 1928 году заявление С. Г. Струмилина о том, что наука не может быть объективной и должна стать служанкой партийных дирек-

¹ О диспропорциях и методе хозяйственного балансирования // Торгово-промышленная газета. 1928. 12 октября.

² Критика теории равновесия, как, впрочем, и официальная критика вообще, приобретала все более демагогический характер. В связи с тезисом В. Г. Громана о равновесии как «высшем постулате» (из доклада 1925 г.), Р. Е. Вайсберг уже в декабре 1929 г. выдвигал политические обвинения: «Враки, господин Громан. Не в механическом, по-богдановски понятом равновесии дело..., а в единстве противоположностей и в умелом использовании действительности во имя революционной цели. Благо революции — высший закон, и, когда этот закон требует, мы обязаны идти на нарушение и разрушение равновесия» (*Вайсберг Р. Е.* Буржуазные извращения в области планирования // Плановое хозяйство. 1930. № 1. С. 21.)

тив, вызвало резкие протесты, то уже в 1929 году возражения по этому поводу стали невозможными. Директивы партийных органов заняли прочное место над экономической логикой и объективными основами народнохозяйственного планирования. Несогласных заставили замолчать.

* * *

Окончательное обсуждение и официальное принятие плана первой пятилетки в апреле-мае 1929 года происходило в новых социально-политических условиях. Никто уже не мог высказывать сомнения относительно реалистичности намечавшихся высоких темпов роста тяжелой промышленности при одновременном быстром повышении реальных доходов трудящихся. Никто не удивлялся тому, что декларации о необходимости 35%-го снижения себестоимости в промышленности, необходимого для понижения цен и выполнения гигантской инвестиционной программы, сопровождались на XVI партконференции резкой критикой в адрес многих предприятий и целых отраслей, развитие которых осуществлялось при неуклонном повышении себестоимости и ухудшении качества продукции. Ведь здесь уже не требовались строгие экономические обоснования.

Надежды возлагались на меры по укреплению дисциплины и повышению квалификации кадров, на усиление работы партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций, способных обеспечить внедрение в производство достижений науки и техники. Более откровенно высказался, правда, В. В. Куйбышев, подчеркнув особую роль «социального маневрирования» — изъятия еще остававшихся средств у зажиточных слоев города и деревни. Экономический анализ уступил место социально-политическому нажиму¹. На место стимулов приходили приказ и принуждение.

Параллельно с ужесточением политической ситуации, с угасанием нэпа и усилением тенденций к централизации хозяйственной жизни происходили подвижки и в организации планового руководства экономикой. После поражения

¹ См.: XV конференция ВКП(б): Стенографический отчет. М. — Л.: Госиздат, 1929. С. 37–38.

Наркомфина в 1926 году Госплан все более втягивается в организацию хозяйственных связей, опосредует эти связи — сам или через свои органы на местах. Хотя до самого конца 1920-х годов политическое руководство продолжало смотреть на него с известной долей подозрительности. Несмотря на то, что здесь особенно громко были слышны голоса «экономических слуг» формирующегося режима, в Госплане все же находили прибежище и несогласные с новым курсом. До конца 1920-х годов роль противовеса Госплану продолжал играть ВСНХ, руководство которого (В. В. Куйбышев, В. И. Межлаук) резко контрастировало с умеренностью Г. М. Кржижановского. Но и это, разумеется, не могло продолжаться долго. Госплан должен был стать надежной опорой административно-принудительной системы хозяйствования. У него были для этого все возможности, включая историю его создания и положение в системе управления.

Предпринятые шаги вполне соответствовали логике начинавшейся эпохи. Сперва было решено укрепить кадровый состав Госплана, и на работу в него направили большой отряд новых сотрудников — членов ВКП(б). Далее, обсуждая вопросы о перспективах работы Госплана, его парторганизация обратилась в ЦК с просьбой: для повышения роли этого органа поставить во главе его члена Политбюро ЦК ВКП(б). Председателем Госплана стал В. В. Куйбышев, перенеся сюда свой прошлый опыт руководства контрольных органов партии и государства (ЦКК — РКИ), а также ВСНХ.

Подчинение же Госплану в начале 1930 года ЦСУ (преобразованного в ЦУНХУ — Центральное управление народно-хозяйственного учета) окончательно закрепило его в роли директивно руководящего экономической жизнью страны органа, который на протяжении десятилетий оставался одной из основных несущих конструкций советской хозяйственно-политической системы.

Заключение

1. Торжество административного плана

«Великий перелом» рубежа 1920-х — 1930-х годов знаменовал наступление тяжелого, трагического времени. В кровавой мясорубке гибли люди, уходили в небытие их идеи. Экономическая наука оказалась на грани уничтожения. Торжество администрирования и тоталитаризма — так точнее всего характеризуется начавшееся время для науки и идеологии. И, наконец, утверждение безраздельного господства планового фетишизма — такова важнейшая характеристика победившей системы экономических отношений. И если сталинизм в его наиболее «чистых», кровавых формах ненадолго пережил человека, давшего ему имя, а культ личности из трагедии сделался фарсом, то тоталитаризм в идеологии и плановый фетишизм в экономике (в теории и на практике) оставались неотъемлемыми чертами советской действительности на протяжении долгих десятилетий.

Опыт рассмотренного нами периода подтверждает, что все попытки лобового решения задач упорядочения, четкой организации социально-экономической жизни обречены на вырождение, превращаясь, и довольно быстро, в свою полную противоположность. Мы видели, как велся поиск экономических форм, способных за счет упорядочения хозяйственной жизни обеспечить про-

рыв во всех областях функционирования общества. Происходившие изменения неуклонно двигались в направлении полного разрыва с рыночными формами организации хозяйственного процесса. А в конечном счете именно формы оказались важнейшим критерием при оценке прогрессивности и глубины осуществляемых преобразований. Содержательная сторона общественного прогресса — рост производительных сил и освобождение личности — становилась делом вторичным, производным от насаждения новых социально-экономических форм. Причем именно тех, которые были выгодны утвердившей свое господство сталинской бюрократии, укрепляли ее власть: иерархичность в организации производства, жесткая централизация планирования и управления, сосредоточивающая основные рычаги власти в руках довольно узкого слоя, административно-директивный характер планирования, формирование системы ответственности исключительно «снизу вверх» и т. д.

Цементирующим раствором этой мощной системы выступил директивный план — источник экономической власти и главный критерий оценки вышестоящими структурами деятельности нижестоящих. Планом можно наказывать, поощрять и награждать. Не согласованность функционирования экономических агентов, а директивность, адресность планов, охват ими всех отраслей и сфер народного хозяйства (т. е. признаки, являющиеся на самом деле формальными) рассматривались как решающие показатели торжества планомерности, неотделимой от победы социализма.

В результате политической борьбы и экономических дискуссий в России была сформирована модель индустриализации, в которой абсолютно доминировали тенденции централизации и этатизма. Идеология и практика индустриального рывка, монополии на которую получили большевики, позволяла им оставаться у власти на протяжении нескольких десятилетий. Эта власть была основана на насилии и терроре, она отрицала любые формы демократии и либерализма. Однако общество готово было если не принимать, то терпеть такую ситуацию — до тех пор, пока деятельность большевиков отождествлялась с миссией модернизации и индустриализации.

«Каковы бы ни были сила армии и вездесущность тайной полиции в руках подобного правительства, было бы наивно

полагать, что эти инструменты физического окажутся достаточными. Такое правительство может удерживаться у власти только если оно сможет заставить людей поверить, что оно осуществляет важную общественную функцию, которая не была бы реализована в его отсутствие. Индустриализация стала именно такой функцией для Советской власти», — этот тезис А.Гершенкрона¹ выглядит немного наивно, но он содержал очень важный вывод относительно перспектив развития системы.

Этот вывод указывал на исторические пределы существования советской модели. Трудно сказать, насколько идеологическая нацеленность на индустриализацию оправдывала или обеспечивала ее существование. Но очевидным является то, что развал советской системы произошел именно тогда, когда задачи индустриальной фазы были исчерпаны и в повестку дня встало формирование основ постиндустриального общества. С решением этой задачи советская система справиться оказалась неспособна, что и предопределило ее крах.

В условиях нынешних глубоких преобразований российской действительности обращение к опыту экономической политики предшествующей революционной поры является актуальным и значимым для практики. Дело не только в том, что именно в событиях начала века прослеживаются корни многих современных проблем, без четкого осознания и понимания внутренней природы которых нельзя преодолеть тупики тоталитаризма — ни в экономике, ни в политике.

Еще более важен сам опыт развития экономической мысли, с одной стороны, и осуществления экономической политики — с другой, а также их взаимное влияние в условиях социальных потрясений и резкой динамизации политических процессов.

Существует по крайней мере три аспекта исследованного нами опыта выработки и реализации экономической политики, актуальных применительно к развитию современной России. Во-первых, это понимание особенностей догоняющего развития в условиях постиндустриальных вызовов. Во-вторых, уроки макроэкономической политики в условиях догоняющего развития. В-третьих, специфические проблемы

¹ Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. P. 28–29.

государственного вмешательства в экономику, опыт их возможностей и ограничений.

2. Догоняющее развитие и постиндустриальные вызовы

Механизм догоняющего развития в постиндустриальном мире существенно отличается от решения догоняющего развития в эпоху индустриализации. Сама специфика постиндустриальной системы несет дополнительные трудности для анализа. Важнейшей характеристикой этой системы является усиление неопределенности всех параметров жизнедеятельности общества. Это связано с двумя особенностями постиндустриального общества, отличающими его от общества индустриального. Во-первых, происходит резкое повышение динамизма технологической жизни, что обуславливает столь же резкое сужение временных горизонтов экономического и технологического прогноза. Во-вторых, происходит практически безграничный рост потребностей и, соответственно, безграничное расширение возможностей их удовлетворения (как в ресурсном, так и в технологическом отношении). Тем самым многократно увеличиваются масштабы экономики и одновременно усиливается индивидуализация экономических процессов, индивидуализация на стороне спроса и на стороне предложения (включая технологические процессы¹), что, в свою очередь, обуславливает повышение общего уровня неопределенности.

Отсюда вытекает резкое сужение временных горизонтов, на которые можно делать ответственные прогнозы относительно особенностей и приоритетных направлений технологического развития стран и отдельных секторов. Если в индустриальную эпоху можно было наметить приоритеты роста на 20–30 лет и при достижении их действительно войти в ряды передовых стран (что и сделала в XIX веке Герма-

¹ «По некоторым оценкам, современное массовое производство в развитых странах составляет уже не более трети всей продукции, остальное приходится на мелкосерийные изделия (от 10 до 2000 штук), ориентированные на вкусы того или иного контингента покупателей, причем значительно сокращается цикл изготовления» (Хорос В. Г. Постиндустриализм — испытание на прочность // Глобальное сообщество: Новая система координат. (Подходы к проблеме). СПб: Алтейя, 2000. С. 170.)

ния, а затем Япония и СССР), то теперь приоритеты быстро меняются. И сейчас можно попытаться превзойти весь мир по производству компьютеров на душу населения, разработать программы производства самых лучших в мире самолетов и телефонов, но к моменту их успешного осуществления выяснится, что мир технологически ушел далеко вперед. Причем ушел в направлении, о возможности которого при разработке программы всеобщей компьютеризации никто и не догадывался.

Кроме того, перед страной, решающей задачи постиндустриальной модернизации, стоит не только (и даже не столько) задача обеспечения устойчивого роста, но прежде всего необходимость проведения глубокой структурной трансформации. Как показывает опыт наиболее развитых стран мира, период структурных реформ нередко сопровождается замедлением темпов роста, а то и внешней стагнацией (как это было, например, в ряде стран Запада в 1970-е годы). Отчасти это связано с тем, что новые сектора (особенно услуги) плохо фиксируются методами традиционной статистики, отчасти — необходимостью накопления ресурсов для нового технологического рывка¹. Экономический рост без структурных сдвигов достаточно легко достигим методами государственного администрирования, однако этот рост не делает страну богаче, а экономику эффективнее. Здесь также таится одна из форм возможного проявления политического кризиса.

Незрелость самой постиндустриальной системы даже в наиболее развитых странах не позволяет пока четко сформулировать элементы экономической политики, необходимые для обеспечения устойчивого социально-экономического развития. Пока можно обозначить их лишь со значительной долей условности.

Во-первых, принципиальный отказ от попыток определения долгосрочных отраслевых приоритетов, на которых государство могло бы сконцентрировать ресурсы, поскольку не существует объективного критерия для выделения отраслевых приоритетов. Политика не должна ориентироваться

¹ См.: Мельянцева В. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М.: ИСАА МГУ, 2000. С.14.

ни на «назначение приоритетов», ни на «выбор победителей». Такие подходы означали бы консервацию существующих пропорций, а попытка их практической реализации привела бы лишь к тому, что в качестве приоритетных выделялись бы сектора, обладающие максимальными лоббистскими возможностями. Гораздо важнее *стратегия постоянной структурной модернизации*, при которой власть готова гибко защищать политическими (в том числе и внешнеполитическими) методами всех, кто добивается успеха в мировой конкуренции.

Во-вторых, специфика постиндустриального прорыва предполагает выдвижение на передний план задачи обеспечения гибкости и адаптивности экономической системы, способность экономических агентов быстро и адекватно реагировать на вызовы времени. Адаптивность приходит на место концентрации ресурсов в качестве ключевого ориентира государственной политики. Адаптивность гораздо важнее формальных показателей уровня экономического развития.

В-третьих, важность обеспечения максимальной адаптивности системы позволяет предположить, что догоняющая страна в современном мире должна иметь более низкую бюджетную нагрузку на экономику, нежели у наиболее передовых стран мира. В этом состоит существенное отличие современного мира от индустриальной эпохи, когда догоняющие страны должны были концентрировать в бюджете гораздо больше ресурсов, чем страны-пионеры индустриализации.

В-четвертых, приоритетное значение для государства и частного предпринимателя имеют инвестиции в человеческий капитал. Прежде всего это относится к таким сферам, как образование и здравоохранение. Последнее, помимо гуманитарной составляющей, может иметь значительный мультипликативный эффект. При всей условности подобного примера стоит отметить, что образование и здравоохранение могут в современных условиях сыграть ту же роль, что и железнодорожное строительство в индустриализации конца XIX века.

В-пятых, обеспечение достаточного уровня открытости экономики. Внешнеэкономическая политика должна быть сориентирована на формирование и стимулирование развития новых, высокотехнологичных секторов, а также на глубокую переработку продукции традиционного экспорта. Открытость экономики важна также и как инструмент, позволяющий

ограничить тенденции крупнейших производителей (финансово-промышленных групп) к монополизации экономической и политической жизни.

3. Важность макроэкономической и политической стабильности

Тяжелый макроэкономический кризис 1980-х — 1990-х годов должен стать серьезным уроком для постсоветской элиты. Однако, как свидетельствует опыт 1920-х годов, обретенная после революции стабильность может оказаться заложником политической борьбы и политических же амбиций. Период послереволюционной стабильности проходит через серьезные испытания, поскольку проблемы прошлого быстро стираются из памяти, а амбиции победившей и укрепляющейся власти быстро растут.

Особенно острые дискуссии и особенно тяжелые ошибки связаны, как показывает практика, с обеспечением высоких темпов экономического роста. В этом смысле российские проблемы 1920-х и 2000-х годов оказываются похожими.

Как было показано в главе 9, в 1920-х годах был впервые поставлен вопрос о закономерностях восстановления народного хозяйства после тяжелого кризиса, связанного с войной и революцией. Принципиальной особенностью восстановительного роста является его затухающий характер: от спада происходит быстрый переход к росту высоким темпом, но вскоре темпы роста начинают снижаться, что естественным образом происходит по мере задействования имеющихся мощностей. Эта особенность восстановительного роста может иметь серьезные политические последствия.

Проблема состоит в необходимости параллельно с восстановлением докризисного уровня производства запустить механизм нового роста, ориентированного на структурное обновление экономики, а это требует очень сложного комплекса мер, создания новых политических и экономических институтов. Здесь возникает три группы факторов (или рисков), обуславливающих рост политического напряжения и возможную дестабилизацию.

Во-первых, роль и динамика финансовых параметров в восстанавливающейся экономике, или, точнее, разная ско-

рость восстановления материальных и финансовых пропорций. Приближение к докризисному уровню ВВП как правило не совпадает с достижением докризисного уровня монетизации ВВП, поскольку восстановление доверия к национальной валюте является процессом гораздо более длительным и сложным, нежели наращивание объемов производства. Как и в середине 1920-х годов, в период экономического кризиса и резкого сжатия денежной массы 1990-х и затем при осуществлении макроэкономической стабилизации были достаточно широко распространены предложения о целесообразности бюджетной экспансии, наращивания номинальной денежной массы, что мотивировалось резким сжатием реальной денежной массы. Естественно, реализация этих предложений имела бы тяжелые экономические последствия.

Во-вторых, несовпадение во времени процессов восстановительного роста и нового роста, основанного на инвестиционной активности. Несовпадение во времени затухания восстановительных темпов и начала нового роста может стать источником тяжелого политического кризиса, связанного с неготовностью элиты примириться с периодом относительно низких темпов. Налицо конфликт между укреплением политических институтов, восстановлением порядка, «вертикали власти» — и снижением темпов экономического роста. Причины этого многие политические силы склонны видеть не в объективных закономерностях восстановительной динамики, но в ошибочной экономической политике. Возникает искушение прибегнуть к набору экзотических и опасных мер, как это уже было в СССР в конце 1920-х годов.

В-третьих, важное значение для выработки адекватной экономической политики имеет определение точки, в которой происходит исчерпание ресурсов экстенсивного (восстановительного) роста. Исчерпание ресурсов восстановительного роста не тождественно достижению производством 100% докризисного уровня. Как теперь уже известно, в середине 1920-х именно эту ошибку допустили исследователи «восстановительных закономерностей», прогнозируя падение темпов роста после 1926 года. В рыночной экономике, какой была российская экономика 1913 года, всегда существуют резервные мощности, и именно вовлечение их в производство обеспечивало сохранение высоких темпов роста

в течение некоторого времени после достижения докризисного уровня.

Иная ситуация складывалась в посткоммунистической России. СССР был перегружен производственными мощностями, ориентированными на удовлетворение искусственного спроса, формировавшегося в системе централизованного государственного планирования. Спрос на продукцию низкого качества сохранялся из-за закрытости национальной экономики от внешней конкуренции, поставок произведенной продукции исключительно по государственному плану, а также благодаря наличию стран-сателлитов, которые получали продукцию или на основе бартера, или на основе предоставляемого им самим же Советским Союзом кредита (нередко фактически безвозвратного). Понятно, что спрос на эту продукцию основывался на политических решениях, а потенциальные потребители его не имели возможности (из-за политических или финансовых ограничений) обращаться к другим производителям. Поэтому часть производственных мощностей, сохранившихся после 1990 года, в принципе не могла быть использована в дальнейшем — разумеется, при достигнутом уровне открытости экономики, то есть при наличии реальной конкуренции с иностранными производителями. Таким образом, выход за пределы модели восстановительного роста и переход к росту инвестиционному происходит до достижения 100% предкризисного уровня.

4. Планирование в прошлом и настоящем

Стержнем экономических дискуссий и реформ начала XX века было формирование мощной системы государственного регулирования и планирования. Преобразования конца XX столетия имели прямо противоположную — либерализационную — направленность, что, как отмечалось выше, явилось результатом глубокой технологической трансформации, формирующей основы современного постиндустриального общества. Это был период радикального обновления экономической идеологии, когда в центре внимания оказались идеи экономического либерализма, де-этатизации, свободного рынка. Экономический либерализм в конце XX века стал, пожалуй, столь же популярен, как популярными были идеи

планирования в начале столетия. Экономические противоречия и тупики, с которыми столкнулся западный мир в 1970-е годы, а социалистический лагерь — в 1980-е, потребовали новых рецептов, которые были предложены экономической теорией и нашли активных сторонников в политической среде. Либеральные реформы дали ожидаемые результаты, обеспечив посткоммунистическим странам устойчивый экономический рост (начавшийся, разумеется, после завершения этих реформ). А подлинным манифестом этой эпохи стало провозглашение Ф. Фукуямы «конца истории» как окончательного торжества либеральной идеологии¹.

Действительно, крушение СССР стало и крушением советской системы перспективного планирования. Однако после обретения макроэкономической и политической стабильности интерес к долгосрочным перспективам развития страны существенно возрос. Причем в силу накопленных за XX век традиций налицо стремление к воспроизводству тех плановых форм и механизмов, которые были характерны для советского прошлого.

И в правительстве, и в парламенте, и среди экспертного общества быстро растет интерес к определению контуров социально-экономического развития страны как на ближайшую, так и отдаленную перспективу. Трехлетняя программа деятельности правительства была дополнена трехлетним федеральным бюджетом и правительственным докладом о результатах и основных направлениях деятельности Правительства, также охватывающим период в три года. В 2008 году Правительство активно занялось разработкой Концепции социально-экономического развития страны, охватывающей период до 2020 года. Перспективные документы должны быть разработаны также на уровне субъектов федерации и муниципальных образований. Все эти документы предполагается увязать в единую систему посредством федерального закона о стратегическом планировании социально-экономического развития страны

Увлекаясь долгосрочными прогнозами и планами, очень важно четко видеть риски и проблемы, которые возникают при очень уж романтических воспоминаниях о плановом

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

будущем. Существуют два важных обстоятельства, которые должны быть приняты во внимание. С одной стороны, это особенности современной эпохи, которая радикальным образом отличается от того общества, для которого формировалась плановая система СССР. С другой стороны, наличие принципиальных пороков советской плановой системы, которые необходимо элиминировать, поскольку в противном случае увлечение плановыми идеями лишь воспроизведет старые формы.

Существует ряд специфических особенностей советского планирования, делавших его неэффективным даже в период всеобщего увлечения плановым хозяйством. Риски воспроизведения этих черт высоки и в современных условиях. Ведь на советские экономические модели существует спрос, проистекающий из широко распространенной веры в государство как высшей инстанции для разрешения всех проблем.

Главной проблемой советской системы регулирования был плановый фетишизм¹. План наделялся некой высшей силой, способной урегулировать все и вся. Казалось, что все проблемы социально-экономического развития страны могут решаться включением соответствующего показателя в план. Это очень точно описал в свое время первый председатель Госплана Г. М. Кржижановский. «Присматриваясь к программам, — писал он, — вы видите, что при составлении их безмолвно предполагается, что государственная власть обладает какой-то чудодейственной силой для удовлетворения потребностей в любых пропорциях. ... Все это в последнем счете придавало производственным программам характер *безответственных проектов*, составленных, быть может, и с добрыми намерениями, но с хозяйственной точки зрения висящих в воздухе»².

А если это так, то, естественно, оценка результативности деятельности всех участников хозяйственной жизни (отрас-

¹ Подробный анализ этого феномена см. в статье: Мау В. А., Стародубровская И. В. Плановый фетишизм: необходима политико-экономическая оценка // Экономические науки. 1988. № 4.

² Кржижановский Г. М. Сочинения. Т. 2. Проблемы планирования. М. — Л.: ОНТИ, 1934. С. 103.

лей, предприятий, работников) должно основываться на основе выполнения и перевыполнения планового задания.

В этом-то и состоял главный порок советской системы. Оценка за план дестимулировала всех субъектов хозяйствования. Действительно, если выполнение плана является главным критерием для получения денег и наград, то все оказываются заинтересованными в занижении своих возможностей, получении низких плановых заданий и завышении потребностей в ресурсном обеспечении выполнения плана. Эффективность производства, интересы потребителей становятся гораздо менее значимыми по сравнению с выполнением планового задания. Вся система начинает работать на показатель¹.

Столкнувшись с таким феноменом, советские экономисты уже в 1950-х годах начали бурные дискуссии относительно «правильных» показателей, которые более точно отражали бы вклад предприятий, отраслей и отдельных работников и тем самым обеспечили бы качественное повышение эффективности плановой системы. Предлагались различные показатели, проводились разного рода эксперименты². И лишь позднее в работах ряда экономистов было сформулировано принципиально другое решение проблемы — дело не в подборе по-

¹ Оценка за план в качестве центрального элемента экономической системы принимала иногда карикатурные, а подчас и трагические формы. Классическим примером последнего является стремление руководства Рязанской области в 1959 году получить все возможные награды за быстрое выполнение партийного лозунга об утроении производства мяса. Для решения этой задачи под нож пустили почти все стадо, имевшееся в хозяйствах области, а после этого стали закупать скот в других областях и даже в Казахстане. Естественно, не обошлось без массовых приписок и махинаций. Результатом этой политики стало массовое уничтожение скота, в том числе чистопородного и маточного поголовья. Однако план был перевыполнен, за что первый секретарь обкома КПСС А. Н. Ларионов получил звание Героя Социалистического Труда. А меньше, чем через год, когда вскрылись катастрофические результаты плановой вкханалии, он покончил жизнь самоубийством. (См.: Рязанские ведомости. 1998. 27 ноября.)

² Советские дискуссии о совершенствовании планирования и хозяйственного механизма подробно рассмотрены нами в книге: *Мау В. А. В поисках закономерности: из истории развития советской экономической мысли конца 30-х — начала 60-х годов.* М.: Наука, 1990.

казателей, а в необходимости отказа от оценки за план¹. Это был принципиальный поворот в дискуссии, однако отказаться от оценки за план советская система оказалась не способной в принципе — критерием должна была стать прибыль (или рентабельность). Но последнее требовало уже перехода к рыночному ценообразованию, что было абсолютно невозможно при сохранении советской системы².

Очень опасно было бы возродить в какой-то мере оценку за выполнение плановых показателей. Особенно заметно это в дискуссиях при разработке докладов о результатах и основных направлениях деятельности правительства и отдельных ведомств. Предполагается, что они должны разрабатывать конкретные показатели, по достижению которых в дальнейшем будет оцениваться результативность их деятельности. Вот тут-то и можно попасть в ловушку планового фетишизма.

Во-первых, практически невозможно найти показатель, который может внятно и однозначно характеризовать достижение желательных результатов. Многие показатели, предлагаемые их разработчиками, или не поддаются однозначной интерпретации или могут дать весьма сомнительные результаты. Скажем, в качестве ключевого показателя оценки эффективности скорой медицинской помощи предлагается использовать время, за которое приезжает «скорая помощь». Но открытым в таком случае остается вопрос о качестве медицинской помощи, которую может оказать приехавшая бригада. Даже вопрос о наличии в приехавшей бригаде врача автоматически не решается самим фактом приезда автомобиля.

¹ См.: *Либерман Е.* О планировании промышленного производства и материальных стимулах его развития // *Коммунист*. 1956. № 11; *Либерман Е.* План, прибыль, премия // *Правда*. 1962. 9 сентября; *Немчинов В. С.* Плановое задание и материальное стимулирование // *Правда*. 1962. 21 сентября; *Немчинов В. С.* О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. М.: Экономика, 1963.

² Советская дискуссия о совершенствовании планирования подробно проанализирована в книге: *Май В. А.* В поисках планомерности: Из истории развития советской экономической мысли конца 30-х — начала 60-х годов. М.: Наука, 1990.

Во-вторых, итоговый показатель зависит от взаимодействия сложного комплекса факторов и предполагает разные временные интервалы. Это приводит к последствиям двоякого рода. С одной стороны, результаты проистекающих от предпринятых данной администрацией (отраслевой или региональной) усилий проявляются только с течением времени, причем временные лаги, как правило, заранее неизвестны. В результате усилия одной администрации могут проявиться с течением времени, то есть уже при другой администрации. Примеров этого более чем достаточно и в экономической истории, и в современной хозяйственно-политической практике. С другой стороны, только в советской экономике показатели должны были однозначно расти. При оценке же результативности действий ведомств и регионов однозначный тренд того или иного показателя можно задать далеко не всегда.

Еще более опасно превращение плановых показателей в основу для принятия политических и административных решений. Известному советскому экономисту С. Г. Струмилину приписывают слова, якобы сказанные им на рубеже 1920-х — 1930-х годов: «Лучше стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие». Это фраза поистине венчает советские плановые дискуссии, в результате которых план был объявлен законом, а почти все разработчики планов и участники методологических дискуссий оказались в лучшем случае в тюрьме.

Увлечение плановыми разработками опасно также и тем, что в его рамках внимание к количественной стороне дела начинает доминировать над качественными изменениями — в структуре экономики, в состоянии институтов. Типичный пример тому дают 1970-е годы. Тогда советская экономика неуклонно росла, хотя и невысоким темпом порядка 3% в год, а западная стагнировала, причем еще и на фоне высокой инфляции. Советские экономисты и политики заговорили о наступлении нового этапа «общего кризиса капитализма», которому присущ невиданный ранее феномен — стагфляция. Западные экономисты тоже пессимистично вырабатывали концепции «нулевого роста». Но прошло совсем немного времени и выяснилось, что в 1970-е годы на Западе через кризис накапливался потенциал для резкого рывка в постиндустри-

альное будущее, которые, собственно, и нельзя было запланировать. А СССР, методично выполняя плановые задания, двигался к национальной катастрофе. Иными словами, выполнение плана ведет не только к всеобщему благополучию, но и к тяжелому кризису.

* * *

История продолжается. Либерализм и этатизм как два типа мышления и два типа экономической политики будут сменять друг друга и в дальнейшем. Но опыт России первой половины XX века заставляет нас серьезно задуматься о том, как избежать превращения идеологии в фетиш, ради которого отбрасываются как второстепенные и проблемы эффективности, и конкретные вопросы текущей экономической политики. Ведь всегда остается опасность превращения популярной доктрины в догму, опасность формирования очередного символа веры, справедливость которого должна доказываться не реальной экономической практикой, а самим фактом противоположности новой доктрины старой. Проблемы идеологии и экономики, столь актуальные для рассмотренного нами периода российской истории, звучат современно и в наши дни.

Указатель имен с краткими биографиями

АВИЛОВ (Тигров) Борис Васильевич (1874–1938) — российский журналист и статистик; социал-демократ, делегат III съезда РСДРП от большевистской группы «Вперед» (Харьков). Печатался в журнале «Летопись» (1915–1917) и газете «Новая жизнь» (1917–1918). В 1917 г. сотрудничал с организацией социал-демократов — интернационалистов. Впоследствии отошел от политической деятельности, работал в ЦСУ (до 1928 г.), с 1929 г. — в Госплане РСФСР и в НКПС. Репрессирован. — С. 146, 212, 479.

АЛЕКСАНДРОВ Иван Гаврилович (1875–1936) — российский инженер, известный специалист в области энергетики и гидротехники, академик (1932 г.). Активный участник разработки плана ГОЭЛРО. Член Президиума Госплана. Руководил работами по районированию России и СССР. Занимался разработкой вопросов методологии народнохозяйственного планирования, комплексного использования электроэнергии, водного транспорта и др. — С. 317, 480.

АЛЬСКИЙ Аркадий Осипович (Мальский, М. Альский, 1892–1939) — член ВКП(б) с 1917. В 1919 г. — заведующий учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б). В 1921–1926 гг. — заместитель наркома финансов и член коллегии наркомата финансов РСФСР, затем СССР. Репрессирован в 1939 г. — С. 322, 480.

АНТОНОВИЧ Афиноген Яковлевич (1848–1917) — российский экономист, статистик, правовед. В 1893–1895 гг. — товарищ министра финансов, затем — член совета министерства народного просвещения. Его работа «Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты» (1883), отстаивавшая необходимость золотого стандарта, оказала определенное влияние на С. Ю. Витте. — С. 73.

БАБСТ Иван Кондратьевич (1824–1881) — российский историк, экономист, публицист. В экономических работах сочетал идеи классической политической экономии со взглядами исторической школы. В конце 1850-х — начале 1860-х годах критиковал крепостное право, обосновывал необходимость преобразований и ограничения роли иностранного капитала в России. — С. 48, 49, 480.

БАЖАНОВ Борис Георгиевич (1900–1982) — партийный деятель ВКП(б), личный секретарь И. В. Сталина (1923–1928). С 1926 г. редактор «Финансовой газеты». С 1928 г. в политической эмиграции. Автор книги «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». — С. 347, 352, 480.

БАЗАРОВ (Руднев) Владимир Александрович (1874–1939) — российский философ и экономист; социал-демократ. В 1900-х гг. — большевик, позднее примыкал к левому крылу меньшевиков, был одним из организаторов РСДРП (объединение). В 1915–1918 гг. сотрудничал в журнале «Летопись» и газете «Новая жизнь». В 1921–1930 гг. — член Президиума Госплана. Занимался изучением хозяйственной конъюнктуры и закономерностей развития хозяйства (советского и мирового), предпосылок и методологии планирования, проблем экономики труда и денежного обращения, применения математики в экономике, практических вопросов разработки планов. Репрессирован. — С. 171, 191, 213, 214, 215, 216, 217, 264, 265, 266, 283, 289, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 338, 351, 353, 360, 393, 400, 405, 411, 413, 414, 422, 425, 430, 431, 439, 480, 481.

БАРК Петр Львович (1869–1937) — российский государственный деятель, видный государственный банкир, последний министр финансов Российской империи (1914–1917), действительный тайный советник, член Государственного Совета. Умер в эмиграции. — С. 142.

БЕЗОБРАЗОВ Владимир Павлович (1828–1889) — российский экономист, статистик, публицист, редактор, преподаватель поли-

тической экономии и финансового права. В 1850-х — 1860-х гг. — чиновник министерства государственных имуществ, министерства финансов, член комиссии по устройству земельных банков министерства финансов. — С. 64, 481.

БОГДАНОВ (Малиновский) Александр Александрович (1873–1928) — российский экономист, философ, писатель и публицист, политический и общественный деятель, ученый-естествоиспытатель и врач; социал-демократ, профессиональный революционер и один из немногих «большевиков-неленинцев» в русской революции. После 1917 г. активно сотрудничал в Пролеткульте. С 1926 г. — директор Института переливания крови. Автор первого в России марксистского курса политической экономии (1897). Разрабатывал эмпириомонистическую концепцию в философии. В своей теории «всеобщей организационной науки» (тектологии) заложил основы будущей кибернетики. — С. 226, 227, 246, 482.

БОГОЛЕПОВ Михаил Иванович (1879–1945) — российский экономист, специалист в области финансов и кредита, член-корреспондент АН СССР (с 1939 г.). После 1917 г. работал в советских экономических органах, занимался вопросами реорганизации банковской системы (национализация банков), участвовал в подготовке внешнеполитических соглашений. Организатор и первый ректор Института народного хозяйства в Петрограде. Работал в Госплане и Госбанке СССР. Участвовал в разработке финансовой программы первого пятилетнего плана. — С. 77, 134, 135, 482.

БРУЦКУС Борис Давидович (1874–1938) — российский экономист, статистик, агроном, общественный деятель. Автор работ по экономике сельского хозяйства и общей экономике; сторонник свободного рынка и один из ведущих критиков плановой экономики. В 1922 году выслан за границу. — С. 217, 278, 280, 483.

БУКШПАН Яков Маркович (1887–1939) — российский и советский экономист и статистик, сотрудник Института экономики РАНИОН и профессор Московского университета. Специалист по вопросам прикладной экономики, мирового хозяйства и внешней торговли. Репрессирован. — С. 287, 483.

БУНГЕ Николай Христианович (1823–1895) — российский государственный деятель XIX века, ученый-экономист, академик, министр финансов Российской империи (1881–1886);

сторонник умеренного либерализма, частной собственности и свободы предпринимательства и критик социалистических и коммунистических учений. — С. 13, 26, 54, 73, 74, 464, 477, 488, 501, 504.

БУХАРИН Николай Иванович (1888–1938) — российский революционер, советский партийный деятель, экономист-теоретик. С 1906 г. — большевик; с 1917 г. руководил газетами «Правда», а затем «Известия». В 1918 г. — лидер «левых коммунистов», многих партийных дискуссий. В 1920-х гг. — один из наиболее твердых приверженцев НЭПа; впоследствии обвинен в правом уклонизме и отстранен руководства партий. Занимался изучением вопросов теории переходного периода, проблем функционирования смешанной экономики, сочетания административно-плановых и рыночных механизмов в советском народном хозяйстве. Отстаивал идею сбалансированного роста в процессе индустриализации. Репрессирован. — С. 230, 246, 437, 483.

ВАЙНШТЕЙН Альберт Львович (1886–1970) — советский экономист, активно работавший в науке в 1920-е и в 1950-е — 1960-е гг. Занимался экономико-статистическими исследованиями макроэкономических проблем функционирования российского (советского) хозяйства, а также экономики сельского хозяйства. Внес значительный вклад в становление экономико-математического анализа, в решение оптимизационных задач. — С. 363, 400, 403, 404, 406, 417, 424, 483.

ВАЙСБЕРГ Роман Ефимович (1896–1935) — советский экономист ортодоксально-коммунистического направления, с 1919 г. — член большевистской партии. Выпускник Института красной профессуры; в 1925–1930 гг. — член Президиума Госплана; в 1930–1932 гг. — редактор газеты «Экономическая жизнь»; с 1933 г. — заместитель директора Института экономики Комкадемии. Публикации посвящены проблемам переходного периода, «теории советского хозяйства», народно-хозяйственного планирования. Резко критиковал «уклоны» от «генеральной линии партии». — С. 440, 483.

ВАЛУЕВ Петр Александрович (1815–1890) — российский государственный деятель, министр внутренних дел (1861–1868), председатель комитета министров; выступал за реформирование системы государственного управления, не затрагивавшее prerogatives верховной власти. — С. 53.

ВЕРНАДСКИЙ Иван Васильевич (1821–1884) — русский экономист, профессор политической экономии Киевского, затем Московского университетов, Петербургского педагогического института и Александровского лицея в Петербурге. Автор работ по политической экономии, истории экономической мысли и статистике; либеральный критик крепостного права, сторонник фритредерской политики для России, как средства борьбы против помещичьей монополии. — С. 54.

ВИТТЕ Сергей Юльевич (1849–1915) — российский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906). Провел денежную реформу 1897 г., которая ввела золотой стандарт рубля. Сторонник ускоренной индустриализации, основанной на государственной поддержке и регулировании промышленности. Под руководством Витте был составлен императорский Манифест 17 октября 1905 г., даровавший гражданские свободы и провозгласивший созыв законодательной Госдумы. — С. 47, 54, 63, 69, 71, 72, 73, 75, 76, 77, 459, 462, 477, 484, 507.

ВЫШНЕГРАДСКИЙ Иван Алексеевич (1831–1895) — российский ученый (специалист в области механики) и государственный деятель. На посту министра финансов Российской империи (1887–1892) принял меры по ликвидации дефицитов в бюджете и подготовке денежной реформы 1897 г., усилению протекционизма, по выкупу железных дорог в казну и расширению поддержки помещиков через Дворянский банк. — С. 65, 69.

ГАСТЕВ Алексей Капитонович (1882–1939) — российский революционер, профсоюзный деятель, поэт и писатель, теоретик и практик научной организации труда и управления производством и руководитель Центрального института труда. Репрессирован. — С. 13, 253, 254, 485.

ГЕРШЕНКРОН Александр (1904–1978) — американский экономист и историк российского происхождения, специалист по экономической истории СССР и Германии. Преподавал в Калифорнийском (Беркли) и Гарвардском университетах. В книге «Экономическая отсталость в исторической перспективе» (1968) выдвинул гипотезу о «преимуществе отсталости», позволяющем более бедным странам пользоваться техноло-

гическими достижениями богатых стран и перескакивать целые стадии развития. — С. 39, 40, 445.

ГИНЗБУРГ Абрам Моисеевич (1878–1937) — российский экономист, участник социал-демократического движения с 1897 г., меньшевик. С августа 1922 помощник начальника и заместитель начальника ЦПЭУ, ПЭУ, ПТЭУ ВСНХ СССР; профессор института народного хозяйства им. Плеханова. Принимал активное участие в разработке первого пятилетнего плана развития экономики СССР. Репрессирован. — С. 284, 400, 408, 409, 410, 414, 486.

ГРОМАН Владимир Густавович (1874–1940) — статистик, член коллегии ЦСУ РСФСР, ЦСУ СССР, член президиума Госплана СССР. Рассматривал экономику переходного периода разновидностью государственно-капиталистической экономики. Отстаивал методы рыночного регулирования и выступал за полную свободу рыночных отношений. Считал закономерностью экономики состояние равновесия и полагал для достижения оптимальных результатов соотношение товарной продукции промышленности и сельского хозяйства должно оставаться неизменным. Репрессирован. — С. 138, 139, 178, 189, 191, 234, 248, 306, 318, 335, 338, 346, 353, 400, 440, 486, 487.

ГУКАСОВ Павел Осипович (1858 –?) — российский нефтепромышленник, инженер, финансист. Председатель Совета съездов нефтепромышленников (1890–1906), член Государственного совета. После революции эмигрировал во Францию. — С. 89, 487.

ГУСЕВ Сергей Иванович (ДРАБКИН Яков Давидович) (1874–1933) — российский профессиональный революционер, военный и политический деятель, член РСДРП с 1896 г. Автор книги «Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат» (1920), в которой излагал концепцию централизованного планирования, основанную на нетоварных связях и элементах самоуправления. В 1920-х гг. работал в партийных и советских органах. — С. 256, 257, 258, 487.

ГУЧКОВ Александр Иванович (1862–1936) — российский политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября». Председатель III Государственной думы (1910–1911). Военный и морской министр Временного правительства России (1917), депутат Думы (1907–1912), член Госсовета (1907 и 1915–1917). — С. 204.

ДЕЗЕН Алексей Алексеевич (1893–1937) — российский экономист, специалист по банковской и кредитной системе. Репрессирован. — С. 331, 332, 409, 414, 487.

ДЗЕРЖИНСКИЙ Феликс Эдмундович (1877–1926) — российский революционер, по происхождению польский дворянин, советский государственный деятель, глава наркоматов (путей сообщения, внутренних дел), основатель ВЧК, с 1924 г. — председатель ВСНХ СССР. — С. 296, 488.

КАКТЫНЬ (КАКТЫНЬШ) Артур Мартынович (1893–1937) — советский экономист, публицист, государственный деятель. После Октябрьской революции руководил хозяйственными органами в Туркестане, на Украине, в Москве, в Таджикистане. Занимался экономическими исследованиями и публицистикой. Автор работ планированию и организации управления, экономике отдельных отраслей народного хозяйства. Уделял большое внимание вопросам мотивации, стимулов хозяйственной деятельности предприятий и отдельных работников. Репрессирован. — С. 261, 262, 282, 285, 286, 327, 335, 490.

КАМЕНЕВ (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) — российский профессиональный революционер и политический деятель, в социал-демократическом движении с 1901 г. Был ближайшим сотрудником Ленина, хотя и неоднократно спорил с ним. После 1917 г. руководил Моссоветом, был заместителем председателя Совнаркома, председателем СТО. С 1925 г. вел острую борьбу со Сталиным, возглавляя «новую оппозицию», а затем «объединенную оппозицию». Репрессирован. — С. 322, 341, 490.

КАНКРИН Егор Францевич (1774–1845) — писатель и государственный деятель, генерал от инфантерии, министр финансов России в 1823–1844 годах. В 1839–1843 провел финансовую реформу, ввел в качестве основы денежного обращения серебряный рубль, установил обязательный курс ассигнаций. Добился бездефицитных государственных бюджетов. — С. 47.

КАРАТЫГИН Евгений Сергеевич (1872–1930) — российский и советский государственный служащий; специалист по экономике сельского хозяйства и историк кооперативного движения; заместитель председателя научно-технического совета пищевой и сельской промышленности Наркомторга СССР. Репрессирован. — С. 420, 422, 490.

КАТКОВ Михаил Никифорович (1818–1887) — российский консервативный публицист, издатель, литературный критик. Редактор газеты «Московские ведомости», журнала «Русский вестник», основоположник русской политической журналистики. Выступал с резкой критикой политики Н. Х. Бунге на посту министра финансов. — С. 59, 74, 490.

КАФЕНГАУЗ Лев Борисович (1885–1940) — российский экономист, профессор, специалист в области экономики промышленности и экономической статистики. Работал в статистических и хозяйственных органах, занимался преподавательской деятельностью. В 1919–1930 гг. — сотрудник ВСНХ и Московского университета. Был автором периодических конъюнктурных обзоров промышленности СССР, выходивших в 1920-х гг. — С. 138, 191.

КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович (1881–1970) — российский политический деятель России, трудовик, затем эсер. Депутат 4-й Государственной Думы. После Февральской революции 1917 г. — министр юстиции, военный и морской министр, а затем министр-председатель Временного правительства. Эмигрировал в 1918 г. — С. 191, 490.

КОВАЛЕВСКИЙ Николай Алексеевич (1892–1937) — советский экономист, один из первых «красных профессоров». С 1924 г. — заместитель председателя и ученый секретарь Конъюнктурного совета Госплана, директор издательства и редактор журнала «Плановое хозяйство», заместитель председателя Комиссии по генплану. Занимался вопросами методологии планирования, разработкой генерального плана. Придерживался непримиримой позиции по отношению к критикам официальных проектов первого пятилетнего плана. — С. 337, 377, 491.

КОНДРАТЬЕВ Николай Дмитриевич (1892–1938) — крупный российский экономист и социолог, член партии эсеров. После Февральской революции 1917 г. — товарищ министра продовольствия во Временном правительстве. В дальнейшем преподавал в Московской сельскохозяйственной академии, работал в кооперативных органах, руководил Конъюнктурным институтом при Наркомфине. Занимался изучением экономики сельского хозяйства, макроэкономических процессов функционирования народного хозяйства, проблем планирования и индустриализации. Получил широкую известность

благодаря исследованию многолетних циклов экономической конъюнктуры («больших циклов Кондратьева»). Выступал с резкой критикой политизации экономических исследований, показывал необоснованность плановых предположений первой пятилетки. Репрессирован. — С. 123, 129, 130, 184, 191, 198, 287, 309, 310, 311, 312, 363, 401, 415, 418, 421, 423, 425, 426, 439, 491.

КОНОВАЛОВ Александр Иванович (1875–1949) — крупный российский предприниматель, общественный и политический деятель. Член IV Государственной думы (1912–1917). Министр торговли и промышленности Временного правительства (1917). — С. 88, 204.

КРЖИЖАНОВСКИЙ Глеб Максимилианович (1872–1959) — советский политический и хозяйственный деятель, инженер-энергетик. С 1893 г. в революционном движении, был близок к В. И. Ленину. Получил широкую известность как руководитель комиссии ГОЭЛРО (1920) и Госплана (1921–1930). Занимал осторожную позицию по вопросам организации планирования, из-за чего в конце 1920-х гг. был переведен на почетные, по малозначащие посты руководителя Главэнерго Наркомтяжпрома, а затем Комитета по высшему образованию при ЦИК. В 1929–1939 гг. — вице-президент Академии наук. — С. 250, 251, 312, 319, 322, 326, 333, 375, 376, 377, 379, 397, 432, 453, 492.

КРИВОШЕИН Александр Васильевич (1857–1921) — российский государственный деятель; в 1908–1915 гг. — главноуправляющий земледелием и землеустройством, активный сторонник столыпинской аграрной реформы; в 1914–1915 гг. руководил экономической политикой правительства, направленной на стимулирование экономического роста, активное развитие промышленности и сельского хозяйства, увеличение масштабов железнодорожного строительства, отказ от формирования доходной части бюджета за счет продажи водки. — С. 145.

КРИЦМАН Лев Натанович (1890–1937) — советский экономист, член РКП(б) с 1918 г. В 1918–1921 гг. руководил Комиссией использования материальных ресурсов при ВСНХ; с 1921 г. — член президиума Госплана, с 1923 г. — член редколлегии газеты «Правда». Один из руководителей Коммунистической академии. С 1928 г. — директор Аграрного института. Отстаивал идеи административного централизованного

планирования, видел в экономике военного коммунизма прообраз будущего. — С. 232, 235, 240, 243, 253, 254, 255, 274, 275, 492.

КРУМИН Гаральд Иванович (Круминьш) (1894–1943) — российский и советский партийный деятель, экономический журналист, член РСДРП (б) с 1909 г. В 1919–1928 гг. — редактор газеты «Экономика и жизнь», в 1928–1930 гг. — газеты «Правда». В 1930–1934 гг. — член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б). Репрессирован. — С. 245, 492.

КУЙБЫШЕВ Валериан Владимирович (1888–1935) — советский государственный и партийный деятель. С 1904 г. — член РСДРП(б). В 1919 г. — член РВС Южного фронта. С 1925 г. — член Политбюро, председатель ЦКК, председатель ВСНХ, Госплана. Возглавлял Наркомат РКИ (1923–1926). — С. 441, 442, 492.

ЛАРИН Ю. (Лурье Михаил Залманович) (1882–1932) — российский экономист, участник революционного движения, литератор; социал-демократ. Получил известность как исследователь и пропагандист германского опыта военно-планового хозяйствования. Участвовал в разработке многих хозяйственных вопросов, связанных с организацией и функционированием системы административного, централизованного управления экономикой. Работал в комитетах и комиссиях ВСНХ по руководству финансами, национализации торговли, созданию совхозов и т. д. Участвовал в осуществлении национализации промышленности, в организации Госплана. — С. 212, 229, 232, 241, 275, 300, 303, 493.

ЛЕОНТЬЕВ Василий Васильевич (1906–1999) — американский экономист русского происхождения, с 1931 г. жил в США. В 1930-х гг. разработал метод экономико-математического анализа «затраты-выпуск» для изучения межотраслевых связей, структуры экономики и составления межотраслевого баланса, широко применявшийся в практике прогнозирования и программирования экономики. Нобелевская премия (1973). — С. 307, 493.

ЛИСТ Фридрих (1789–1846) — немецкий экономист, политик и публицист. Автор книги «Национальная система политической экономии» (1841), в которой отстаивал необходимость «воспитательного протекционизма», т. е. защиты от иностранной конкуренции, стимулирующего промышленный рост в отстающих странах. — С. 65.

ЛИВЕН Карл (1767–1844) — российский государственный деятель, генерал от инфантерии, министр народного просвещения (1828–1833), член Государственного совета. — С. 48.

ЛИТВИНОВ-ФАЛИНСКИЙ Владимир Петрович (1868–1929) — российский государственный служащий; в 1895–1905 гг. — фабричный инспектор; в 1905–1915 гг. — управляющий Отделом промышленности Министерства торговли и промышленности. Участвовал в разработке трудового законодательства. Действительный статский советник. — С. 119.

ЛОЗОВСКИЙ (Дридзо) С. А. (1878–1952) — российский революционер, в социал-демократии с 1901 г. В 1917 г. занимал руководящие посты в профсоюзах. В 1917–1919 гг. колебался между большевиками и социал-демократами-интернационалистами. В 1921–1937 гг. — генеральный секретарь Профинтерна. В 1939–1946 гг. — заместитель наркома (министра) иностранных дел. Репрессирован. — С. 191.

ЛОМОВ-ОППОКОВ Георгий Иванович (1888–1938) — российский революционер, большевик, советский государственный деятель. В первом большевистском правительстве — нарком юстиции. В 1918–1921 гг. — один из руководителей ВСНХ. С 1929 г. член Президиума ВСНХ СССР, в 1931–1933 гг. — заместитель председателя Госплана СССР. Член ЦИК СССР всех созывов. — С. 376.

ЛЬВОВ Георгий Евгеньевич (1861–1925) — российский политический деятель, князь, член Конституционно-демократической партии; с 1915 г. — председатель Всероссийского земского союза и одним из двух председателей «Земгора» (объединившего Земский союз и Союз городов), отвечавшего за работу тыла по обеспечению российской армии; глава первых двух кабинетов Временного правительства в 1917 г. — С. 204.

МАКАРОВ Николай Павлович (1887–1980) — российский экономист-аграрник. Преподавал в Московской сельскохозяйственной академии. Активный участник аграрных дискуссий революционных лет, сторонник «организационно-производственной школы». Решительно выступал против уравнительного подхода при проведении аграрной реформы, отстаивал рыночные отношения в сельском хозяйстве. Участвовал в бюджетных обследованиях, собрал значительный материал по конкретной экономике крестьянского хозяйства.

В 1920-х гг. выступал с критикой официальных проектов пятилетнего плана. — С. 380, 401, 405, 494.

МАНИКОВСКИЙ Алексей Алексеевич (1865–1920) — российский и советский военачальник, генерал от артиллерии; временно управляющий военным министерством Временного правительства (1917); начальник Артиллерийского управления и Управления снабжения Рабоче-крестьянской красной армии (РККА). — С. 113.

МАРТОВ Л. (Цедербаум Юлий Осипович) (1873–1923) — российский революционер, один из лидеров меньшевиков. В 1917 г. — меньшевик-интернационалист, сторонник образования правительства из представителей всех социалистических партий. После утверждения большевиков у власти активно отстаивал демократические принципы, протестовал против роспуска Учредительного собрания, арестов, закрытия небольшевистских газет. После эмиграции в 1922 г. редактировал в Берлине «Социалистический вестник». — С. 265, 494.

МАСЛОВ Петр Павлович (1867–1946) — российский экономист, социал-демократ (меньшевик), академик АН СССР (с 1929 г.). Известен как автор программы муниципализации земли (IV съезд РСДРП). Автор многочисленных работ по аграрному вопросу, в которых особое внимание уделяется теории земельной ренты и вариантам реформы земельной собственности, анализу закона убывающего плодородия почвы. После Октябрьской революции 1917 г. отошел от активной политической деятельности, вел педагогическую и научную работу. — С. 191.

МЕЖЛАУК Валерий Иванович (1893–1938) — советский государственный и партийный деятель; член РСДРП(б) с 1917 г.; в 1924–1931 гг. — член заместитель председателя ВСНХ СССР. В 1931–1934 гг. — первый заместитель председателя Госплана СССР. С 1934 г. — заместитель председателя СНК и СТО СССР и председатель Госплана СССР. Участвовал в разработке планов 1, 2 и 3-й пятилеток. Репрессирован. — С. 432, 442.

МЕНДЕЛЕЕВ Дмитрий Иванович (1834–1907) — выдающийся российский ученый-химик, физик, метролог, технолог, геолог, метеоролог, педагог, воздухоплаватель, приборостроитель. В вопросах экономики был сторонником протекционизма и экономической автаркии России, выступал за защиту рос-

сийской промышленности от конкуренции со стороны западных стран с помощью таможенной политики. — С. 65, 66, 495.

МИГУЛИН Петр Петрович (1870 — ?) — российский экономист, член партии октябристов. С 1907 г. — член Совета главноуправляющего землеустройством и земледелием; с 1914 г. — член Совета министра финансов. Издатель и редактор журнала «Экономист России» (с 1913 г. — «Новый экономист»). Занимал критическую позицию по отношению к политике правительства России. Издаваемый им журнал выступал активным пропагандистом идеи централизованного регулирования хозяйственных процессов посредством учреждения государственных монополий по отдельным продуктам. — С. 96, 97, 142, 496, 497.

МИЛЮТИН Владимир Павлович (1884–1937) — советский партийный и государственный деятель, экономист. С 1903 г. участвовал в социал-демократическом движении. В 1918–1921 гг. — заместитель председателя ВСНХ, с 1924 г. — член коллегии НК РКИ. В 1925–1927 гг. — заместитель председателя Комакадемии, в 1928–1934 гг. — управляющий ЦСУ СССР, заместитель председателя Госплана СССР. Участвовал в разработке первых пятилетних планов. В многочисленных дискуссиях с противниками «курса партии» решительно отстаивал официальные установки. — С. 350, 497.

НЕКРАСОВ Николай Виссарионович (1879–1940) — российский политический деятель, инженер; член Конституционно-демократической партии; депутат Государственной думы III и IV созывов; в 1917 г. — министр путей сообщения и министр финансов Временного правительства. — С. 210, 497.

НОВОЖИЛОВ Виктор Валентинович (1892–1970) — советский экономист, один из ведущих специалистов в области народнохозяйственной статистики, оптимизационного анализа, математического моделирования экономических процессов (линейное программирование). Известен как автор моделей оптимального использования производственных ресурсов, определения оптимального соотношения капиталовложений и потребления, при котором достигается максимальный рост производительности труда. — С. 367, 498.

ОСАДЧИЙ Петр Сергеевич (1866–1943) — российский инженер-энергетик. Один из основных участников проекта ГОЭЛРО, а затем — Госплана. Был председателем Централь-

го электротехнического совета ВСНХ. Возглавлял технический совет Днепроостроя. — С. 325, 337, 376.

ОЗЕРОВ Иван Христофорович (1869–1942) — российский ученый-экономист, финансист, правовед, специалист по городскому планированию. Настаивал на важности влияния крупного капитала на экономическую жизнь. Предлагал взимать подоходный налог с умеренной прогрессивной шкалой, ввести государственный и общественный контроль за расходованием средств из государственного бюджета, систему казенных поставок и подрядов. — С. 78, 498.

ОССОВСКИЙ Яков Ильич (1893–1942) — советский политический и общественный деятель; член РКП(б) с 1918 г. Работал экономистом в ВСНХ, научным работником в Госплане. В 1920-х гг. — сторонник введения многопартийной системы, способной представлять и защищать разные формы хозяйства. Репрессирован. — С. 383.

ПАЛЬЧИНСКИЙ Петр Иоакимович (1875–1929) — российский инженер и государственный деятель. Во Временном правительстве занимал пост товарища министра торговли и промышленности. Впоследствии — консультант по экономическим и техническим вопросам ряда советских учреждений. Репрессирован. — С. 193.

ПОБЕДОНОСЦЕВ Константин Петрович (1827–1907) — российский государственный деятель, правовед, писатель, историк Церкви; действительный тайный советник. В 1880–1905 гг. занимал пост Обер-прокурора Святейшего Синода. Член Государственного совета (с 1872 г.). Лидер консервативного лагеря при Александре III. — С. 72, 75.

ПОПОВ Павел Ильич (1872–1950) — советский статистик и экономист, участник революционного движения. После Февральской революции 1917 г. руководил отделом в Министерстве земледелия Временного правительства. С момента создания ЦСУ был его председателем (1918–1926), впоследствии занимал руководящие посты в Госплане РСФСР и ВАСХНИЛ. Внес важный вклад в разработку первого баланса народного хозяйства страны на 1922/23 г. — С. 350.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Евгений Александрович (1886–1937) — российский революционер, экономист-теоретик. Большевик с 1903 г. После Октябрьской революции 1917 г. находился на партийной и военно-политической работе. В 1918 г. при-

мыкал к «левым коммунистам», затем был близок к Л. Д. Троцкому. Известен как автор «закона первоначального социалистического накопления», теоретически обосновывавшего необходимость принудительного перераспределения средств из деревни в городскую промышленность. Репрессирован. — С. 274, 300, 301, 312, 384, 385, 501.

ПРОКОПОВИЧ Сергей Николаевич (1871–1955) — российский экономист, публицист, политический деятель. Первоначально примыкал к правой социал-демократии, затем — к кадетам. Во Временном правительстве — министр торговли и промышленности, затем — министр продовольствия. В 1921 г. входил в Общественный совет помощи голодающим. В 1922 г. выслан из России за антисоветскую деятельность. В 20-е — 30-е годы руководил изданием журналов «Экономический сборник», «Русский экономический сборник» и др. Основное внимание уделял вопросам аграрной политики и положению рабочих. — С. 233, 384, 385, 501.

ПУТИЛОВ Алексей Иванович (1866–1940) — российский промышленник и финансист; в 1905–1906 гг. — товарищ министра финансов и управляющий Дворянским и Крестьянским банками; с 1910 года — председатель правления Русско-азиатского банка. Действительный статский советник. — С. 113.

ПЯТАКОВ Георгий (Юрий) Леонидович (1890–1937) — большевик, революционер, активный участник революций 1917 г. В 1920-х гг. — заместитель председателя Госплана и ВСНХ, торгпред во Франции, председатель правления Госбанка СССР, заместитель наркома тяжелой промышленности. Политическая позиция была близка взглядам Л. Д. Троцкого. Репрессирован. — С. 343, 383, 394.

РЕЙТЕРН Михаил Христофорович (1820–1890) — российский государственный деятель; в 1862–1878 гг. — министр финансов, в 1881–1886 гг. — председатель Комитета министров. Провел ряд реформ государственного хозяйства (централизация и унификация финансовой системы, учреждение Государственного контроля, отмена винных откупов и др.). Поощрял частное предпринимательство, способствовал развитию тяжелой промышленности, железнодорожного строительства. — С. 54, 55.

РОДЗЯНКО Михаил Владимирович (1859–1924) — видный политический деятель России, один из лидеров партии октя-

бристов. Депутат III-й и IV-й Государственной Думы, с 1911 г. — ее председатель. В 1917 г. возглавил Временный комитет Государственной Думы. С 1920 г. в эмиграции. — С. 147, 502.

РЫКОВ Алексей Иванович (1881–1938) — российский революционер, советский политический деятель. В 1918–1920 и 1923–1924 гг. руководил ВСНХ. С 1921 г. был заместителем председателя СНК, а после смерти В. И. Ленина возглавил правительство (1924–1930). В 1931–1936 гг. — нарком связи. Был активным сторонником нэпа, выступал за осторожную политику по отношению к крестьянству. Репрессирован. — С. 258, 295, 296, 387, 502.

РЯБУШИНСКИЙ Павел Павлович (1871–1924) — российский предприниматель, банкир, старообрядец, представитель династии Рябушинских; в 1912 г. — один из инициаторов создания Партии прогрессистов, призванной представлять интересы предпринимателей; с 1915 г. — член Государственного совета. — С. 88, 112, 221, 224.

РЯЗАНОВ (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938) — российский и советский общественный деятель и ученый, историк марксизма. После 1903 г. примыкал к меньшевикам. Работал в социал-демократической фракции Государственной думы (1905–1907), в профсоюзах. В 1917 г. примкнул к большевикам, участвовал в различных партийных дискуссиях. Основатель и первый руководитель Института Маркса и Энгельса. Репрессирован. — С. 191.

САБСОВИЧ Леонид Моисеевич (? — ?) — экономист, урбанист, сотрудник Госплана СССР, автор ряда книг, содержавших апологию сталинского плана усиленной индустриализации. В конце 1920-х гг. — один из авторов концепции строительства новых промышленных городов, состоящих из многоэтажных общежитий для всего взрослого населения страны, и воспитания детей отдельно от родителей в государственных интернатах, которая в 1930 г. получила крайне критическую оценку в постановлении ЦК ВКП(б). — С. 377, 396, 502.

САВЕЛЬЕВ Максимилиан Александрович (1884–1939) — российский и советский журналист, экономист, партийный и государственный деятель. Сотрудничал в большевистских изданиях. В 1921–1928 гг. — член Президиума ВСНХ. Редактор ряда газет и журналов. Автор многочисленных публикаций по про-

блемам советской экономики и истории ВКП(б). — С. 291, 293, 295, 502.

САДУЛЬ Жак (1881–1956) — французский офицер, коммунист; в 1917 г. — атташе при французской военной миссии в Петрограде; член РКП(б), участник Гражданской войны 1918–1920 в России. В 1924 г. вернулся во Францию и стал деятелем Французской коммунистической партии. — С. 270, 502.

САРАБЬЯНОВ Владимир Николаевич (1886–1952) — советский философ, историк и экономист. В революционном движении с 1903 г., до 1918 г. — меньшевик. В 1922–1930 гг. работал в газете «Правда». В 1920-х опубликовал ряд работ, анализирующих проблемы нэпа и пропагандирующих его. — С. 287, 351, 503.

СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ Иван Иванович (1870–1928) — российский революционер, политический деятель, публицист. С 1918 г. — сотрудник газеты «Правда». Автор (вместе с А. А. Богдановым) «Краткого курса политической экономии» — одного из первых марксистских учебников политэкономии в России. Участник дискуссий 1920-х годов о предмете политической экономии, где поддерживал тезис о существовании политической экономии «в широком смысле слова». — С. 232, 236.

СКОБЕЛЕВ Матвей Иванович (1885–1938) — российский политический деятель, меньшевик. Депутат IV-й Государственной Думы. В 1917 г. — член исполкома и заместитель председателя Петросовета, в мае — августе — министр труда. Заместитель председателя ВЦИК 1-го созыва. В 1920 г. эмигрировал. Содействовал установлению торговых связей России с Западом, был представителем Центросоюза в Париже и Брюсселе. В 1922 г. вступил в РКП(б). — С. 210.

СМИЛГА Ивар Теннисович (1892–1938) — советский политический и хозяйственный деятель, большевик. После 1917 г. активно участвовал в строительстве Красной Армии, был членом Реввоенсовета республики, а затем одним из руководителей ВСНХ и Госплана. Был тесно связан с Л. Д. Троцким, участвовал в «новой оппозиции». Подчеркивал сложность проведения сбалансированного по отраслям курса на индустриализацию при одновременном сохранении «политического господства пролетариата». Репрессирован. — С. 338, 342, 383, 394, 503.

СМИТ-ФАЛЬКНЕР Мария Натановна (1878–1968) — советский экономист, член-корреспондент АН СССР (с 1939 г.). В 1918–1919 гг. заведовала Отделом экономических исследований ВСНХ. С 1921 г. — на научно-исследовательской и преподавательской работе (МГУ, МИНХ, Институт экономики АН СССР). Занималась изучением теории стоимости и денежного обращения, теории статистики, экономики промышленности (особенно проблем основных фондов и энергетики). — С. 212.

СОКОЛЬНИКОВ (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1939) — российский революционер, советский военный и хозяйственный деятель. Был близок к Л.Д. Троцкому. Активно участвовал в создании Красной Армии. В 1920-х сыграл решающую роль в разработке и проведении денежной реформы, стабилизировавшей национальную валюту и заменившей совзнак червонцем. В 1925 г. поддержал «новую оппозицию». В 1926 г. смещен с поста Народного комиссара финансов. В дальнейшем являлся заместителем председателя Госплана СССР и заместителем наркома иностранных дел. Репрессирован. — С. 289, 348, 367, 389, 504.

СТОЛЫПИН Петр Аркадьевич (1862–1911) — российский государственный и политический деятель; в 1902–1906 гг. — гродненский и саратовский губернатор; в 1906–1911 гг. — глава Совета министров России. В 1906 г. провозгласил курс социально-политических реформ и начал проведение аграрной реформы, направленной на создание частной крестьянской земельной собственности и постепенное упразднение общины в качестве коллективного собственника земель. — С. 59, 489.

СТРУВЕ Петр Бернгардович (1870–1944) — российский политический деятель, экономист, философ. Один из лидеров «легального марксизма» в русской общественной мысли. С 1905 г. — член ЦК партии кадетов, депутат 2-й Государственной Думы, редактор журнала «Русская мысль». Один из авторов сборника «Вехи» (1909). В 1918–1920 гг. — член «Особого совещания» при А.И. Деникине, член правительства П.Н. Врангеля. С 1920 г. в эмиграции. — С. 191.

СТРУМИЛИН (Струмилло-Петрашкевич) Станислав Густавович (1877–1974) — советский экономист, социал-демократ, до революции тяготел к меньшевикам. С 1905 г. занимался экономическими исследованиями. В 1920–1940-х гг. занимал руководящие должности в Госплане. В своих экономических

исследованиях ориентировался на текущий курс партии. — С. 251, 260, 328, 329, 338, 345, 346, 350, 389, 390, 392, 394, 395, 439, 504, 505.

СТУДЕНСКИЙ Геннадий Александрович (1898–1930) — советский экономист-аграрник; преподавал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, профессор Самарского сельскохозяйственного института; научный сотрудник НИИ сельскохозяйственной экономики. Занимался изучением проблем теории крестьянского хозяйства, теории земельной ренты в трудовом хозяйстве, методики бюджетных исследований, организационных планов крупных сельскохозяйственных предприятий и т. д. Репрессирован. — С. 416, 417, 421, 505.

СУХАНОВ (Гиммер) Николай Николаевич (1882–1940) — участник российского революционного движения, экономист и публицист; в 1917–1920 гг. — член группы «меньшевик-интернационалистов»; в 1924–1925 гг. редактировал экономические журналы, был сотрудником Института монополии внешней торговли при Наркомате торговли РСФСР. Занимался исследованиями в области экономики сельского хозяйства. Автор «Записок о революции», мемуаров о 1917 г. Репрессирован. — С. 216, 234, 505.

ТИМАШЕВ Сергей Иванович (1858–1920) — российский государственный деятель, банкир и финансист; в 1893–1903 гг. — товарищ управляющего Государственным банком; в 1903–1909 гг. — управляющий Государственным банком; в 1909–1915 гг. — министр торговли и промышленности. — С. 102, 103.

ТИМИРЯЗЕВ Василий Иванович (1849–1919) — государственный деятель, действительный тайный советник; в 1902–1905 гг. — товарищ министра финансов, заведовал отделом торговли и промышленности. В 1905–1906 гг. и в 1909 г. — министр торговли и промышленности. С 1906 г. — товарищ председателя, а с 1914 г. — председатель Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Член Государственного совета от промышленности. — С. 100, 101, 102.

ТРЕТЬЯКОВ Сергей Николаевич (1882–1944) — российский предприниматель, политический деятель; в 1917 г. — товарищ председателя Всероссийского союза торговли и промышленности, председатель Экономического совета Временного правительства. С 1920 г. — в эмиграции. — С. 88, 183.

ТРОЦКИЙ (Бронштейн) Лев Давыдович (1879–1940) — российский революционер, один из лидеров большевиков. В первом Совнаркоме возглавлял Комиссариат по иностранным делам. Впоследствии — наркомвоенмор, организатор Красной Армии, руководитель Наркомпути. Будучи одним из идеологов и практиков военного коммунизма, в 1920 г. признал его ограниченность. В анализе экономических проблем 1920-х годов особое внимание уделял анализу противоречий нэпа. С начала 1920-х годов был непримиримым врагом Сталина. С 1929 г. — в эмиграции. Убит агентом НКВД. — С. 242, 256, 258, 301, 505.

УСТРЯЛОВ Николай Васильевич (1890–1937) — российский правовед, философ, политический деятель. В годы революции и гражданской войны входил в руководство кадетской партии; с 1920 г. — в эмиграции; в 1935 г. вернулся в СССР. Идеолог «сменовеховства» и «национал-большевизма», отстаивал идею о неизбежном «перерождении» коммунистической власти, ее отказе от революционного радикализма и переходе на консервативно-патриотические позиции. Репрессирован. — С. 271, 272, 506.

ФЕЛЬДМАН Григорий Александрович (1884–1958) — советский экономист. Работал в ВСНХ, Госплане СССР (1923–1931), преподавал в Плановой академии (1931–1935). Занимался проблемами долгосрочного планирования, активно участвовал в разработке генеральных планов развития народного хозяйства, проводил сравнительный анализ экономик СССР и США. Разрабатывал экономико-математическую модель роста советской экономики. Проводил расчеты на 1926–1950 гг. — С. 376, 506.

ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ Александр Юльевич (1872–1943) — российский экономист и публицист, социал-демократ. В 1903–1914 гг. — большевик, участвовал в выработке аграрной программы на IV съезде РСДРП. В годы мировой войны — оборонец, сотрудник газеты «Новая жизнь». Затем занимался преподавательской деятельностью. Репрессирован. — С. 212, 506.

ЦИОН Илья Фаддеевич (1842–1912) — российский физиолог, публицист, финансовый деятель. В 1872–1875 гг. — профессор физиологии Петербургской медико-хирургической академии; с 1875 г. работал в Париже; резкий критик политики министра финансов Н. Х. Бунге; в 1887–1888 гг. — чиновник

для особых поручений и агент российского министерства финансов во Франции. Впоследствии — один из главных критиков С. Ю. Витте. — С. 72, 75, 76, 77, 507.

ЦЫПЕРОВИЧ Григорий Владимирович (1871–1932) — экономист, социал-демократ. До и после 1917 г. работал в рабочих кружках и профсоюзах. В 1920-х гг. работал в Ленинградском Совнархозе, руководил областной плановой комиссией. Был ректором Промышленной академии. Активный сторонник нэпа. Занимался изучением монополий в России и за границей. Анализировал вопросы использования «пролетарским государством» монополистических объединений при строительстве системы управления национализированными предприятиями. — С. 191, 507.

ЦЮРУПА Александр Дмитриевич (1870–1928) — советский государственный и партийный деятель советской России. Активно участвовал в решении задач продовольственного снабжения столиц. С 1917 г. — нарком продовольствия, один из инициаторов создания комбедов. Был заместителем Предсовнаркома, председателем Госплана СССР. — С. 335.

ЧААДАЕВ Петр Яковлевич (1794–1856) — российский философ, публицист. За публикацию «Философических писем», резко критиковавших российскую действительность, был объявлен властями сумасшедшим. — С. 42.

ЧЕЛИНЦЕВ Александр Николаевич (1874–1962) — российский экономист-аграрник, видный представитель организационно-производственного направления. Участвовал в работах Временного правительства по аграрной реформе. Проводил бюджетные обследования крестьянских хозяйств в годы мировой и гражданской войн, изучал вопросы сельскохозяйственного районирования. Критически оценивал проекты первого пятилетнего плана как не отвечающие задаче обеспечения живого, сбалансированного роста сельского хозяйства. — С. 416, 507.

ЧЕЛЫШЕВ (Челышов) Михаил Дмитриевич (1866–1915) — российский предприниматель и политик, депутат Государственной думы Российской империи третьего созыва (1907–1912), член фракции «Союза 17 октября». Активный сторонник введения «сухого закона» в России. — С. 99.

ЧЕРЕВАНИН (Липкин) Федор Андреевич (1869–1938) — российский политический деятель. С 1891 г. в социал-демократическом движении; с начала 1900-х гг. — один из лидеров

меньшевиков; с августа 1917 г. — член ЦК РСДРП, член Предпарламента. С начала 1920-х гг. работал в советских учреждениях, подвергался преследованиям. Репрессирован. — С. 189, 195.

ЧУПРОВ Александр Иванович (1842–1908) — российский экономист, статистик, публицист, общественный деятель; в 1878–1899 гг. — профессор кафедры политической экономики и статистики Московского университета. Либеральный «народник», сторонник аграрных преобразований (улучшение культуры земледелия, организация кустарных артелей и переселений) при сохранении помещичьего землевладения, с одной стороны, и крестьянской общины — с другой. — С. 54.

ШАПОШНИКОВ Николай Николаевич (1878–1939) — российский экономист, представитель психологической школы, специалист по теории ценности и распределения. Один из первых экономистов-математиков в России. Активный сторонник концепции равновесных цен. Уделял большое внимание теории внешней торговли, проблемам таможенной политики. — С. 325, 392, 507.

ШИПОВ Иван Павлович (1865–1919(?)) — российский государственный деятель, финансист; в 1905–1906 гг. — министр финансов; в 1908–1909 гг. — министр торговли и промышленности; в 1914–1917 гг. — управляющий Государственным банком России. — С. 100.

ЩЕРБАТОВ Александр Григорьевич (1850–1915) — российский государственный и общественный деятель, экономист, публицист, путешественник, активный участник право-монархического движения, лидер Союза Русских Людей. — С. 144, 145, 508.

ЮРОВСКИЙ Леонид Наумович (1884–1938) — российский и советский экономист, специалист по денежному обращению; в 1920-х гг. — начальник валютного управления, затем — планово-экономического управления Наркомата финансов. Репрессирован. — С. 69, 287, 288, 364, 367, 508.

ЯСНЫЙ Наум Михайлович (1884–1967) — американский экономист русского происхождения. Большевик с 1903 г. После революции эмигрировал в Германию, а в 1933 г. — в США. Занимался изучением различных аспектов советского хозяйства и экономики в целом. — С. 126, 183, 189, 194, 251, 303, 337, 508.

Список литературы

1912 год в политическом и экономическом отношениях//Новый экономист. 1913. №1–2.

1912 год в политическом и экономическом отношениях//Новый экономист. 1913. №7.

1917 год: (Итоги и перспективы)//Горнозаводское дело. 1917. №1.

1917 год. Россия революционная. М.: ИНИОН, 2007.

Абалкин Л. И. К цели через кризис: Спустя год. М.: Луч, 1992.

Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991.

Абалкин Л. И. Новый тип экономического мышления. М.: Экономика, 1987.

Абалкин Л. И. Размышления о стратегии и тактике экономической реформы//Вопросы экономики. 1993. №2.

Авдаков Н. С. Речь в Государственном Совете о казенном горном хозяйстве на Урале//Промышленность и торговля. 1909. №11.

Авилов Б. В. Настоящее и будущее народного хозяйства России. Пг.: Жизнь и знание. 1916.

Аганбегян А. Г. Меры и этапы оздоровления и стабилизации экономики СССР: [Стенограмма лекции, прочитанной на всесоюзном семинаре руководителей высшего звена управления предприятий (объединений), учреждений и организаций, декабрь 1990 г., Москва]. М.: Правление Всесоюзного общества «Знание», Консультационный центр, 1991.

Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию (1907–1917). М.: Три квадрата, 2003.

Айхенвальд А. Советская экономика. М.–Л.: ГИЗ, 1928.

Александров И. Г. Восстановление производства в России. М.: Госплан, 1924.

Александров И. Г. Промышленная мобилизация в Италии // Известия Московского военно-промышленного комитета. 1915. № 1.

Альский Р. Нужны новые методы работы // Экономическая жизнь. 1921. 11 марта. № 54.

Американский нефтяной трест // Промышленность и торговля. 1909. № 7.

Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011.

Архангельский С. И. Продажа земельных владений сторонников короля // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1933. № 5.

Астров Н. И. Задачи совещания // Труды экономического совещания: 3–4 января 1916 года. М., 1916.

Б. Н. Д. Народное действие // Новый экономист. 1913. № 24.

Б. Н. Д. Как справиться с нефтяным голодом // Новый экономист. 1913. № 26, 27, 28.

Бабков А. Концентрация банков в Англии и Германии // Промышленность и торговля. 1909. № 17.

Бабст И. К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. Казань, 1856.

Бажанов Б. Критические замечания к контрольным цифрам Госплана на 1925/26 г. // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI.

Базаров В. А. Анархический коммунизм и марксизм. СПб., 1906.

Базаров В. А. Большевики и проблема власти // Новая жизнь. 1917. 27 сент. (10 окт.).

Базаров В. А. Бюрократизм или «синдикализм»? // Новая жизнь. 1917. 2 (15) июля.

Базаров В. А. Демократический блок // Новая жизнь. 1917. 19 сент. (2 окт.).

Базаров В. А. Итоги истекшего года и злоба текущего дня // Экономическое обозрение. 1925. № 12.

Базаров В. К. вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1923. № 6.

Базаров В. А. К методологии перспективного планирования. М.: Госплан, 1924.

Базаров В. А. К пятилетию нэпа // Экономическое обозрение. 1926. № 3.

Базаров В. А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М. – Л.: ГИЗ, 1927.

Базаров В. А. Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм? // Мысль. 1919. № 3.

Базаров В. А. О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1.

Базаров В. А. О конечных целях // Летопись. 1917. № 1.

Базаров В. А. О методологии контрольных цифр // Экономическое обозрение. 1927. № 1.

Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7.

Базаров В. А. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5.

Базаров В. А. О перспективах хозяйственного и культурного развития // Экономическое обозрение. 1928. № 6.

Базаров В. А. Перспективы нашего народнохозяйственного развития на 1925/26 год // Экономическое обозрение. 1925. № 8.

Базаров В. А. План в народном хозяйстве СССР // Экономическое обозрение. 1927. № 10.

Базаров В. А. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1927. № 2.

Базаров В. А. Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента» // Мысль. 1919. № 10.

Базаров В. А. Текущая хозяйственная конъюнктура // Экономическое обозрение. 1923. № 1.

Базаров В. А. Темп накопления и «командные высоты» // Экономическое обозрение. 1924. № 9–10.

Баланс народного хозяйства СССР за 1923/24 г. // Труды ЦСУ СССР. Т. 29. М.: Издательство ЦСУ, 1926.

Безобразов В. П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. М., 1864.

Белинский В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю // Русская литературная критика XIX века. М.: ЭКСМО, 2007.

Белоусов Р. А. Основные этапы развития теории и практики управления социалистической экономикой. М.: Мысль, 1981.

Белых А. А. История советских экономико-математических исследований (1917 — начало 60-х годов). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990.

Белянова А. М. О темпах экономического развития СССР: По материалам дискуссий 20-х годов. М.: Экономика, 1974.

Берк Э. Размышления о революции во Франции. Л.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992.

Бернацкий М. Предпосылки «экономической программы» // Промышленность и торговля. 1916. № 5.

Беспалов С. В. Политика экономической модернизации России в дискуссиях конца XIX — начале XX веков. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2004.

Беспалов С. В. Модернизация России в конце XIX — начале XX века. (К вопросу о предпосылках революций 1917 г.) // 1917 год. Россия революционная. М.: ИНИОН, 2007.

Бирбраер М. К вопросу о методологии построения «перспективных планов» // Экономическое обозрение. 1927. № 6, 7.

Ближайшие задачи // Промышленность и торговля. 1917. № 8–9.

Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967.

Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1988.

Богданов А. А. Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.

Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., 1907.

Боголепов М. И. О путях будущего: К вопросу об экономическом плане. Пг., 1916.

Боголепов М. И. Восстановление народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1927. № 11.

Борисов Л. К вопросу о нефтяной монополии // Промышленность и торговля. 1915. № 7.

Борисова Л. В. «Причины волнения однородны...» Выступления рабочих Москвы весной 1921 г. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2003.

Бородаевский С. Что делать против падения хлебных цен // Экономист России. 1910. № 23.

Бородаевский С. Задачи государства в области хлебной торговли // Экономист России. 1910. № 27.

Борьба с синдикатами и таможенное покровительство // Промышленность и торговля. 1913. № 9.

Борьба с экономической разрухой // Известия. 1917. 19 мая.

Бруцкус Б. Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1992. № 1, 2, 3.

Бруцкус Б. Д. Советская Россия и социализм. СПб.: Звезда, 1995.

Букипан Я. Задача государственного регулирования хлебной торговли // Известия Особого совещания по продовольственному делу. 1916. № 27.

Букипан Я. М. Военно-хозяйственная политика: Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.–Л.: ГИЗ, 1929.

Буржуазия накануне Февральской революции. М.: ГИЗ, 1927.

Бухарин Н. И. Анархизм и научный коммунизм // Коммунист. 1918. № 2.

Бухарин Н. И. Заметки экономиста // Правда. 1928. 30 сентября.

Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988.

Бухарин Н. И. Некоторые основные понятия современной экономики // Коммунист. 1918. № 3.

В Исполнительном комитете // Известия. 1917. 17 мая.

В Президиуме Госплана // Бюллетень Госплана. 1923. № 11–12.

Вайнштейн Альб. Л. К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР // Экономическое обозрение. 1927. № 7.

Вайсберг Р. Е. План и хозяйственные затруднения. М.–Л.: ГИЗ, 1929.

Вайсберг Р. Е. Буржуазные извращения в области планирования // Плановое хозяйство. 1930. № 1.

Вайсберг Р. Е. Проблемы народнохозяйственного планирования // Проблемы экономики. 1934. № 1.

Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х — начале 90-х годов // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856–1894). Часть первая. Материалы для обсуждения. М., 1951.

Весов Я. Практика максимальных хлебных цен в Германии // Новый экономист. 1915. № 4.

Весов Я. Новая государственная монополия в Германии // Новый экономист. 1915. № 15.

Вестник Временного правительства. 1917. 22 июня.

Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 52.

Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 2. Кн. 2. М.: Наука, 2003.

Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 3. Кн. 1. М.: Наука, 2006.

Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Ред. Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, В. М. Панеях.. М.: ОЛМА-ПРЕСС — Экслибрис, 2006.

Воблый К. О мобилизации труда в сельском хозяйстве // Новый экономист. 1915. № 10.

Военно-промышленные комитеты и наши задачи // Известия Московского военно-промышленного комитета. 1915. № 1.

Вознесенский Н. А. К вопросу об экономике социализма // Большевик. 1931. № 23–24.

Возникновение и деятельность нашей организации (Обзор деятельности Съездов представителей промышленности и торговли с октября 1906 г. по декабрь 1907 г.) // Промышленность и торговля. 1908. № 1.

Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М.: Издательство АН СССР, 1962.

Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. СПб., 1907.

Вопрос о регулировании промышленности на областной конференции фабрично-заводских комитетов и железнодорожных коллективов Донецкого и Криворожского районов // Горнозаводское дело. 1917. № 40, 41, 42.

Вопросы программы и тактики торгово-промышленного класса // Горнозаводское дело. 1917. № 11–12, 13–14, 17, 18–19.

Воронин С. В., Шмелев К. Д. Денежное обращение и кредит в России и за границей. Т. 1. В годы войны и революции (1914–1921). Пг.–М.: Институт экономических исследований НКФ, 1922.

Воронкова С. В. Материалы Особого совещания по обороне государства. М.: Издательство Моск. ун-та, 1975.

Воронцов В. Судьба капитализма в России. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882.

Всемирная история экономической мысли. Т. 4. Теории социализма и капитализма в межвоенный период. М.: Мысль, 1990.

Всероссийское совещание Советов. М.–Л.: ГИЗ, 1927.

Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: Петроград, 1917. Стенографический отчет. М.–Л.: ГИЗ, 1927.

Второй Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов, 26–29 февраля 1916 г. в Петрограде: Приветственные телеграммы и резолюции. Пг., 1916.

Второй съезд военно-промышленных комитетов // Промышленность и торговля. 1916. № 10.

Вурцингер Э. О., Венекинк А. Э. О регулировании хлеба в России // Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде: Секция IX. 1896. № 9.

Гайдар Е. Т. Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука, 1990.

Гайдар Е. Т. В начале новой фазы // Коммунист. 1991. № 2.

Гайдар Е. Т. Логика реформ // Вопросы экономики. 1993. № 2.

Ганелин Р. Ш., Шепелев Л. Е. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.–Л.: Наука, 1957.

Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9–10.

Гатовский Л. М. О задачах теории советского хозяйства // Проблемы экономики. 1931. № 1.

Гатовский Л. М. О народнохозяйственном плане: К вопросу о регуляторе советской экономики // Большевик. 1929. № 19.

Гатовский Л. М. О предмете и методе теории советского хозяйства // Проблемы экономики. 1930. № 1.

Германские предпринимательские союзы для защиты общих экономических интересов // Промышленность и торговля. 1908. № 4.

Гефтер М. Я. Борьба вокруг создания металлургического треста в России в начале XX века // Исторические записки. Т. 47. М.: Издательство АН СССР, 1954.

Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М.: Госфиниздат, 1960.

Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторические записки. Т. 66. М.: Издательство АН СССР, 1960.

Гинзбург А. М. Некоторые предпосылки промышленной пятилетки // Экономическое обозрение. 1927. № 4.

Гинзбург А. М. Проблема капитала в советской промышленности. М.: Экономическая жизнь, 1925.

Гливиц Ип. Деловое сотрудничество или свободная конкуренция // Промышленность и торговля. 1909. № 24.

Гливиц Ип. Промышленные кризисы и борьба с ними // Промышленность и торговля. 1909. № 1.

Голанд Ю. М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М.: Экономика, 2006.

Голанд Ю. М. Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1991.

Гольдштейн И. М. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. М., 1907.

Горфейн Г. М. Из истории образования Министерства торговли и промышленности // Очерки по истории экономики и классовых отношений в России конца XIX — начала XX века / Отв. ред. С. Н. Валк. М. – Л.: Наука, 1964.

Государственная Дума и промышленность // Промышленность и торговля. 1908. № 4.

Государственная Дума и экономические вопросы // Промышленность и торговля. 1913. № 8.

Гофштетер И. Синдикаты и интересы потребителей // Экономист России. 1910. № 8.

Грегори П. Экономический рост Российской империи. (Конец XIX — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2003.

Григорьев. Задачи Плановой комиссии по финансам // Вестник финансов. 1922. № 25.

Гриевз Дж. В какой мере может понижение таможенных пошлин на земледельческие орудия и машины служить восполнением интересам земледелия // Всероссийский торгово-промышленный съезд 1996 г. в Нижнем Новгороде: Секция IX. 1896. № 3.

Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919.

Громан В. Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1, 2.

Громан В. Г. О плане продовольствия населения и основные принципы экономической политики в связи с регулированием транспорта // Труды экономического совещания: 3–4 января 1916 года. М., 1916.

Громан В. Г. Постановка конъюнктурных наблюдений // Плановое хозяйство. 1926. № 4.

Громан В. Г. Тезисы к пересмотру контрольных цифр на 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 2.

Лукасов П. О. Речь на заседании совещания Совета Съездов по нефтяному вопросу // Промышленность и торговля. 1908. № 6.

Гурьев А. Промышленные синдикаты: Экономическое и общественное значение предпринимательских союзов. Вып. 1–2. СПб, 1898–1899.

Гусев С. И. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат // Об едином хозяйственном плане // Об едином хозяйственном плане: работы 1920–1921 годов. М.: Экономика, 1989.

Д. Д. Американский сахарный трест // Промышленность и торговля. 1903. № 1.

Далин С. А. Инфляция в эпохи социальных революций. М.: Наука, 1983.

Девятый съезд РКП(б): Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959.

Дезен А. А. Финансовое положение промышленности // Экономическое обозрение. 1925. № 12.

Дезен А. А. Плановое кредитование или кредитная политика // Экономическая жизнь. 1923. 3 ноября.

Дезен А. А. Развитие промышленности и национальное накопление // Экономическое обозрение. 1927. № 4.

Декларация Временному правительству от имени конференции промышленного юга России // Горнозаводское дело. 1917. № 22, 23.

Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.

Дементьев Г. Всеобщая политическая экономия: О возможности и необходимости политэкономии в широком смысле // Проблемы марксизма. 1931. № 2.

Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов: По 31 января 1916 г. М., 1916.

Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов: По 1 апреля 1917 г. М., 1917.

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. Изд. 3-е, доп. В 2-х т. М.: Политиздат, 1977.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.

Дневник графа Петра Александровича Валуева. 1847–1860// Русская старина. 1891. Август.

Дорошенко А. К. вопросу о государственном регулировании хлебной торговли//Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 52.

Дубенский Д. Летопись войны. Январь-июнь 1915. Пг., 1915.

Дубенцов Б. Б. Попытки преобразования организации государственной службы в конце XIX в. (Из практики Министерства финансов)// Проблемы отечественной истории. Часть 1. М.–Л.: Институт истории СССР АН СССР, 1976.

Дукор Г., Капитонов И. О «регуляторах» и «кризисах» в советском хозяйстве//Большевик. 1929. № 13–14.

Е. Л. Еще о синдикатском совещании// Экономист России. 1910. № 10.

Ерманский А. Организованная сила//Летопись. 1916. № 9.

Журнал совета съездов горнопромышленников Урала. 1917. № 46. 17 октября.

Загорский С. О. Синдикаты и тресты. СПб., 1914.

Загорский С. Современная финансовая проблема // Современный мир. 1916. № 2.

Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1889-х годов. М., 1964.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов. М., 1970.

Законодательство о трестах и синдикатах/Под ред. А. М. Гинзбурга. М.: Издательство ВСНХ, 1926.

Залкинд А. И., Мирошниченко Б. П. Очерки развития народно-хозяйственного планирования. М.: Экономика, 1980.

Залшупин А. С. Наша банковская политика. СПб., 1896.

Залшупин А. С. Русский нефтяной «трест»// Экономист России. 1912. № 33.

Записка Н. Х. Бунге «Социализм и борьба с ним» (1890–1894)// Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX вв. СПб.: Спас — Лики России, 2007.

Записка П. А. Валуева Александру II «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 г.» (15 сентября 1861 г.)//

Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX вв. СПб.: Спас — Лики России, 2007.

Заседания Экономического Совета при Временном правительстве: Стенографический отчет. № 1–8. Пг., 1917.

Золотарева В. П. Об особенностях экономической модернизации России в пореформенный период // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проект, 2004.

Иванов А. К проекту чайной монополии // Промышленность и торговля. 1915. № 2.

Иванцов Д. Н. Урожай 1914 г. (по данным Центрального статистического комитета) // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. 1. Пг., 1914.

Иголкин А. А. Отечественная нефтяная политика в первой трети XX века // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проект, 2004.

Из записок сенатора К. Н. Лебедева. 1862 г. // Русский архив. 1911. Март.

Известия Петроградского Совета. 1917. 17 марта.

Изгоев А. П. А. Столыпин: Очерк жизни и деятельности. М.: Кн-во К. Ф. Некрасова, 1912.

Изнар Н. Земля наша велика и обильна, но... препятствий в ней к развитию ее — не оберешься // Промышленность и торговля. 1913. № 2.

Импортированные институты в странах с переходной экономикой. М.: ИЭПП, 2003.

Информационный бюллетень Госплана СССР. 1928. № 3–4.

Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проект, 2004.

Исторические силуэты / Отв. ред. С. В. Татюкин. М.: Наука, 1991.

История планирования в прошлом и настоящем. М.: Планхозгиз, 1930.

История политической экономии социализма. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1983.

История социалистической экономики. В 7-и т. М.: Наука, 1976–1980.

Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917–1927. М.–Л.: ЦСУ СССР, 1928.

К вопросу о выработке программы экономической политики // Промышленность и торговля. 1916. № 3.

К вопросу о Министерстве снабжения // Утро России. 1917. 18 марта.

К вопросу о плане экономической политики // Промышленность и торговля. 1917. № 18–19.

К плану экономической реформы / Министерство финансов. Пг., 1916.

Казенное и частное железнодорожное хозяйство // Промышленность и торговля. 1908. № 22.

Кактынь А. М. Единый хозяйственный план и хозяйственный центр // Об едином хозяйственном плане // Об едином хозяйственном плане: работы 1920–1921 годов. М.: Экономика, 1989.

Кактынь А. М. К вопросу о создании единого хозяйственного плана // Экономическая жизнь. 1921. № 23.

Кактынь А. М. Очерки по организации народного хозяйства. М.: ГИЗ, 1922.

Каменев Л. Б. Наши достижения и задачи в области овладения стихией рынка // Плановое хозяйство. 1925. № 1.

Каратыгин Е. С. Государственная промышленность и сельское хозяйство // Экономическое обозрение. 1927. № 8.

Карницкий Д. Казенное лесное хозяйство // Промышленность и торговля. 1909. № 17.

Карницкий Д. Казенные горные заводы // Промышленность и торговля. 1909. № 19.

Карр Э. История Советской России. Кн. 1. М.: Прогресс, 1990.

Каррик В. В. О хлебной монополии. Пг., 1917.

Катков М. Н. Империя и крамола. М.: Фонд ИВ, 2007.

Катков М. Н. Наша конституция // Московские ведомости. 1882. 11 мая.

Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1886 год. М., 1889.

Кваша Гр. Экономическая политика нового Министра внутренних дел // Промышленность и торговля. 1915. № 26.

Кваша Гр. О промышленном будущем России // Промышленность и торговля. 1916. № 12.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1993.

Киселев С. М. Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1925. № 12.

Киселев С. М. Оценка текущего состояния денежного обращения // Плановое хозяйство. 1926. № 6.

Клаус Р. Война и народное хозяйство России: 1914–1917 гг. М. – Л.: ГИЗ, 1929.

Ковалевский Н. А. Еще о «государственном капитализме» // Плановое хозяйство. 1925. № 12.

Ковалевский Н. А. Методология генерального плана // Плановое хозяйство. 1928. № 6.

Ковалевский Н. А. Методология плана реконструкции // Плановое хозяйство. 1928. № 4.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. В 2 кн. М.: Наука, 1992.

Колокольников П. Капитализм и социализм в советской России // Мысль. 1919. № 13.

Кондратьев Н. Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002.

Кондратьев Н. Д. К вопросу о понятиях экономической статистики, динамики и конъюнктуры // Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002.

Кондратьев Н. Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значение // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7.

Кондратьев Н. Д. План и предвидение // Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002.

Кондратьев Н. Д. Проблема предвидения // Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002.

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991.

Кондратьев Н. Д. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI.

Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 г. М. – Л.: Госплан СССР, 1925.

Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности на 1928/29–1932/33 гг. М.: Гостехиздат, 1929.

Коншин А. Необходимое напряжение военно-промышленных сил и средств // Промышленность и торговля. 1915. № 20, 26; 1916. № 10.

Конъюнктура народного хозяйства СССР и мирового в 1925/26 г. М.: Фин. Издательство НКФ СССР, 1927.

Корелин А. П. К стабильности через реформы? // Россия в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2002.

Корелин А. П. Россия сельская на рубеже XIX–XX веков // Россия в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2002.

Корицкий Э. Б., Лавриков Ю. А., Омаров А. М. Советская управленческая мысль 20-х годов. М.: Экономика, 1990.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 4. М.: Политиздат, 1984.

Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. // *Б. В. Ананьич, М. И. Арефьева, С. Г. Беляев* и др. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005.

Кржижановский Г. М. Итоги плановой работы // Экономическая жизнь. 1923. 9 ноября.

Кржижановский Г. М. К построению перспективной пятилетки // Плановое хозяйство. 1927. № 3.

Кржижановский Г. М. Пять лет борьбы за план // Плановое хозяйство. 1926. № 3.

Кржижановский Г. М. Сочинения. Т. II. Проблемы планирования. М.: ОНТИ, 1934.

Кржижановский Г. М. Сочинения. Т. III. Социалистическое строительство. М.–Л.: ОНТИ, 1936.

Кржижановский Г. М. Текущие проблемы планирования // Плановое хозяйство. 1926. № 4.

Кризис топлива // Промышленность и торговля. 1913. № 6.

Крицман Л. Н. Героический период великой русской революции. М.–Л.: ГИЗ, 1926.

Крицман Л. Н. Единый хозяйственный план и Комиссия использования // Об едином хозяйственном плане: работы 1920–1921 годов. М.: Экономика, 1989.

Крицман Л. Н. О едином хозяйственном плане. М., 1921.

Крицман Л. Н. Об организационных путях социалистического строительства хозяйственной жизни // Коммунист. 1918. № 3.

Крицман Л. Н. Три года новой экономической политики пролетариата СССР. М., 1924.

Крумин Г. Хозяйственный план // Экономическая жизнь. 1920. № 118.

Куйбышев В. В. Статьи и речи. Т. 5. М.: Партиздат, 1937.

Кузовков Д. В. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М.: Издательство Коммунистической академии, 1925.

Ларин Ю. 59-головая гидра // Экономическая жизнь. 1920. № 252.

Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М.: Московский рабочий, 1923.

Ларин Ю. О пределах приспособляемости нашей экономической политики // Сборник экономических статей. Пг.: ГИЗ, 1922.

Ларин Ю., Крицман Л. Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России. М., 1920.

Левин И. Экономический план и его осуществление // Промышленность и торговля. 1916. № 7.

Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М.: Мысль, 1990.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 1–55. М.: Политиздат, 1965–1975.

Леонтьев А. К вопросу о природе хозяйства СССР // Плановое хозяйство. 1927. № 4.

Либерман Е. О планировании промышленного производства и материальных стимулах его развития // Коммунист. 1956. № 11.

Либерман Е. План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сентября.

Липгарт Э. В какой мере может понижение таможенных пошлин на земледельческие орудия и машины служить восполнением интересам земледелия? // Всероссийский торгово-промышленный съезд 1996 г. в Нижнем Новгороде: Секция IX. 1896. № 2.

Ловин И. И. Еще о сахарной монополии // Новый экономист. 1916. № 4.

Лозинский Э. Экономическая политика Временного правительства. Л.: Прибой, 1929.

Лурье Е. С. Совещание о синдикатах // Экономист России. 1910. № 3.

Лурье Е. С. К синдикатскому вопросу // Новый экономист. 1914. № 43.

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М.–Л.: Госполитиздат, 1952.

Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Дело, 2003.

Майдель Г. Х. Казенное или частное железнодорожное хозяйство // Промышленность и торговля. 1909. № 18.

Майдель Г. Х. Необходимость частного железнодорожного хозяйства. // Промышленность и торговля. 1909. № 19.

Макаров Н. П. К вопросу о взаимоотношении сельского хозяйства и индустрии // Экономическое обозрение. 1925. № 10.

Макаров Н. П. Некоторые очередные вопросы методологии составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2.

Макаров Н. П. Являются ли «контрольные цифры» Госплана контрольными // Экономическое обозрение. 1926. № 10.

Маневич В. Е. Развитие теории денежного обращения в советской экономической литературе. М.: Наука, 1986.

Маневич В. Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М.: Экономика, 1989.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Главное издательство политической литературы, 1955–1965.

Мартов Л. Мировой большевизм // Мысль. 1919. № 10.

Материалы к критике гипотез. Кн. 10. О работе ОСВОК'а в 1925 г. М.–Л.: Издательство ВСНХ, 1926.

Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР. М.: Издательство ВСНХ, 1927.

Материалы по вопросу об установлении твердых цен на хлебные продукты до урожая 1917 г. Пг., 1916.

Матюхин В. В. Вопросы пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства в части сельского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1927. № 6–7.

Мау В. А. Бюрократизм и плановое хозяйствование: исследования первого послереволюционного десятилетия // Вопросы экономики. 1989. № 12.

Мау В. А. В поисках планомерности: Из истории развития советской экономической мысли конца 30-х — начала 60-х годов. М.: Наука, 1990.

Мау В. А. История советской экономической науки: подведение итогов // Вопросы экономики. 1993. № 1.

Мау В. А. На полпути к военному коммунизму // Коммунист. 1991. № 10.

Мау В. А. Первые залпы на плановом фронте: Госплан и Наркомфин в 1922–1925 годах // Свободная мысль. 1992. № 3.

Мау В. А. Политическая экономия революции: историко-экономический опыт // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ — ВШЭ, 2000.

Мау В. А. Постиндустриальная Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. 2002. № 7.

Мау В. А. Противоречия социалистической доктрины: (Исторический очерк) // Известия АН СССР: Серия экономическая. 1990. № 3.

Мау В. А. Реформы и догмы: 1914–1929. М.: Дело, 1993.

Мау В. А. Теория народнохозяйственного планирования // Всемирная история экономической мысли. Т. 4. М.: Мысль, 1990.

Мау В. А. У истоков товарного дефицита // Вопросы экономики. 1990. № 6.

Мау В. А. Хлеб и демократия накануне большевистского переворота // Деловые люди. 1992. № 1.

Мау В. А., Стародубровская И. В. Закономерности революции, опыт перестройки и наши перспективы // Инст. экон. РАН. М., 1991.

Мау В. А., Стародубровская И. В. Перестройка как революция: Опыт прошлого и попытка прогноза // Коммунист. 1990. № 11.

Мау В. А., Стародубровская И. В. Плановый фетишизм: необходима политико-экономическая оценка // Экономические науки. 1988. № 4.

Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: Росспэн, 1998.

Мельянцева В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Издательство МГУ, 1996.

Мельянцева В. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М: ИСАА МГУ, 2000.

Менделеев Д. И. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. // Менделеев Д. И. Сочинения. Т. 19. М. – Л., 1950.

Меркулов С. Еще о государственной монополии продажи спичек // Новый Экономист. 1914. № 38.

Меркулов С. К вопросу о чайной монополии // Новый экономист. 1915. № 4.

Меркулов С. О государственной спичечной монополии // Новый Экономист. 1914. № 30.

Меркулов С. О государственной страховой монополии в России // Новый Экономист. 1914. № 44.

Мерцалов Г. К. К вопросу об угольной монополии // Промышленность и торговля. 1917. № 16–17. С. 306–309.

Мигулин П. П. Возрождение России: Экономические этюды и новые проекты. Х., 1909.

Мигулин П. П. Железные дороги и топливо // Новый экономист. 1913. № 44.

Мигулин П. П. К вопросу о промышленном банке // Новый экономист. 1915. № 19.

Мигулин П. П. К вопросу о реализации урожаев // Экономист России. 1910. № 24.

Мигулин П. П. Казенная спичечная монополия // Новый экономист. 1915. № 2.

Мигулин П. П. Когда же конец кризису // Новый экономист. 1913. № 26.

Мигулин П. П. Налоговая беспощадность // Новый экономист. 1916. № 14.

Мигулин П. П. Нефтяной вопрос в Государственной Думе // Новый экономист. 1913. № 15.

Мигулин П. П. Нефтяная промышленность. // Новый экономист. 1913. № 10.

Мигулин П. П. Порядок введения монополий // Новый экономист. 1916. № 2.

Мигулин П. П. Поход против чайной монополии // Новый экономист. 1913. № 7.

Мигулин П. П. Проект сахарной монополии // Новый экономист. 1915. № 51–52.

Мигулин П. П. Промышленный банк // Новый экономист. 1915. № 12–13.

Мигулин П. П. Современные проблемы // Новый экономист. 1913. № 1.

Мигулин П. П. Успехи казенного железнодорожного хозяйства // Новый Экономист. 1914. № 3.

Мигулин П. П. Хлебный кризис // Экономист России. 1910. № 22.

Мигулин П. П. Хлебная монополия // Экономист России. 1912. № 19–20.

Мигулин П. П. Чайная монополия // Новый экономист. 1915. № 1.

Милютин Вл. Экономическая программа коммунистов // Народное хозяйство. 1919. № 4.

Милль Дж. С. Принципы политической экономии. В 2-х томах. М.: Прогресс, 1980.

Милютин В., Борилин Б. К разногласиям в политической экономике // Плановое хозяйство. 1930. № 1.

Миндлин З. Л. Наши ближайшие задачи в области планирования // Плановое хозяйство. 1925. № 12.

Минувший год // Промышленность и торговля. 1909. № 1.

Мирский Б. Путь термидора // Последние новости. 1921. 3 марта.

Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода: 1801–1917. М.: Соцэкгиз, 1961.

Монополии в металлургической промышленности России. 1900–1917 гг. Документы и материалы. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1963.

Мухин М. Ю. «У советских — собственная гордость». Специфические методы трудовой стимуляции в СССР 30-х гг. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2003.

Надеждин К. О синдикате «Кровля» // Экономист России. 1909. № 22.

Налоговая осторожность // Новый экономист. 1916. № 18.

Намарский Л. Организационные проблемы новой экономической политики // Народное хозяйство. 1921. № 10.

Настоящее и будущее русской промышленности // Горнозаводское дело. 1917. № 34–35, 36–37, 38–39.

Наши продовольственные запасы // Торгово-промышленная газета. 1914. № 525.

Некрасов Н. В. К вопросу о частном железнодорожном хозяйстве // Новый Экономист. 1914. № 3.

Немчинов В. С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. М.: Экономика, 1963.

Немчинов В. С. Плановое задание и материальное стимулирование // Правда. 1962. 21 сентября.

- Новоградский Г. В* «житнице Европы» // *Летопись*. 1916. № 9.
- Новоградский Г.* На пути к хлебной монополии // *Летопись*. 1916. № 10.
- Новожилов В. В.* Недостаток товаров // *Вестник финансов*. 1926. № 2.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
- НЭП. Взгляд со стороны: Сборник // Сост. В. В. Кудрявцев. М.: Московский рабочий, 1991.
- НЭП и хозрасчет. М.: Экономика, 1991.
- О диспропорциях и методе хозяйственного балансирования // *Торгово-промышленная газета*. 1928. 12 октября.
- О проблеме диспропорции и темпе развития хозяйства СССР // *Вестник Коммунистической академии*. 1926. Кн. XVI.
- О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. М.: Издательство Коммунистической академии, 1928.
- Об едином хозяйственном плане: работы 1920–1921 годов. М.: Экономика, 1989.
- Обзор деятельности Особого совещания по продовольствию с 17 августа 1915 г. по 17 февраля 1916 г. Пг., 1916.
- Обсуждение контрольных цифр Коллегией НКФ // *Финансовая газета*. 1925. 18 сентября.
- Общественное мнение о монополиях // *Новый экономист*. 1916. № 1.
- Объяснительная записка Министра финансов к проекту Государственной росписи на 1913 г. // *Мин-во финансов*. СПб. 1912.
- Огановский Н.* Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // *Экономическое обозрение*. 1927. № 6, 7.
- Одиннадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1961.
- Озеров И. И.* Горные заводы Урала. М., 1910.
- Озеров И. И.* К кризису на Урале // *Экономист России*. 1909. № 36, 39.
- Озеров И. Х.* Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX веков. М.: Издательство Д. С. Горшкова, 1905.

Организационная задача торгово-промышленного класса России в настоящий момент // Горнозаводское дело. 1917. № 28–29.

Организация народного хозяйства: Материалы к V очередному съезду Союза городов. М., 1916

Организация продовольственного дела // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 43.

Орешкин В. В. Вопросы империализма в работах большевиков-ленинцев: Дооктябрьский период. М.: Наука, 1968.

Орлов А. Промышленный кредит и новые методы эксплуатации казенных имуществ // Промышленность и торговля. 1916. № 2.

Отчетные сведения о заготовках из урожая 1915 г. Материалы к совещанию уполномоченных 25–31 авг. 1916 г. Пг., 1916.

Осинский Н. Строительство социализма. М.: Коммунист, 1918.

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг.: 1916 год. М.: РОССПЭН, 2008.

Очерки по истории экономики и классовых отношений в России конца XIX — начала XX века // Отв. ред. С. Н. Валк. М.–Л., 1964.

Ошибки власти в продовольственном деле // Промышленность и торговля. 1917. № 6.

П. П. Н. Экономическое наследие старого режима // Промышленность и торговля. 1917. № 8–9.

Пажитнов К. А. Развитие каменноугольной и металлургической промышленности на юге России. (Очерк из новейшей истории русской промышленности) // Народное хозяйство. 1905. № 3.

Первый Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. В 2-х т. М.–Л.: Соцэкиз, 1930–1931.

Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 19–22 марта 1917 года: Стенографический отчет и резолюции. М.: Всеросс. съезд тор-ли и пром-ти, 1918.

Пересмотр контрольных цифр народного хозяйства на 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 2.

Перимов А., Быстрицкий В. К некоторым вопросам теории переходной экономики: План как закон движения переходной экономики // Проблемы экономики. 1930. № 10.

Перспективная ориентировка на 1927/28–1931/32 гг. М.: Издательство Госплана СССР, 1927.

Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг. М.: Издательство Госплана СССР, 1927.

Перспективы развития промышленности на 1925/26–1929/30 гг. В 5 т. // Материалы Особого совещания по воспроизводству основного капитала при президиуме ВСНХ. М.–Л.: Промиздат, 1927.

Перспективы хозяйственного развития СССР. (Контрольные цифры Госплана): Дискуссия // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. VII.

Петров Н. П. Критика современного экономического строя // Новый экономист. 1914. № 1–2, 4, 8–9.

Петров Ю. А. Российская экономика в начале XX века // Россия в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2002.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро ИК. М.–Л.: ГИЗ, 1925.

Планомерная борьба с экономической разрухой // Горнозаводское дело. 1917. № 26–27.

Погребинская В. А. Институциональные особенности начала индустриализации в России. М.: ТЕИС, 2006.

Погребинская В. А. Разработка методологии генерального плана в конце 20-х — начале 30-х гг. М.: Наука, 1979.

Погребинский А. П. Государственно-монополистический капитализм в России: Очерк истории. М.: Соцэкгиз, 1959.

Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968.

Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М.: Госфиниздат, 1954.

Погребинский А. П. Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма // Исторические записки. Т. 47. М.: Издательство АН СССР, 1954.

Погребинский А. П. Финансовая политика царизма в 70–80-х годах XIX в. // Исторический архив. 1960. № 2.

Полетаев А. В. Экономические кризисы в России в XX веке. Статистическое исследование // Истоки. Вып. 3. М: ГУ — ВШЭ, 2001.

Полонский Гр. Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны. Пг., 1917.

Поощрять или стеснять? // Промышленность и торговля. 1913. № 7.

Постановления IX Всероссийского съезда Советов. М.: Издание ВЦИК, 1921.

Постановления и протоколы Чрезвычайного Всероссийского съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. 5–11 апреля 1915 г. Пг., 1915.

Поход против мобилизованной общественности // Известия московского военно-промышленного комитета. 1916. № 21–22, 23–24, 25–26.

Предстоящие Министерству торговли задачи // Новый экономист. 1915. № 8.

Преображенский Е. А. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг.. М.: Издательство Главархива Москвы, 2008.

Присецкий И. В какой мере может понижение таможенных пошлин на сельскохозяйственные орудия и машины служить восполнением интересам земледелия // Всероссийский торгово-промышленный съезд 1906 г. в Нижнем Новгороде: Секция IX. 1896. № 4.

Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX веков. Л., 1972.

Программная записка Н. Х. Бунге Александру II «О финансовом положении в России» // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX вв. СПб.: Спас — Лики России, 2007.

Программная речь Министра торговли и промышленности в Государственной Думе // Промышленность и торговля. 1909. № 6.

Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1918.

Прокопович С. Что дал России НЭП // НЭП: Взгляд со стороны. М.: Московский рабочий, 1991.

Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта — 9 марта 1931). М.: ОГИЗ — Советское законодательство, 1931.

Пути развития: Дискуссии 20-х годов. Л.: Лениздат, 1990.

Пути России: Преемственность и прерывность общественного развития. М.: МВШСЭН, 2007.

Пятнадцатая конференция ВКП(б): Стенографический отчет. М.–Л.: ГИЗ, 1929.

Радциг А. О роли нашей промышленности // Народное хозяйство. 1900. № 2.

Развитие промышленности за последние годы и «очевидные факты» // Промышленность и торговля. 1913. № 2.

Рафалович А. Л. Новая экономическая политика // Экономист. 1922. № 2.

Рафалович А. Л. О борьбе с дороговизной // Промышленность и торговля. 1915. № 4.

Рафалович А. Л. Продовольственный вопрос во время войны и революции // Экономист. 1922. № 1.

Регулирование цен на нефть // Промышленность и торговля. 1908. № 7.

Репие Я. Х. Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1926. № 2.

Реформа управления экономикой: Проблемы и поиски // Под ред. А. Г. Аганбегяна. М.: Экономика, 1987.

Решения IX Всероссийского съезда представителей промышленности и торговли // Промышленность и торговля. 1915. № 11.

Родзянко М. В. Записка // Красный архив. 1925. № 3.

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1925.

Россия в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2002.

«Рост государственного социализма» и отмена такс // Промышленность и торговля. 1916. № 4.

Рочко Г. В. Концентрация производства в бакинской нефтяной промышленности. // Промышленность и торговля. 1908. № 23.

Русская мысль. 1915. № 24.

Рыков А. И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990.

Сабсович Л. М. СССР через 15 лет: гипотеза генерального плана, как плана построения социализма в СССР. М.: Плановое хозяйство, 1929.

Савельев М. Организация крупной промышленности // Народное хозяйство. 1921. № 11–12.

Савельев М. Очередные задачи хозяйственной политики // Народное хозяйство. 1921. № 4.

Савельев М. Перспективы хозяйственной политики // Народное хозяйство. 1922. № 2.

Садуль Ж. Соболезнования // Известия. 1924. 1 февраля.

Сарабьянов В. Основные проблемы НЭПа: план, регулирование, стихия. М.: Московский рабочий, 1926.

Сахарные цены // Промышленность и торговля. 1908. № 24.

Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1–2. М., 1917–1918.

Свод постановлений 2-го Чрезвычайного Всероссийского съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства 24–28 апреля 1916 г. Пг., 1916.

Святицкий Н. В. Организация российской государственной промышленности. М.: Издательство ВСНХ, 1924.

Семенкова Т. Г. Экономическая платформа либерализма: исторический опыт России середины XIX века // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проект, 2004.

Сибиряк. Чайная монополия и Сибирь // Новый экономист. 1915. № 12–13.

Сигов И. Аракчеевский социализм: Доклад о хлебной монополии, заслушанный Вольным Экономическим Обществом 25 мая 1917 года. Пг., 1917.

Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Издательство АН СССР, 1960.

Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973.

Смена вех [1921] // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992.

Смилга И. Т. Наши хозяйственные затруднения // Плановое хозяйство. 1926. № 2.

Смирнов Н. П. Объяснения тайного советника Смирнова на замечания господина министра финансов, сделанные по поводу записки «Современное состояние наших финансов, причины упадка в них и средства к улучшению нашего государственного хозяйства. СПб., 1896.

Смирнов Н. П. Современное состояние наших финансов, причины упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства. СПб., 1885.

Смирнов П. П. Об отмене таможенных пошлин на земледельческие машины и орудия // Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде: Секция IX. 1896. № 5.

Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 9.

Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика на пути к твердой валюте. 2-е изд. М.: Наука, 2003.

Сокольников Г. Я. Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания // Вестник финансов. 1925. № 11–12.

Сокольников Г. Я. Пройденный путь и новые задачи // Вестник финансов. 1925. № 10.

Сперанская Л. Н. Экономический проект индустриально-капиталистической России Д. И. Менделеева // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проект, 2004.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 1–13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.

Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. Издание 2-е, дополненное. М.: Вагриус, 2004.

Стеклов Ю. Жалобы промышленников // Новая жизнь. 1917. 13 (26) мая. Государственное совещание. М.–Л., 1930.

Степанов В. А. Записка по проекту декларации об экономической политике правительства // Красный архив. 1925. № 3.

Степанов В. Л. Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998.

Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М.: Жизнь и знание, 1918.

Стецкий А. В борьбе за ленинскую теорию. М.: Партиздат, 1938.

Стецкий А. Ленин и социалистический план. М.: Партиздат, 1933.

Страницы памяти: О планах, планировании, плановиках. М.: Профиздат, 1987.

Струмилин С. Г. В защиту контрольных цифр Госплана // Плановое хозяйство. 1925. № 10.

Струмилин С. Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества // Плановое хозяйство. 1927. № 7, 8.

Струмилин С. Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27–1930/31 гг. // Плановое хозяйство. 1927. № 3.

Струмилин С. Г. К теории планирования // Плановое хозяйство. 1928. № 11.

Струмилин С. Г. На плановом фронте // Плановое хозяйство. 1926. № 1.

Струмилин С. Г. Перспективная ориентировка Госплана // Плановое хозяйство. 1926. № 4.

Струмилин С. Г. Плановое хозяйство в деревне // Экономическая жизнь. 1921. № 8.

Струмилин С. Г. Проблемы трудового учета // Экономическая жизнь. 1921. № 14.

Студенский Г. Сельское хозяйство СССР в перспективе пятилетнего развития // Пути сельского хозяйства. 1927. № 5.

Суханов Н. Н. Записки о революции. В 3-х т. М.: Политиздат, 1991.

Съезды военно-промышленных комитетов московского района // Известия Московского военно-промышленного комитета. 1915. № 1.

Таль Б. О предмете политической экономии и ее преподавании // Большевик. 1936. № 22.

Тарновский К. Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М.: Издательство Московского университета, 1958.

Токвиль А. Старый Порядок и Революция. М.: Московский философский фонд, 1997.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. М. – СПб.: АСТ, 2004. Кн. 1–2.

Трест и финансы русских железных предприятий // Промышленность и торговля. 1908. № 8.

Троцкий Л. Д. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции. М.: Московский рабочий, 1923.

Труды Девятого съезда представителей промышленности и торговли. СПб., 1916.

Труды Совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии при Главном комитете Всероссийского союза городов. Москва, 11–13 июля 1915 г. М., 1915.

Труды экономического совещания: 3–4 января 1916 года // Всероссийский союз городов. М., 1916.

Туган-Барановский М. И. Вздожание жизни в Петрограде // Новый экономист. 1915. № 6.

Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1907.

Тюрина Е. А. Из Центрального государственного архива народного хозяйства СССР: К истории методологии планирования // Известия АН СССР: Серия экономическая. 1991. № 2.

Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. Т. I. Пг., 1917.

Установление предельных цен и свободная торговля предметами первой необходимости // Промышленность и торговля. 1915. № 32.

Устрялов Н. В. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.

Фалькнер С. А. Бумажные деньги французской революции (1789–1797). М.: ВСНХ, 1919.

Фалькнер С. А. Проблема теории и практики эмиссионного хозяйства. М.: Экономическая жизнь, 1924.

Фармаковский С. Возрождение Урала // Промышленность и торговля. 1908. № 7.

Фармаковский С. Вопросы синдикатской практики // Промышленность и торговля. 1908. № 1, 2.

Фельдман Г. А. Аналитический метод построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1929. № 12.

Фельдман Г. А. К теории темпов народного дохода // Плановое хозяйство. 1928. № 11, 12.

Феретти М. Безмолвие памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 6.

Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа. М.: Московский рабочий, 1990.

Финансово-экономический план и Государственная Дума // Промышленность и торговля. 1916. № 5.

Финн-Енотаевский А. Ю. Мировая война и судьбы капитализма // Современный мир. 1916. № 2.

Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989.

Фридман М. И. Финансовая реформа // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 8.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

Фюре Ф. Постыжение Французской революции. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 1998.

Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

Хиршман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: ГУ — ВШЭ, 2010.

Хлеботорговец. Элеваторы Государственного банка//Новый экономист. 1913. № 3–4.

Хорос В. Г. Постиндустриализм — испытание на прочность// Глобальное сообщество: Новая система координат. (Подходы к проблеме). СПб: Алетейя, 2000.

Цион И. Ф. Куда временщик Витте ведет Россию? Р., 1896.

Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905. М.: Изд. дом ГУ — ВШЭ, 2007.

Цукерник А. Л. Синдикат «Продамет» 1902–1914 гг.: историко-экономический очерк. М.: Соцэкгиз, 1959.

Цыперович Г. В. Главкизм. М. – Пг.: ГИЗ, 1924.

Цыперович Г. В. Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР: Из истории организационных форм промышленности за последние 50 лет. Изд. 4-е. Л.: Техника и производство, 1927.

Челинцев А. Н. К вопросу о методах и принципах составления перспективных планов по сельскому хозяйству// Пути сельского хозяйства. 1927. № 2.

Чернышев В. Р. К вопросу о методологии планирования// Вопросы экономики. 1927. № 3.

Членов С. Экономическая политика и революционная законность// Народное хозяйство. 1921. № 8–9.

Чубутский П. П. Предпосылки реальной экономической политики// Экономист. 1922. № 1, 2.

Ш. Политическое объединение торгово-промышленного класса// Промышленность и торговля. 1915. № 26.

Шанин Л. Экономическая природа нашего бестоварья// Экономическое обозрение. 1925. № 11.

Шапошников Н. Н. О путях оздоровления денежной системы// Экономист. 1922. № 4–5.

Шаров С. И. Пятилетний план и плановая работа// Плановое хозяйство. 1929. № 10; 1930. № 1.

Шаров С. И. Цель в плане и задачи нашего хозяйства// Плановое хозяйство. 1926. № 7.

Шарый В. План, баланс, контрольные цифры// Бюллетень Госплана РСФСР. 1926. № 4.

Шаталин С. С., Гайдар Е. Т. Экономическая реформа: причины, направления, проблемы. М.: Экономика, 1989.

Шевырев А. П. Либеральная бюрократия Морского министерства в 1850–1860-е гг.// Вестник МГУ. Серия 8. История. 1986. № 3.

- Шестнадцатая конференция ВКП(б). М.–Л.: ГИЗ, 1929.
- Шигалин Г. И.* Подготовка промышленности к войне. М.–Л., 1928.
- Широкопад Л.* К вопросу о характеристике перелома в развитии политической экономии в СССР на рубеже 20-х — 30-х годов // Вопросы экономики. 1990. № 7.
- Щербатов А. Г.* Промышленная война // Новый экономист. 1915. № 7.
- Экономический день в Государственном Совете // Промышленность и торговля. 1909. № 12.
- Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 1. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1957.
- Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1957.
- Экономическое положение России перед революцией // Красный архив. 1925. № 3. 67–94.
- Экономическое совещание // Промышленность и торговля. 1916. № 15.
- Элман М.* Обеспечил ли прибавочный продукт сельского хозяйства увеличение капитальных вложений в СССР во время первого пятилетнего плана // Вопросы экономики. 1992. № 1.
- Юровский Л. Н.* К пересмотру хозяйственного плана // Экономическая жизнь. 1925. № 262.
- Юровский Л. Н.* К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12.
- Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М.: Начала-пресс, 1996.
- Ясный Н. М.* Война и народное хозяйство. Х.: Издательство Союза, 1919.
- Ясный Н. М.* Продовольственный кризис и хлебная монополия. Пг., 1917.
- Ясный Н. М.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: Дело, 2012.
- Abramovitz M.* Thinking about Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Aftalion F.* The French Revolution: An Economic Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

- Arendt H.* On Revolution. L.: Penguin Books, 1990.
- Ashley M.* Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate. L.: Frank Cass, 1962.
- Biggart J.* Alexander Bogdanov and the Theory of «New Class»// Russian Review. 1990. Vol. 49. № 3.
- Bottigheimer K. S.* English Money and Irish Land: The 'Adventurers' in the Cromwellian Settlement of Ireland. Oxford: Clarendon Press, 1971.
- Brinton C.* The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N. Y.: Vintage Books, 1965.
- Carr E. Y., Davies R. W.* Foundation of a Planned Economy: 1926–1929. Harmondsworth, 1969.
- Cobban A.* History of Modern France. Vol. 2. Baltimore: Penguin, 1957.
- Cooper C., Kaplinsky R.* (eds.). Technology and Development in the Third Industrial Revolution. L.: Frank Cass, 1989.
- Dobb M.* Soviet Economic Development Since 1917. 3d ed. L.: Routledge, 1966.
- Ellman M.* Socialist Planning. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Ellman M.* Collectivization, Convergence, and Capitalism. L.: Acad. Press, 1984.
- Erlich A.* The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.
- Gatrell P.* Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900–1914: The Last Argument of Tsarism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.
- Gerschenkron A.* Continuity in History and other Essays. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1968.
- Gerschenkron A.* Europe in the Russian Mirror: Four Lectures in Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Godechot J.* Les Institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. P.: Presses Universitaires de France, 1951.
- Goldstone J. A.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkley: University of California Press, 1991.
- Gregory P.* Russian National Income, 1885–1913. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

James M. Social Problems and Policy During the Puritan Revolution 1640–1660. L.: George Routledge, 1930.

Jasny N. Soviet Industrialization, 1928–1952. Chicago: University of Chicago Press, 1961.

Hanson P. From Stagnation to Catastroika: Commentaries on the Soviet Economy, 1983–1991. N. Y.: Praeger, 1992.

Harris S. E. The Assignats. Cambridge: Harvard University Press, 1930.

Henderson W. O. The Industrial Revolution on the Continent (Germany, France, Russia). 1800–1914. L.: Frank Cass, 1961.

Hirschman A. O. The Rhetoric of Reaction: Perversity, Futility, Jeopardy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.

Huntington S. P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

Laue von T. H. Problems of Industrialization // Russia under the Last Tsar. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1969.

Laue von T. H. Serguis Witte and the Industrialization of Russia. N. Y., 1963.

Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. P.: OECD, 1995.

Mill J. S. Principles of Political Economy. Vol. 1–3. L., 1848.

Nove A. An Economic History of the USSR: 1917–1991. L.: Penguin, 1992.

Perez C., Soete L. Catching-up in technology // *Dosi G. and al.* (eds.). Technical Change and Economic Theory. L. and N. Y.: Pinter, 1988.

Shanin T. Russia as a 'Developing Society'. Basingstoke: Macmillan, 1985. Vol. 1.

Shin J.-S. The Economics of the Latecomers: Catching-up, Technology Transfer and Institutions in Germany, Japan and South Korea. L. and N. Y.: Routledge, 1996.

The Cambridge History of Latin America. Vol. V. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

The Ideas of Nikolai Bukharin. Oxford: Clarendon Press, 1992.

Thirsk J. The Sales of Royalist Land during the Interregnum // The Economic History Review. 1952. Vol. 5. No. 2. P. 188–207.

Научная литература: монография

Владимир Александрович Мау
Реформы и догмы.
Государство и экономика в эпоху реформ и революций
(1861 – 1929)

Выпускающий редактор *Е.В. Попова*
Редактор *М.А. Иванова*
Художник *В.П. Коршунов*
Оригинал-макет *О.З. Элоев*
Компьютерная верстка *Т.Г. Ситникова*

Подписано в печать 11.04.2013. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$
Гарнитура PT Serif Pro. Усл. печ. л. 32,0.
Тираж 1500 экз. Изд № 301. Заказ №

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82-84
Коммерческий отдел (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
com@anx.ru
www.domdelo.org